DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны, примѣненныя къ широкой возможности пояснять ихъ картинами для волшебнаго фонаря, соотвѣтственно съ наиболѣе яркими мѣстами чтеній, но составляющія и помимо такого рода картинъ общедоступное повѣствованіе обо всемъ прошломъ нашей дорогой родины.

Mâtleva, Tat'âna Petrovna

Часть III.

ВЛАДИМІРО-СУЗДАЛЬСКІЙ КРАЙ

и

НАЧАЛО МОСКОВСКОЙ РУСИ

ОТЪ МЕЖДОУСОБІЙ БРАТЬЕВЪ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО СЪ ПЛЕМЯННИКАМИ

Выпускъ I.

ВЛАДИМІРСКІЙ ПЕРІОДЪ

ДО ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА И НАШЕСТВІЯ БАТЫЯ ВЪ 1237 г.

Составлено Т. П. Мятлевой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сунодальная Типографія.
1913.

PRINTED IN RUSSIA

Feci quod potui; faciant meliora potentes!

(Сдѣлалъ что могъ, пусть кто можетъ дѣлаетъ лучше!)

947
M618P
ch.3
vyp.1-2

Трудъ этотъ посвящается авторомъ

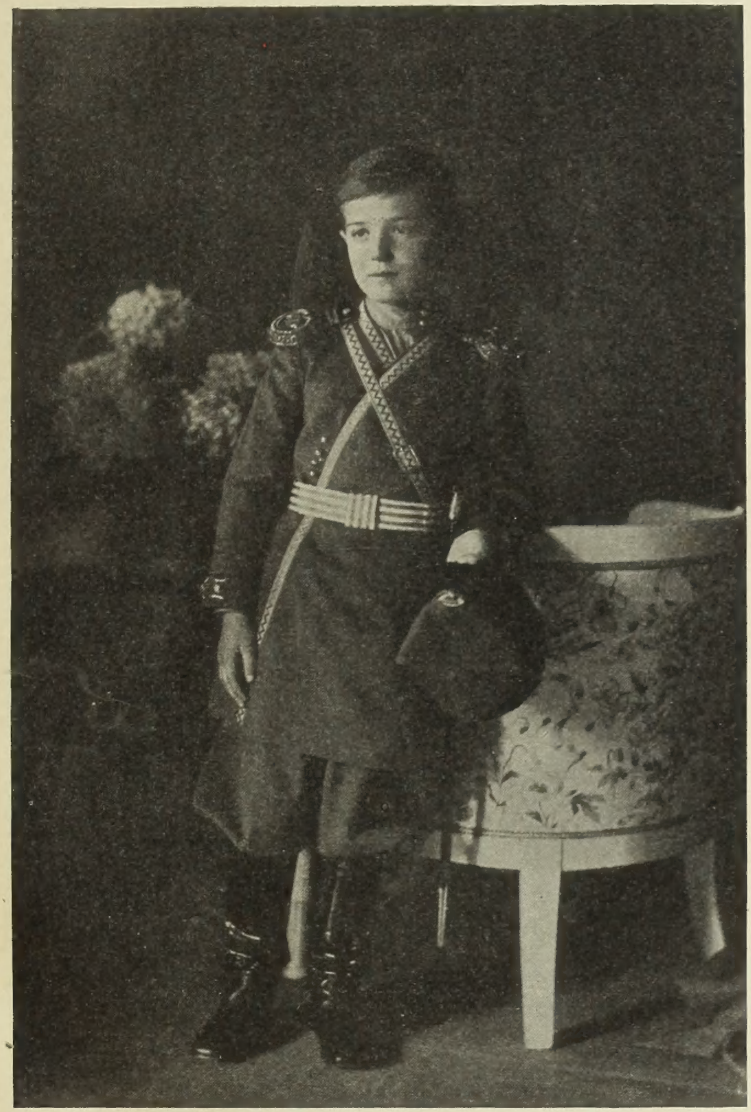
Его Императорскому Высочеству

Наслѣднику Цесаревичу

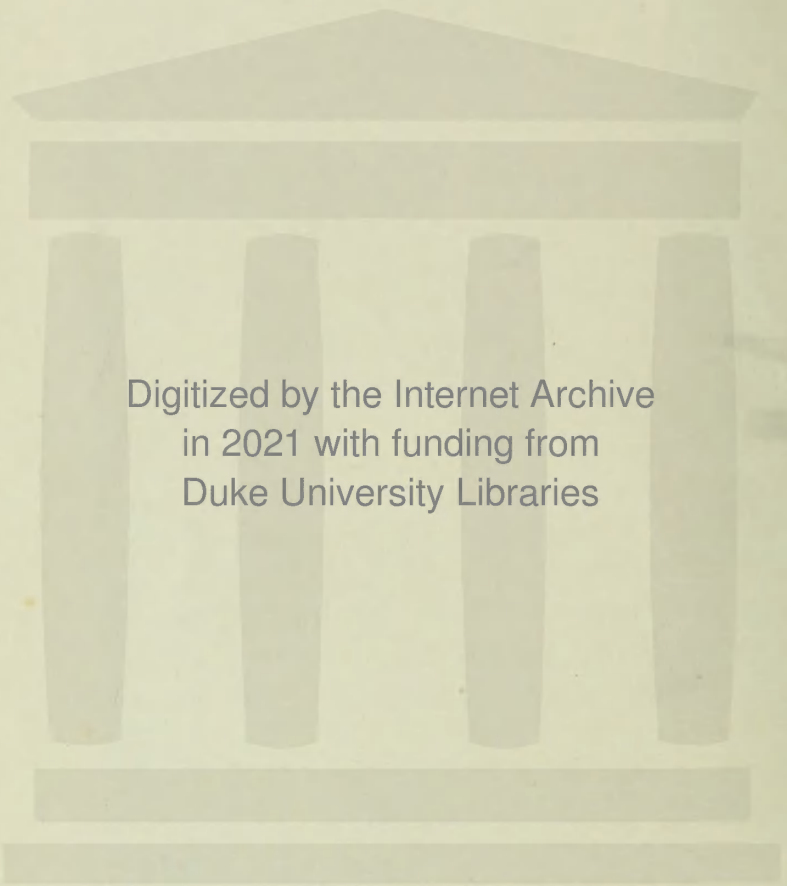
и

Великому Князю

Алексѣю Николаевичу.



Его Императорское Высочество
Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.



Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/prosvietitelnyia3121miat

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изданію 3-ьей, послѣдней, части общедоступной Исторіи Русской Страны съ Древнѣйшихъ Временъ,—подъ заглавіемъ: «Владиміро-Суздальскій край и начало Московской Руси», а также продолжая ея наглядное изображеніе изданіемъ соотвѣтствующихъ ея содержанію свѣтовыхъ картинъ: для учащейся молодежи, народныхъ чтеній и войсковыхъ частей, я, какъ и въ предыдущихъ выпускахъ, считаю себя обязанной указать во-первыхъ источники, мной предлагаемыхъ въ моей книгѣ, разнообразныхъ свѣдѣній, добытыхъ не самостоятельнымъ изученіемъ древнихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ или историческихъ данныхъ въ неразработанномъ сыромъ ихъ видѣ, но основательнымъ, разностороннимъ знакомствомъ съ неоспоримыми по своей цѣнности, уже заслужившими себѣ извѣстность трудами лицъ, занимающихъ первое мѣсто въ числѣ маститыхъ русскихъ историковъ. Соединяя въ послѣдовательномъ, хотя вновь установленномъ мною порядкѣ, всѣ почерпнутыя оттуда вѣскія свѣдѣнія и выводы,—при всемъ моемъ безпристрастіи, не идущія конечно въ разрѣзъ съ лично мною принятымъ въ этомъ повѣствованіи, среди различныхъ противорѣчивыхъ мнѣній, различнаго

освѣщенія однихъ и тѣхъ же событій,—строго опредѣленнымъ путемъ, я здѣсь указываю предварительно, что при составленіи трехъ послѣднихъ выпусковъ: «Владиміро-Суздальскаго края и начала Московской Руси», я пользовалась капитальными произведеніями: Карамзина, Д. И. Иловайскаго, В. Ключевскаго, Н. Костомарова, Сергѣя Соловьева, проф. Довнаръ-Запольскаго и между прочимъ еще, мною пріобрѣтенной, библіографической рѣдкостью: Степенной книгой Царскаго родословія до Государя Іоанна Васильевича, составленной Преосвященными митрополитами: Кипріаномъ и Макаріемъ,—причемъ надѣюсь, что во всей моей книгѣ себѣ не найдетъ оправданія упрекъ въ «случайномъ» и неосмысленномъ «нагроможденіи» матерьяла,—только лишь оттого, что я ставлю себѣ задачей объять всесторонне картину каждой эпохи русской исторіи возможно полнѣй и ярче въ связи съ событіями, соприкасавшимися съ нею извнѣ до степени непосредственнаго на нихъ вліянія. Отчасти я не сочла болѣе нужнымъ, отчасти была затруднена, по примѣру предыдущихъ выпусковъ первыхъ двухъ частей «Исторіи Русской Страны съ Древнѣйшихъ Временъ», непрерывно, подробно указывать на страницахъ книги, откуда именно взято то или иное свѣдѣніе, то или иное освѣщеніе всего происходившаго на Руси,—чуть не по строчкамъ текста. Это было существенно важно для 1-й части при закладкѣ до сихъ поръ спорныхъ историческихъ положеній и міровыхъ гипотезъ рѣшающаго значенія въ основу книги: тамъ приходилось мѣстами писать дословно формою изложенія того или другого автора, снимая съ себя отвѣтственность за возможное въ предположеніи

читателя искаженіе его образа мыслей. Когда же отъ основанія дѣло уже перешло, такъ сказать, къ самой архитектурѣ совсѣмъ особаго замысла моей книги,—мнѣ стало сразу гораздо труднѣй выдерживать внѣшній пріемъ писанія двухъ предыдущихъ частей ея. Въ настоящемъ же отдѣлѣ труда моего: «Владиміро-Суздальскій край и начало Московской Руси», я уже совершенно отказываюсь разбирать цѣлое по частямъ, такъ какъ онѣ сливаются съ нимъ нераздѣлимо. Изложеніе столь многихъ авторовъ не можетъ не затеряться въ моемъ собственномъ изложеніи; только ихъ, избранныя мной, мысли и данныя остаются нетронутыми во всей моей работѣ, что на мой взглядъ должно составлять главную ея цѣнность.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глава I.

Обособленіе и возрастающее могущество сѣверо-восточной Руси. Борьба братьевъ Андрея съ племянниками. Всеволодъ III и усмиреніе рязанской области. Непостоянство Новгорода. Судьба молодого князя Юрія Андреевича.

Разселеніе русскихъ пришельцевъ съ юга по всему верхнему поволжью въ ростово-суздальской области привело къ выдѣленію новой вѣтви русской народности: великорусскаго племени. Она такимъ образомъ разорвалась теперь на-двое. Главная масса ея, отступивъ передъ неодолимыми внѣшними опасностями съ Днѣпровскихъ береговъ къ Окѣ и верховьямъ Волги, тамъ собрала разбитыя свои силы и, окрѣпнувъ въ густыхъ лѣсахъ средней Россіи, спасла русскую самобытность отъ чужеземнаго ига, вооруживъ ее тамъ вѣрной защитой: новой, сплоченной государственности. Постепеннымъ, но неудержимо возраставшимъ уходомъ южно-русскаго населенія къ сѣверо-востоку и западу начинается уже второй періодъ русской исторіи: Владиміро-Суздальскій. Впрочемъ, послѣ убіенія князя Андрея Боголюбскаго, въ русской землѣ, имѣвшей теперь своею столицей, отъ Кіева независимый и подчинившій его своему

вліянію, Владиміръ на Клязьмѣ, разыгралось междоусобіе, очень похожее на княжескія междоусобія южной Руси.

Кромѣ малолѣтняго сына Андрея — Юрія, отправленнаго отцомъ на княженіе въ Новгородъ, право занять великокняжескій столъ принадлежало либо братьямъ его отъ второй жены Юрія Долгорукаго: — Михалко и Всеволоду, либо племянникамъ, сыновьямъ его старшаго, рано умершаго брата—Ростислава Юрьевича: Мстиславу съ Ярополкомъ. И тѣ, и другіе во время убійства Андрея проживали у черниговскаго князя—Святослава Всеволодовича (сына Всеволода Олеговича. См. Часть II, Вып. 3). Ростовцы, суздальцы, жители Переяславля Залѣсскаго и всѣ люди воинскіе, собравшіеся на вѣче во Владиміръ, склонялись въ выборѣ своемъ на сторону Ростиславичей, по наущенію зятя ихъ, князя рязанскаго Глѣба; между тѣмъ какъ Святославъ Всеволодовичъ болѣе покровительствовалъ братьямъ Андрея и епископъ черниговскій признавалъ старшинство за Михаиломъ Юрьевичемъ. Они было согласились между собою—господствовать на Руси вмѣстѣ, и Ярополкъ Ростиславичъ съ Михалкомъ выѣхали изъ Чернигова, впереди другихъ, къ пограничной между черниговской областью и ростово-суздальскимъ краемъ—Москвѣ. Вспомнимъ, что сюда основатель этого городка, князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій вызывалъ союзника своего Святослава Олеговича, князя новгородъ-сѣверскаго, —ославъ ему сказать: «приди ко мнѣ, братъ, въ Москву». Повидимому, поселокъ Москва былъ въ то время сельскою княжескою усадьбой, или точнѣе—станціоннымъ дворомъ, гдѣ суздальскій князь останавливался при своихъ поѣздкахъ на кіевскій югъ и

обратно. Дворъ долженъ былъ имѣть значительное хозяйственное обзаведеніе,—такъ какъ на другой день по пріѣздѣ Святослава хозяинъ устроилъ ему обѣдъ «силенъ» и хорошо угостилъ его свиту. «Въ 1156 году князь Юрій Долгорукій заложи градъ Москву пониже устья Неглинной», т. е. онъ окружилъ свой московскій дворъ деревянными стѣнами и превратилъ его въ городъ. Это былъ московскій Кремль въ первоначальномъ своемъ очертаніи. Но оттуда Ярополкъ Ростиславичъ, призванный на княженіе древнимъ Ростовомъ, тайно покинувъ спутника своего, уѣхалъ въ Переяславль Залѣсскій. Однако владимірцы отворили ворота Михаилу, помня, что князь Юрій хотѣлъ отдать владиміро-суздальское княженіе ему и Всеволоду. Ярополкъ осадилъ Владиміръ, а союзники его—муромцы и рязанцы—жгли села въ окрестностяхъ. Кромѣ того, на сторонѣ Ростова стоялъ другой старшій городъ: Суздаль. Раздраженные заносчивостью владимірцевъ и стремясь вернуть себѣ прежнее старшинство надъ своимъ бывшимъ пригородомъ, эти города собрали большое войско и временно взяли верхъ, несмотря на то, что къ Владиміру примыкали другіе пригороды суздальской земли, и между ними городокъ Москва тянулъ въ его сторону, не рѣшаясь однако открыто принять участіе въ этой борьбѣ дядей съ племянниками. Михалко вынужденъ былъ удалиться, и Ярополкъ сѣлъ во Владимірѣ, отдавъ Ростовъ брату Мстиславу. Но молодые, неопытные князья вполнѣ подчинились вліянію бояръ, спѣшившихъ обогатиться на счетъ народа. Совѣтники Ярополка захватили даже ключи отъ кладовыхъ Успенскаго собора и начали расхищать его сокровища, а союзникъ этихъ двухъ братьевъ — князь Глѣбъ Ростиславичъ рязанскій

Картина: Основаніе Москвы.

*

(внукъ Ярослава,—въ крещеніи Константина Святославича)—завладѣлъ безпрепятственно нѣкоторыми церковными драгоцѣнностями и, между ними, самою чудотворною иконою Богородицы. Тогда владимірцы возмутились и призвали къ себѣ обратно князя Михаила Юрьевича. Въ Москвѣ его ожидалъ съ владимірцами сынъ Андрея Боголюбскаго—Юрій новгородскій, вскорѣ послѣ смерти отца вынужденный оставить Новгородъ. Михаилъ пришелъ въ сопровожденіи брата Всеволода, поддержанный черниговской дружиной, но захворалъ въ пути. Ярополкъ намѣревался пресѣчь дорогу своимъ соперникамъ, если бы не разошелся съ ними въ мѣстныхъ дремучихъ лѣсахъ, и поспѣшилъ дать знать брату Мстиславу, чтобы тотъ не допустилъ—на носилкахъ лежащаго Михаила—занять Владиміръ. Но Михаилъ, хотя больной, искусно распорядился построеніемъ своихъ войскъ, когда на него устремилась изъ-за горы съ распущеннымъ знаменемъ и грознымъ крикомъ суздальская дружина. Воины Мстислава Ростиславича были изумлены встрѣченнымъ стойкимъ сопротивленіемъ враждебной рати и обратились въ бѣгство,—послѣ чего Михаилъ въ 1176 году съ торжествомъ въѣхалъ въ городъ Владиміръ. Ярополкъ Ростиславичъ ушелъ тогда къ брату въ Рязань, а Мстиславъ удалился въ Новгородъ, гдѣ послѣ Юрія Андреевича княземъ сѣлъ юный сынъ его Святославъ Мстиславовичъ. Брата Всеволода Михалко посадилъ княжить въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Скоро явились къ нему послы отъ Суздаля и Ростова. Города эти теперь предавались душою и сердцемъ жителей своихъ на волю князя владимірскаго, прося, чтобы Михаилъ правилъ ими, какъ отецъ добродушный.

1) Картина: «Нападеніе Мстислава Ростиславича на войско занемогшаго Михалко Юрьевича.

Здѣсь, въ этомъ сѣверномъ междоусобіи, высту-

Собственность Т. П. Мятлевой.

Неудачное нападенье Мстислава Ростиславича на войско занемогшаго князя Михаила Юрьевича,—его соперника. *(Къ стр. 4).*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Сватовство молодого сына Андрея Боголюбскаго—Юрія и грузинской царицы Тамары. *(Къ стр. 11).*

паетъ рѣзко борьба, во-первыхъ—дядей съ племянниками, во-вторыхъ—старшихъ вѣчевыхъ городовъ съ младшими пригородами, а въ-третьихъ—высшихъ служилыхъ, а также торговыхъ классовъ мѣстнаго общества съ низшимъ населеніемъ «холоповъ-каменьщиковъ» по выраженію ростовцевъ. Пригороды преимущественно были населены недавними пришельцами изъ южной Руси: простолюдинами, рабочими и хлѣбопашцами вмѣстѣ съ туземцами: финнами. Богатое же купечество Ростова и Суздаля, усѣвшееся на мѣстахъ этихъ городовъ съ давнихъ поръ, задолго до вокняженія здѣсь князя Юрія Долгорукаго, привыкло руководить мѣстною жизнью. Съ XII-го столѣтія Юрій водворилъ въ ростово-суздальской землѣ другой правящій классъ: бояръ и старшей дружины. Самая нелюбовь южанъ къ сѣверянамъ, проявившаяся въ это время, имѣла не племенную или областную, а чисто сословную основу. Она развилась изъ понятной досады южно-русскихъ горожанъ и дружинниковъ на смердовъ и холоповъ за то, что они, вырвавшись изъ ихъ рукъ, ушли на сѣверъ. Тѣ, въ свою очередь, платили такими же недружелюбными чувствами боярамъ, «лѣпшимъ (т. е. знатнымъ) людямъ». Въ ростово-суздальской землѣ можно отмѣтить торжество общественнаго низа надъ верхами мѣстнаго общества, что̀ было благопріятно для княжеской власти, упавшей на югѣ вслѣдствіе постоянныхъ междоусобій и зависимости князей отъ старшихъ вѣчевыхъ городовъ.

Теперь народъ требовалъ отъ князя Михалко мести Глѣбу рязанскому, ограбившему Владиміръ. Но Глѣбъ просилъ милосердія, не дерзая оправдываться, и добровольно вернулъ городу Владиміру вышгородскую икону Богоматери со всѣми похищен-

ными имъ драгоцѣнностями и церковными книгами. Жители съ восторгомъ приняли возвращенный образъ и торжественно его водворили снова въ Успенскомъ соборѣ.

Отличившись уже въ южной Руси своими ратными подвигами противъ половцевъ, Михаилъ Юрьевичъ заслужилъ общую любовь въ ростово-суздальской области, такъ что столица ея гордилась выборомъ своимъ — столь же благочестиваго и добродѣтельнаго, сколько храбраго князя, вопреки волѣ бояръ и древняго, зазнавшагося Ростова. Дѣйствительно—среди бурныхъ, суровыхъ условій своего времени, Михалко Юрьевичъ не запятналъ себя ни жестокостью, ни вѣроломствомъ, ни властолюбіемъ. Но, къ сожалѣнію, онъ скончался въ слѣдующемъ же 1177 году, и смерть его не замедлила вызвать новую вспышку кроваваго междоусобія. Хотя владимірцы, еще не осушивъ слезъ о кончинѣ ихъ любимаго князя, присягнули передъ золотыми воротами его брату Всеволоду,—ростовскіе бояре опять попытались призвать Ростиславичей, и Глѣбъ рязанскій снова явился ихъ дѣятельнымъ союзникомъ.

Мстиславъ уже прибылъ изъ Новгорода въ Ростовъ и снова шелъ на племянника съ многочисленною дружиной. Всеволодъ Юрьевичъ, получивъ съ своей стороны помощь отъ Святослава Всеволодовича черниговскаго, благоразумно предлагалъ племяннику миръ; но бояре ростовскіе горѣли желаніемъ проучить чернь владимірскую и не допустили Мстислава до мирнаго соглашенія съ Всеволодомъ. Тогда Всеволодъ присоединилъ къ своей рати въ Юрьевѣ Польскомъ дружину переяславскую, перешелъ рѣку Кзу и подъ этимъ городомъ разбилъ войска непріятеля, послѣ чего побѣдоносно вернулся

въ свою столицу съ богатой добычей, ведя за собою плѣнниками строптивыхъ бояръ ростовскихъ. Мстиславъ, потерпѣвъ такую неудачу, напрасно думалъ вернуться въ Новгородъ. Новгородцы теперь искали для себя дружбы побѣдителя и отъ него запросили князя. Всеволодъ къ нимъ отправилъ безземельнаго сына брата соперника его отца—Изъяслава,—Владиміра Мстиславича: Ярослава Владиміровича, двоюроднаго своего племянника. Тогда Мстиславъ Ростиславовичъ уѣхалъ въ Рязань и тамъ склонилъ зятя Глѣба къ несчастной войнѣ противъ Всеволода. Рязанскій князь началъ съ того, что въ концѣ лѣта сжегъ Москву съ ея окрестными слободами, разграбилъ Боголюбово и устремился къ Владиміру, подкрѣпленный наемными полками половцевъ. Такимъ образомъ междоусобія русскихъ князей открыли путь этимъ иноплеменнымъ хищникамъ и въ сѣверный край нашей многострадальной родины. За рѣкой Проней лежало низменное пространство, носившее названіе «Половецкаго поля»,—такъ какъ оттуда всегда грозили половцы и рязанской землѣ своими опустошительными набѣгами. Митрополиты Кипріанъ и Макарій въ своей «Степенной книгѣ царскаго родословія», напечатанной при московскомъ Императорскомъ университетѣ въ 1775 году, сообщаютъ, описывая эти событія, будто, передъ нашествіемъ въ ростово-суздальскій край приведенныхъ Глѣбомъ Ростиславичемъ половцевъ, 1 мая въ 11 часовъ утра наступила вдругъ, продолжавшаяся съ часъ времени, густая тьма, когда звѣзды на небѣ были видны какъ ночью—«человѣкамъ же воочію яко зелено зрящеся». При этомъ солнце преобразилось въ рогъ мѣсяца, излучавшій красное пламя.

Такое страшное явленіе (надо думать, что

просто солнечное затменіе), по предположенію лѣтописца, предвѣщало гибель свирѣпымъ иноплеменникамъ. И дѣйствительно, половцы не устояли въ битвѣ съ княземъ южнаго Переяславля Владиміромъ Глѣбовичемъ, пришедшимъ на помощь Всеволоду вмѣстѣ съ черниговскими князьями. Они потерпѣли страшное пораженіе, причемъ, по свидѣтельству той же книги, 417 князей половецкихъ пало, тогда какъ 16-ть изъ нихъ да еще 7000 человѣкъ было взято въ плѣнъ. Всеволодъ сошелся съ непріятельскими войсками на рѣкѣ Колокшѣ и, лишь только она замерзла, переправилъ черезъ нее часть своихъ полковъ. Мстиславъ бѣжалъ первый, но взятъ былъ въ плѣнъ Всеволодомъ, такъ же, какъ и разбитый въ бою князь рязанскій, попавшій въ руки враговъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ—Романомъ. Устрашенные ихъ постигшимъ бѣдствіемъ, рязанцы, въ угоду Всеволоду, взяли сами подъ стражу брата Мстислава—Ярополка и привели его во Владиміръ. Глѣбъ Ростиславичъ черезъ нѣсколько дней умеръ въ темницѣ, не пожелавъ получить свободу цѣной отказа отъ своего княженія въ рязанской оболасти, но его сынъ Романъ былъ освобожденъ Всеволодомъ.

Въ томъ, что̀ касалось племянниковъ Всеволода—Ростиславичей, то озлобленные противъ нихъ граждане, не довольствуясь заключеніемъ ихъ въ темницу, требовали суровой мести. Всеволодъ, самъ не желавшій имъ дѣлать зло, однако не могъ воспрепятствовать проявленію народной жестокости по отношенію къ его соперникамъ, и они вышли изъ тюрьмы ослѣпленными, послѣ того какъ на княжескій дворъ ворвалась вооруженная толпа владимірцевъ, упоенная побѣдою надъ врагами. Но ослѣпленіе это подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, въ виду порожденнаго

имъ вскорѣ, послѣ отъѣзда князей изъ Владиміра, великаго, необычайнаго чуда, а именно: несчастные слѣпцы, отправленные княземъ Всеволодомъ обратно въ южную Русь, вдругъ прозрѣли въ Смоленскѣ, усердно молясь тамъ въ церкви св. Глѣба. Это событіе произвело, конечно, благопріятное для дальнѣйшей ихъ судьбы впечатлѣніе на народъ. Новгородцы сейчасъ же ихъ призвали къ себѣ, какъ людей богоугодныхъ, и удаливъ даннаго имъ въ князья Всеволодомъ Ярослава въ городъ Волоколамскъ, посадили Мстислава на новгородскій столъ, предоставивъ брату его Торжокъ. Мстиславъ умеръ, спустя всего нѣсколько мѣсяцевъ, а Всеволодъ, не стерпѣвъ нанесенной ему Новгородомъ обиды, захватилъ во Владимірѣ многихъ купцовъ новгородскихъ и, приступивъ къ Торжку, взялъ этотъ городъ. Затѣмъ онъ сжегъ Волоколамскъ и запасы хлѣба въ его окрестностяхъ. Ярополкъ Ростиславовичъ былъ изгнанъ изъ Новгородской области, но на его мѣсто новгородцы призвали князя Романа смоленскаго. Такимъ образомъ Всеволодъ III Юрьевичъ, впослѣдствіи прозванный за многочисленное свое семейство «Большое Гнѣздо», снова соединилъ въ однѣхъ своихъ рукахъ весь ростово-суздальскій край. То, что раннюю юность свою Всеволодъ провелъ въ разныхъ мѣстахъ, среди различныхъ обстоятельствъ и перемѣнъ судьбы, немало способствовало развитію гибкости его ума и правительственныхъ способностей. Ребенкомъ онъ, съ изгнанными Андреемъ братьями и своей матерью, пробылъ нѣкоторое время въ Византіи, гдѣ могъ получить много поучительныхъ впечатлѣній. Потомъ онъ долго проживалъ въ южной Руси и тамъ привыкъ къ ратному дѣлу. Владимірцы не безъ «ряда» посадили у себя Всеволода, помня при-

2) Картина: «Исцѣленіе братьевъ Ростиславичей въ смоленскомъ храмѣ».

тѣсненіе народа пришлыми дружинниками Ярополка. Этотъ «рядъ» состоялъ въ подтвержденіи старыхъ обычаевъ, обезпечивающихъ какъ преимущества бояръ и дружины, такъ и нѣкоторыя права земскихъ людей въ дѣлѣ суда и управленія. Слѣдовательно, въ сѣверо-восточной Руси мы видимъ тѣ же отношенія дружины къ своимъ князьямъ и тѣ же городскія вѣча, какъ и въ южной. Сѣверная Русь еще питалась преданіями и кіевскою гражданственностью. Только боярство съ дружиной на сѣверѣ получаютъ оттѣнокъ болѣе земскій, болѣе землевладѣльческій и осѣдлый, нежели на югѣ. Они ближе стоятъ къ другимъ сословіямъ, не представляя такого преобладанія въ ратной силѣ, какъ это было въ Кіевѣ и другихъ южныхъ удѣлахъ. Мы видѣли, что, по смерти Михалка Юрьевича, владимірцы сейчасъ же присягнули его младшему брату Всеволоду, причемъ не только ему, но и его дѣтямъ: значитъ, установили у себя наслѣдственность княжеской власти въ нисходящей линіи, вопреки древнему очередному порядку и выросшему изъ порядка этого притязанію старшихъ городовъ выбирать между князьями, — совмѣстно, всѣмъ родомъ правящими русской землей.

О родномъ сынѣ Андрея—Юріи лѣтопись сохранила очень скудныя свѣдѣнія. Всеволодъ III, подобно Андрею, не выказывалъ большой благосклонности къ своимъ племянникамъ и не давалъ имъ удѣловъ въ ростово-суздальской области. Только изъ иноземныхъ источниковъ мы узнаемъ, что гонимый дядей онъ удалился въ половецкую степь. Обладая красивой наружностью, храбрый и умный, онъ обратилъ на себя вниманіе грузинскихъ вельможъ на Кавказѣ и духовенства, искавшихъ въ то время достойнаго жениха для знаменитой царицы Грузіи—

Тамары, дочери царя Георгія III-го. Нѣкій знатный мужъ Абусланъ указалъ имъ на молодого русскаго князя Юрія Андреевича, проживавшаго у одного половецкаго хана. Вельможи грузинскіе отправили пословъ къ Юрію, ему предлагая руку своей царицы. Юрій охотно послѣдовалъ за ними въ Грузію и, сочетавшись бракомъ съ Тамарою, первое время покрылъ себя тамъ славою ратныхъ подвиговъ среди войнъ съ врагами грузинскаго государства. Но позже онъ предался вину и веселью, такъ что Тамара развелась съ нимъ, исчерпавъ напрасныя увѣщанья, чтобъ онъ перемѣнилъ свое безпутное поведеніе, и его выслали въ греческія владѣнія. Возвратившись оттуда въ Грузію, Юрій Андреевичъ попытался поднять мятежъ противъ бывшей своей жены,—однако былъ побѣжденъ Тамарою и снова изгнанъ. Послѣ того его имя не встрѣчается на страницахъ исторіи.

3) Картина: Прибытіе русскаго князя Юрія Андреевича къ своей нареченной невѣстѣ въ Грузію.

Продолжая наше повѣствованіе о славномъ, единовластномъ, могущественномъ княженіи Всеволода III—Большое Гнѣздо—въ ростово-суздальскомъ краѣ и о рѣшительномъ преобладаніи въ это время велико-княжескаго стола владимірскаго надъ безпрестанно переходившимъ изъ рукъ въ руки и представлявшимъ только предметъ ожесточенныхъ мелкихъ раздоровъ южно-русскихъ—князей столомъ кіевскимъ, намъ необходимо обратить тоже взглядъ на эту древнюю нашу столицу—сердце юной Руси, куда недавно еще приливала вся русская жизнь; узнать—что дѣлалось въ областяхъ ея въ это время?

Теперь уже кіевскій великій князь Святославъ Всеволодовичъ,—о борьбѣ котораго изъ Чернигова съ Рюрикомъ и Давидомъ Ростиславичами мы своевременно говорили съ достаточною подробностью,—будучи княземъ черниговскимъ, поддерживалъ,

какъ мы видѣли, Всеволода во время его борьбы съ племянниками и Рязанью. Но позже, вмѣшавшись въ сѣверныя дѣла, когда Всеволодъ успѣлъ утвердиться въ ростово-суздальскомъ краѣ великимъ княземъ владимірскимъ, онъ пришелъ въ столкновеніе съ нимъ и захотѣлъ отомстить ему за плѣненіе своего сына Глѣба Святославича. Сначала мы должны будемъ соприкоснуться съ событіями въ Великомъ Новгородѣ, чтобъ пояснить существенную причину и обстоятельства этой ссоры.

Глава II.

Кіевскій великій князь Святославъ Всеволодовичъ. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый. Раздоръ Святослава Всеволодовича съ великимъ княземъ ростово-суздальскимъ. Конецъ его спора за Кіевъ съ Рюрикомъ. Оборонительная война южно-русскихъ князей съ общими ихъ врагами—половцами.

Въ началѣ этой главы считаю нужнымъ напомнить, что борьба за Кіевъ между Святославомъ Всеволодовичемъ,—иначе родомъ князей черниговскихъ: Ольговичей,—съ потомствомъ Мономаха въ лицѣ сыновей его внука Ростислава Мстиславича, кончилась смертью Романа Ростиславича, князя смоленскаго, не долго остававшагося княземъ Новгорода, и замѣщеніемъ его на столѣ смоленскомъ братомъ: Давидомъ Ростиславичемъ; послѣ чего третій братъ—Рюрикъ Ростиславичъ сдѣлался единоличнымъ владѣтелемъ въ кіевскихъ областяхъ, уступленныхъ всѣмъ тремъ братьямъ Святославомъ Всеволодовичемъ за городъ Кіевъ *). Послѣ отъѣзда Романа изъ Новгорода, новгородцы еще до его смерти, желая имѣть у себя князя, извѣстнаго воинской до-

*) См. Часть II. Вып. 3.

блестью, единодушно призвали съ юга на новгородскій столъ, замѣнявшаго брата въ Смоленскѣ, пока тотъ княжилъ въ Новгородѣ, Мстислава Ростиславича,—столь знаменитаго своимъ мужествомъ, что ему въ цѣлой Руси не было другого имени, кромѣ «Храбраго». Мстиславъ колебался разстаться съ братьями и южной своею волостью,—но такъ какъ его душа стремилась всегда къ великимъ дѣламъ и въ Новгородѣ онъ видѣлъ тоже свое отечество, то поѣхалъ туда искать славныхъ подвиговъ и, восходя на престолъ въ Софійскомъ соборѣ, далъ слово ревностно блюсти честь новгородскую: радѣть о пользѣ Новгорода. Узнавъ, что эстонцы въ 1176 году дерзнули осаждать Псковъ и продолжаютъ тревожить его владѣнія, Мстиславъ собралъ сильное войско и опустошилъ ихъ землю до самаго моря, взявъ большую добычу скотомъ и плѣнниками. На возвратномъ пути онъ усмирилъ въ Псковѣ мятежныхъ чиновниковъ, не хотѣвшихъ повиноваться его племяннику Борису Романовичу. Затѣмъ онъ желалъ смирить разъ навсегда своихъ сосѣдей на побережьи Балтійскаго моря и Финскаго залива,—родственныхъ эстамъ, ливовъ.

Но среди такихъ боевыхъ надеждъ и пылкихъ своихъ стремленій, храбро отстаивая свободу Новгорода, онъ внезапно скончался, еще въ молодыхъ годахъ, оплаканный новгородцами, къ нему относившимися съ восторженною любовью. Мстиславъ удостоился чести быть погребеннымъ въ соборѣ Св. Софіи, и память о немъ до такой степени была дорога новгородцамъ, что его гробъ для нихъ сталъ предметомъ поклоненія. Этотъ князь отличался не только храбростью, но также благочестіемъ и дѣлами милосердія,—качествами, главнымъ образомъ украшавшими князя въ глазахъ людей его времени. Младенческое

добродушіе, по словамъ современниковъ, соединялось въ сердцѣ его съ благородной гордостью. Другіе воевали для корысти, а онъ только для славы, презирая опасности, а еще болѣе золото. Всю добычу Мстиславъ отдавалъ церкви и воинамъ.—«Не можетъ вся земля русская забыть доблести его. И черные клобуки не могутъ забыть приголубленія его. Не было такой земли на Руси, которая бы не хотѣла ему повиноваться и гдѣ бы по немъ не плакали»,—говоритъ лѣтопись. Не даромъ въ отсутствіе Романа Ростиславича въ 1175 году жители Смоленска избрали своимъ государемъ Мстислава, прогнавъ отъ себя его сына—Ярослава Романовича. Преемникомъ Мстиславу новгородцы выбрали сына Святослава Всеволодовича—Владиміра, обходя родъ Мономаховичей къ досадѣ Всеволода Большое Гнѣздо; хотя Владиміръ и былъ женатъ на его племянницѣ—дочери Михаила. Событіе это какъ разъ совпало съ размолвкою между великими князьями кіевскимъ и владимірскимъ, изъ-за рязанскихъ дѣлъ.

Святославъ Всеволодовичъ имѣлъ, конечно, неоднократно случай оказывать услуги Всеволоду, когда тотъ жилъ въ южной Руси, не имѣя удѣла и не дерзая просить для себя земли у Андрея. Потомъ, пока Михаилъ и Всеволодъ добивались стола владимірскаго, ихъ супруги оставались подъ охраной его въ Черниговѣ. Теперь обоюдное властолюбіе взяло верхъ, нарушивъ прежнюю дружбу между князьями юга и сѣвера. Меньшіе сыновья, умершаго въ плѣну, Глѣба рязанскаго жаловались Всеволоду на своего старшаго брата Романа Глѣбовича, — Святославова зятя; они говорили, что онъ, будто бы слѣдуя внушеніямъ тестя, у нихъ отнимаетъ удѣлы и презираетъ великаго князя владиміро-суздальскаго.

Святославъ Всеволодовичъ, между тѣмъ, послалъ другого сына своего, Глѣба, на помощь Роману, тогда какъ оскорбленный Всеволодъ вступился за братьевъ послѣдняго. Онъ захватилъ въ плѣнъ Глѣба Святославича и, разбивъ на рѣкѣ Окѣ передовой отрядъ Романа, осадилъ Рязань. Тогда Романъ поспѣшилъ признать, заодно съ братьями, Всеволода Большое Гнѣздо общимъ ихъ покровителемъ и остался доволенъ его распредѣленіемъ среди нихъ рязанскихъ областей. Зато кіевскій князь, раздраженный плѣненіемъ сына, захотѣлъ Всеволоду отомстить и вмѣстѣ съ тѣмъ попытаться силой оружія у него отнять лестное первенство между князьями русскими, пользуясь тѣмъ, что ни смоленская земля, ни Новгородъ еще не подчинились ему. Стремясь къ этой цѣли, онъ не дождался и окончанія своей упорной борьбы съ Ростиславичами за кіевскіе удѣлы. Давидъ, на счастье ему, какъ разъ въ это время сѣлъ княжить въ Смоленскѣ, наслѣдуя область умершаго брата Романа, а смерть Мстислава Храбраго и зятя Ростиславичей—Олега новгородъ-сѣверскаго возвращали ему спокойствіе на счетъ дружелюбія къ нему братьевъ Олега: Игоря и Всеволода Святославичей (сыновей Святослава Олеговича. Смотр. Часть II, вып. 3).—Хотя вслѣдствіе уже описаннаго нами коварнаго, но неудачнаго покушенія Святослава Всеволодовича на жизнь Давида во время звѣриной ловли, улегшаяся было вражда его съ Ростиславичами возобновилась, и Рюрикъ, воспользовавшись отсутствіемъ Святослава, вновь занялъ въ 1180 году кіевскій столъ, призвавъ на помощь къ себѣ изъ Луцка сыновей Ярослава Изъяславича и отрядъ галичанъ,—но Святославъ, нанявъ множество половцевъ и оставивъ часть войска въ Черниговѣ, довѣрилъ брату своему Ярославу Все-

володовичу дальнѣйшую борьбу съ Рюрикомъ,—самъ же, ведя за собою главныя свои силы, вступилъ въ область ростово-суздальскую и, соединившись съ новгородцами при устьѣ Тверцы, опустошилъ берега Волги; послѣ чего пошелъ къ Переяславлю Залѣсскому. Съ нимъ былъ и суздальскій, изгнанный Всеволодомъ, чудесно прозрѣвшій, князь Ярополкъ Ростиславичъ. Всеволодъ III ожидалъ Святослава въ 40 верстахъ отъ Переяславля въ станѣ, укрѣпленномъ природою: между крутоберегою Вленой, ущельями и горами. Враждебныя рати, стоя въ виду другъ друга, пускали черезъ рѣку стрѣлы. Всеволодъ тщетно пытался вызвать на бой непріятеля въ мѣстоположеніи, тому невыгодномъ, и самъ съ своей стороны не принялъ предложенія Святослава выступить для рѣшительной битвы съ нимъ въ открытое поле. Когда наступила весна, Святославъ, опасаясь распутицы, ушелъ до наступленія ея въ Новгородъ, вынужденный оставить часть своего обоза и станъ въ рукахъ Всеволода, не предпринявшаго однако за нимъ никакой погони. Дорогою Святославъ сжегъ его родной городъ Дмитровъ. Въ Новгородѣ онъ былъ встрѣченъ съ великой почестью, а Ярополкъ Ростиславичъ получилъ снова въ удѣлъ Торжокъ. Испытавъ осторожность Всеволода, Святославъ отказался отъ продолженія военныхъ дѣйствій противъ него въ ростово-суздальскомъ краѣ и пошелъ съ войскомъ изъ Новгорода прямо въ кривскую землю, куда велѣлъ выступить изъ Чернигова и Ярославу съ Игоремъ новгородъ-сѣверскимъ, для совмѣстнаго нападенія ихъ на Давида. Полоцкій князь Всеславъ Васильевичъ и его братъ Брячиславъ витебскій, получившій удѣлъ свой, пока Давидъ сидѣлъ въ Вышгородѣ, волей-неволей себя объявили вмѣстѣ со всѣми полоцкими князьями на

сторонѣ Святослава и привели ему свои дружины съ наемниками литовскими и нѣмецкими. Только одинъ князь—Глѣбъ Рогвольдовичъ друцкій остался вѣренъ князю Давиду смоленскому. Давидъ поспѣшилъ въ Друцкъ на помощь Глѣбу, надѣясь еще помѣшать Святославовой рати соединиться съ войскомъ князей чернигово-сѣверскихъ, но опоздалъ. Увидя превосходство силъ непріятеля, онъ уклонился отъ битвы и повернулъ обратно къ Смоленску. Святославъ сжегъ укрѣпленія Друцка, и вся полоцкая земля оказалась вдругъ въ зависимости отъ Олеговичей, хотя не надолго.

Изъ Друцка Святославъ, не теряя времени, пошелъ къ Кіеву въ сопровожденіи наемныхъ половцевъ. Это обыкновеніе князей черниговскихъ призывать хищныя степныя орды себѣ на помощь во время междоусобій являлось одною изъ главныхъ причинъ нелюбви народной къ потомкамъ Олега и Давида Святославичей; тогда какъ Мономаховичи за исключеніемъ Юрія Долгорукаго большею частью пренебрегали союзомъ съ ними и отличались великодушіемъ. Такъ же великодушно теперь поступилъ Рюрикъ Ростиславичъ. Внезапнымъ нападеніемъ разбивъ половецкихъ хановъ, сопровождавшихъ рать Игоря сѣверскаго, онъ затѣмъ добровольно оставилъ Кіевъ и, удалившись въ Бѣлгородъ, далъ Святославу возможность его занять безъ боя, о чемъ нами было уже разсказано въ своемъ мѣстѣ (см. конецъ 3-го выпуска 2-й части).

Провѣдавъ потомъ, что половцы съ черными клобуками все же остались при Святославѣ для его обороны, у Долобскаго озера онъ ихъ вторично смялъ и прогналъ, отбивъ русскихъ плѣнниковъ, между тѣмъ какъ князь Игорь бѣжалъ къ Чернигову.

Несмотря на такую побѣду, Рюрикъ, пред-

видя въ будущемъ гибельныя послѣдствія для всего осѣдлаго населенія своей безконечной распри съ властолюбивымъ черниговскимъ княземъ, согласился его признать старѣйшимъ, т. е. уступить ему Кіевъ, причемъ однако удержалъ за собой другіе днѣпровскіе города. Онъ обѣщалъ стать вѣрнымъ другомъ князей черниговскихъ, но съ условіемъ, чтобы они подобно ему служили щитомъ для южной Россіи и не давали хищнымъ язычникамъ плѣнять христіанъ. Такимъ образомъ Святославъ не получилъ въ свои руки всей кіевской волости, добившись лишь титула великаго князя, и принужденъ былъ заключить съ Рюрикомъ миръ на прежнихъ условіяхъ, о чемъ мы тоже вкратцѣ упомянули уже въ предыдущемъ выпускѣ. Одновременно онъ примирился съ Всеволодомъ III владимірскимъ, такъ что тотъ не только выпустилъ на свободу его сына Глѣба, но еще сосваталъ за другого, младшаго его сына, свою родственницу княжну ясскую, самъ женатый на ясской же или аланской княжнѣ Маріи, чему примѣръ мы часто встрѣчаемъ въ бракахъ русскихъ князей, вѣроятно, плѣнявшихся красотой черкешенокъ. Въ XII вѣкѣ еще продолжались древнія ихъ сношенія съ полуязыческими кавказскими племенами, установившіяся во времена русскаго владычества на берегахъ Азовскаго и Чернаго моря въ тьмутараканскомъ краѣ. Выходцы изъ Кавказа поступали нерѣдко на русскую службу и попадали въ число приближенныхъ княжескихъ слугъ, какъ напримѣръ: слуга Андрея Юрьевича—Анбалъ.

Примиреніе Святослава съ Рюрикомъ укрѣпилось тоже бракомъ между дѣтьми ихъ: Глѣбомъ Святославичемъ и дочерью Рюрика.

Миру съ Всеволодомъ способствовалъ опять тотъ

же Новгородъ, давшій ранѣе поводъ началу враждебныхъ дѣйствій противъ него—Святослава. А именно: Ярополкъ Ростиславичъ, исполненный ненависти къ своему счастливому сопернику Всеволоду, постоянными нападеніями изъ Торжка на суздальскія владѣнія, снова вызвалъ осаду владимірскимъ великимъ княземъ этого новгородскаго городка. Хотя граждане защищались мужественно, однако голодъ заставилъ ихъ сдаться. Раненый во время битвы стрѣлою, Ярополкъ закованъ былъ въ цѣпи, а всѣхъ жителей Торжка увели плѣнниками во Владиміръ. Сопровождавшее Святослава въ кривскую землю, новгородское войско поспѣшно вернулось домой, но уже слишкомъ поздно. Новгородскія власти поняли, что получатъ въ сосѣднемъ могущественномъ великомъ князѣ болѣе выгоднаго и нужнаго имъ союзника, чѣмъ какого имѣли они въ удаленномъ отъ ихъ предѣловъ, слабомъ и легкомысленномъ Святославѣ Всеволодовичѣ. Поэтому они выгнали сына его изъ Новгорода, а въ князья приняли опять ставленника Всеволода: Ярослава Владиміровича—внука Мстислава, Мономахова сына. Послѣ того Всеволодъ счелъ заглаженной, нанесенную ему въ Новгородѣ, обиду и не захотѣлъ мѣшать прежнему своему другу Святославу занять кіевскій столъ. Дѣйствительное первенство все же осталось за нимъ—наслѣдникомъ Андрея Боголюбскаго и созданнаго трудами этого князя, все возрастающаго теперь могущества ростово-суздальской области, съ ея столицей Владиміромъ на Клязьмѣ.

Что касается южной кіевской области, то тамъ Рюрикъ былъ въ сущности тоже сильнѣй Святослава, такъ какъ имѣлъ большія связи въ другихъ русскихъ княжествахъ, начиная съ того, что самъ великій Всеволодъ выдалъ дочь свою Верхуславу за его сына

Ростислава и свою выгоду видѣлъ въ томъ, чтобъ, утверждая собственное вліяніе въ сѣверо-восточной Руси, поддержать въ Рюрикѣ противовѣсъ честолюбивымъ стремленіямъ Святослава. Всеволодъ III нѣжно любилъ свою дочь и снабдилъ ее при замужествѣ богатымъ приданымъ. На пышной свадьбѣ въ Бѣлгородѣ присутствовало 20 князей. О ней долго помнили въ то время и говорили. Въ Смоленскѣ княжилъ братъ Рюрика—Давидъ; а князь волынскій Романъ Мстиславичъ (сынъ Мстислава Изъяславича) былъ женатъ на его дочери. Пинскіе князья, правнуки Святополка II Михаила, были его шурьями. Старый Ярославъ галицкій — Осмомыслъ тоже держалъ его сторону. У сѣверскихъ князей: Игоря и Всеволода Святославичей (сыновей Святослава Олеговича)—Святославъ Всеволодовичъ не пользовался большимъ уваженіемъ и, всегда чувствуя надъ собой бдительное око Всеволода, теперь вынужденъ былъ смириться. Вообще господствующее вліяніе кіевскаго великаго князя на остальныя русскія земли уже совсѣмъ исчезло. Даже единодушіе южнорусскихъ князей было шатко и непостоянно. Мы видѣли ранѣе, что князь черниговскій не всегда оказывалъ помощь брату. Тѣмъ не менѣе, Святославъ Всеволодовичъ былъ князь умный, дѣятельный, умѣвшій соединять порою дружины южныхъ князей для одного общаго дѣла. Хотя искреннихъ, прочныхъ дружескихъ отношеній не могло существовать между нимъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ, но все-таки у нихъ было сознаніе, что ихъ удѣлы—одна и та же кіевская земля. Они считали долгомъ своимъ сообща заботиться о ея безопасности и зорко ее стеречь, предохраняя отъ нападенія степныхъ кочевниковъ. Послѣ знаменательнаго, удалого, хотя легкомысленнаго похода

молодыхъ князей русскаго юга въ половецкую степь,—воспѣтаго Словомъ о Полку Игоревѣ устами невѣдомаго пѣвца,—все учащаются такіе походы на половцевъ соединенными силами изъ прилегающихъ къ степи русскихъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ набѣги на нихъ неукротимыхъ кочевниковъ въ отомщеніе за разоряемыя князьями половецкія вѣжи. Хотя эта упорная, не затихающая борьба велась очень смѣло и оживленно главными руководителями ея: Святославомъ кіевскимъ, Рюрикомъ, сыномъ его Ростиславомъ, Игоремъ Святославичемъ и Владиміромъ Глѣбовичемъ переяславскимъ,—но все же при нихъ движеніе Руси въ степь далеко не было уже такъ мощно, не отличалось такимъ блестящимъ успѣхомъ и не имѣло столь же существенныхъ благихъ послѣдствій для процвѣтанія южно-русскихъ удѣловъ, какъ во времена Мономаха. Въ 1186 году Святославъ отрядилъ своихъ сыновей защищать Посемье и пригласилъ стеречь русскую землю Давида смоленскаго. Владиміръ переяславскій просилъ придти къ нему на помощь въ Канево, но смоленское ополченіе остановилось у Треполя, отказываясь двигаться дальше на томъ основаніи, что согласилось идти только до Кіева и повернуло обратно. Потомъ зимою, когда ханъ Кончакъ напалъ на Поросье, Святославъ съ Рюрикомъ, пригласивъ нѣсколькихъ другихъ князей, снова предприняли походъ къ низовьямъ Днѣпра. Но когда они захотѣли напасть на половцевъ, расположившихся недалеко въ степи, въ такъ называемомъ Голубомъ лѣсу, Ярославъ Всеволодовичъ отказался оставлять Днѣпръ и, подъ предлогомъ сильнаго утомленія своихъ пѣшихъ войскъ, принудилъ всю русскую рать возвратиться назадъ за полъ-дня пути до половецкихъ вѣжъ. Напрасно Рюрикъ упрашивалъ

Ярослава идти за нимъ дальше; а Святославъ не отважился продолжать этотъ походъ безъ брата. Черные клобуки, необходимые, какъ конное войско, въ степныхъ походахъ нерѣдко измѣняли русскимъ князьямъ и оказывали содѣйствіе половцамъ, между ними имѣя родственниковъ и друзей. Но все же отъ нихъ Русь получила и большія услуги въ ея борьбѣ съ половецкой ордою. Жадные до грабежа, они, случалось, сами просили князей идти разорять половецкія вѣжи, пользуясь временемъ, когда половцы совершали набѣги на придунайскія страны. Особенно отличались удачею предпріятія черныхъ клобуковъ подъ начальствомъ удалого Рюрикова сына Ростислава, князя торческаго на Поросьи. Князьямъ Поросья всегда приходилось въ первую голову оберегать русскую землю отъ степныхъ дикарей.

Глава III.

Походы Всеволода III въ Камскую Булгарію. Литва во второй половинѣ XII столѣтія. Ливы, куроны и эсты. Появленіе нѣмцевъ въ Ливоніи. Полоцкая земля и княжна-инокиня Евфросинія.

Между тѣмъ какъ на югѣ шла эта постоянная, кровопролитная оборона русскихъ предѣловъ отъ половецкихъ ордъ, уже почти безнадежная, несмотря на храбрость и самоотверженную любовь къ родинѣ, пограничныхъ со степью въ удѣлахъ своихъ, князей,— Всеволодъ III Большое Гнѣздо на сѣверѣ, въ союзѣ съ отрядомъ половецкихъ грабителей, осадилъ столицу камскихъ булгаръ.

Подобно Андрею, онъ смотрѣлъсъзавистью на цвѣтущую различными художествами и торговлей страну столь близкихъ своихъ сосѣдей и, желая овладѣть

ею, звалъ всѣхъ другихъ русскихъ князей къ себѣ на помощь. Война съ иновѣрцами тогда считалась во всякомъ случаѣ справедливою, и кромѣ того эти камскіе или серебряные булгары, не получивъ удовлетворенія за обиды, имъ нанесенныя грабителями муромскихъ и рязанскихъ повольниковъ,—вооружили свою судовую рать и опустошили окрестности Мурома, доходя до самой Рязани. Восемь князей съѣхалось во Владиміръ на Клязьмѣ помогать Всеволоду въ его борьбѣ съ иноплеменниками, и между ними былъ сынъ Святослава Всеволодовича,—Владиміръ, бывшій князь новгородскій. Мстиславъ—сынъ Давида смоленскаго—тоже участвовалъ въ этомъ походѣ. Послѣ нѣсколькихъ веселыхъ пировъ, данныхъ гостямъ могучимъ ростово-суздальскимъ княземъ, всѣ они выступили съ нимъ въ походъ противъ камскихъ булгаръ въ 1183 г. Конница пошла мимо мордовскихъ селеній, находившихся тогда въ дружбѣ съ суздальцами и охотно снабжавшихъ русское войско съѣстными припасами; а судовая рать пошла Волгою до нынѣшней области казанской губерніи, гдѣ остановила свои ладьи въ устьѣ рѣки Цывили подъ охраною бѣлозерскихъ воиновъ. Молодые князья подскакали къ самымъ воротамъ булгарской столицы и, не ожидая общаго приступа, вступили въ бой съ укрѣпившеюся около нихъ булгарской пѣхотой. Особенно отличался мужествомъ племянникъ Всеволода III—Изъяславъ Глѣбовичъ, братъ Владиміра Глѣбовича переяславскаго, тоже прославленнаго своей отвагой при нападеніи на Переяславль половецкаго хана Кончака. Но вражья стрѣла сквозь стальную броню вонзилась въ сердце храбраго молодого князя, такъ что онъ замертво былъ отнесенъ въ русскій станъ. Смертельная рана любимаго пле-

4) Картина: Смерть молодого князя Изъяслава Глѣбовича.

мянника такъ опечалила Всеволода, что онъ, не взявъ булгарской столицы, ушелъ домой. Между тѣмъ бѣлоозерцы, оставшіеся при судахъ, подверглись нападенію булгаръ числомъ до 500 человѣкъ,—но враги были разбиты. Русскія ладьи преслѣдовали булгарскія «учаны» и потопили до тысячи человѣкъ.

Въ это время западная Русь узнала новыхъ опасныхъ, жестокосердныхъ враговъ. Литовскій народъ,—бѣдный и дикій,—въ теченіе 150 лѣтъ подвластный ея князьямъ, благодаря постояннымъ междоусобіямъ между ними и раздѣленію земли кривской на слабые, обособленные удѣлы, получилъ мало-по-малу возможность сбросить съ себя зависимость отъ притѣснявшихъ его сосѣдей, не только освободившись отъ долговременной дани имъ лыкомъ и вѣниками, но начавъ самъ тревожить ихъ земли опустошительными набѣгами.

Во второй половинѣ XII столѣтія полоцкая земля не мало потерпѣла отъ этихъ набѣговъ. Вооруженная еще дубинами, каменными топорами, пращами и стрѣлами, Литва на привычныхъ къ лѣсамъ коняхъ старалась напасть внезапно, оглашая воздухъ воинственнымъ звукомъ своихъ длинныхъ трубъ. Какъ лютые звѣри, литвины кидались на добычу, плѣняли жителей, жгли селенія и, настигаемые воинскими отрядами, не хотѣли биться стѣною, но, разсыпаясь въ разныя стороны, пускали издали стрѣлы, метали дротики, исчезали и вдругъ появлялись снова. Черезъ рѣки они переправлялись въ легкихъ лодкахъ изъ зубровой шкуры, а за недостаткомъ ихъ, плыли, просто держась за хвосты лошадей. Сношенье съ сосѣдями и награбленная добыча имъ дали потомъ возможность имѣть желѣзное вооруженіе: шлемы, мечи и брони. Воинственный духъ въ нихъ все

5) Картина: Набѣгъ литовцевъ и переправа ихъ черезъ рѣку.

болѣе воспламенялся. Несмотря на зимній холодъ, они ужасно опустошили псковскую область. Новгородцы же, не успѣвъ ее защитить, винили въ этомъ своего князя Ярослава Владиміровича и на его мѣсто призвали тогда къ себѣ изъ Смоленска,—съ согласія Всеволода,—Мстислава Давидовича.

Хотя Ярославъ Владиміровичъ находился, конечно, въ полномъ повиновеніи у князя ростово-суздальскаго, но все-таки онъ проявилъ въ Новгородѣ благотворную, разумную дѣятельность: строилъ тамъ храмы и совершалъ удачные походы противъ Чуди, отвоевавъ у эстовъ города Юрьевъ и Медвѣжью голову. Однако, вслѣдствіе необходимости двоякаго образа дѣйствій, въ угоду противоположнымъ выгодамъ Новгорода и князя владимірскаго, Ярославъ, въ теченіе 18 лѣтъ былъ три раза—то изгоняемъ изъ Новгорода, то призываемъ снова на новгородскій столъ.

Борьбу съ Литвою вели преимущественно князья полоцкіе и волынскіе. Къ этому времени нѣкоторые литовскіе князья стали уже настолько богаты, что нанимали на свою службу отряды русской вольницы. Они уже не ограничивались набѣгами, но облагали данью пограничныя земли кривичей и дряговичей; отвоевали для себя цѣлыя области. Пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ рисуетъ печальное положеніе угнетаемой Литвой полоцкой Руси и прославляетъ славную смерть одного изъ ея удѣльныхъ князей Изъяслава Васильевича: «Мутно течетъ Двина у полочанъ подъ грознымъ кликомъ поганой Литвы. Одинъ только Изъяславъ, сынъ Васильковъ, позвонилъ острою сталью о шеломы литовскіе, соревнуя славѣ своего дѣда Всеслава. Но и самъ онъ лежитъ на кровавой муравѣ, подъ червленными щитами, изрубленный, испытавъ удары мечей литовскихъ. Не было съ

нимъ его братьевъ — Брячислава и Всеволода; онъ одинъ изронилъ храбрую душу изъ жемчужнаго тѣла черезъ золотое ожерелье»... Поэтъ упрекаетъ полоцкихъ князей, что они сами своими раздорами навели Литву на свою землю подобно южнымъ князьямъ, погибающимъ подъ мечомъ половецкимъ. Во время борьбы съ Русью литовскіе князья начали входить между собой въ союзы для общаго дѣйствія противъ нея. Подобные союзы, со старѣйшимъ княземъ во главѣ ихъ, естественно пролагали путь къ собиранію литовскихъ племенъ въ объединенную силу одной страны, съ единодержавной властью.

Грозная опасность литовскимъ языческимъ вѣрованіямъ и независимости Литвы со стороны нѣмецкихъ рыцарей ускорила окончательное водвореніе въ этой странѣ такой власти и создала подъ ней твердую почву.

Прибалтійскій край, называющійся Ливоніей, имѣетъ своею сѣверною границей Финскій заливъ, восточной же—Чудское озеро съ рѣкой Наровой. На югѣ и на востокѣ его предѣлы были очерчены мечомъ нѣмецкихъ завоевателей — съ одной стороны и русскихъ, а также литовскихъ защитниковъ своей родины — съ другой. Мѣстность между западною Двиною и Чудскимъ озеромъ изобилуетъ красивыми озерами среди живописныхъ долинъ и возвышенностей верхняго теченія рѣки Аа. Но почва въ Ливоніи скудная, каменистая; морской берегъ, покрытый зыбучимъ пескомъ, не имѣетъ удобныхъ гаваней. Рѣки, текущія здѣсь въ Балтійское море, отличаются мелководьемъ или непроходимыми для судовъ порогами. Даже Западная Двина представляетъ большія трудности для судоходства, вслѣдствіе того, что плаваніе по ней торговыхъ судовъ возможно только

весною. Потому и понятно отчасти, что древняя Русь не выказала особеннаго стремленія распространять свои поселенія въ эту сторону и укрѣпляться здѣсь. Она предпочитала другой, болѣе удобный путь, чѣмъ Западная Двина, для сообщенія съ моремъ по Волхову и по Невѣ. Нѣмцы, конечно, воспользовались ея равнодушіемъ къ утвержденію своего господства на берегахъ Балтійскаго моря при устьяхъ этихъ двухъ рѣкъ.

Прибалтійскій край былъ обитаемъ двумя различными племенами: финскимъ и литовскимъ. Чудь, занимавшая всю среднюю и сѣверную часть его, здѣсь носила названіе эстовъ. Еще при Владимірѣ Святомъ Русь собирала дани въ этой странѣ, а Ярославъ Мудрый въ честь своего христіанскаго имени построилъ здѣсь городъ Юрьевъ, иначе Дерптъ—по туземному названію, ранѣе бывшаго, на томъ же мѣстѣ, финскаго поселенія. Однако, это чудское племя дорожило своей независимостью, и отпадавшій отъ Руси Юрьевъ ей приходилось нѣсколько разъ завоевывать вновь. Сосѣди эстовъ, новгородцы и псковичи, совершали неоднократно удачные походы въ ихъ землю и брали, вмѣстѣ съ добычей—челядью и скотомъ, укрѣпленныя мѣста туземцевъ. Особенно получилъ извѣстность среди нихъ городокъ Оденпе, иначе Медвѣжья голова, — лежавшій къ югу отъ Юрьева, въ одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ уголковъ ливонскаго края.

Литовскія племена: летгола или латыгола,—иначе латыши, соприкасавшіеся съ эстонской Чудью на южной ея границѣ, постепенно тѣснили эстовъ далѣе къ сѣверу, отчасти мѣшаясь съ ними, — что дало здѣсь разновидность мѣстныхъ народцевъ—ливовъ, жившихъ по нижнему теченію Двины и морскому

берегу, отъ Пернавы на югъ, до другой «куронской» рѣчки Аа. Куроны изъ себя представляли такую же смѣсь литовской и финской крови, но жили въ приморьѣ, — дальше на западъ. Они преимущественно сохранили черты литовской народности, тогда какъ ливы скорѣе склонялись къ финнамъ по своимъ нравамъ, обычаямъ и языку; были такъ же упрямы, какъ они; носили одежду темнаго цвѣта и отличались расположеніемъ къ морскому разбою. Ливонскіе и куронскіе пираты причиняли немалый вредъ торговому судоходству на Балтійскомъ морѣ. На островѣ Оландѣ, у самыхъ береговъ Скандинавіи, они себѣ свили разбойничье гнѣздо, такъ что датскій король Вольдемаръ I вынужденъ былъ послать противъ дерзкихъ хищниковъ сильный флотъ, который въ 1171 году съ трудомъ одолѣлъ ихъ и все же не могъ окончательно уничтожить. Русское вліяніе по Западной Двинѣ простиралось на ливовъ болѣе, чѣмъ на эстовъ, но полоцкіе князья, какъ мы сказали уже, подобно новгородцамъ, не заботились объ укрѣпленіи за собою, связаннаго съ этимъ краемъ, свободнаго выхода въ Балтійское море. Восточное православіе распространялось въ немъ медленно. Ливы и латыши безпрепятственно приносили жертвы своимъ богамъ и жили въ довольствѣ подъ управленіемъ родовыхъ старшинъ, изрѣдка нарушая мирное теченіе своей жизни порубежными схватками и грабежами, причемъ народцы литовскіе большею частью одолѣвали эстонскую Чудь. Нѣмецкимъ завоевателямъ путь сюда проложили нѣмецкіе же торговцы.

Въ XII вѣкѣ совершился важный переворотъ на южномъ Балтійскомъ побережьѣ; обитавшіе тамъ издавна славяне теряли окончательно свою самобытность, тѣснимые нѣмцами и датчанами. Припомнимъ,

что еще Карлъ Великій, императоръ древнихъ германцевъ и франковъ, въ VIII столѣтіи на границахъ славянскихъ земель основывалъ нѣмецкія мархіи или марки, оберегаемыя войсками его намѣстниковъ: маркграфовъ и укрѣпляемыя постройкой нѣмецкихъ замковъ. Такъ возникло мало-по-малу изъ мархіи пограничной съ бывшими владѣньями на Дунаѣ дикихъ поработителей южныхъ славянъ аваръ,—австрійское герцогство съ главнымъ городомъ Вѣной. (Авары сильно угнетали тоже на западѣ славянскія племена моравовъ и чеховъ, пока въ VII-мъ столѣтіи не были изгнаны нѣкіемъ предводителемъ славянъ—Само). Между Эльбой и Одеромъ изъ саксонской мархіи впослѣдствіи образовалось маркграфство бранденбургское со столицей Берлиномъ. Послѣ Карла Великаго нѣкоторые маркграфы настолько усилились сами по себѣ, что стали во главѣ отдѣльныхъ германскихъ племенъ и приняли титулъ герцоговъ, независимыхъ отъ германскаго короля; таковы были герцоги: баварскій, швабскій и многіе другіе. Высшія лица изъ духовенства: архіепископы, тоже пріобрѣтали цѣлыя области въ свою полную собственность.

Мы уже знаемъ, что въ X вѣкѣ страшнымъ врагомъ полабскихъ, т. е. сѣверныхъ славянъ балтійскаго побережья, явился основатель саксонской мархіи, нѣмецкій король Генрихъ Птицеловъ. Онъ же своею желѣзной конницей отразилъ нападеніе на германскія земли—венгровъ.

Какъ намъ извѣстно, тогда главное святилище полабскихъ славянъ находилось на островѣ Рюгенъ, гдѣ былъ храмъ ихъ главнаго бога Святовида съ рогомъ въ рукѣ. Подлѣ него полагались: узда, сѣдло и огромный мечъ, такъ какъ при храмѣ постоянно содержался священный конь Святовида: бѣ-

лый, съ раскошной гривой и длиннымъ хвостомъ. Славяне вѣрили, что по временамъ Святовидъ принимаетъ участье въ ихъ войнахъ. Послѣ уборки хлѣба 6) Картина: Храмъ Святовида. ему приносили обильныя жертвы, а рогъ его наполняли свѣжимъ виномъ. Его четыре головы смотрѣли въ разныя стороны. Въ щетинскомъ храмѣ стоялъ трехголовый идолъ или триглавъ.

Но постоянныя несогласія и вражда между собою мелкихъ славянскихъ общинъ помогли нѣмцамъ водворить среди полабскихъ славянъ свое господство. Въ XII вѣкѣ герцогъ саксонскій Генрихъ Левъ, въ союзѣ съ датскимъ королемъ Вольдемаромъ I-мъ, послѣ цѣлаго ряда походовъ въ земли прибалтійскихъ славянъ, покорилъ многія области ихъ и поселилъ тамъ нѣмцевъ. Союзникъ Генриха-Вольдемаръ завоевалъ сосредоточіе славянскаго язычества Рюгенъ и разрушилъ его знаменитый храмъ. Славянское Поморье подверглось съ тѣхъ поръ быстрому онѣмеченью, начавшемуся съ наиболѣе значительныхъ торговыхъ городовъ, какъ Щетинъ, Волынь, Ростовъ и Любичъ (нынѣшніе Штетинъ, Во́линъ, Ростокъ и Любекъ). Тогда появились на Балтійскомъ морѣ торговцы изъ-за Эльбы, прельщенные выгодами и удобствами обмѣна товаровъ между купцами русскими и скандинавскими на гористомъ островѣ Готландѣ, такъ какъ его берега благопріятно изрѣзаны торговыми бухтами, и около одной изъ нихъ на сѣверо-западной сторонѣ острова процвѣталъ торговый городъ Висби, служившій главнымъ посредникомъ въ торговлѣ русскихъ со скандинавами. Островъ Готландъ протянулся почти на серединѣ Балтійскаго моря, между Швеціей и Куроніей. Торговцы нѣмецкихъ городовъ нижней Эльбы: Бремена, Гамбурга и другихъ, тоже основали склады своихъ товаровъ въ

Висби и начали мѣновую торговлю съ русскими. Но они этимъ не ограничились и постарались войти одновременно въ непосредственныя сношенія съ племенами восточныхъ балтійскихъ береговъ. Въ половинѣ XII столѣтія они стали посѣщать нижнее теченіе Западной Двины и торговать съ прибрежными ливами. Весной ихъ суда привозили нѣмецкіе товары, а осенью уходили, нагруженныя мѣстными произведеніями. Это какъ-разъ было время знаменитыхъ крестовыхъ походовъ всей западной Европы въ Палестину для освобожденія Іерусалима отъ владычества мусульманъ.

Разсказы купцовъ о ливонскихъ язычникахъ не замедлили направить часть этого религіознаго одушевленія на берега Западной Двины. Католическій монахъ-проповѣдникъ Мейнгардъ весною 1186 года приплылъ изъ города Бремена на купеческомъ суднѣ въ Двину и высадился въ одномъ ливонскомъ селеніи: Икескола, гдѣ нѣмецкіе купцы уже успѣли построить свой дворъ для склада товаровъ. Жители этой мѣстности платили дань полоцкому князю Владиміру. Съумѣвъ ему понравиться, хитрый монахъ предварительно испросилъ у него позволенія крестить туземцевъ по католическому обряду и въ ту же зиму построилъ въ Икесколѣ христіанскую церковь. Слѣдующей зимой онъ пріобрѣлъ еще большее довѣріе въ краѣ, подучивъ жителей, во время набѣга на нихъ латышей, устроить вооруженную засаду въ лѣсу, черезъ который они возвращались домой, унося награбленную добычу. Не ожидавшіе внезапнаго нападенія, латыши бѣжали, побросавъ все, что̀ успѣли награбить. Подъ предлогомъ оградить ливовъ отъ будущихъ нападеній, Мейнгардъ, съ ихъ согласія, воздвигъ слѣдующей весной, призвавъ съ Готланда

каменщиковъ и мастеровъ, крѣпкій замокъ, рядомъ съ туземнымъ селеніемъ. Затѣмъ подобный же замокъ явился на одномъ островѣ: Гольмъ, при устьѣ Двины, гдѣ еще прежде Мейнгардъ построилъ церковь. Это были первыя нѣмецкія крѣпости въ ливонской землѣ. За такіе успѣхи архіепископъ бременскій Гартвигъ, съ разрѣшенія папы, назначилъ Мейнгарда, въ 1188 году епископомъ Ливоніи. Другой католическій монахъ—Дитрихъ, одинъ изъ спутниковъ Мейнгарда, одновременно также работалъ на берегахъ рѣки Аа.

7) Картина: Нечаянное спасеніе отъ смерти монаха Дитриха, вслѣдствіе языческаго суевѣрія ливовъ.

Его, однажды, язычники по наущенію своихъ жрецовъ хотѣли принести въ жертву богамъ; но его спасло ихъ суевѣріе и обычай гаданья. Передъ тѣмъ, какъ его убить, заставили коня перейти черезъ положенное на землю копье. Конь два раза его переступилъ ногою «жизни», что̀ не только избавило Дитриха отъ неминуемой смерти, но и вселило къ нему особое уваженіе язычниковъ, усиленное впослѣдствіи еще тѣмъ, что ему удалось травами вылѣчить нѣсколько больныхъ. Не только мужчины, но и женщины начали въ большомъ числѣ принимать крещеніе. Однако, когда Мейнгардъ на Двинѣ, внушая ливамъ покорность бременскому архіепископу, началъ съ нихъ требовать десятины имущества въ пользу католической церкви, новообращенные стали враждебно смотрѣть на него и пытались возвратиться къ язычеству, погружаясь въ струи Двины, дабы смыть съ себя обрядъ крещенія и отослать его обратно въ Германію. Тогда Мейнгардъ отправилъ къ папѣ своего товарища Дитриха, и папа велѣлъ объявить отпущенье грѣховъ всѣмъ, кто приметъ крестъ, чтобы силой оружія поддержать возникающую ливонскую церковь.

Теперь кстати скажемъ нѣсколько словъ о на-

Собственность Т. П. Мятлевой.

Гаданье литовскихъ жрецовъ въ священной рощѣ и спасенье посредствомъ него отъ смерти монаха Дитриха. *(Къ стр. 32).*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Вѣроломное убійство поляками изъ засады князя Романа Мстиславича Галицкаго на охотѣ. *(Къ стр. 79).*

ходившемся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Литвою и пришлыми нѣмцами, русскомъ полоцкомъ княжествѣ.

При впаденіи рѣчки Плоты въ Западную Двину, на среднемъ ея теченіи, красовался Полоцкъ, стольный городъ западныхъ кривичей. Подгородныя селенія, расположенныя на противоположныхъ берегахъ той и другой рѣки, назывались «Заплотьемъ» и «Задвиньемъ». На Задвиньи у рѣчки Былычицы, впадающей въ Двину, находился Борисоглѣбскій мужской монастырь. Имена братьевъ-мучениковъ встрѣчаются очень часто въ родѣ полоцкихъ князей. Монастырь былъ основанъ княземъ Борисомъ Всеславичемъ. Около него находился загородный княжескій дворъ. Мы уже знаемъ, что загородное житье особенно привлекало князей и отдаленіемъ отъ шумнаго вѣча, и чистымъ воздухомъ, и княжескою забавой—охотой. Среди женскихъ обителей особенно здѣсь прославилась Спасо-Евфросиньевская. Между княгинями и княжнами, себя посвятившими монашеской жизни въ Полоцкѣ, на первомъ мѣстѣ стоитъ дочь младшаго сына Всеслава,—брата Бориса Всеславича, Георгія, — Предислава, въ монашествѣ Евфросинія. Она тайно ушла изъ родительскаго дома отъ предполагавшагося для нея замужества, къ теткѣ своей, вдовѣ третьяго брата — Романа Всеславича, настоятельницѣ женской обители, находившейся подлѣ соборнаго Софійскаго храма въ Полоцкѣ. Тамъ она постриглась подъ именемъ Евфросиніи, къ великому огорченію своихъ родителей. Съ разрѣшенія епископа полоцкаго Ильи, она нѣкоторое время жила при самомъ соборѣ въ келіи, составлявшей его пристройку, и тутъ занималась списываніемъ церковныхъ книгъ, причемъ деньги, ею выручаемыя отъ

8) Картина: Княжна Евфросинія у своей тетки въ монастырѣ.

этого труда, раздавала нищимъ. Епископъ Илья ей пожертвовалъ для постройки обители загородный свой домъ съ деревянной церковью на правомъ берегу Плоты, верстахъ въ двухъ отъ города. Она замѣнила деревянный храмъ каменнымъ во имя Спаса-Преображенія и здѣсь стала игуменьей, ею основанной, женской обители, куда привлекла еще двухъ изъ своихъ сестеръ: родную и двоюродную. Въ этомъ монастырѣ она мирно съ ними пережила грозу изгнанія полоцкихъ князей въ Грецію Мстиславомъ I кіевскимъ, а также междоусобіе своихъ племянниковъ—Рогвольда и Ростислава.

Княжна Евфросинія успѣла тѣмъ временемъ постричь въ монахини еще двухъ племянницъ. На старости лѣтъ она пожелала увидѣть Святую землю. Тогда на полоцкомъ столѣ сидѣлъ ея племянникъ Всеславъ Васильковичъ, а византійскимъ императоромъ былъ Михаилъ Комненъ. Она отправилась въ Палестину съ однимъ изъ братьевъ и двоюродной сестрой, оставивъ монастырь на попеченіе другой двоюродной сестры—Евдокіи. Изъ Царьграда она отплыла въ Іерусалимъ и тамъ скончалась. Память о ней стала предметомъ особаго почитанія въ полоцкой области. Племянница Евфросиніи — преподобная Прасковія, дочь Рогвольда Борисовича,—подарила Спасской обители все свое имѣніе, и за время ея игуменства монастырь принялъ цвѣтущій видъ.

Полоцкіе предѣлы на сѣверѣ сходились съ новгородскими около верховьевъ рѣки Ловати и Великой. Пограничнымъ городомъ здѣсь былъ Усвятъ. Но лучшая и наибольшая часть полоцкой земли простиралась къ югу и обнимала область правыхъ притоковъ Березины. На юго-востокѣ она незамѣтно переходила въ туровское Полѣсье. Самымъ зажиточнымъ

краемъ полоцкой области былъ минскій удѣлъ, имѣвшій болѣе сухую и плодородную почву съ примѣсью чернозема, съ лиственными породами лѣса и богатыми пастбищами. Минскъ—это одинъ изъ древнѣйшихъ кривскихъ городовъ такъ же, какъ Смоленскъ и Полоцкъ. Недалеко отъ Минска къ сѣверо-западу находился городъ Изъяславль, куда Владиміръ Великій послалъ на житье Рогнѣду съ ея маленькимъ сыномъ.

На западѣ предѣлы полоцкихъ владѣній терялись въ литовскихъ лѣсахъ, куда проникли мало-по-малу, частью черезъ посредство торговли, частью силой оружія, поселенія кривичей.

Русскіе князья облагали данью литовскія племена и рубили свои городки на удобныхъ береговыхъ холмахъ. Тутъ туземцы могли промѣнивать естественныя богатства своихъ лѣсныхъ и звѣриныхъ промысловъ на русскіе товары. При окрайнахъ своихъ Литва легко подчинилась вліянію болѣе развитой русской народности; но недостатокъ крѣпкаго единенія въ самой полоцкой области мѣшалъ прочно установиться ея господству въ этихъ глухихъ краяхъ, тѣмъ болѣе, что полоцкіе князья, какъ мы уже знаемъ, не озаботились утвердить за собою устье Двины постройкою тамъ русскихъ городовъ.

Со стороны Нѣмана полоцкія границы пересѣкли рѣчку Вилію, направляясь къ среднему его теченію. На одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ Нѣмана городокъ Новгородокъ и Городно на правомъ его возвышенномъ берегу служили оплотомъ кривскихъ племенъ со стороны дикаго занѣманскаго народца—ятвяговъ. Въ Городнѣ, о древнемъ процвѣтаніи этого мѣста, свидѣтельствуютъ остатки красиваго Борисоглѣбскаго храма, только недавно разрушеннаго водой, подмы-

вавшей песчаный берегъ Нѣмана. Храмъ этотъ былъ замѣчателенъ множествомъ своихъ голосниковъ, т. е. глиняныхъ продолговатыхъ горшковъ, вдѣланныхъ въ стѣны, съ цѣлью придать болѣе пріятности звукамъ церковнаго пѣнія.

Со второй половины XII столѣтія среди Литвы подготовляется объединеніе, давшее ей потомъ перевѣсъ надъ сосѣднею Русью. Въ то же время на устьяхъ Двины возникаетъ враждебный и Литвѣ и Руси нѣмецкій рыцарскій орденъ, или христіанская вооруженная община меченосцевъ.

Глава IV.

Усмиреніе рязанскихъ князей и безпощадное опустошеніе земли ихъ Всеволодомъ Большое Гнѣздо. Борьба съ венграми князя Владиміра Ярославича за галицкій столъ. Князь владиміро-волынскій—Романъ Мстиславовичъ. Гибель сына Іоанна Берладника. Походы южно-русскихъ князей въ половецкую степь. Смерть великаго князя кіевскаго Святослава Всеволодовича. Войны Новгорода, Пскова и Полоцка съ Чудью. Успѣхъ въ Ливоніи Мейнгарда. Пораженіе новгородцевъ югорскимъ княземъ Новгородское духовенство и храмъ Спаса-Нередицы.

Скоро миръ сѣверо-восточной Руси опять былъ нарушенъ междоусобіемъ рязанскихъ князей. Старшіе братья Глѣбовичи: Романъ, Игорь и Владиміръ — покушались на жизнь своихъ младшихъ братьевъ: Всеволода и Святослава. Съ этою цѣлью они осадили Пронскъ, пока великій князь занятъ былъ новымъ походомъ на камскихъ булгаръ. Всеволодъ Глѣбовичъ находился при немъ, а Святославъ далъ себя обольстить, осаждавшимъ городъ его, князьямъ и сдалъ имъ Пронскъ, гдѣ находилось до 300 человѣкъ владимірской дружины. Романъ всѣхъ ихъ взялъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ семьею Всеволода Глѣбо-

вича. Но въ это время изъ Камской Булгаріи побѣдоносно вернулись воеводы великаго князя съ добычею и большимъ полономъ. Всеволодъ III рѣшилъ положить конецъ злобѣ враждующихъ братьевъ. Несмотря на ходатайство великаго князя кіевскаго и черниговскаго епископа о прощеніи безпокойныхъ рязанскихъ князей, онъ огнемъ и мечомъ опустошилъ рязанскую землю, чтобъ наказать ихъ за дерзость, за оскорбленіе своихъ владимірцевъ. Это случилось въ 1187 году. Годъ этотъ ознаменовался еще смертью стараго князя галицкаго—Ярослава Владиміровича Осмомысла. Союзникъ греческаго императора Мануила, Ярославъ Осмомыслъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ русскихъ князей. Господствуя, подобно отцу: Владимірко, отъ горъ Карпатскихъ до устьевъ Прута и Серета, онъ обладалъ въ то же время рѣдкими государственными добродѣтелями и, довольствуясь своей областью, заботился о процвѣтаніи у себя въ странѣ земледѣлія, а также о цвѣтущемъ состояніи городовъ. Зато несогласіе его съ женою Ольгою Юрьевной,—сестрою Всеволода Большое Гнѣздо,—породило раздоръ и смуты въ его семейной жизни. Умирая, онъ объявилъ наслѣдникомъ галицкаго престола любимаго, но незаконнаго, сына своего отъ Анастасіи—Олега. Владиміра же, мать котораго умерла 1181 году монахиней въ землѣ суздальской, надѣлилъ только городомъ Перемышлемъ, взявъ съ него клятву исполнить завѣтъ родительскій. Однако, едва Ярославъ скончался, какъ бояре галицкіе изгнали Олега, удалившагося въ Овручъ къ Рюрику Ростиславичу, и возвели на престолъ Владиміра. Но они скоро раскаялись, такъ какъ Владиміръ

Ярославичъ былъ человѣкъ порочный и притомъ крайне властный, не признававшій преградъ для своей злой воли. Онъ не любилъ совѣтоваться въ дѣлахъ съ боярами,—чѣмъ возбудилъ противъ себя ихъ неудовольствіе. Этимъ воспользовался умный и мужественный князь сосѣдней владиміро - волынской области,—Романъ Мстиславичъ, чтобы при помощи недовольныхъ бояръ овладѣть Галичемъ. Тогда Владиміръ бѣжалъ къ венгерскому королю Белѣ III-му. Венгерскій король, притворяясь, что принимаетъ къ сердцу дѣла Владиміра, предпринялъ походъ противъ Романа съ многочисленнымъ войскомъ. Романъ не рѣшился вступить съ нимъ въ борьбу и удалился опять въ свой волынскій удѣлъ. Давно венгерскіе короли, бывъ и друзьями и недругами дѣятельныхъ, смѣлыхъ князей земли галицкой отъ Василько до Ярослава, завидовали ихъ плодоносной, богатой солью странѣ, и Бела обрадовался случаю присоединить такую важную область къ Венгріи. Онъ безъ сопротивленія вошелъ въ столицу ея и, къ большому разочарованію князя Владиміра Ярославича, уже готоваго изъявить благодарность добрымъ союзникамъ, провозгласилъ королемъ своего сына Андрея, а Владиміра, лишивъ свободы, увезъ съ собою въ Венгрію. Галицкіе бояре прельстились его увѣреніями, что Андрей будетъ царствовать «по ихъ волѣ».

Между тѣмъ князь Романъ Мстиславичъ, отправляясь на княженіе въ Галичъ, уступилъ всю область волынскую брату Всеволоду Мстиславичу Бельзскому, и тотъ не хотѣлъ уже его впустить обратно во Владиміръ Волынскій, но затворилъ передъ нимъ ворота, сказавъ: «я здѣсь князь, а не ты».

Тогда, внезапно лишенный своей наслѣдственной области, Романъ Мстиславичъ началъ искать защиты

у тестя своего Рюрика въ Овручѣ—и у ляховъ. Польскій король Казиміръ Справедливый ему приходился дядей по матери. Однако братъ Казиміра—Мечиславъ Старый безуспѣшно пытался вернуть племяннику Владиміръ Волынскій, а въ Галичѣ Романъ, хотя подкрѣпленный дружиной Рюрика, подъ начальствомъ шурина своего Ростислава Рюриковича, отраженъ былъ венграми. Наконецъ Рюрикъ, отдавъ безпріютному Роману Торческъ, угрозами заставилъ Всеволода Мстиславича возвратить брату его удѣлъ.

Галицкія дѣла послужили поводомъ для новаго временнаго раздора между Рюрикомъ и Святославомъ кіевскимъ. Никто изъ удѣльныхъ князей не помышлялъ принять подъ свое покровительство несчастнаго Владиміра Ярославича, заключеннаго Белой III въ каменной башнѣ,—но всѣ они съ прискорбіемъ видѣли прекраснѣйшую изъ областей древней Руси въ рукахъ иноземцевъ. Хитрый Бела, состоя въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Святославомъ Всеволодовичемъ, старался его увѣрить въ своемъ безкорыстіи и обѣщалъ, даже со временемъ ему отдать Галичъ. Святославъ, вопреки условіямъ тѣснаго союза, имъ заключеннаго съ Рюрикомъ, тайно послалъ сына своего Глѣба къ венгерскому королю для переговоровъ. Рюрикъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ негодованіе. Князья вспомнили про сына злосчастнаго Ивана Берладника — Ростислава, нашедшаго себѣ пріютъ у князя Давида смоленскаго и, обнадеживъ его своею поддержкой, побудили придти подъ Галичъ съ небольшою дружиной. Но въ это время король Бела прислалъ сыну сильное подкрѣпленіе, а галичане, имѣя заложниками у него своихъ родственниковъ и опасаясь за участь ихъ, не посмѣли открыто примкнуть къ Ростиславу, какъ обѣщали. Но тѣмъ

9) Картина: Галицкій князь Владиміръ—узникъ Венгерскаго короля.

не менѣе Ростиславъ Іоанновичъ рѣшилъ лучше погибнуть на своей родинѣ, чѣмъ снова скитаться по чужимъ землямъ. Онъ храбро ударилъ на втрое сильнѣйшую рать враговъ, сказавъ, что хочетъ голову положить на своей отчизнѣ, и былъ сбитъ съ коня, получивъ тяжелую рану; послѣ чего побѣдители его внесли плѣнникомъ въ Галичъ, гдѣ, чтобъ ускорить кончину несчастнаго князя, приложили ему къ ранѣ какое-то ядовитое зелье.

Торжествуя свою побѣду, венгры, какъ еще полудикій народъ, предались разнымъ неистовствамъ; ставили даже своихъ коней въ православныхъ храмахъ. Тогда галичане начали раскаиваться въ изгнаніи ими своего законнаго князя Владиміра,—между тѣмъ освободившагося изъ каменной башни удачнымъ бѣгствомъ къ германскому императору Фридриху Барбаруссѣ. Этотъ императоръ зналъ Всеволода III, имѣя сношенія съ суздальскою землею еще во время княженія Андрея Боголюбскаго, такъ какъ при постройкахъ суздальскихъ храмовъ владимірскіе князья вызывали зодчихъ и мастеровъ изъ Германіи или изъ Византіи черезъ дружеское посредство современныхъ имъ императоровъ той и другой страны. Фридрихъ Барбаруса царствовалъ въ Германіи съ 1152 до 1190 г. Онъ считается послѣ Карла Великаго самымъ знаменитымъ среди германскихъ властителей тѣхъ временъ, прозванный «рыжебородымъ» за свою длинную рыжеватую бороду, и его подданные очень любили его. Какъ племянникъ Всеволода, Владиміръ Ярославичъ былъ принятъ Фридрихомъ Барбаруссой съ особеннымъ почетомъ. Самъ занятый предстоявшимъ походомъ въ Палестину, Фридрихъ отправилъ Владиміра въ Краковъ къ королю польскому Казиміру, поручивъ этому послѣднему прогнать венгровъ изъ Галича. Галичане,

какъ только узнали о помощи, къ нимъ идущей изъ Кракова, единодушно возстали противъ Андрея венгерскаго и съ радостью встрѣтили своего прирожденнаго князя. Однако Владиміръ, опасаясь непостоянства собственнаго народа, венгровъ и сосѣда своего князя Романа волынскаго,—смиренно отдалъ себя и Галичъ подъ покровительство могущественнаго Всеволода Большое Гнѣздо. Послѣ того дѣйствительно галицкая земля отдохнула отъ прошлыхъ тревогъ въ остальное мирное время его правленія.

Взаимныя распри Святослава Всеволодовича съ Рюрикомъ Ростиславичемъ изъ-за галицкаго вопроса отвлекли на время вниманіе ихъ отъ половецкаго юга; но лѣтомъ 1190 года, помирившись между собой, они заключили выгодный договоръ съ половцами, однако нарушенный осенью того же года черноклобуцкимъ старшиной княземъ Кунтувдѣемъ. Обиженный на Святослава, внявшаго клеветѣ противъ него другого князя Черная, онъ подбилъ половцевъ къ новому набѣгу на русскую землю, и они расположились вблизи предѣловъ Поросья у рѣки Выси, откуда производили свои набѣги, опустошившіе и черноклобуцкія поселенія. Находившійся въ Овручѣ, Рюрикъ оставилъ въ Торческѣ для охраны своихъ владѣній отъ половцевъ—сына Ростислава. Ростиславъ, соединивъ дружину свою съ черными клобуками, отправился вмѣстѣ съ ними «изъѣздомъ» въ степь, и они захватили около Хортицы половецкія стада и вѣжи, удачно отбивъ затѣмъ погоню половцевъ. Ростиславъ съ торжествомъ поѣхалъ въ Овручъ къ отцу, а когда половцы появились «Ростиславовою дорогой», т. е. по его слѣдамъ,—ихъ встрѣтилъ со своими полками возвратившійся изъ-за Днѣпра Святославъ Всеволодовичъ и обратилъ въ

10) Картина: Князь Ростиславъ въ степи съ черными клобуками захватываетъ изъѣздомъ половецкія стада и вѣжи.

бѣгство. Въ Каневѣ онъ оставилъ на стражѣ сына своего Глѣба, и тотъ имѣлъ новое столкновеніе съ ханомъ Кунтувдѣемъ на Поросьи, причемъ много половцевъ перетонуло, переправляясь по тонкому льду черезъ рѣку Рось. Чтобы предотвратить подобные набѣги, Святославъ съ Рюрикомъ цѣлое лѣто въ 1192 году простояли у Канева при устьѣ Днѣпра, и тогда половцы ушли промышлять на Дунай. Въ 1193 году Ростиславъ Рюриковичъ, предупрежденный черными клобуками о мѣстѣ нахожденія половцевъ, соединился съ княземъ торопольскимъ, двоюроднымъ братомъ своимъ—Мстиславомъ Мстиславичемъ Удалымъ, и вдвоемъ они налетѣли врасплохъ на половецкія вѣжи, полонивъ множество челяди и скота. На Рождество Ростиславъ отправился къ старшимъ князьямъ съ подарками изъ своей добычи—сначала въ Овручъ къ отцу, потомъ въ Смоленскъ къ дядѣ Давиду и, наконецъ, во Владиміръ на Клязьмѣ къ великому князю и тестю своему—Всеволоду III Большое Гнѣздо. Когда Ростиславъ Рюриковичъ, послѣ удачнаго своего похода на половцевъ, вмѣстѣ съ супругою Верхуславою посѣтилъ Владиміръ на Клязьмѣ,—Всеволодъ продержалъ у себя всю зиму зятя и дочь, послѣ чего проводилъ ихъ домой съ великою почестью. Услышавъ о своевольномъ набѣгѣ Ростислава торческаго на половцевъ, недовольный имъ Святославъ Всеволодовичъ заставилъ Рюрика отложить походъ на Литву въ защиту его шурьевъ: князей туровскаго и пинскаго, — чтобы идти охранять южную окрайну кіевской области отъ половецкой мести. Онъ незадолго до того опять попытался заключить прочный миръ съ половецкими ханами, стремясь отдохнуть на старости лѣтъ отъ непрерывныхъ бранныхъ тревогъ. Рюрикъ вступилъ

11 Картина: Гибель половцевъ на рѣкѣ Роси.

въ переговоры съ половцами для закрѣпленія этого мира.

Безъ сомнѣнія, княжескій родъ чернигово-сѣверскихъ Олеговичей въ своей упорной борьбѣ со степью имѣлъ еще иную цѣль: пробиться къ морскимъ берегамъ, гдѣ находился ихъ древній тьмутараканскій удѣлъ, обогащавшійся торговымъ своимъ положеніемъ между Тавридою и Кавказскимъ краемъ. Половецкія орды постепенно отторгли эту завидную область отъ Днѣпровской Руси и загородили къ ней путь наслѣдственнымъ ея князьямъ. Попытки русскихъ князей вернуть ее въ свои руки не имѣли успѣха, а постоянно возникавшія между ними распри дали возможность половцамъ не только разорять безнаказанно предѣлы русскихъ владѣній на югѣ, но и врываться въ самую ихъ столицу. Уступивъ Черниговъ брату своему Ярославу Всеволодовичу, а Рюрику большую часть кіевской области, не имѣя въ своихъ рукахъ ни Волыни, ни южнаго Переяславля, Святославъ Всеволодовичъ не могъ равняться силою и значеніемъ съ древними кіевскими князьями, хотя возстановилъ независимость Кіева и подобно имъ назывался великимъ княземъ. Всеволодъ III уважалъ въ Святославѣ почтеннаго старца и, предвидя близкую его кончину, удерживалъ до времени свое властолюбіе; терпѣлъ нѣкоторую зависимость могущественной ростово-суздальской области отъ Кіева по дѣламъ церковнымъ. Епископы Суздаля и Ростова посылались Всеволодомъ ставиться къ митрополиту кіевскому Никифору съ великокняжескаго соизволенія Святослава. Тѣмъ не менѣе, желая приблизить свои владѣнія къ древней столицѣ, Всеволодъ возобновилъ городъ Остеръ, разрушенный Изъяславомъ Мстиславичемъ при Юріи Долгорукомъ,

и тіунъ суздальскій туда пріѣхалъ властвовать именемъ своего князя. Въ Переяславль-Южный Всеволодъ, послѣ смерти любимаго гражданами и дружиной, добраго, безкорыстнаго Владиміра Глѣбовича, посадилъ другого племянника своего: Ярослава Мстиславича.

Въ 1194 году престарѣлый Святославъ Всеволодовичъ скончался, едва успѣвъ помолвить дочь сына своего Глѣба—Евфимію за греческаго царевича Алексѣя IV. Сына же — Всеволода, по прозванію Чермнаго, онъ женилъ раньше на дочери польскаго короля Казиміра—Маріи, потомъ умершей инокиней въ монастырѣ Св. Кирилла. Самъ онъ, чувствуя приближеніе смерти, приказалъ, по обычаю того времени, постричь себя въ иноки и отправилъ въ Кіевъ гонца за Рюрикомъ, который, согласно съ нимъ заключенному договору, долженъ былъ наслѣдовать послѣ него кіевскій столъ. Однако вступить въ свои права Рюрикъ не смѣлъ безъ утвержденія ихъ изъ Владиміра Всеволодомъ. Ростово-суздальскій князь прислалъ для этого въ Кіевъ своихъ мужей, а Ростиславичи признали его старшинство во всемъ родѣ Мономаха. Занять Кіевъ самъ онъ не хотѣлъ, идя по стопамъ Андрея Боголюбскаго и предпочитая жить у себя на сѣверѣ, съ тѣмъ, чтобы Кіевъ только держать въ зависимости отъ своей первенствующей власти.

Между тѣмъ, Новгородъ тоже опять прибѣгнулъ къ посредству Всеволода для возвращенія къ себѣ князя Ярослава Владиміровича. Тѣснѣйшая связь съ могущественнымъ княземъ суздальскимъ новгородцамъ сулила столь важныя выгоды для внутренней ихъ торговли, что они согласились забыть свое прежнее неудовольствіе на Ярослава. Молодого же Мстислава Давидовича, спокойно прокняжившаго у нихъ два года и вмѣстѣ съ отцомъ совершившаго

удачный походъ въ область полоцкую, — изгнали. Хотя при этомъ князѣ новгородцы покорили оружію своему значительную часть Финляндіи, тамъ захвативъ много плѣнниковъ, но послѣ ему въ вину поставили жестокій поступокъ толпы, сбросившей съ моста въ Волховъ нѣсколькихъ, ненавидимыхъ населеніемъ, знатныхъ гражданъ, а также гибель въ 1187 году на рѣкѣ Печорѣ новгородскихъ сборщиковъ дани отъ руки полудикихъ жителей Печоро-Югорскаго края, богатаго дорогими звѣриными шкурами. Туда посылались за данью князьями изъ Новгорода воеводы ихъ, или же просто ватаги повольниковъ, собиравшихся ради добычи и удальства вокругъ какого-нибудь отважнаго атамана; и Новгородъ, такимъ образомъ, утвердилъ господство свое въ этой далекой странѣ, хотя новгородскіе князья сами туда не хаживали, нападая только въ ближайшемъ сосѣдствѣ на Чудь эстонскую и ливонскую.

Въ первый же годъ возвращенія князя Ярослава Владиміровича въ Новгородъ въ 1188 году, у новгородцевъ произошла крупная ссора съ купцами шведскими и готландскими. По шведскимъ лѣтописямъ, въ этотъ годъ россіяне, соединясь съ жителями Эстоніи и корелами, подходили будто-бы на судахъ къ Стокгольму, убили архіепископа упсальскаго и взяли 14 іюля шведскій торговый городъ Сигтуну, тамъ, вмѣстѣ со многими драгоцѣнностями, — похитивъ серебряныя церковныя врата, для украшенія ими одного изъ своихъ новгородскихъ соборовъ. Однако въ русскихъ лѣтописяхъ не встрѣчается подтвержденія этимъ событіямъ, такъ что можно предположить, что русскіе лишь слегка содѣйствовали опустошенію эстонцами приморской Швеціи, ихъ побудивъ къ тому изъ-за личныхъ счетовъ своихъ съ балтійскими

иноземцами. Русскіе лѣтописцы зато разсказываютъ, какъ въ 1190 году псковитяне успѣшно отразили эстонскія суда на Чудскомъ озерѣ, куда эстонцы приплыли для грабежа его береговъ, и какъ въ 1191 году новгородцы пожгли селенія финновъ. Тогда же князь Ярославъ Владиміровичъ имѣлъ на границѣ новгородской земли свиданіе съ князьями полоцкими и согласился идти заодно съ ними войной въ Ливонію.

Богато одаренный союзниками, онъ вернулся домой и, вступивъ затѣмъ съ войскомъ, согласно своему обѣщанію, въ литово-чудскую землю ливовъ, взялъ городъ Дерптъ, причемъ получилъ большую добычу и много плѣнниковъ. Въ 1192 году новгородцы и псковичи ворвались въ городъ Оденпе, распространивъ огнемъ и мечемъ ужасъ въ его окрестностяхъ.

Тогдашнее состояніе чудскаго населенія было очень несчастное. Русскіе сосѣди требовали отъ нихъ дани, а шведы и нѣмцы—перемѣны религіи. Папа Александръ III обѣщалъ вѣчное блаженство католикамъ сѣвера, если они заставятъ эстонскихъ язычниковъ признать въ немъ апостольскаго намѣстника. Новгородцы и князья кривской области — полочане съ смольянами, хотя не хотѣли насиліемъ обращать людей въ христіанство, но все же считали жителей Эстоніи и Ливоніи своими подданными, почему наказывали ихъ какъ мятежниковъ, когда они пытались отстаивать свою независимость. Въ это время полоцкій князь Владиміръ, уже упомянутый нами, господствовалъ надъ южною Чудью до самаго устья рѣки Двины; такъ что усердный нѣмецкій католикъ Мейнгардъ не счелъ возможнымъ пріобщить, даже мирнымъ путемъ, ливонскихъ язычниковъ къ римской

церкви помимо его разрѣшенія. Но, встрѣтивъ въ Полоцкѣ благосклонный пріемъ со стороны этого князя, не ожидавшаго вредныхъ послѣдствій властолюбивыхъ стремленій римскаго духовенства при ихъ столкновеніи съ русскимъ вліяніемъ,—онъ построилъ въ Икскулѣ рядомъ съ церковью небольшую крѣпость. Тамъ онъ утвердилъ впервые латинскую вѣру, крестя язычниковъ волею и неволей, а между тѣмъ обучая ихъ, въ цѣляхъ самозащиты, воинскому искусству.

Въ 1193 году новгородцы захотѣли отомстить дикимъ печерскимъ жителямъ за убіеніе ихъ собирателей дани и послали туда воеводу съ многочисленною дружиной. Однако Югра, не смотря на дикость свою, въ то время имѣла уже города. Одинъ изъ сильныхъ югорскихъ князьковъ завязалъ съ новгородцами переговоры будто о выплатѣ имъ обычной дани соболями и серебромъ, но это только чтобъ выиграть время для сбора воиновъ, а потомъ заманить воеводу съ двѣнадцатью лучшими мужами рати его въ свой, осажденный имъ, крѣпкій городъ, гдѣ онъ перебилъ довѣрившихся ему враговъ. Такимъ же образомъ хитрый дикарь успѣлъ завлечь еще сто человѣкъ, поочередно ихъ избивая. Новгородское войско шестую недѣлю продолжало осаду въ полномъ невѣдѣніи происходившаго за городскими стѣнами съ ихъ начальниками и послами и начало изнемогать отъ голода. Тогда югорскій князь, внезапно напавъ на него, уничтожилъ всю ратную силу пришельцевъ почти цѣликомъ. Только 80 человѣкъ едва спасшихъ жизнь свою, послѣ долгихъ скитаній по снѣжнымъ пустынямъ сѣвера, возвратились въ слѣдующемъ 1194 году домой и принесли въ Новгородъ вѣсть о ихъ постигшемъ несчастіи. Послѣ того нов-

12) Картина: Коварный обманъ новгородскихъ воиновъ югорскимъ княземъ.

городцы въ теченіе многихъ лѣтъ больше не возобновляли походовъ своихъ на Югру, хотя продолжали считать жителей этой страны въ числѣ своихъ данниковъ. Но отъ такихъ ратныхъ походовъ надо отличать самовольныя предпріятія удалыхъ ушкуйниковъ, смѣло спускавшихся по рѣкамъ и заходившихъ въ притоки ихъ, промышляя себѣ добычу и открывая новые пути для новгородской торговли. Они зимой перетаскивали свои ладьи или ушкуи въ сосѣднія рѣки, далеко проникая въ земли туземцевъ и оставаясь тамъ иногда, въ ими основанныхъ поселеньяхъ.

13) Картина: Ушкуйники новгородскіе.

Мы уже знаемъ, что новгородцы, пользуясь неурядицей на митрополичьей каѳедрѣ въ Кіевѣ, въ 1157 году самостоятельно выбрали себѣ епископомъ одного изъ игуменовъ новгородскихъ — Аркадія. Преемникъ его Илья встрѣчалъ въ Новгородѣ Мстислава Храбраго для водворенія его на столѣ княжескомъ въ соборѣ Св. Софіи. Онъ получилъ отъ кіевскаго митрополита санъ архіепископа новгородскаго, и съ его именемъ связано много преданій о его святости. Но любовь къ нему народа основывалась, помимо его личныхъ достоинствъ, на томъ главнымъ образомъ, что онъ, будучи самъ новгородцемъ, явился особымъ поборникомъ самобытности новгородской и противникомъ посягательства на нее князей суздальскихъ. По смерти Ильи, новгородцы избрали на его мѣсто брата его Гавріила, въ иночествѣ Григорія,—но тотъ въ 1193 году скончался. При выборѣ новаго владыки народъ, во главѣ съ княземъ своимъ Ярославомъ Владиміровичемъ и духовенствомъ, сошелся на вѣчѣ подлѣ собора Св. Софіи. На этотъ разъ, по случаю раздѣленія голосовъ, впервые рѣшено было прибѣгнуть по образцу Византіи — къ жребію. На

соборной трапезѣ положили три свитка съ именами и отъ вѣча послали слѣпца въ соборъ. Онъ вынулъ жребій игумена Мартирія изъ Старой Руссы. Тогда его водворили во владычныхъ покояхъ, а затѣмъ отправили на поставленіе къ кіевскому митрополиту въ сопровожденіи «переднихъ» новгородскихъ мужей. Щедрые дары богатаго Новгорода повліяли на то, что митрополиты-греки такъ легко уступили народному избранію свое право назначать въ Новгородъ архіепископа. При частой смѣнѣ новгородскихъ князей и посадниковъ, единственно-прочную власть въ исторіи Новгорода представлялъ духовный владыка. Однако преемникъ Мартирія, Митрофанъ, избранный новгородцами по желанію Всеволода III Большое Гнѣздо и потому не любимый народомъ, нѣсколько позже, являетъ собою рѣдкій примѣръ сверженія въ Новгородѣ архіепископа.

14) Картина: Избраніе новаго архіепископа посредствомъ жребія.

Послѣ него важнѣйшими лицами новгородскаго духовенства были игумены монастырей, находящихся въ самомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Число ихъ въ XII вѣкѣ простиралось до 20, а между ними первое мѣсто занималъ Юрьевскій монастырь.

Въ Новгородѣ не только князья и княгини, но вообще всѣ богатые, знатные люди усердствовали въ построеніи обителей, иногда принимая подъ конецъ жизни монашескій санъ. Обычай всѣхъ русскихъ князей постригаться передъ смертью въ монахи указываетъ на уваженіе ихъ къ монашеству. Монастыри, умножаясь на землѣ русской, предоставляли за своими стѣнами весь грѣшный міръ самому себѣ, связывая его съ религіей только внѣшними признаками, и такимъ образомъ «міръ» оставался безъ нравственныхъ идеаловъ, являвшихся непремѣнно только въ монашеской оболочкѣ. Хотя удѣломъ большинства духо-

вѣнства была простая грамотность, но рядомъ съ нею существовало и высшее литературное вдохновеніе и цвѣтущее краснорѣчіе. Дорогу къ почету въ духовномъ сословіи открывали—образованіе и добродѣтель. Такимъ образомъ право гражданства получала, кромѣ силы меча, и духовная сила.

На правомъ берегу Волховца, на пригоркѣ Нередица, находился монастырь Спасо-Нередицкій, основанный Ярославомъ Владиміровичемъ.

15) Изображеніе Спасо-Преображенскаго храма.

Въ 1198 году онъ построилъ здѣсь храмъ Спасо-Преображенскій, уцѣлѣвшій до нашего времени въ своемъ первобытномъ видѣ, благодаря бѣдности монастыря, отвратившей отъ церкви обычныя передѣлки и подновленія. Она была названа Спасомъ-Нередицею. Это небольшой квадратъ съ тремя, обычными въ древности, алтарными полукружьями, съ узкими окнами и голосниками. Особенно замѣчательна фресковая византійская стѣнная иконопись съ полугреческими, полу-славянскими надписями. Между прочимъ на южной стѣнѣ подъ хорами изображенъ самъ основатель храма — князь Ярославъ Владиміровичъ. По обычаю византійскаго письма онъ, стоя, держитъ въ рукахъ имъ сооруженную церковь; а передъ нимъ сидитъ благословляющій Спаситель. Ярославъ изображенъ въ обычной княжеской одеждѣ, на немъ небольшой клобукъ съ мѣховымъ околышемъ и верхній плащъ или «корзно» изъ дорогой шелковой ткани съ разноцвѣтными узорами. Князь имѣетъ продолговатое лицо съ крупнымъ носомъ, большими глазами, довольно длинными, темными волосами и бородой. Это портретное изображеніе есть почти единственный въ такомъ родѣ и потому очень драгоцѣнный памятникъ русской до-монгольской старины. Роспись церкви Спаса-Нередицы ука-

16) Изображеніе князя Ярослава Владиміровича въ Спасо-Нередицкомъ храмѣ.

зываетъ на существованіе въ то время въ Новгородѣ обширныхъ мастерскихъ; но кто именно ее расписывалъ, осталось неизвѣстнымъ. Очевидно, что работали надъ очень распространенной въ XII вѣкѣ росписью многочисленныхъ храмовъ, какъ Новгорода, такъ и другихъ русскихъ городовъ, не одни чужеземные, но тоже свои мастера. Лѣтопись намъ сообщаетъ о появленіи ихъ на Руси въ это время, почему Всеволодъ III, дѣятельно обновляя послѣ большого пожара, случившагося во Владимірѣ на Клязьмѣ въ 1185 году, пострадавшій отъ пламени великолѣпный Успенскій соборъ, могъ обойтись безъ помощи нѣмцевъ.

17) Картина: Образцы росписи стѣнъ храма Спаса Нередицы.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глава V.

Успѣхи искусства и ремесла въ древней Руси. Одежда князей и бояръ. Постройка домовъ и храмовъ. Пріѣздъ князя Давида смоленскаго въ Кіевъ и ссора Рюрика съ Романомъ волынскимъ по происками Всеволода Большое Гнѣздо. Новая война Мономаховичей съ князьями черниговскими. Старшинство на Руси и самовластіе Всеволода III. Ярославъ Владиміровичъ—князь новгородскій и его враги въ Новгородѣ.

Кіевская Русь имѣла свои желѣзные рудники въ древлянской землѣ. На то, что руда эта обрабатывалась еще въ языческія времена, указываютъ находки, въ древлянскихъ могильникахъ и при раскопкахъ почвы, значительнаго числа желѣзныхъ издѣлій, несомнѣнно мѣстнаго происхожденія, какъ-то: большихъ гвоздей, составлявшихъ обычную принадлежность похороннаго обряда древлянъ, а также кузнечныхъ молотковъ, шлаковъ и т. п. Существованіе

*

рудниковъ, само собой разумѣется, обезпечивало развитіе кузнечнаго мастерства. На Княжей горѣ въ Кіевѣ при раскопкахъ обнаружены были очевидные остатки кузницы,—тамъ нашли наковальню, большой кузнечный молотъ и перегорѣвшіе шлаки. Недаромъ полянская дружина еще въ до-христіанской древности обладала хорошимъ вооруженіемъ, какъ то доказываютъ могилы полянскихъ воиновъ. Изъ желѣза приготовлялись ножи, боевые топоры—иначе сѣкиры, острія стрѣлъ и копій, оковки щитовъ, брони и шлемы. Вспомнимъ, что поляне платили хозарамъ дань мечами. Арабскій писатель Ибнъ-Хардадбе сообщаетъ, что Русь привозила въ Византію, вмѣстѣ съ мѣхами выдръ и черныхъ лисицъ,—мечи. Несмотря на такое домашнее производство оружія, у русскихъ были въ употребленіи еще, по арабскимъ извѣстіямъ, шлемы, броня, клинки и копья чужеземной работы; но это уже составляло явленіе роскоши людей богатыхъ, желавшихъ пріобрѣсти болѣе изящно сработанное и красивое вооруженіе съ дорогой отдѣлкой. Кромѣ прямыхъ обоюдо-острыхъ мечей употреблялись и сабли съ кривыми восточными клинками. Большой деревянный щитъ болѣе узкій книзу оковывался желѣзомъ и обшивался кожей. Его окрашивали обыкновенно въ любимый на Руси красный, иначе «червленый», цвѣтъ. У знатныхъ людей оружіе украшалось золотомъ и серебромъ. Лучшее, дорогое получалось изъ Западной Европы или изъ Греціи. На шлемахъ отчеканивались лики святыхъ и другія изображенія. Они покрывались иногда, такъ же, какъ и колчаны, иначе «тулы»,—чехломъ изъ мѣха. Сѣдла и конская ременная сбруя сохранили издревле присущія имъ украшенія металлическими привѣсками и блестящими частыми бляхами. Стремена у князей

18) Картина: Изображеніе древняго конскаго убора.

бывали позолочены. Верховая ѣзда служила главнымъ способомъ передвиженія. На «колахъ», т. е. на телѣгахъ и на саняхъ, перевозилась только тяжелая поклажа, а также ѣздили въ нихъ недужные, женщины и духовныя лица, причемъ возница сидѣлъ верхомъ на запряженномъ конѣ.

Кромѣ желѣза русскіе мастерили различныя вещи изъ всѣхъ другихъ металловъ. О существованіи мѣстнаго литейнаго производства свидѣтельствуютъ сохранившіяся каменныя формы для литья и предметы, испорченные при отливкѣ. Ювелирное дѣло тоже достигло достаточной степени совершенства. Изъ золотыхъ украшеній особенно извѣстны, часто встрѣчающіяся при раскопкахъ — кіевская серьга, въ видѣ трехъ шариковъ на круглой проволокѣ, и—свитая изъ нѣсколькихъ проволокъ—гривна, т. е. обручъ. Роскошь наряда тогда выражалась, какъ и теперь,—во всякаго рода дорогихъ украшеніяхъ и привѣскахъ. Свернутый спиралью, обручъ надѣвался на руку, какъ запястье. Гривною же назывался обручъ, носимый на «гривѣ», т. е. на шеѣ. У бѣдныхъ эта крученая проволока была мѣдная или бронзовая, а у богатыхъ серебряная и золотая. Среди древнихъ находокъ попадаются гривны очень изящной работы. У женщинъ до того доходило въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пристрастіе къ обручамъ, что онѣ носили ихъ на ногахъ и даже на большомъ пальцѣ ноги. Серьгу, но въ одно ухо, — вдѣвали также мужчины. Женщины кромѣ гривенъ украшали шею свою монистомъ, т. е. ожерельемъ или изъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ, или же въ видѣ металлической цѣпи съ различными подвѣсками. Бѣдныя замѣняли бусы обточенными камешками. Большею частью мониста увѣшивались

19) Картина: Русскіе типы и одежды XII столѣтія.

монетами изъ восточныхъ серебряныхъ денегъ. Въ большомъ употребленіи была красивая пряжка для застегиванія на правомъ плечѣ поверхъ свиты или кожуха,—корзно, т. е. плаща, оставлявшаго свободной правую руку и называвшагося еще «мятлью». Кромѣ того на одежду нашивались шарообразныя пуговицы. Головные женскіе уборы унизывались бисеромъ, или жемчугомъ, и украшались монетами. Такъ какъ бояре русскіе и князья носили при нарядной одеждѣ оплечья, шитыя золотомъ,—иначе бармы, то искусство золотошвейное, къ намъ перешедшее изъ Византіи, развилось на Руси ранѣе, нежели во многихъ другихъ европейскихъ странахъ. Подолъ богатыхъ одеждъ,—какъ намъ случилось уже упомянуть въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ,—обшивался золотою узорчатою каймой, нижняя часть рукавовъ покрывалась золотыми поручнями. На пояса издревле любили насаживать блестящія бляшки и дорогіе камни. Привозныя изъ Византіи, тонкія, разноцвѣтныя ткани или поволоки, хотя имѣли широкое распространеніе на Руси, но были доступны только людямъ зажиточнымъ. Простые же виды сукна и грубыхъ полотенъ изготовлялись сельскими ткачами у себя дома. На занятіе пряжей указываютъ каменныя пряслицы отъ веретенъ, находимыя въ изобиліи по всей кіевской землѣ. Гончарныя издѣлія во времена великихъ князей кіевскихъ отличались хорошей выдѣлкой. Среди нихъ на себя обращаютъ вниманіе большіе сосуды того времени въ нѣсколько ведеръ вмѣстимостью.

Жилища древней Руси, при обиліи въ средней ея полосѣ и на сѣверѣ—лѣса, строились сплошь деревянныя: отъ хижины бѣднаго селянина и до палатъ княжескихъ. Основою древне-русскаго жилья служилъ, какъ и теперь, бревенчатый срубъ, называ-

шійся «клѣтью». Нѣсколько связанныхъ между собою клѣтей получали названье «хоромъ». Только количествомъ и обширностью ихъ отличались хоромы богатаго человѣка отъ избы бѣдняка. Избой становилась клѣть, снабженная печью. Между зимней избой и холоднымъ помѣщеніемъ клѣти располагались сѣни; свѣтлая и просторная комната ихъ служила мѣстомъ пирушекъ князей съ дружиною и совѣщаній ихъ съ нею. Простые люди здѣсь принимали своихъ гостей. Подъ этимъ жилымъ помѣщеніемъ располагалась подклѣть, куда складывались хозяйственные припасы. У богатыхъ лицъ она же въ себѣ заключала погреба и медуши, т. е. мѣсто храненія самого излюбленнаго среди русскихъ напитковъ, какъ-то: кваса, браги и пива,—меда. Къ сѣнямъ пристраивались на столбахъ ступени съ крытой площадкою наверху, что составляло крыльцо; надъ сѣнями надстраивалась еще свѣтлая горница: теремъ. Кровля дѣлалась крутая, двускатная, съ гребнемъ «кнесомъ» посрединѣ. Кнесъ этотъ украшался на обоихъ концахъ рѣзными коньками. Терема княжескіе имѣли рѣзные карнизы, расписывались внутри и снаружи разноцвѣтными красками. Гребень кнеса раздѣлывался затѣйливыми узорами съ позолотой, коей, должно быть, покрывался и потолокъ, почему терема называются въ народныхъ сказаніяхъ златоверхими. Напримѣръ, въ Словѣ о Полку Игоревѣ Святославъ Всеволодовичъ такъ передаетъ боярамъ свой недобрый сонъ: «уже доски безъ кнеса стоятъ въ моемъ теремѣ «златоверсемъ». Рѣзьба и раскраска въ особенности примѣнялись (что можемъ мы въ деревняхъ наблюдать и по-нынѣ) къ наличникамъ оконъ. Такимъ образомъ, древнія русскія хоромы, при недостаткѣ правильности и соразмѣрности въ своихъ частяхъ, не лишены были своеобразнаго вкуса

и живописности. Русь достигла издавна большой художественности въ рѣзьбѣ по дереву. По нѣкоторымъ даннымъ, тогда уже существовали въ лѣсныхъ областяхъ плотничьи товарищества или артели, во главѣ съ извѣстными мастерами, бравшія на себя болѣе значительныя постройки, — какъ, напр., городскія стѣны, башни, мосты, хоромы богатыхъ, знатныхъ людей и храмы.

Деревяннымъ постройкамъ древней Руси соотвѣтствовала и домашняя утварь изъ дерева. Она способствовала развитію промысловъ: токарнаго, столярнаго и бондарнаго. Въ большомъ употребленіи были тоже издѣлія изъ лубка, лыка и мочалы, какъ: рѣшета, коробья, рогожи. А распространеніе кузнечнаго ремесла давало большой толчекъ для совершенствованія на Руси производства предметовъ металлическихъ, изъ желѣза, мѣди и олова. По поводу построенія храмовъ, лѣтопись говоритъ о русскихъ литейщикахъ, когда для нихъ отливали колокола, устраивались мѣдныя или бронзовыя ворота. Украшенія и разныя драгоцѣнныя вещи церковной утвари изъ золота и серебра, кромѣ выдѣлки иноземной, издавна встрѣчаются тоже русскаго мастерства. Нѣтъ сомнѣнія, что даровитый русскій народъ имѣлъ своихъ собственныхъ мастеровъ по всѣмъ отраслямъ ремесла и художества. Каменныя постройки на Руси сначала были рѣдки, но съ теченіемъ времени число каменныхъ теремовъ на княжьихъ дворахъ и каменныхъ храмовъ, особенно въ ростово-суздальскомъ краѣ, — все умножается. При каменныхъ постройкахъ клали вмѣстѣ—кирпичъ и камень, связывая ихъ очень толстымъ слоемъ цемента изъ толченаго кирпича съ известью. Въ Овруческомъ Полѣсьи добывался въ большомъ количествѣ крас-

ный шиферъ. Изъ него дѣлали карнизы, полы и облицовку. Въ XII вѣкѣ каменное мастерство развилось именно на сѣверѣ, такъ успѣшно, что владимірцы стали извѣстны своимъ искусствомъ въ немъ. Тогда проявили тоже свое существованіе на Руси товарищества иконописцевъ, бравшія подъ руководствомъ своихъ старѣйшинъ подряды на росписаніе церквей. Только стѣсненные твердо установившимися преданіями и правилами византійскаго иконописанія, русскіе живописцы не могли выказать во всей мощи творческую свою способность въ этой отрасли своей художественной работы. Но зато великолѣпны ими созданные рисунки обронныхъ, выпуклыхъ украшеній съ внѣшней стороны стѣнъ суздальскихъ храмовъ, какъ наприм.: Георгіевскаго собора въ Юрьевѣ-Польскомъ и Дмитріевскаго во Владимірѣ. Отличительную черту этихъ рисунковъ составляетъ прихотливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ разными сказочными звѣрями и птицами, особенно зміями и драконами, перевивающими своими хвостами выпуклыя изображенія людей и звѣриныхъ чудовищъ. Есть извѣстія, что такія же обронныя украшенія на церковныхъ стѣнахъ были въ ходу и на Руси юго-западной — волыно-галицкой, гдѣ они покрывались еще позолотой и красками.

Такой же типъ рисунковъ господствуетъ на страницахъ рукописей въ видѣ заглавныхъ буквъ и художественныхъ заставокъ. Нѣсколько рукописей, уцѣлѣвшихъ отъ этого времени, показываютъ, что искусство переписывать книги доходило до большого изящества. Художники изображали на рукописяхъ и священныхъ книгахъ различные рисунки красками, столь хорошо составленными, что онѣ сохранили свѣжесть свою въ продолженіе шести столѣтій. За-

20) Картина: Успенскій соборъ во Владимірѣ.

мѣчательна тоже пара турьихъ роговъ, найденная въ большомъ могильномъ курганѣ Чернигова,—окованная серебромъ, съ такими же изображеніями, переплетающихся между собою, птицъ и растеній.

21) Картина: Стѣнная живопись Успенскаго собора.

Въ 1185 году Всеволодъ III, обновляя Успенскій соборъ, значительно измѣнилъ его наружный видъ пристройкой трехъ новыхъ стѣнъ, закрывшихъ собою съ внѣшней стороны стѣны Андрея. Арками и просвѣтами онѣ соединялись съ придѣльными частями, имѣвшими четыре купола, такъ что вмѣстѣ съ прежнимъ куполомъ получилось надъ Успенскимъ соборомъ пять уходящихъ въ высь и крестомъ увѣнчанныхъ главъ. Внутреннее убранство древне-суздальскихъ храмовъ, конечно, соотвѣтствовало ихъ внѣшнему великолѣпію. Въ Успенскомъ соборѣ двери были обиты золотомъ и серебромъ, иконы обложены драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, богослужебные сосуды вылиты изъ чистаго золота. Скоро послѣ построенія, стѣны храмовъ расписывались такъ называемой фресковой живописью. Успенскій соборъ быстро былъ обновленъ и расширенъ, а потомъ вновь освященъ епископомъ Лукою въ 1189 г. Одни изъ владимірцевъ лили олово для обшивки верховъ собора, другіе крыли ихъ, третьи бѣлили стѣны. Во время пожара погибли дорогіе сосуды, богослужебныя книги, серебряныя паникадила. Кромѣ того жертвой огня сдѣлался княжескій дворъ, и сгорѣло до 32-хъ церквей. Въ строительной дѣятельности Всеволоду III много помогалъ бывшій его духовникъ, епископъ Іоаннъ.

22) Картина: Видъ Дмитріевскаго бора.

Изъ вновь построенныхъ Всеволодомъ церквей знаменитъ придворно-княжескій храмъ во имя св. Димитрія Солунскаго. Исключительную особенность рѣки Клязьмы составляютъ дубы, заполняющіе ея

русло и выдающіеся съ его дна, которое мѣстами не безопасно для плаванья и купанья въ этой, на видъ такой небольшой и тихой, рѣкѣ. Они тамъ лежатъ въ водѣ уже не одно столѣтіе, Богъ вѣсть откуда взявшіеся, оставаясь крѣпкими, чистыми, безъ малѣйшихъ признаковъ разложенія. Изъ этого дуба сплошь сдѣлана въ Дмитріевскомъ соборѣ, ведущая на хоры, внутренняя, витая лѣстница. Высота его вполнѣ соотвѣтствуетъ плотности основанія. Съ восточной его стороны мы видимъ три алтарныя полукружья, а три остальныя стороны какъбы раздѣлены наружными полу-колонками на три части съ дугообразными верхами, причемъ надъ каждой дугой помѣщено по узкому, продолговатому окну; а въ каждой промежуточной части — входная дверь, тоже съ дугообразной аркой. Тутъ рѣзко себя проявляетъ чисто-суздальскій стиль, т. е. внѣшній видъ постройки. — Сохранивъ строго всѣ главныя отличительныя черты византійскаго исполненія, онъ къ нему еще присоединяетъ нѣчто выражающее уже собственно русскій вкусъ и явно указывающее на зачатокъ русскаго самостоятельнаго художества. Такимъ образомъ несомнѣнно, что у насъ въ XII вѣкѣ, какъ мы уже сказали, помимо мастеровъ греческихъ и призванныхъ Андреемъ Боголюбскимъ съ запада итальянцевъ, а также нѣмцевъ, были свои русскіе техники и художники, вносившіе въ очертанія постройки церковныхъ зданій своеобразныя украшенія и пріемы русскаго самобытнаго пониманія красоты и художественной отдѣлки. На развитіе этого пониманія и художественнаго вкуса вліяло не только искусство греческое, но въ сильной степени тоже восточное, арабское и персидское. Князья съ духовенствомъ повидимому оставляли достаточную сво-

боду русскимъ мастерамъ въ разработкѣ подробностей и въ оборонной наружной рѣзьбѣ, которой покрыты три алтарныя стѣны Дмитріевскаго собора.

23) Картина: Рѣзной поясъ на южной сторонѣ собора.

Во-первыхъ, дугообразныя арки входныхъ дверей испещрены выпуклыми узорами, а далѣе надъ ними идетъ роскошный узорчатый поясъ. Онъ состоитъ изъ тонкихъ колонокъ-столбиковъ, соединенныхъ на верху дугообразными перемычками; а между колонками помѣщены скульптурныя изображенія епископовъ, мучениковъ и первосвященниковъ. «Прилѣпы», т. е. выпуклые рисунки на стѣнахъ храма людей, звѣрей и растеній, представляютъ, мѣстами, тѣсно сплетенныя соединенія, частью священнаго, частью мірского содержанія, и пополняютъ собой всю верхнюю половину переднихъ стѣнъ. Главное мѣсто на всѣхъ стѣнахъ занимаетъ изображеніе Спасителя, возсѣдающаго на престолѣ, — еще безбородаго, съ сіяніемъ вокругъ головы. Правая его рука поднята для благословенія, въ лѣвой скрижаль, опертая на колѣно. Повыше Спасителя ангелы, стоящіе и летающіе; ниже, громоздясь другъ надъ другомъ, пестро перемѣшаны звѣри, цвѣты и птицы, машущія крыльями; лики святыхъ смотрятъ изъ медальоновъ, всадники скачутъ на коняхъ, и люди борются съ сказочными звѣрями.

Но изъ всего этого спутаннаго сцѣпленія рисунковъ, явственнѣе всего въ высотѣ выдѣляется благословляющій Спаситель съ ангелами. Замѣтно, что художникъ проникнутъ былъ глубокимъ религіознымъ благоговѣніемъ и постарался наглядно представить, на стѣнахъ Дмитріевскаго собора, соотношеніе міра чувственнаго и земного съ міромъ духовнымъ. Подобныя же рѣзныя изображенія мы видимъ подъ куполомъ и во всѣхъ промежуткахъ между просвѣтами. Лучше всего сохранились древнія фрески,

24) Картина: 1) Изображеніе фресковой живописи Дмитріевскаго собора.

т. е. стѣнная живопись подъ штукатуркою Дмитріевскаго собора. Когда ее отбили въ 1836 году, то подъ ней оказалось на западной стѣнѣ живописное изображеніе Божьей Матери съ архангеломъ по одну ея сторону, такъ какъ второй стерся отъ времени. Рядомъ съ Пресвятой Дѣвою — праотцы: Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, съ надписью ихъ именъ.

На самомъ краю можно разобрать слѣдъ изображенія стоящаго раскаявшагося разбойника съ высокимъ, осмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ. На колѣняхъ у Авраама Христосъ-Младенецъ, а по бокамъ, въ меньшемъ размѣрѣ, должно быть—праведники. Всѣ эти фигуры изображены сидящими между деревьями и растеніями, гдѣ видны въ разныхъ положеніяхъ птицы. 25) Картина: 2) Изображеніе фресковой живописи.

На другомъ мѣстѣ представлены двѣ горы, при одной изъ нихъ соборъ святыхъ, предводимыхъ апостоломъ Петромъ, и надпись: «Петръ ведетъ всѣ святые въ рай».—При другой, два трубящихъ ангела съ надписью: «Ангелъ трубитъ въ землю; ангелъ трубитъ въ море». Эта своеобразная фреска, какъ еще нѣкоторыя другія, вѣроятно современна построенію собора.

Такъ называемый Княгининъ женскій монастырь надъ рѣкой Лыбедью, построенный первой супругой Всеволода Большое Гнѣздо—Маріей, пріобрѣлъ особый почетъ съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ были положены, уже гораздо позже, въ 1230 году, мощи св. Авраамія, замученнаго въ Камской Булгаріи потому, что онъ не хотѣлъ отречься отъ христіанства. Марія постриглась въ этомъ монастырѣ, когда, уже семь лѣтъ страдая какимъ-то тяжелымъ недугомъ, почувствовала приближеніе смерти. Здоровое состояніе русскаго общества того времени

обнаруживается въ значительномъ развитіи правъ русской женщины. И въ княжескомъ быту суздальской области она не утратила того высокаго общественнаго значенія, какое имѣла въ Кіевѣ. Рядомъ съ мужьями своими княгини и боярыни занимали въ семьѣ и въ обществѣ почетное положеніе, обладая собственными большими средствами, что можно видѣть по богатой постройкѣ Княгинина монастыря, воздвигнутаго супругой Всеволода на свои деньги.

Всеволодъ III имѣлъ восемь сыновей и нѣсколько дочерей, почему онъ и получилъ прозваніе «Большое Гнѣздо». Супруга Всеволода — Марія, хотя выросшая въ дикой странѣ, будучи дочерью аланскаго князя, подобно многимъ русскимъ княгинямъ, отличалась глубокой набожностью и дѣлами благотворительности. У нея нашла себѣ тихій пріютъ и ласку въ послѣдніе годы жизни сестра великаго князя, нелюбимая супруга Ярослава Осмомысла галицкаго,—Ольга Юрьевна, въ черницахъ Евфросинія.

По кончинѣ своей въ 1183 году, великая княгиня была погребена въ Успенскомъ соборѣ. Будучи уже пятидесятилѣтнимъ старцемъ, Всеволодъ женился во второй разъ на дочери Василько, князя полоцкаго.

Вернемся, однако, къ дальнѣйшимъ событіямъ на Руси послѣ смерти кіевскаго великаго князя Святослава Всеволодовича. Всѣмъ русскимъ князьямъ, боярамъ и гражданамъ было извѣстно, что Рюрикъ уступилъ Святославу Кіевъ только по его смерть и что великій князь Всеволодъ утвердилъ этотъ договоръ между ними, а потому, любимый вообще за свою привѣтливость, онъ безпрепятственно занялъ кіевскій столъ, радостно встрѣченный народомъ и духовенствомъ. Однако Всеволодъ поспѣшилъ по-

слать въ Кіевъ своихъ бояръ, чтобы посадить Рюрика кіевскимъ великимъ княземъ и тѣмъ подчеркнуть его зависимость отъ своей воли. Но, тѣмъ не менѣе, располагая вполнѣ самовластно днѣпровскими городами, Рюрикъ призвалъ къ себѣ изъ Смоленска брата Давида, чтобы совмѣстно съ нимъ назначить удѣлы собственнымъ сыновьямъ и внукамъ Мстислава I Мономаховича. Во время его пребыванія въ Кіевѣ братья другъ другу задавали пиры и обмѣнивались дарами; а такъ какъ въ тѣ древнія времена не было праздника у богатыхъ безъ щедрой милостыни для нищихъ и безъ участія въ немъ бѣдныхъ людей, то въ этихъ взаимныхъ, роскошныхъ угощеніяхъ князей имѣли долю свою приглашенные всякаго званія и состоянія. Великій князь, какъ государь и хозяинъ, раздѣлялъ трапезу свою съ народомъ, оживляя сердца кіевскихъ гражданъ духомъ всеобщаго братства, любовью къ родинѣ и къ своимъ князьямъ. Даже торки съ черными клобуками пировали у Рюрика, а также у сына его Ростислава, позвавшаго дядю и къ себѣ въ Бѣлгородъ. Давидъ съ своей стороны не оставался въ долгу у брата и у племянника; отблагодарилъ изобильными яствами за своимъ столомъ кіевлянъ, его одарившихъ; собралъ на трапезу къ себѣ монаховъ изъ всѣхъ монастырей и роздалъ богатыя подношенія въ кіевской землѣ всѣмъ, не исключая степныхъ берендѣевъ. Будучи тестемъ отважнаго волынскаго князя Романа Мстиславича и желая имѣть въ немъ для себя опору, Рюрикъ отдалъ ему пять городовъ: Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунь и Богуславъ. Но Всеволодъ во Владимірѣ оскорбился такимъ самостоятельнымъ распоряженіемъ Рюрика городами кіевской области, потому что желалъ держать его въ полной зависимости отъ своей власти,

26) Картина: Княжескій пиръ въ Кіевѣ во время пріема брата Давида Рюрикомъ Ростиславичемъ

и поставилъ ему въ упрекъ, что онъ, раздавая волости разнымъ другимъ младшимъ князьямъ, забылъ надѣлить его,—самаго старшаго въ родѣ Владиміра Мономаха. Рюрикъ ему предложилъ тогда, чтобы не потерять его дружбы и милости, особый удѣлъ въ кіевской землѣ; но осторожный и хитрый Всеволодъ преднамѣренно началъ требовать именно городовъ, отданныхъ княземъ Рюрикомъ Роману Мстиславичу, желая поссорить съ нимъ этого сильнаго князя. Когда однако Романъ Мстиславичъ уступилъ добровольно эти города Всеволоду за другую область, либо за деньги, взамѣнъ отнимаемыхъ у него земель, Всеволодъ, не добившись сразу желаемой распри, поспѣшилъ нарочно отдать Торческъ зятю своему Ростиславу Рюриковичу, дабы возбудить гнѣвъ Романа на Рюрика подозрѣніемъ, будто тотъ по личнымъ, выгоднымъ для него соображеніямъ отдалъ, Всеволоду Большое Гнѣздо, города, выдѣленные сперва ему—Роману. И дѣйствительно, Романъ счелъ себя вѣроломно обманутымъ.

Заточивъ свою жену, дочь Рюрика, въ монастырь, онъ вступилъ противъ тестя въ союзъ съ Ярославомъ Всеволодовичемъ черниговскимъ, предложивъ этому князю изгнать изъ Кіева Рюрика съ тѣмъ, чтобы самому тамъ занять великокняжескій столъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь вмѣшательства Всеволода и узнавъ, что Рюрикъ уже обратился къ нему за помощью, Романъ постарался-было привлечь тоже на свою сторону юныхъ королевичей польскихъ, по смерти отца своего Казиміра Справедливаго въ 1194 г., споривших за краковскій столъ со своимъ дядей Мечиславомъ Старымъ. Въ началѣ уже достовѣрной польской исторіи, когда она вышла изъ области обычныхъ у всѣхъ народовъ темныхъ преданій и басно-

словныхъ легендъ, среди польскихъ господствующихъ родовъ возвысилось надъ другими потомство простого земледѣльца Пяста, начавъ собой королевскую династію Пястовъ. Одинъ изъ нихъ Мечиславъ, принявшій христіанство отъ чеховъ, во второмъ бракѣ женатъ былъ на нѣмецкой принцессѣ, почему въ Польшѣ окончательно утвердилось римско-католическое вѣроисповѣданіе. Сынъ Мечислава, Болеславъ Храбрый, извѣстенъ намъ по своему родству и союзу со Святополкомъ Окаяннымъ. Онъ водворилъ въ Польшѣ единодержавіе и принялъ королевскій санъ. Болеславъ отличался своими земельными завоеваніями у нѣмцевъ; однако ему не удалось создать одно великое западно-славянское государство. Блистательный древній періодъ польской исторіи кончился съ Болеславомъ III Кривоустымъ. Онъ раздѣлилъ свое государство на четыре княжества: краковское, сандомірское, мозовецкое и познанское, причемъ краковское соединяло съ собою званіе короля и верховную власть надъ другими князьями. Распаденіе на удѣлы породило въ Польшѣ, какъ на Руси, неизбѣжныя междоусобныя войны, ослабившія страну. Вдова Казимира Справедливаго, Елена, приходилась родной племянницей Роману, какъ дочь его брата, бельзскаго князя Всеволода Мстиславича,—и онъ задумалъ поддержать право на Краковъ ея малолѣтняго сына—Лешко, съ тѣмъ, чтобы самому потомъ получить помощь отъ польскихъ его сторонниковъ противъ Рюрика. Но эта попытка не удалась ему. Онъ потерпѣлъ сильное пораженіе отъ Мечислава, и раненый возвратился къ себѣ въ Волынь. Тогда онъ поспѣшилъ примириться съ Рюрикомъ. Рюрикъ простилъ его, но, опасаясь вызванныхъ имъ опять притязаній на Кіевъ князей черниговскихъ, — именемъ

всѣхъ Мономаховичей, сообща съ Всеволодомъ III и Давидомъ, потребовалъ отъ Ярослава Всеволодовича крестнаго цѣлованія: «чтобъ не искать ему съ родичами ни Кіева, ни Смоленска, помня, что прадѣдъ ихъ, Ярославъ Мудрый, раздѣлилъ владѣнія между ними—по Днѣпръ». Но Олеговичи черниговскіе обиженно отвѣчали на это: «при вашей жизни Кіева мы не ищемъ, а послѣ—что Богъ дастъ. Мы внуки одного рода, ни венгры и не ляхи». Однако, испугавшись похода Всеволода къ Чернигову, они вступили съ нимъ и съ Давидомъ въ мирные переговоры, а Рюрика убѣдили поцѣловать имъ крестъ—не начинать противъ нихъ войны до окончанія этихъ переговоровъ. Рюрикъ обѣщалъ Олеговичамъ свое посредство для примиренія ихъ съ Всеволодомъ и братомъ, причемъ объявилъ Ярославу Всеволодовичу, что онъ, въ залогъ своей искренней дружбы, ему уступаетъ въ смоленской области Витебскъ; и, распустивъ, послѣ того, имъ собранную дружину съ наемными половцами, самъ удалился въ свой излюбленный Овручъ.

Въ Витебскѣ княжилъ Василько Брячиславичъ, племянникъ Всеслава полоцкаго,—зять Давида. Ярославъ Всеволодовичъ, не дожидаясь конца мирныхъ переговоровъ и соглашенія между братьями о передачѣ ему во владѣніе Витебска, поспѣшилъ послать племянника своего Олега захватить этотъ городъ у Василько. Давидъ, ничего не зная о сдѣлкѣ Рюрика съ Ярославомъ, но услыхавъ, что отрядъ черниговцевъ опустошаетъ смоленскую область, отправилъ противъ Олега войско подъ начальствомъ князя Мстислава Романовича. Черниговцы уже успѣли вступить въ союзъ съ полоцкими князьями: Василько Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ. Между тѣмъ какъ Мстиславъ Романовичъ смялъ дружину Олега,

сокрушивъ его стяги и зарубивъ его сына, полочане погнали передъ собой его воеводу Михалко и съ тылу ударили на полки Мстислава. Увидѣвъ себя окруженнымъ врагами, тотъ былъ вынужденъ сдаться. Тогда Ярославъ Всеволодовичъ, обрадованный блестящимъ успѣхомъ племянника, самъ собрался идти со свѣжими силами прямо къ Смоленску въ надеждѣ отнять его у нелюбимаго гражданами Давида. Узнавъ обо всемъ случившемся, Рюрикъ пришелъ въ справедливое негодованіе и написалъ Ярославу изъ Овруча: «Ты не имѣешь совѣсти; возвращаю тебѣ твои крестныя грамоты; иди къ Смоленску, а я пойду къ Чернигову». Ярославъ потребовалъ, чтобы Рюрикъ порвалъ союзъ съ Всеволодомъ Большое Гнѣздо и, получивъ отказъ, загородилъ войсками своими всѣ пути сообщенія между землями: кіевской, суздальской и смоленской. Рюрикъ тогда не постѣснился нанять дикихъ половцевъ для грабежа черниговской области.

27) Картина: Нарушеніе крестнаго цѣлованія.

Помимо полоцкихъ князей, считавшихъ себя, какъ и Олеговичи, угнетенными потомками Мономаха,— Ярославъ Всеволодовичъ пріобрѣлъ осенью себѣ союзника и въ Романѣ Волынскомъ, уже успѣвшемъ тогда оправиться отъ несчастной битвы своей съ Мечиславомъ Старымъ. Романъ рѣшилъ, что настало удобное время отомстить тестю, и послалъ воиновъ своихъ въ пограничный съ его владѣніями городъ Полонный, чтобы они оттуда набѣгами опустошали кіевскія и смоленскія земли. Тогда Рюрикъ вооружилъ, противъ Романа, Владиміра Ярославича, князя галицкаго,ославъ на помощь къ нему для разоренія волынской области сына Мстислава Храбраго, племянника своего — Мстислава Мстиславича. Соединивъ дружины свои, эти князья съ одной стороны напали на земли

волынскія, тогда какъ сынъ Рюрика: Ростиславъ съ черными клобуками пожегъ и опустошилъ ихъ съ другой, уведя много плѣнниковъ и скота.

Между тѣмъ Всеволодъ III тоже «сѣлъ на коня» и, достигнувъ цѣли своей въ произошедшемъ раздорѣ между Рюрикомъ и Романомъ, пожегъ заодно съ Давидомъ смоленскимъ, а также подвластными ему князьями рязанскими, города вятичей, составлявшіе волость Олеговичей. Съ ними у него были свои личные счеты за княжескій столъ новгородскій, гдѣ сторона черниговская боролась со стороною суздальскою. Тогда Ярославъ Всеволодовичъ, посадивъ въ Черниговѣ двухъ племянниковъ: Олега Игоревича и Глѣба Святославича для защиты отъ Рюрика, съ остальными родичами и половцами пошелъ защищать область вятичей. Тамъ онъ огородился въ лѣсахъ засѣками, на рѣкахъ разобралъ мосты и, такимъ образомъ, укрѣпившись, послалъ сказать Всеволоду, что не хочетъ враждовать съ нимъ, хотя онъ разорилъ его отчину и предлагалъ ему заключить миръ; но заявлялъ, однако, при этомъ, что онъ отъ битвы не бѣгаетъ, предоставляя въ такомъ случаѣ Господу Богу разсудить ихъ. Всеволодъ былъ не охотникъ до этихъ Божьихъ судовъ въ рѣшительныхъ битвахъ присущихъ понятіямъ южныхъ князей и, вопреки настоятельнымъ требованіямъ Давида Смоленскаго: чтобы онъ шелъ въ Черниговъ, по договору съ братомъ его, отклонивъ мирныя предложенія Ярослава до ихъ общаго съ Рюрикомъ совѣщанія въ самомъ Черниговѣ,—онъ вступилъ въ миролюбивыя сношенія съ Олеговичами и, при условіи, во-первыхъ—отказа ихъ отъ обладанія Кіевомъ или Смоленскомъ; освобожденія изъ плѣна князя Мстислава Романовича — во-вторыхъ—и выдачи ему, его чудесно исцѣлившагося.

соперника, Ярополка Ростиславича, проживавшаго въ Черниговѣ, въ-третьихъ,—выразилъ Ярославу готовность свою прекратить войну. Онъ не настаивалъ на томъ, чтобы Ярославъ порвалъ свой союзъ съ Романомъ волынскимъ, отвлекавшимъ Рюрика отъ Чернигова, такъ какъ для него выгодно было, чтобы продолжались взаимныя распри южно-русскихъ князей, мѣшавшія усиленію въ Кіевѣ Ростиславичей.—Ярославъ согласился исполнить условія великаго князя суздальскаго, и Всеволодъ, примирившись съ нимъ, извѣстилъ о томъ Рюрика, его успокаивая тѣмъ, что Ярославъ Всеволодовичъ больше не будетъ искать подъ нимъ Кіева, или Смоленска подъ его братомъ. Но Рюрикъ, конечно, пришелъ въ большое негодованіе и отвѣчалъ Всеволоду III горькими укоризнами за то, что изъ-за него же онъ нажилъ себѣ врага въ своемъ ближайшемъ сосѣдѣ и зятѣ—Романѣ волынскомъ, послѣ того какъ отнялъ у него лучшіе города свои, чтобы отдать ихъ Всеволоду; изъ-за него вовлеченъ былъ въ войну съ князьями черниговскими,—а теперь вмѣсто помощи видитъ съ его стороны предательство! Въ гнѣвѣ своемъ Рюрикъ тогда взялъ обратно у Всеволода вышеназванные города, отобранные имъ у зятя. Великій князь промолчалъ, уже использовавъ ихъ для имъ намѣченной себѣ цѣли, но зато съ этихъ поръ прекратилось его дружелюбное отношеніе къ Рюрику.

Хотя, потерявъ, такимъ образомъ, волость свою въ западной части днѣпровскихъ земель, Всеволодъ все же удобно могъ распространять вліяніе свое на Приднѣпровье, имѣя въ южной Руси удѣлъ, изстари соединенный съ ростово-суздальскимъ краемъ:—Переяславское княжество, куда онъ сажалъ своихъ племянниковъ и сыновей. Такъ преемникъ Владиміра

Глѣбовича, Ярославъ Мстиславичъ, ходилъ совершенно «по волѣ своего дяди». Переяславль—южный, иначе—«Русскій», даже и въ церковномъ отношеніи отъ него зависилъ. По смерти Ярослава Мстиславича въ 1201 г., Всеволодъ послалъ въ Переяславль другого Ярослава—своего сына. Онъ возобновилъ, тоже какъ мы уже говорили, отцовскій городокъ на Острѣ, разрушенный до основанія Изъяславомъ Мстиславичемъ.

Въ 1197 году Давидъ смоленскій, предчувствуя близость смерти, уступилъ княжескій столъ племяннику своему Мстиславу Романовичу, а самъ постригся въ иноки и, предаваясь молитвѣ, скончался среди братіи Смядынской обители. По словамъ лѣтописи, онъ имѣлъ ратный духъ, былъ красивъ лицомъ; золота и серебра не собиралъ, а раздавалъ дружинѣ и злыхъ людей казнилъ. Въ слѣдующемъ 1198 году умеръ и Ярославъ черниговскій: безпокойный послѣдователь честолюбивыхъ стремленій своего брата. Всеволодъ III былъ радъ узнать, что черниговскій столъ занялъ послѣ него менѣе вѣроломный,—безхитростный князь Игорь Святославичъ сѣверскій.

Въ 1199 году Всеволодъ III съ полками суздальскими и рязанскими совершилъ большой походъ въ половецкую степь. Какъ великій князь, принимая къ сердцу обиды всей русской земли, кромѣ того, онъ хотѣлъ защитить отъ половецкихъ набѣговъ предѣлы рязанской области. Половцы проникали туда изъ своихъ кочевій, не оставляя въ покоѣ и края ростово-суздальскаго. Всеволодъ, съ молодымъ сыномъ своимъ—Константиномъ, прошелъ въ глубину степей до половецкихъ зимовій и разорилъ ихъ. Ханы бѣжали въ ужасѣ отъ рѣки Дона, снимая вдоль береговъ его свои многочисленныя тамъ, вѣжи. Такимъ образомъ Всеволодъ III

правилъ южною Русью изъ столицы своей на Клязьмѣ. Князья смоленскіе тоже почитали его старшинство, а рязанскую землю, послѣ удачныхъ въ нее походовъ, онъ окончательно подчинилъ себѣ. Князья рязанскіе посылали безпрекословно свои дружины противъ его враговъ и чувствовали всегда надъ собой его тяжелую руку. При помощи ловкаго, осторожнаго,—иногда же какъ видѣли мы, и коварнаго образа дѣйствій, онъ успѣвалъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ чѣмъ водворилъ спокойствіе въ ростово-суздальскомъ краѣ.

Княженіе его во многомъ продолжало дѣятельность его брата Андрея. Подобно ему, Всеволодъ заставилъ себя признать великимъ княземъ всей русской земли, хотя не поѣхалъ въ Кіевъ, чтобъ сѣсть на столъ отца и дѣда. Въ Кіевѣ князья садились, какъ мы уже знаемъ, изъ его рукъ. Но, тѣмъ не менѣе, появилось два великихъ князя: дѣйствительный владиміро-клязьменскій и ему подручный — кіевскій.

Всеволодъ III добился еще того, о чемъ напрасно мечталъ Андрей Боголюбскій, онъ на нѣсколько лѣтъ подчинилъ своей волѣ мятежный Новгородъ. Во время его недоразумѣній съ Олеговичами, лучшіе мужи новгородскіе, повинуясь ему, ходили съ княземъ своимъ Ярославомъ Владиміровичемъ въ Великіе Луки, чтобы мѣшать полочанамъ соединиться съ князьями черниговскими противъ смоленскаго князя, союзника Всеволода. Этотъ городъ лежитъ въ волнистой и лѣсной мѣстности, на южной границѣ области новгородской, на рубежѣ ея съ областями полоцкой и смоленской. Съ конца XII столѣтія, когда упала сила полоцкаго княженія, и оно начало подпадать подъ вліяніе Литвы,—Великіе Луки почитались оплечьемъ Новгороду отъ литовскихъ набѣговъ, а потому это былъ хорошо укрѣпленный

городъ. Здѣсь для охраны новгородской земли сидѣлъ сынъ Ярослава Владиміровича—Изъяславъ. Когда въ 1198 году онъ скончался, полочане вмѣстѣ съ Литвою сейчасъ же воспользовались его смертью—напали на Луки и сожгли посадъ, но не могли взять самаго города.

Мы говорили уже, что въ Новгородѣ боролись между собой сторонники князей - суздальскаго и черниговскаго. Ярославъ Владиміровичъ имѣлъ въ Новгородѣ противъ себя не мало враговъ и, уже въ 1195 году, отправился во Владиміръ посадникъ Мирошка съ нѣкоторыми чиновными людьми города—просить о замѣнѣ на новгородскомъ столѣ Ярослава Владиміровича сыномъ Всеволода. Но, не желая давать поблажки новгородскому своеволію, Всеволодъ задержалъ у себя пословъ, между тѣмъ какъ Ярославъ Владиміровичъ остался княземъ въ Торжкѣ, его принявшемъ съ почетомъ, и собиралъ оттуда обильную дань съ земли новгородской. Дѣйствуя осторожнѣй Андрея, Всеволодъ не осаждалъ Новгорода, чтобы привести гражданъ его къ покорности, а только мѣшалъ ихъ торговымъ выгодамъ. Его разсчетъ былъ вѣренъ. Пріѣзжавшій княжить въ Новгородъ, сынъ Ярослава Всеволодовича — Ярополкъ, усидѣлъ тамъ всего шесть мѣсяцевъ. Вражда съ владимірскимъ княземъ слишкомъ тяжело отражалась на новгородской торговлѣ. Кромѣ того, новгородцевъ всюду ловили, точно иноплеменниковъ уводя ихъ плѣнными во Владиміръ,—такъ что сторона Ярослава въ Новгородѣ еще разъ восторжествовала. Всеволодъ водворилъ его вновь на новгородскомъ столѣ по древнему выраженію: «на всей своей волѣ». Онъ ѣздилъ принять какъ-бы изъ рукъ великаго князя этотъ возвратъ свой въ Новгородъ и, сопровождаемый множествомъ освобожденныхъ гражданъ его, былъ встрѣченъ

тамъ, какъ благодѣтель. Тишина временно возстановилась. Ярославъ до 1199 года властвовалъ въ новгородской области благоразумно; судилъ справедливо и, какъ мы видѣли, воевалъ изъ Великихъ Лукъ съ полочанами и Литвою, удачно оберегая отъ нихъ новгородскую землю по смерти сына своего Изъяслава. Но вскорѣ Всеволодъ III вдругъ согласился по возобновленной, враждебнымъ Ярославу посадникомъ Мирошкою съ приверженцами его, просьбѣ, дать въ князья Новгороду одного изъ сыновей своихъ; причемъ самъ уже отозвалъ оттуда Ярослава, приказавъ лучшимъ мужамъ новгородскимъ явиться къ нему во Владиміръ въ сопровожденіи посадника и архіепископа, для того, чтобы увезти съ собою въ Новгородъ князем десятилѣтняго сына его Святослава-Гавріила,— конечно опять на всей отцовской волѣ. Дорогою во Владиміръ умеръ новгородскій архіепископъ Мартирій, и Всеволодъ, не смущаясь, уже укрѣпившимся середи новгородцевъ, обычаемъ: самимъ выбирать для себя владыку, поговоривъ только съ посадникомъ, по личному своему выбору послалъ въ Новгородъ архіепископа Митрофана.

Глава VI.

Романъ Мстиславичъ владиміро-волынскій становится княземъ галицкимъ. Его войны съ Рюрикомъ и черниговскими князьями. Боевая слава его и заключеніе Рюрика въ монастырь. Походъ князя Романа въ Польшу, споръ съ папскими послами и его смерть въ лѣсу отъ руки убійцъ. Личность Романа по свидѣтельству лѣтописей. Защита его малолѣтнихъ сыновей и вдовы королемъ венгерскимъ отъ возобновленныхъ приступовъ къ Галичу Рюрика съ Олеговичами. Владиміръ Игоревичъ князь галицкій. Бѣгство семьи Романа въ Польшу. Распоряженіе Лешко Бѣлаго русскими волостями. Захватъ кн. Всеволодомъ Святославичемъ Чернымъ Кіева. Князь Константинъ Всеволодовичъ и Новгородъ. Вмѣшательство въ южныя дѣла Всеволода Большое Гнѣздо и помѣхи его походу къ Кіеву возмущеніемъ въ землѣ рязанской. Его война съ князьями рязанскими и плѣненіе ихъ. Усмиреніе непокорной Рязани.

Рюрикъ не даромъ такъ безпокоился о сохраненіи добрыхъ отношеній съ Романомъ Мстиславичемъ. Тотъ достигъ вскорѣ большого могущества, занявъ послѣ смерти Владиміра Ярославича, князя галицкаго въ 1198 году,—галицкій столъ и утвердившись на немъ окончательно благодаря родственнымъ связямъ своимъ при польскомъ дворѣ. Въ юности онъ живалъ въ Краковѣ у своего дяди Болеслава Кривоустаго. Сынъ Болеслава—Казиміръ Справедливый былъ постояннымъ его союзникомъ. Кромѣ того, что онъ женился на племянницѣ Романа—Еленѣ Всеволодовнѣ, онъ приходился дядей ему и былъ его крестнымъ отцомъ. Поссорившись съ Рюрикомъ и прогнавъ отъ себя свою супругу, дочь его,—Романъ Мстиславичъ женился во второй разъ на племянницѣ Лешко Бѣлаго и такимъ образомъ имѣлъ полное основаніе получить помощь изъ Кракова, для водворенія себя княземъ въ Галичѣ.

Народъ въ Галиціи уже зналъ и не любилъ этого князя, жестокаго нравомъ, но поляки насильно

его посадили на галицкій столъ, не внимая просьбамъ бояръ, умолявшихъ герцога Лешко избавить страну ихъ отъ управленія Романа. Бояре ему предлагали дары золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными тканями, граждане вооружились, но все было напрасно. Романъ, озлобленный общею къ нему ненавистью вельможъ, началъ свирѣпо мстить имъ и,—по нѣсколько преувеличенному, должно быть, свидѣтельству современнаго польскаго историка, епископа Кадлубека, — умертвилъ лучшихъ бояръ галицкихъ, ихъ подвергая самымъ невѣроятнымъ мукамъ,—даже будто-бы зарывая живыми въ землю. При этомъ онъ говорилъ: «не задавивши пчелъ, меду не ѣсть». Онъ воспользовался теперь возможностью отмстить и Рюрику за его обиду, проявляя къ нему, уже лишенному покровительства великаго князя Всеволода, на столько рѣзко свою вражду, что Рюрикъ въ 1202 г. соединился противъ него съ недавними своими недругами—Олеговичами, собиравшимися отнять у Романа державу галицкую, захваченную имъ благодаря помощи иноплеменниковъ. Черниговскій столъ занималъ тогда—по смерти Игоря—Всеволодъ Святославичъ, по прозванію «Чермный». Но едва ихъ войска въѣхали въ Кіевъ, чтобы идти къ Днѣстру вмѣстѣ съ Мономаховичами, какъ Романъ предупредилъ враговъ внезапнымъ вторженіемъ въ земли кіевскія и распустилъ свои знамена на берегахъ Днѣпра. Онъ уже заручился дружбой Всеволода Большое Гнѣздо и союзомъ нѣсколькихъ городовъ на югѣ. Берендѣи, прельщенные его заманчивыми обѣщаніями, всѣ пріѣхали къ нему въ станъ; жители раньше битвы его встрѣтили какъ побѣдителя, и сами кіевляне ему открыли съ Подола Копырьевскія ворота. На его сторону перешли безземельные сыновья Владиміра

Мстиславича, и такимъ образомъ волыно-галицкій князь со всѣми своими полками вступилъ свободно въ Кіевъ, гдѣ Рюрикъ съ Олеговичами трепетали за каменною стѣной на Горѣ. Они, всѣхъ имѣя противъ себя, разумѣется, не могли удержаться тамъ и вступили съ Романомъ въ переговоры. Рюрикъ, отказавшись отъ Кіева, вернулся въ Овручъ, а черниговскіе князья ушли обратно за Днѣпръ. Всеволодъ III не захотѣлъ теперь поддержать Рюрика противъ Романа и принудилъ его уступить Кіевъ младшему изъ Мстиславичей—Ингворю Ярославичу луцкому. Всеволодъ не допустилъ бы сѣсть въ Кіевѣ самого Романа; онъ не могъ позволить соединенія земли кіевской съ галицкой и волынской, да еще подъ властью такого князя, какимъ былъ Романъ Мстиславичъ; но тотъ и самъ не добивался кіевскаго стола, такъ какъ его присутствіе было необходимо въ новоприобрѣтенномъ Галичѣ.

Тѣмъ временемъ половцы опустошали греческую область — Ѳракію, и византійскій императоръ Алексѣй III Комненъ умолялъ Романа придти къ нему на помощь. Мужественный Романъ пошелъ въ половецкую степь, завоевалъ тамъ многія вѣжи, освободилъ русскихъ плѣнниковъ и, этимъ вынудивъ дикарей отвлечь отъ Ѳракіи свои силы, угрожавшія уже Константинополю, съ торжествомъ возвратился въ Галичъ.

Но онъ напрасно думалъ, что Олеговичи и Рюрикъ теперь не дерзнутъ нарушить миръ. Не жалѣя отечества, они съ наемными половцами взяли въ 1203 году Кіевъ приступомъ, вмѣсто платы отдавъ дикарямъ родную столицу на разграбленіе. Рюрикъ не пощадилъ кіевлянъ, отворившихъ ворота Роману. Городъ пылалъ, и невольниковъ уводили толпами. Съ этихъ поръ, дважды разграбленный среди кня-

жескихъ междоусобій, Кіевъ уже безвозвратно утратилъ свой прежній блескъ. Дикари похитили изъ кіевскихъ храмовъ всю церковную утварь, а также дорогія одежды русскихъ князей—Владиміра Великаго, Ярослава Мудраго и нѣкоторыхъ другихъ, висѣвшія тамъ о нихъ на память. Послѣ такого ужаснаго опустошенія Рюрикъ въ Кіевѣ не остался, предпочитая вернуться въ Овручъ. Туда явился къ нему, во главѣ своихъ войскъ, Романъ съ лицемѣрнымъ предложеніемъ дружбы и своего посредства для примиренія его съ Всеволодомъ. Послѣ того, какъ Рюрикъ поцѣловалъ крестъ Всеволоду и дѣтямъ его, отказываясь отъ старшинства въ родѣ даже въ случаѣ смерти Всеволода, великій князь дѣйствительно согласился простить ему и Олеговичамъ ихъ вину, отдавъ снова Кіевъ Рюрику.

Той же зимою Романъ вмѣстѣ съ Рюрикомъ предпринялъ новый походъ на половцевъ, но, по возвращеніи изъ степи побѣдителемъ, въ городѣ Треполи вдругъ приказалъ схватить Рюрика и, отвезя въ Кіевъ, велѣлъ его тамъ насильно постричь въ монашескій санъ, такъ же, какъ его жену и дочь, бывшую свою супругу. Одновременно онъ взялъ въ плѣнъ сыновей Рюрика и отправилъ ихъ въ Галичъ. Такимъ образомъ вѣроломно наказавъ тестя, Романъ вернулся домой. Однако Всеволодъ заставилъ его отпустить на свободу сыновей Рюрика, и зятя своего Ростислава посадилъ въ Кіевѣ.

Романъ предоставилъ Всеволоду распоряжаться судьбою Кіева, а самъ опять обратилъ вниманіе на Польшу, гдѣ старый Мечиславъ, обманувъ юнаго Лешко, себѣ присвоилъ единовластіе. Но этотъ врагъ его умеръ въ 1202 году, такъ что Роману пришлось вести войну противъ сына его Владислава Ласконогаго

себя объявившаго государемъ въ Краковѣ. Однако, видя въ своей странѣ беззащитные села жертвою пламени отъ руки русскаго князя, весной вступившаго въ сандомірскую польскую область, Лешко, едва утвердившись на столѣ краковскомъ, отправилъ пословъ къ Роману съ просьбою, чтобы онъ оставилъ предѣлы Польши. Но Романъ началъ требовать отъ Лешко денегъ и волостей въ награду за свою дружбу, когда же Лешко не согласился, онъ осадилъ городъ Люблинъ. Тутъ къ нему прибыли послы изъ Рима отъ властолюбиваго папы Иннокентія III. Уже издавна, какъ мы это видѣли, еще во времена великаго князя Изъяслава Ярославича, ревностные проповѣдники латинской вѣры желали отвратить русскихъ князей отъ византійской церкви. Епископъ краковскій Матѳей около половины XII столѣтія торжественно возложилъ на одно духовное лицо, аббата Бернарда, священную обязанность вывести русскихъ изъ мнимаго заблужденія, говоря, что они, въ мрачномъ краю своемъ, ожидаютъ теплотворнаго свѣта истинной вѣры отъ апостольскаго намѣстника изъ Рима. Но такъ какъ всѣ домогательства усердныхъ ревнителей католичества не имѣли успѣха и ему надлежало во-первыхъ еще въ собственной области побѣдить окончательно греко-славянское вѣроисповѣданіе, сохранившееся не только въ сосѣдней чехо-моравской землѣ, а даже между поляками, то папа, услышавъ о могуществѣ Романа Мстиславича, грознаго для венгровъ и ляховъ, попытался воздѣйствовать на его честолюбіе. Когда нѣмецкіе крестоносцы успѣшно начали покореніе католической церкви всего прибалтійскаго края, французскіе рыцари въ 1204 году основали въ самомъ средоточіи православія—Византіи, давно разлагавшейся и, наконецъ,

завоеванной ими,—Латинскую имперію. Ободренный въ своихъ надеждахъ такимъ благопріятнымъ для Рима ходомъ событій, сидѣвшій тогда на папскомъ престолѣ Иннокентій III отправилъ посольство къ Роману галицкому. Романъ былъ искусенъ въ преніяхъ богословскихъ и успѣшно оспаривалъ краснорѣчиваго посла Иннокентія. А въ отвѣтъ на его слова, что папа можетъ его надѣлить городами и посредствомъ меча св. Петра сдѣлать его великимъ королемъ, если онъ только приметъ латинскую вѣру, галицкій князь, обнаживъ собственный мечъ, спросилъ: «такой ли у папы?» И съ гордостью продолжалъ: «доколѣ ношу его при бедрѣ, не имѣю нужды въ иномъ и кровью города покупаю, слѣдуя примѣру дѣдовъ, возвеличившихъ землю русскую»... Такъ и оставили его послы римскаго папы, не добившись успѣха льстивыхъ рѣчей своихъ.

28) Картина: Галицкій князь Романъ въ бесѣдѣ съ послами римскаго папы.

Когда Романъ услыхалъ, что Лешко съ братомъ своимъ идетъ противъ него, то бросилъ осаду Люблина и двинулся имъ навстрѣчу. Перейдя Вислу, онъ расположился станомъ подъ городомъ Завихвостомъ и тамъ вступилъ въ переговоры съ Лешкомъ. Такъ какъ до окончанія переговоровъ было условлено отложить военныя дѣйствія, Романъ неосторожно, съ малой дружиною, выѣхалъ на охоту. Польскій отрядъ подстерегъ его, и онъ подвергся въ лѣсу внезапному нападенію. Послѣ отважнаго сопротивленія, вся дружина его погибла, и самъ онъ палъ жертвой коварныхъ убійцъ въ 1205 году.

29) Картина: Смерть князя Романа галицкаго во время охоты отъ руки польскихъ убійцъ.

Въ Волынской лѣтописи Романъ названъ «великимъ» и «самодержцемъ» всея Руси. Оставивъ по себѣ кровавую память въ Галичѣ, онъ былъ любимъ въ своемъ наслѣдственномъ владиміро-волынскомъ удѣлѣ, гдѣ народъ славилъ въ немъ мудрый умъ,

дерзость льва, орлиную быстроту и ревность Мономахову въ усмиреніи враговъ Руси. Русскія лѣтописи поэтично рисуютъ Романа Мстиславича удалымъ богатыремъ, грознымъ только невѣрнымъ иноплеменникамъ. Въ нихъ говорится, что «онъ ходилъ по заповѣдямъ Божіимъ, но зато какъ левъ устремлялся на поганыхъ язычниковъ; гнѣвенъ какъ рысь, губителенъ какъ крокодилъ, пролеталъ по ихъ землѣ какъ орелъ». Отличавшійся особенно выразительною наружностью, онъ описывается черноволосымъ, широкоплечимъ при среднемъ ростѣ, съ красноватымъ цвѣтомъ лица и крупнымъ горбатымъ носомъ. Романъ нерѣдко побивалъ половцевъ и литовцевъ, причемъ впрягалъ въ соху несчастныхъ литовскихъ плѣнниковъ и заставлялъ ихъ расчищать лѣса подъ пашни для обрабатыванія земли. Въ Литвѣ сложилась о немъ пословица: «Романе, худымъ живеши, литвою ореши». Византійскіе лѣтописцы тоже упоминаютъ о немъ съ похвалою, именуя его «мужемъ крѣпкимъ и дѣятельнымъ»; рисуютъ его человѣкомъ храбрымъ, но вспыльчивымъ, жестокимъ въ гнѣвѣ своемъ. Онъ, повидимому, былъ очень властолюбивъ, неукротимъ въ своей жаждѣ военныхъ подвиговъ, а также славной кипучей дѣятельности; любилъ веселиться съ дружиною, но пилъ умѣренно. Пріобрѣтя первенствующее вліяніе на дѣла южной Руси и получивъ въ руки съ захватомъ Галича большое денежное богатство, Романъ могъ бы успѣшно начать борьбу съ сѣверными князьями, если бы онъ стремился къ такому же самовластію на югѣ, какъ Юрьевичи на сѣверѣ. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними иностранными государствами, онъ могъ бы явиться для южной Руси проводникомъ новыхъ

понятій запада, гдѣ отношенія родовыя уже смѣнялись отношеніями государственными. Но дѣло въ томъ, что Русь юго-западная и княжество галицкое въ особенности не заключали въ себѣ условій, существовавшихъ на сѣверѣ и позволявшихъ князьямъ собирать русскую землю для утвержденія въ ней единства и прочнаго государственнаго порядка. Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», обращается къ Роману Мстиславичу и къ его двоюродному брату, сыну Ярослава Изъяславича Луцкаго—Мстиславу, прозванному Нѣмымъ, съ такими словами: «Ай, ты буй Романе и Мстиславе? Храбрая мысль васъ возноситъ на подвиги; высоко стремитесь вы, какъ соколъ, парящій въ вѣтрахъ, когда онъ хочетъ одолѣть какую птицу. Литва, ятвяги и половцы голову свою преклонили передъ вашими мечами булатными»...

Въ другомъ мѣстѣ пѣвецъ говоритъ о сыновьяхъ Ярослава Луцкаго, прибавляя къ Мстиславу еще Ингваря и Всеволода, но называя ихъ общимъ именемъ Мстиславичей,—что «не простого гнѣзда они шестикрылые птенцы», и приглашаетъ ихъ загородить «острыми стрѣлами ворота отъ поля половецкаго въ землю русскую»...

Романъ отъ второго своего брака съ племянницей польскаго короля Лешко Бѣлаго, еще болѣе его породнившаго съ родомъ королевскаго дома Пястовъ, оставилъ двухъ маленькихъ сыновей: Даніила и Василько. Мать ихъ, для огражденія правъ старшаго сына на галицкій столъ, прибѣгла къ защитѣ венгерскаго короля Андрея, не только не отбившаго у Романа ранѣе принадлежавшую ему Галицію, но ставшаго даже его названнымъ братомъ. Послѣ личнаго съ нимъ свиданія она поручила ему малолѣтняго Даніила и такъ

растрогала его своими материнскими чувствами, что онъ искренно далъ слово замѣнить мальчику отца.

Дѣйствительно, сильная дружина венгерская окружила княжескій дворецъ, заняла крѣпость и, повелѣвая именемъ Даніила, грозила казнью измѣнникамъ.

Между тѣмъ Рюрикъ, какъ только узналъ о смерти врага своего Романа, тотчасъ же сбросилъ съ себя монашество и опять водворился въ Кіевѣ. Онъ собирался разстричь и жену, но та не захотѣла, и добровольно приняла схиму. Олеговичи поднялись тоже, они уговорились съ Рюрикомъ вмѣстѣ идти на Галичъ: отнимать наслѣдство у сыновей Романовыхъ. Но ихъ полки встрѣтили въ галицкой землѣ рать владиміро-волынскую съ благоустроенными войсками галицкими, не посмѣвшими передаться на сторону враговъ Романа, такъ какъ въ столицѣ права его сыновей оберегалъ сильный отрядъ венгровъ. Походъ Рюрика и князей черниговскихъ кончился неудачей. Послѣ того Ростиславъ Рюриковичъ только выгналъ изъ Вышгорода, водворившагося тамъ, безземельнаго Ярослава Владиміровича, и Рюрикъ наградилъ союзниковъ своихъ Олеговичей уступкой Бѣлгорода Глѣбу Святославичу. Но эти князья не унывали: движимые непримиримой враждой къ роду Романа Мстиславича, они возобновили свою попытку овладѣть Галичемъ въ 1206 году. Всѣ Олеговичи собрались въ Черниговъ на совѣщаніе: Всеволодъ Чермный со своей братіей, Владиміръ Игоревичъ Сѣверскій со своею. Изъ смоленской земли пришелъ къ нимъ Мстиславъ Романовичъ; множество нанятыхъ ими половцевъ подкрѣпило общія силы ихъ, и всѣ двинулись опять въ Кіевъ на соединеніе съ Рюрикомъ. Рюрикъ и два его сына, Ростиславъ съ Владиміромъ, вели за собою къ Га-

личу берендѣевъ. А для вѣрнѣйшаго успѣха похода этого на помощь призванъ былъ Вячеславомъ Чермнымъ еще польскій король Лешко.

Вдова Романа, княгиня галицкая, испугавшись столь грозной рати, идущей противъ ея дѣтей, обратилась опять за помощью къ королю Андрею. Однако она не могла дождаться въ Галичѣ его прихода съ венгерскими полками. Сильный мятежъ галичанъ заставилъ ее бѣжать съ сыновьями во Владиміръ-Волынскій. Между тѣмъ Андрей, перейдя Карпаты, узналъ, что къ Галичу съ двухъ сторонъ подвигается непріятель въ лицѣ соединенныхъ русскихъ князей и поляковъ. Боясь оказаться на ихъ пути и одновременно натолкнуться на обѣ рати, онъ остановился. Остановились и подступающіе къ столицѣ Галиціи, лишенной теперь князя, враги Романа. Затѣмъ Андрей поспѣшилъ вступить въ мирные переговоры съ Лешкомъ, такъ какъ домашнія смуты, вспыхнувшія за его спиной вокругъ королевы Гертруды, заставляли его вернуться въ Венгрію. Но русскіе князья еще прежде ихъ пошли обратно, а галичане уговорились съ Андреемъ призвать къ себѣ князя переяславскаго, сына Всеволода III: Ярослава-Ѳеодора. Однако его опередилъ Владиміръ Игоревичъ, князь путивльскій въ землѣ сѣверской, нѣкогда бывшій съ отцомъ своимъ въ плѣну у половцевъ. Послѣ двухъ недѣль напраснаго ожиданія запоздавшаго Ярослава-Ѳеодора. галичане сами послали къ Владиміру Игоревичу—звать его къ себѣ, внявъ совѣту двухъ галицкихъ бояръ, жившихъ въ сѣверской области подъ опалой Романа и очень хваливших Игоревичей. Кромѣ того, сыновья Игоря сѣверскаго по матери приходились родными внуками Ярославу-Осмомыслу.

30) Картина: Князь Владиміръ Игоревичъ спѣшитъ ночью въ Галичъ.

Владиміръ Игоревичъ, получивъ приглашеніе галичанъ, украдкой отъ другихъ князей, ночью, поскакалъ въ Галичъ съ братомъ своимъ Романомъ и, сѣвъ самъ въ Галичѣ, брату далъ Звенигородъ. Ярославъ-Ѳеодоръ не сталъ оспаривать у него, имъ уже занятаго, стола и остался въ Переяславлѣ.

Однако Владиміръ Игоревичъ не могъ спокойно править галицкою землею, пока Даніилъ и Василько Романовичи на свободѣ жили во Владиміро-Волынскѣ. Онъ черезъ одного галицкаго священника приказалъ объявить тамъ жителямъ, что разрушитъ городъ ихъ, если они не выдадутъ ему Романовичей и не примутъ къ себѣ на княженіе брата его—Святослава. Такъ какъ въ городѣ, среди людей, преданныхъ дому Романа, оказались тоже приверженцы Игоревичей, то княгиня галицкая рѣшилась, подъ покровительствомъ дядьки Даніила—Мирослава и съ кормилицей Василько, ночью бѣжать черезъ проломъ въ городской стѣнѣ. Имъ больше некуда было скрыться, какъ въ Польшу, гдѣ они и предались на милость короля Лешки въ память его прежней дружбы съ Романомъ. Лешко сжалился надъ бѣглецами, говоря, что самъ чертъ поссорилъ его съ Романомъ; принялъ княгиню ласково и послалъ Даніила въ Венгрію подъ защиту Андрея. Владиміръ Игоревичъ поспѣшилъ задобрить богатыми дарами какъ Лешко, такъ и венгерскаго короля. Однако потомъ сами братья Игоревичи поссорились между собою, и Романъ, пріѣхавъ въ Венгрію, успѣлъ убѣдить Андрея, дать ему на помощь войско противъ Владиміра. Тогда тотъ принужденъ былъ бѣжать назадъ въ свой Путивль.

31) Картина: Бѣгство княгини галицкой съ малолѣтними сыновьями изъ Владиміръ-Волынска.

Малолѣтнему Василько Романовичу Лешко предоставилъ для княженія городъ Брестъ. А въ 1207 году онъ изгналъ изъ Владиміра-Волынска Святослава Игоре-

вича, чтобъ посадить въ этомъ городѣ княземъ своего дядю по матери, сына Всеволода Мстиславича бельзскаго — Александра. Граждане приняли съ радостью племянника Романа, но, отворивъ ворота полякамъ, негодовали на ограбленіе ими церквей, говоря, что если бы съ ними не было Александра, то они не допустили бы ихъ даже перейти Бугъ. Потомъ польскій король попытался на мѣсто Александра посадить во Владимірѣ-Волынскомъ, временно княжившаго въ самомъ Кіевѣ, Ингваря Ярославича луцкаго, братъ котораго—Мстиславъ Нѣмой княжилъ въ Пересопицѣ, но—безуспѣшно. Однако позже Александру пришлось все же уступить владиміро-волынскій столъ Василько Романовичу, по новому ходатайству княгини галицкой передъ Лешко. Мы видимъ, что смерть Романа дала возможность польскому королю распоряжаться волынскими областями.

По возвращеніи изъ своего второго похода подъ Галичъ въ 1206 году, Олеговичи возгордились призваніемъ Владиміра Игоревича княжить въ Галичъ и вознамѣрились снова отнять у Мономаховичей старшинство въ Кіевѣ. Сынъ Святослава Всеволодовича, Всеволодъ Святославовичъ Чермный, самъ имѣвшій надежду господствовать въ галицкой области, теперь рѣшилъ вознаградить себя, занявъ вооруженной рукою Кіевъ и разославъ своихъ намѣстниковъ по городамъ всей Днѣпровской области. Рюрикъ опять выѣхалъ тогда въ Овручъ, а сынъ его Ростиславъ ушелъ въ Вышгородъ, тогда какъ Мстиславъ Романовичъ смоленскій заперся въ Бѣлгородѣ. Они имѣли теперь достаточную причину искать противъ Олеговичей защиты великаго князя Всеволода. Но Чермный, не дождавшись ихъ жалобы, самъ дерзнулъ оскорбить его. Онъ прогналъ Ярослава-Ѳео-

дора изъ южнаго Переяславля, сказавъ ему: «иди къ отцу, а Переяславль пусть будетъ княженіемъ для моего сына». Рюрику и Мстиславу удалось было внезапнымъ нападеніемъ изгнать Всеволода Чермнаго изъ захваченнаго имъ Кіева, но онъ призвалъ на помощь Владиміра Игоревича, причемъ и князья туровскіе, измѣнивъ Рюрику, стали на сторону его врага. Мстиславъ смоленскій началъ просить только свободнаго пропуска для возвращенія къ себѣ въ Смоленскъ. Половцы, нанятые Всеволодомъ Чермнымъ, торжествовали успѣхъ его грабежемъ на берегахъ Днѣпра. Тогда вооружился на сѣверѣ Всеволодъ III Большое Гнѣздо. Онъ спокойно, единовластно господствовалъ тамъ надъ всѣми русскими областями; отряды войскъ его держали въ страхѣ камскихъ булгаръ; рязанскіе князья, покорившіеся ему, отражали донскихъ половецкихъ хищниковъ, а новгородцы—Литву. Въ Новгородѣ теперь княжилъ не малолѣтній сынъ его Святославъ, а старшій—Константинъ. Надо думать, что пѣстуны юнаго князя, владимірскіе бояре, не могли въ достаточной мѣрѣ обуздывать народнаго своевольства, и великій князь хотѣлъ этою перемѣною еще больше укрѣпить свою власть надъ Новгородомъ. Двадцатилѣтній Константинъ уже славился своей мудростью, великодушіемъ и христіанскими добродѣтелями. Въ 1206 году Всеволодъ, напутствуя его въ Новгородъ, далъ ему, по обычаю того времени, «крестъ и мечъ», какъ признаки княжескаго его достоинства, со словами: «Да будетъ крестъ тебѣ охраною и помогой, а мечъ защитой и обороной. Ихъ даю тебѣ, чтобы ты оберегалъ людей своихъ отъ враговъ. На тебя Богъ положилъ старшинство во всей братьи твоей, а Новгородъ Великій есть древнѣйшее княженіе во всей

русской землѣ. Гряди съ миромъ. Помни славное имя свое и заслужи оное дѣлами». Братья и знатнѣйшіе бояре сопровождали Константина при отъѣздѣ его, а толпы народныя провожали любимаго князя громогласными благословеніями. Новгородцы, съ своей стороны, радостно встрѣтили Константина, недовольные управленіемъ, смѣненнаго теперь, посадника и приближенными Святослава. Принявъ присягу отъ нихъ на вѣрность себѣ въ Софійскомъ соборѣ и угостивъ бояръ въ домѣ своемъ, Константинъ ревностно занялся дѣлами правосудія, такъ что мирные граждане, по свидѣтельству лѣтописи, засыпали спокойно, тогда какъ властолюбивые и мятежные несли достойную кару.

Узнавъ о междоусобной войнѣ, происходившей на югѣ, и о дерзкихъ выходкахъ сына стараго своего друга—Святослава Всеволодовича, великій князь сказалъ: «южная Русь есть тоже мое отечество», и пошелъ съ полками своими къ Чернигову, наказавъ Константину съ новгородскою ратью встрѣтить его въ Москвѣ. На берегу Оки, подъ Коломной, соединились съ нимъ князь Давидъ муромскій и князья рязанскіе. Но, среди послѣднихъ, двое младшихъ племянниковъ Романа и Святослава Глѣбовичей—Глѣбъ и Олегъ, сыновья умершаго Владиміра Глѣбовича, донесли тутъ Всеволоду объ измѣнѣ ему ихъ старшихъ родичей, вошедшихъ въ сношеніе съ Кіевомъ и тайно стоящихъ яко-бы на сторонѣ князей черниговскихъ. Всеволодъ приказалъ схватить уличенныхъ предателей вмѣстѣ съ ихъ приближенными, чтобъ отвести ихъ плѣнными во Владиміръ; отправилъ внизъ по Окѣ судовую рать со съѣстными припасами, а самъ пошелъ на Пронскъ, опустошая снова огнемъ и мечемъ рязанскую землю. Въ Пронскѣ княжилъ одинъ

изъ внуковъ Глѣба — Киръ-Михаилъ Всеволодовичъ, женатый на дочери Всеволода Чермнаго. Онъ отказался отъ участія въ походѣ противъ него и, услышавъ о грозномъ приближеніи суздальцевъ, удалился въ Кіевъ къ своему тестю, оставивъ городъ свой на защиту брату Олега и Глѣба—Изъяславу Владиміровичу. Послѣ трехъ недѣль мужественной обороны, Пронскъ, отрѣзанный суздальцами отъ воды, сдался. Олегъ же Владиміровичъ успѣшно отбилъ нападеніе двоюроднаго брата своего на суздальскія лодки съ запасами хлѣба. Отдавъ Пронскъ князю Давиду муромскому, Всеволодъ III пошелъ къ Рязани, сажая на пути по городамъ рязанскимъ своихъ посадниковъ. Подлѣ села Добрый Сотъ, на рѣкѣ Пронѣ, его съ повинною головою встрѣтили рязанскіе послы, и муромо-рязанскій епископъ Арсеній первымъ явился передъ великимъ княземъ усерднымъ ходатаемъ за рязанцевъ. Всеволодъ согласился даровать имъ миръ, но подъ условіемъ, чтобы рязанская земля ему выдала всѣхъ своихъ князей. Мольба епископа, послѣдовавшаго за Всеволодомъ во Владиміръ, была безсильна поколебать его требованіе и вернуть свободу несчастнымъ плѣнникамъ. Тѣмъ не менѣе Всеволоду удалось захватить не всѣхъ рязанскихъ князей, а оставшіеся на свободѣ, при содѣйствіи половцевъ, отняли Пронскъ у Давида муромскаго. Въ 1208 году Всеволодъ отправилъ въ Рязань вмѣстѣ съ Арсеніемъ своего сына—Ярослава-Ѳеодора. Хотя рязанцы волей-неволею присягнули ему, но замышляли измѣну, а жители другихъ городовъ стали избивать суздальцевъ за притѣсненія ихъ. Прослышавъ о заговорѣ противъ сына и о дерзкихъ выходкахъ рязанскихъ гражданъ, Всеволодъ III немедленно пошелъ съ войскомъ къ Рязани и, въ

отвѣтъ на мятежныя рѣчи рязанцевъ, сжегъ ихъ столицу. Епископъ Арсеній съ лучшими людьми города плѣнникомъ былъ привезенъ во Владиміръ. Но, тѣмъ не менѣе, пронскіе князья не признавали подчиненія рязанскаго княжества ростово-суздальскому и продолжали свои враждебныя дѣйствія противъ Всеволода до самой его кончины. Спасшійся отъ неволи Изъяславъ Владиміровичъ и Михаилъ, зять Чермнаго, мстили Всеволоду опустошеніемъ московскихъ окрестностей, но сынъ его, Юрій, разбилъ ихъ на-голову.

Глава VII.

Новая перемѣна князя въ Новгородѣ. Псковъ. Завоеваніе Ливоніи нѣмцами и епископъ Альбертъ Буксгевденъ. Основаніе имъ рыцарскаго ордена меченосцевъ. Насильственное крещеніе язычниковъ. Столкновеніе нѣмцевъ съ русскими. Кукейносъ и Герсикэ. Возмущеніе куроновъ и приступъ на Ригу. Полочане и псковскій князь Владиміръ Мстиславичъ.

Послѣ плѣненія непокорныхъ рязанскихъ князей и заключенія мира съ Рязанью у села Добрый сотъ, Всеволодъ III, довольный помощью, оказанной ему въ этой войнѣ новгородцами, милостиво ихъ одарилъ въ Коломнѣ и на словахъ возвратилъ имъ древнія ихъ права свободнаго самоуправленія, но съ сыномъ Константиномъ онъ не захотѣлъ больше разстаться, и отрокъ Святославъ снова поѣхалъ управлять при посредствѣ своихъ бояръ новгородской областью. Но онъ не могъ еще предводительствовать новгородскимъ войскомъ, сражавшимся тогда съ Литвой подъ начальствомъ псковскаго князя, сына Мстислава Храбраго, Владиміра Мстиславича.

Какъ Великія Луки были въ концѣ XII столѣтія «оплечьемъ» Новгорода со стороны Литвы, такъ

Псковъ явился его оплотомъ на западѣ отъ нѣмцевъ, утвердившихся въ прибалтійскомъ краѣ. Этотъ городъ расположился на правомъ берегу рѣки Великой, за нѣсколько верстъ отъ ея впаденія въ Чудское озеро. Съ началомъ опаснаго сосѣдства нѣмцевъ, когда усилилась потребность въ оборонѣ Новгорода отъ ихъ нападеній, Псковъ,—до той поры новгородскій пригородъ,—получаетъ нерѣдко особаго князя. Въ то же время усиливается торговое его значеніе: онъ дѣлается главнымъ посредникомъ въ торговлѣ сѣверной Руси съ Ригой и другими нѣмецкими городами Ливоніи, хотя судоходство его должно было ограничиться пространствомъ Чудского озера съ нижними частями нѣкоторыхъ его притоковъ.

Въ 1196 году датскій король Канутъ VI присталъ къ эстонскому берегу и утвердился здѣсь, принудивъ туземцевъ силою принять христіанство. Въ томъ же году умеръ въ Ливоніи Мейнгардъ; а преемникъ его, монахъ Бертольдъ, крайне недружелюбно встрѣченный ливами, задумавшими убить его,—послѣ тайнаго своего отъѣзда обратно въ Германію, прибылъ вторично къ епископскому замку въ Гольмѣ, на основаніи папской буллы, съ отрядомъ вооруженныхъ людей.—«Тѣхъ, кто крестился, ты можешь принудить оставаться христіанами, но другихъ убѣждай словами—не палками», послали ему сказать возмущенные ливы; и тутъ началась у нихъ открытая война съ нѣмцами. Первая схватка произошла между ними при устьѣ Двины у холма Риге, гдѣ расположился со своими воинами Бертольдъ. Занесенный своимъ конемъ въ средину уже обращенныхъ имъ въ бѣгство ливовъ, онъ получилъ смертельный ударъ копьемъ въ спину. Мстя за его смерть, рыцари-побѣдители опустошали страну. Тогда волей-неволей

32) Картина: Смерть Бертольда.

ливы должны были согласиться принять нѣмецкихъ священниковъ и обѣщали платить имъ требуемый налогъ. Однако едва только грозное христіанское войско отплыло отъ ихъ береговъ, какъ возобновилось смываніе съ себя крещенія въ водахъ Двины, сопровождавшееся избіеніемъ лицъ, посылаемыхъ римской церковью. Но на мѣсто убитаго Бертольда скоро прибылъ въ Ливонію, по выбору бременскаго архіепископа, человѣкъ крайне ловкій и предпріимчивый, возложившій задачу распространенія христіанства въ Ливоніи, только на силу меча и весьма далекій отъ облика мученика или апостола. Получивъ изъ Даніи помощь деньгами и собравъ на островѣ Готландѣ пятьсотъ крестоносцевъ, которымъ, по его ходатайству, были дарованы такія же преимущества, какъ и крестоносцамъ, сражавшимся въ Палестинѣ,— онъ весною 1200 года съ ратными и торговыми людьми на 23-хъ корабляхъ приплылъ къ устью Двины. Это былъ одинъ изъ канонниковъ бременскаго архіепископа, человѣкъ довольно знатнаго происхожденія,—Альбертъ Буксгевденъ.

33) Картина: Ливы смываютъ съ себя крещеніе.

Отдѣливъ отъ главнаго флота нѣсколько небольшихъ судовъ, новый епископъ поднялся на нихъ по Двинѣ до Гольма, но здѣсь, принужденъ былъ выдержать упорную осаду замка снова вооружившимися ливами. Онъ одолѣлъ ихъ обманомъ, заманивъ къ себѣ всѣхъ мѣстныхъ старшинъ и угрожая отправить ихъ плѣнниками въ Германію. Вмѣсто себя старшины должны были выдать Альберту до 30-ти своихъ сыновей, и этимъ мальчикамъ было преподано въ Бременѣ христіанское вѣроученіе. Альбертъ понялъ, что необходимо твердой ногою стать на новой почвѣ вслѣдствіи чего онъ рѣшилъ основать городъ для мѣста своего пребыванія поближе къ морю.

Имъ выбранъ былъ для этого тотъ самый холмъ Риге въ 14-ти верстахъ отъ моря, гдѣ палъ Бертольдъ въ сраженіи съ ливами. Папа Иннокентій III прислалъ свое благословеніе на постройку здѣсь епископской столицы, и въ 1201 году были заложены стѣны ея вмѣстѣ съ соборомъ во имя Пр. Дѣвы Маріи. Ради торговой выгоды этого города папа запретилъ нѣмецкимъ купцамъ приставать къ берегу въ устьѣ сосѣдней съ Двиной рѣки—Муса, или иначе второй рѣки Аа куронской земли, гдѣ они торговали съ вышеупомянутыми куронами, называвшимися также «зимголами». Купцы должны были приставать только въ устьѣ Двины, гдѣ Альбертъ построилъ, какъ укрѣпленіе, замокъ, по имени Дюнамюнде. Онъ постарался привлечь въ свой городъ торговое и ремесленное населеніе изъ разныхъ мѣстъ. Но для охраны мирныхъ его занятій и для постоянной борьбы съ туземцами необходимо было тоже имѣть ратную силу. Отправляясь каждую осень въ Германію, Альбертъ привозилъ весною въ Ригу все новые полки крестоносцевъ, поддерживавшихъ его власть въ странѣ вооруженной рукою цѣлое лѣто ради прощенія своихъ грѣховъ. Однако дальновидный епископъ, не удовольствовавшись этими пилигримами, задумалъ получить въ свое распоряженіе настоящее, неотлучное изъ Ливоніи, войско, такъ какъ иначе, едва крестоносцы садились на корабли, окрестившіеся изъ-подъ страха туземцы немедленно возвращались къ язычеству и возобновляли свои враждебныя дѣйствія противъ пришельцевъ. Съ указанной цѣлью, онъ началъ раздавать рыцарямъ ливонскіе замки въ зависимое до извѣстной степени отъ себя владѣніе. Къ этому времени нѣсколько выше Икскуля, на правомъ берегу Двины, построился

еще замокъ Ленневердень. Когда такіе, призванные имъ, нѣмецкіе бароны-рыцари, занявъ свои замки, поселились въ Ливоніи уже мѣстными землевладѣльцами, Альбертъ предпринялъ изъ нихъ основать военно-монашескій орденъ, иначе «братство священныхъ рыцарей», посвятившихъ себя защитѣ и распространенію христіанской вѣры, по образцу подобныхъ же орденовъ въ Палестинѣ. Папа Иннокентій III въ 1202 году утвердилъ этотъ орденъ въ Ливоніи и рыцарямъ его далъ названіе «храмовниковъ»; но такъ какъ внѣшнимъ знакомъ ливонскихъ орденскихъ рыцарей служилъ бѣлый плащъ съ краснымъ изображеніемъ на немъ меча и креста, то они были больше извѣстны подъ именемъ «меченосцевъ». Ими давался ненарушимый обѣтъ безбрачія, повиновенія папѣ и своему епископу, а кромѣ того обѣтъ борьбы съ язычниками въ теченіе цѣлой жизни. Начальникомъ или магистромъ основаннаго имъ ордена, Буксгевденъ назначилъ нѣкоего Рорбаха. Съ тѣхъ поръ, конечно, завоеваніе Ливоніи и насильственное обращеніе туземцевъ въ христіанство пошло успѣшнѣй. Однако Альбертъ все-таки дѣйствовалъ не одной силой меча. Онъ умѣлъ создавать благопріятныя для себя обстоятельства и ими пользовался. Привлекая къ себѣ ливонскихъ старшинъ почестями или подарками, онъ нарочно поддерживалъ вражду туземныхъ племенъ между собою, своимъ оружіемъ помогая то одному, то другому. Такъ однажды, когда литовцы черезъ землю ливовъ предприняли набѣгъ на сѣверныхъ эстовъ, кучка нѣмецкихъ всадниковъ, блиставшая на солнцѣ шлемами, обнаженными мечами и панцырями. навела такой страхъ на нестройную толпу литвиновъ, вооруженныхъ самострѣлами и дубинами, что они бросились еще до битвы спасаться бѣг-

34) Картина: Рыцарь ливонскаго ордена меченосцевъ.

35) Картина: Встрѣча съ литвинами нѣмецкихъ рыцарей и безпорядочное бѣгство первыхъ.

ствомъ, а такъ какъ глубокій снѣгъ въ лѣсу мѣшалъ быстротѣ ихъ движенія, то нѣмцы съ плѣнными эстами избивали ихъ какъ беззащитныхъ овецъ.

Однако, насильно обращенные въ христіанство, ливы не разъ возмущались противъ своихъ порабо-тителей, и плѣнныхъ нѣмцевъ неоднократно уже при-носили въ жертву языческимъ богамъ. Рыцари имъ за то мстили, опустошая ихъ страну, убивая тол-пами жителей и выжигая селенія. Хотя, при такомъ безпощадномъ способѣ усмиренія, область ливовъ была дѣйствительно съ теченіемъ времени поко-рена нѣмцами совершенно, но зато этотъ богатый край обнищалъ, а туземное населеніе, ставшее крайне рѣдкимъ, слилось съ литовскими латышами. Голодъ и моровое повѣтріе довершили дѣло опустошенія страны, такъ что въ настоящее время развѣ еще кое-гдѣ разсѣянъ жалкій остатокъ цѣлаго племени, дав-шаго свое имя почти всему прибалтійскому краю.

Послѣ покоренія ливовъ, возникли ссоры между рыцарскимъ орденомъ и епископомъ потому, что ор-денъ себѣ потребовалъ третью часть завоеванной имъ земли, такъ же, какъ и будущихъ завоеваній, и папа рѣшилъ этотъ вопросъ въ его пользу. Епископъ Альбертъ ошибся въ своемъ разсчетѣ занять поло-женіе духовнаго князя, имѣя рыцарскій орденъ по-слушнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ. На холмахъ лѣваго берега Аа, орденъ построилъ себѣ крѣпкій замокъ — Венденъ, сдѣлавшійся мѣстопребываніемъ магистра, т. е. начальника ордена. Отсюда, а также изъ возникавшихъ вокругъ новыхъ замковъ, орден-ская братія начала владычествовать надъ населеніемъ всей окрестности, что̀ отразилось очень чувствительно на мирныхъ жителяхъ, такъ какъ орденъ наполнился

всевозможными выходцами изъ разныхъ мѣстъ, искателями приключеній и военной добычи, людьми грубыми и разнузданными, позволявшими себѣ всякаго рода насилія. Епископъ же не имѣлъ возможности обуздать буйныхъ рыцарей. Одинъ изъ такихъ отчаянныхъ братьевъ умертвилъ самого начальника Рорбаха, за что впрочемъ былъ публично казненъ въ Ригѣ. На мѣсто Рорбаха Буксгевденъ тогда назначилъ рыцаря Вольквина.

За ливами наступила очередь латышей. Но часть ихъ, платившая дань полоцкимъ князьямъ, воспринимала русское просвѣщеніе, а потому склонялась къ принятію православія. Нѣкоторыя латышскія селенія были уже окрещены русскими проповѣдниками. Нѣмецкая проповѣдь такимъ образомъ въ этомъ краю встрѣтила нѣкоторое противодѣйствіе въ русской проповѣди, но съ тою разницей, что въ чувство народной гордости и своего превосходства надъ сосѣдними странами, у русскихъ людей не входила узкая національная исключительность или суровая нетерпимость. Мы видимъ, что Русь жила въ тѣсномъ, мирномъ общеніи съ востокомъ, западомъ и византійскимъ югомъ. Но латыши, по своему обычаю, прибѣгли къ гаданью, чтобы узнать волю своихъ боговъ, и жребій палъ на латинскую вѣру. Послѣ того нѣмецкіе священники безпрепятственно окрестили по своему обряду цѣлый рядъ латышскихъ селеній и въ нихъ сейчасъ же построили латинскіе храмы. Однако и литовцы, и ливы долго еще ходили молиться въ свои священныя рощи, принося жертвы деревьямъ и ежегодно торжествуя праздникъ усопшихъ, причемъ клали въ могилу оружіе, пищу и деньги, говоря мертвому: «иди, несчастный, въ міръ лучшій, гдѣ нѣмцы не могутъ господствовать надъ тобою.

но будутъ твоими рабами». Мѣстные жители не позабыли и черезъ столѣтія жестокія надъ собой насилія своихъ просвѣтителей!

Распространеніе нѣмецкихъ завоеваній внутрь страны должно было, конечно, вызвать враждебное столкновеніе нѣмцевъ съ Русью, не только на религіозной почвѣ. Но слабость полоцкаго княжества вообще и личная неспособность князя Владиміра давали въ этой возникшей борьбѣ перевѣсъ нѣмецкимъ рыцарямъ. Строя новыя крѣпости и умножая число своихъ воиновъ, хитрый епископъ по временамъ дарилъ князя полоцкаго Владиміра и увѣрялъ его, будто нѣмцы думаютъ единственно о распространеніи католическаго вѣроисповѣданія. Но, наконецъ, Владиміръ внезапно явился въ 1203 году передъ городомъ Икскулемъ и осадилъ его, призванный на помощь ливами, задумавшими во время отсутствія Буксгевдена освободиться отъ гнета нѣмцевъ. Жители, не подготовленные къ осадѣ, откупились отъ князя данью, и онъ пошелъ осаждать другой городъ—Гольмъ. Однако камнеметательныя орудія подоспѣвшаго туда нѣмецкаго войска отбили полочанъ и не давали имъ, несмотря на небольшое число защитниковъ, овладѣть Гольмомъ. Полочане, по свидѣтельству лѣтописца, Генриха Латыша, не знакомы были съ такими орудіями и стрѣляли издали стрѣлами, а когда захотѣли подражать нѣмцамъ, то неискусно устроенныя орудія, отсылая камни обратно, ранили самихъ же русскихъ ратниковъ. Тѣмъ временемъ даже Рига находилась подъ страхомъ нашествія русскихъ, такъ какъ ея укрѣпленія не были окончены. Съ цѣлью имъ затруднить дорогу къ городу, рижане набросали по сосѣднимъ полямъ желѣзныхъ гвоздей, чтобы эти гвозди вонзались въ копыта

лошадей и въ ноги пѣхоты. Но опасенія рижанъ были напрасны. Узнавъ, что корабли датскаго короля Вольдемара приближаются къ берегамъ Ливоніи, малодушный Владиміръ бросилъ осаду, уже готоваго сдаться, Гольма и отплылъ по Двинѣ обратно въ свои владѣнія въ 1206 году.

Въ Ливоніи, по берегамъ Двины, роду полоцкихъ князей принадлежали двѣ волости: Кукейносъ и Герсикэ. Въ 1207 году опять призвалъ къ себѣ на помощь Владиміра, ему подчиненный, князь городка Кукейноса—Вячко, тѣснимый нѣмцами и литовцами со всѣхъ сторонъ. Разсчитывая на отъѣздъ Альберта и крестоносцевъ въ Германію, Вячко велѣлъ перебить въ своемъ городѣ всѣхъ нѣмцевъ, когда они безоружные добывали въ ямахъ камень для своихъ построекъ. Но спасшіеся донесли о томъ въ Ригу. Альбертъ, задержанный въ устьѣ Двины противными вѣтрами, возвратился. Тогда, отчаявшись въ возможности избавленія отъ враговъ, Вячко самъ сжегъ Кукейносъ, а потомъ съ семействомъ своимъ и дружиною удалился въ русскую землю. Альбертъ не замедлилъ на мѣстѣ сгорѣвшаго городка выстроить крѣпкій замокъ, отданный имъ во владѣніе одному рыцарю, причемъ месть свою Вячко нѣмцы жестоко излили на головы несчастныхъ туземцевъ. Князя Герсикэ, Всеволода, епископъ принудилъ стать данникомъ рижской церкви и подарить область свою Богородицѣ, т. е. епископу. Онъ былъ женатъ на дочери литовскаго князя и потому дружилъ съ литовцами, предоставляя имъ безопасную переправу черезъ Двину и снабжая ихъ съѣстными припасами. Между тѣмъ литовцы являлись на западѣ бичемъ нѣмцевъ такъ же, какъ и всѣхъ остальныхъ сосѣдей своихъ. Это были половцы сѣвера. Полочане отъ нихъ терпѣли немало бѣдъ, а ливы и леты

являлись ихъ постоянной пищей. Хотя Всеволодъ, вызванный въ Ригу, и согласился открывать ордену мечеиосцевъ всѣ замыслы своихъ литовскихъ друзей и русскихъ, чтобъ выручить изъ нѣмецкаго плѣна свою жену, но, вернувшись въ волость свою, возвращенную ему уже изъ рукъ епископа, онъ, забывъ это обѣщаніе, снова началъ водить язычниковъ противъ ближайшихъ къ Герсикэ нѣмцевъ. Не исчезающее стремленіе коренныхъ мѣстныхъ жителей прогнать отъ себя поработившихъ ихъ и водворившихся въ ихъ странѣ нежелательныхъ пришельцевъ съ запада продолжало ихъ побуждать къ возстанію при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ 1210 году, тоже во время осенняго отъѣзда епископа, куроны, терпѣвшіе себѣ большую помѣху въ своемъ морскомъ разбоѣ отъ сосѣдства нѣмцевъ, зная о слабой защитѣ Риги и получивъ обѣщаніе помощи отъ литвиновъ, ливовъ и русскихъ, поспѣшили на многочисленныхъ судахъ къ устью Двины и съ такой быстротой напали на Ригу, что рыбаки едва успѣли извѣстить городъ о ихъ приближеніи. Власти тотчасъ ударили въ набатный колоколъ. Женщины и священнослужители взялись за оружіе вмѣстѣ съ горстью находившихся за городскими стѣнами воиновъ. Рижане устояли до наступленія ночи, не смотря на то, что куроны храбро пошли на приступъ, прикрывшись своими щитами, составленными изъ двухъ досокъ, а кто изъ нихъ падалъ раненый, тому товарищъ отрубалъ голову. Куронамъ никто изъ тѣхъ, на чью поддержку они разсчитывали, не явился на помощь. Тогда они сожгли тѣла павшихъ товарищей и уплыли обратно. Нѣмцевъ спасло на этотъ разъ, какъ и прежде, отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ ихъ враговъ.

36) Картина: Куроны идутъ на приступъ Риги.

Три года спустя епископъ Альбертъ успѣлъ склонить князя полоцкаго къ выгодному для нѣмцевъ торговому договору и устранилъ его отъ непосредственнаго сношенія съ туземцами, самъ обязавшись за нихъ вносить дань Владиміру, подъ тѣмъ предлогомъ, что ливы не хотятъ служить двумъ господамъ и просятъ освободить ихъ отъ русскаго ига. Переговоры эти происходили при личномъ свиданіи епископа Альберта съ полоцкимъ княземъ подъ Герсикэ. Владиміръ тутъ же потребовалъ, чтобы нѣмцы прекратили насильственное обращеніе въ свою вѣру подчиненныхъ ему ливовъ; но получилъ въ отвѣтъ лицемѣрныя изреченія изъ Евангелія съ рѣшительнымъ заявленіемъ епископа, что «онъ не можетъ прекратить проповѣдь, порученную ему римскимъ папой». Раздраженный Владиміръ прибѣгъ къ угрозѣ — предать пламени Ригу и другіе нѣмецкіе города; даже велѣлъ дружинѣ своей стать въ боевой порядокъ противъ вооруженныхъ спутниковъ Альберта Буксгевдена. Тогда и тѣ послѣдовали его примѣру. Между тѣмъ князь псковскій — Владиміръ Мстиславичъ, сынъ Мстислава Храбраго, въ томъ же 1213 году выдалъ дочь свою замужъ за брата епископа, послѣ чего псковичи, возмущенные этой дружбой своего князя съ врагомъ Руси, прогнали его отъ себя, и онъ съ почетомъ былъ принятъ въ Ригѣ. Теперь этотъ изгнанный князь, да еще ксендзъ рижскаго собора Іоаннъ, вмѣшавшись въ споръ Альберта Буксгевдена съ полоцкимъ княземъ, уговорили слабаго Владиміра полоцкаго уступить епископу въ его домогательствахъ, даже освободивъ его отъ обязанности уплачивать ему дань за ливовъ, съ условіемъ только союза противъ Литвы и свободнаго плаванія по Двинѣ. Владиміръ псковскій былъ награжденъ за

37) Картина: Свиданіе Альберта Буксгевдена съ княземъ полоцкимъ около Гольма.

*

свою услугу назначеніемъ его нѣмецкимъ намѣстникомъ одной ливонской области. Такой позорный случай исключителенъ среди русскихъ князей во всей русской исторіи. Но впрочемъ Владиміръ Мстиславичъ не долго пробылъ въ Ливоніи и, раскаявшись, возвратился въ Псковъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава VIII.

Войны съ эстами новгородцевъ и псковичей. Отношеніе Новгорода къ землѣ ростово-суздальской и условія его торговли. Положеніе князя въ Новгородѣ. Мстиславъ Удалой выручаетъ Новгородъ. Побѣда его надъ ливонскими нѣмцами. Бояре, дружина и русскій князь XII столѣтія. Ростовъ великій и Константинъ Всеволодовичъ. Кончина Всеволода III Большое Гнѣздо. Смерть Рюрика. Дѣла на югѣ и въ Галичѣ. Новое вмѣшательство венгровъ. Казнь Игоревичей и превратности судьбы малолѣтняго Даніила Романовича съ братомъ его—Василько. Самоуправство въ кіевской области Всеволода Святославича Чермнаго.

Въ то время, когда нѣмцы утвердились въ Ливоніи, отнимая низовыя, двинскія страны у Полоцка, новгородцы и псковичи продолжали упорно бороться съ чудью, жившей на югъ и на сѣверъ отъ Финскаго залива. Мы видѣли, какъ Мстиславъ Храбрый отомстилъ чуди за ея неудачное нападеніе въ 1176 году всей землей на псковскую область. Когда въ 1190 году чудь снова подошла къ Пскову по озеру на судахъ, псковичи не отпустили домой ни одного живого врага. Въ 1191 и 1192 годахъ псковичи съ новгородцами, взявъ обратно у чуди свой городъ Юрьевъ и овладѣвъ ихъ городомъ Оденпе, сильно пожгли чудскую землю и привели оттуда много плѣнныхъ. Обыкновенно наступательныя движенія новгородцевъ на чудь продолжались въ минуты ладовъ ихъ со

своими князьями. Но такія времена были рѣдки, и потому эти движенія новгородцевъ не отличались желательнымъ постоянствомъ, потому новгородцы не могли утвердиться въ Эстоніи и успѣшно бороться съ нѣмцами за господство надъ нею.

Понятіе о княжескомъ достоинствѣ было издревле такъ присуще русскому племени, что оно не могло представить себѣ существованіе безъ князя. Весь складъ русской земли тѣхъ временъ не допускалъ и мысли объ устраненіи княжескаго достоинства даже въ Новгородѣ при всемъ стремленіи его къ народовластію, при всѣхъ обидахъ, претерпѣваемыхъ тамъ князьями. Также и пригороды его: Псковъ, Торжокъ и другіе, желали имѣть своихъ особыхъ князей для защиты отъ задорныхъ сосѣдей. Князья шли охотно въ Новгородъ, не смотря на ожидавшія ихъ тамъ стѣсненія. Они считали все же за честь быть княземъ въ богатомъ и славномъ Новгородѣ; а кромѣ того ихъ туда привлекали большія доли, назначенныя новгородскимъ князьямъ съ ихъ дружиной отъ разныхъ статей доходовъ. Мы знаемъ, что ослабленіе зависимости Новгорода отъ Кіева послѣ Мстислава I смѣнилось еще болѣе тяжелой зависимостью отъ суздальскаго княжества. Уже князь Юрій Долгорукій перехватывалъ новгородскихъ сборщиковъ дани съ финскихъ племенъ въ Заволочьѣ и, въ случаяхъ споровъ съ Новгородомъ, не давалъ пути новгородскимъ купцамъ черезъ свои земли, мѣшая ихъ торговлѣ съ востокомъ. Подвозъ хлѣба въ Новгородъ, по Волгѣ и съ юга, находился тоже въ его рукахъ. Суздальскому князю всегда легко было заручиться опорой на новгородскомъ вѣчѣ въ сосѣднихъ съ его волостями землевладѣльцахъ: боярахъ и купцахъ, изъ страха

убытка себѣ готовыхъ поддерживать его волю. Новгородъ потому и не могъ никакъ развязаться съ владимірскими князьями, что въ самомъ Новгородѣ была всегда сторона, ради торговыхъ выгодъ тянувшая къ суздальской землѣ. Новгородская область была до крайности бѣдна земледѣльческими произведеніями. Благосостояніе Новгорода опиралось единственно на торговлю; потому для него являлось насущной потребностью находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ такою землей, откуда онъ могъ получать хлѣбъ для собственнаго продовольствія и разныя сырыя произведенія для вывоза ихъ заграницу, особенно воскъ, и куда съ своей стороны новгородцы могли сбывать заморскіе товары. Суздальско-ростовская земля, болѣе удаленная отъ нападенія иноплеменниковъ и не такъ сильно страдавшая отъ княжескихъ междоусобій, какъ южная Русь, приходила въ цвѣтущее состояніе; наполнялась жителями и естественно стала удобнымъ краемъ для новгородской торговли. Она была значительно ближе къ Новгороду, чѣмъ другія плодородныя земли, и сообщеніе съ нею было гораздо легче. Мы уже знаемъ, что на Руси въ то время главнымъ способомъ сообщенія служило судоходство, какъ для военныхъ, такъ и для торговыхъ цѣлей. Между рѣчными развѣтвленіями залегали сухопутные волоки. Но самымъ удобнымъ временемъ для передвиженія обозовъ была зима, когда и рѣки и топи затягивались крѣпкой корою льда. Зато въ эту пору русскому человѣку, кромѣ лѣсныхъ трущобъ, полныхъ хищныхъ звѣрей, приходилось бороться съ морозными вьюгами и глубокимъ снѣгомъ.

Необходимую принадлежность не только города, но даже всякаго значительнаго селенія составляли

торги или рынки, гдѣ крестьяне обмѣнивали свои деревенскія произведенія на металлическія орудія и домашнюю утварь. Какъ въ южной Руси главнымъ средоточіемъ торговаго движенія служилъ Кіевъ съ Черниговомъ, такъ въ сѣверной имъ были Новгородъ и Смоленскъ. Одну изъ важнѣйшихъ статей княжескихъ доходовъ составляла пошлина съ соли. Вокругъ Новгорода существовало цѣлое сословіе купцовъ, носившихъ названіе «прасоловъ». Соль привозилась въ Кіевъ изъ Галича и изъ озеръ Тавриды людьми особаго вида извознаго промысла—чумаками. На сѣверѣ же соль добывалась по берегамъ Бѣлаго моря, но преимущественно въ Старой Руссѣ. Новгородцы также предоставляли князьямъ своимъ право посылки, такъ называемыхъ, рыбныхъ ватагъ на сѣверное поморье, гдѣ кромѣ рыбы ловились еще моржи и тюлени. Наиболѣе цѣнной рыбою на Руси всегда считался осетръ.

Всякая вражда съ князьями ростово-суздальской земли отзывалась пагубно на хозяйствѣ Новгорода и его коммерческихъ выгодахъ. Суздальскіе князья хорошо понимали такую его зависимость отъ ихъ владѣній, а потому смѣло себѣ дозволяли насильственные поступки по отношенію къ нему. Князь Всеволодъ Юрьевичъ по временамъ льстилъ самолюбію новгородцевъ и оказывалъ внѣшнее уваженіе свободѣ Великаго Новгорода; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1209 году, безъ вольнаго избранія, назначилъ туда княземъ своего сына—Святослава на мѣсто старшаго Константина. Тогда въ Новгородѣ сторона, ненавидѣвшая вообще всѣхъ суздальскихъ князей и не желавшая никого изъ нихъ видѣть у себя княземъ, разграбила и сожгла дворы богачей, державшихъ изъ корысти сторону суздальцевъ; низложила ставлен-

ника великаго князя—посадника Дмитра и замѣнила его народнымъ любимцемъ—Твердиславомъ. Всеволодъ, въ отомщеніе за такую расправу, велѣлъ отбирать товары у новгородскихъ купцовъ, ѣздившихъ по его волости, и не позволилъ возить изъ своей земли хлѣбъ въ Новгородъ. Это было въ 1210 году. Новгородцы вошли въ тайныя сношенія съ сыномъ Мстислава Храбраго, торопецкимъ княземъ Мстиславомъ Мстиславичемъ Удалымъ. Этотъ князь усердно служилъ дядѣ своему Рюрику и прославилъ уже себя мужественной защитой Торческа, но, принужденный все-таки оттуда выѣхать, получилъ отъ смоленскаго князя городъ Торопецъ. Теперь, въ память отца своего, онъ явился на призывъ новгородцевъ и, овладѣвъ во-первыхъ Торжкомъ, отправилъ оттуда плѣнныхъ приверженцевъ сына Всеволода въ Новгородъ, со словами: «кланяюсь Св. Софіи, гробу отца моего и всѣмъ добрымъ гражданамъ; пришелъ я, свѣдавъ, что суздальскіе князья угнетаютъ васъ, и мнѣ стало жаль моей отчины, гдѣ насиліе заступило мѣсто прежней вольности новгородской». Обрадованные такой вступительной рѣчью, жители Новгорода, всѣ заодно, поднялись противъ юнаго Святослава; посадили его подъ стражу вмѣстѣ съ состоявшими при немъ суздальцами, а Мстиславу послали сказать: «иди, князь, на столъ». Мстиславъ повелъ новгородское ополченіе противъ Всеволода. Но Всеволодъ III былъ, какъ всегда, остороженъ и умѣлъ во время отступить. Онъ отправилъ пословъ къ Мстиславу съ предложеніемъ мира и обѣщалъ отпустить отъ себя новгородскихъ купцовъ съ ихъ товарами, если Мстиславъ отпуститъ къ нему его сына. Воевать было больше не за что. Мстиславъ возвратился въ Новгородъ побѣдителемъ, не проливъ капли крови. Потомъ онъ

ѣздилъ по новгородской землѣ, всюду учреждая порядокъ; строилъ церкви и укрѣпленія. Предпринявъ два похода на Чудь вмѣстѣ съ псковичами и торопчанами, онъ подчинилъ Новгороду всю чудскую землю вплоть до Балтійскаго моря. Однако новгородцы не пользовались почему-то плодами своихъ побѣдъ,—не сознавая, должно быть, огромнаго ихъ значенія въ смыслѣ прочнаго обладанія морскимъ побережьемъ. Они не брали городовъ въ этомъ краѣ и не укрѣплялись въ немъ, довольствуясь наложеніемъ на эстовъ дани. Но тѣмъ не менѣе Русь новгородская оказала нѣмцамъ, на этомъ пути ихъ встрѣчныхъ завоеваній, гораздо болѣе твердое и настойчивое сопротивленіе, нежели слабые полочане. Среди латышей и эстовъ, подвластныхъ Новгороду, уже привились начатки враждебно столкнувшагося съ латинствомъ православія. Самая ожесточенная битва произошла между нѣмцами и новгородцами подъ городомъ Оденпе, потому что и тѣ и другіе хотѣли овладѣть имъ въ 1214 году. Тутъ бывшій князь псковскій Владиміръ Мстиславичъ выступаетъ уже не союзникомъ, а противникомъ нѣмцевъ и предводителемъ русской рати, вмѣстѣ съ посадникомъ Твердиславомъ. Къ русскимъ присоединились и многіе эсты, тяготившіеся нѣмецкимъ владычествомъ въ ихъ странѣ. Эстонская чудь вступила въ гораздо болѣе непримиримую и упорную борьбу съ нѣмцами, чѣмъ другія мѣстныя племена. Эсты сжигали живыми нѣмецкихъ плѣнниковъ или душили ихъ, предварительно вырѣзавъ у нихъ крестъ на спинѣ. Нѣмцы за то безпощадно уничтожали въ эстонской землѣ цѣлыя селенія, убивая въ нихъ всѣхъ мужчинъ и забирая въ плѣнъ осиротѣвшія семьи. Пользуясь превосходствомъ вооруженія своего, а вмѣстѣ помощью

части крещеныхъ ливовъ и латышей, нѣмцы подвигали постепенно впередъ порабощеніе эстовъ, заставляя ихъ также насильно принимать христіанство. Одна треть покоренныхъ земель, согласно рѣшенію папы, поступила во владѣніе ордена меченосцевъ, а двѣ другія передавались епископу рижской церкви. Эсты, какъ и куроны, пытались вступить въ союзъ съ Владиміромъ полоцкимъ и съ соплеменниками своими на островѣ Эзелѣ. Несмотря на мужество и воинственность русскихъ людей, въ нравахъ ихъ не было никогда замѣтно излишней жестокости, а потому туземцы предпочитали стать подъ защиту своихъ русскихъ сосѣдей. Князь Владиміръ собралъ большое ополченіе изъ нѣмцевъ и латышей, обѣщая пойти съ ними Двиною прямо на Ригу, но, садясь въ ладью, вдругъ упалъ и умеръ внезапной смертью въ 1216 году.

При осадѣ Оденпе Мстиславомъ Удалымъ, Русь дѣйствуетъ уже не только стрѣлами, но и метательными снарядами. Даже помощь самого Вольквина, магистра ордена меченосцевъ, съ рыцарями его—не могла отвратить сдачи города русскимъ. Послѣ того, раскаявшійся въ своей измѣнѣ Владиміръ Мстиславовичъ зазвалъ, подъ предлогомъ переговоровъ, зятя своего Дитриха въ русскій станъ, гдѣ новгородцы взяли его въ плѣнъ въ 1217 году. Военную добычу свою Мстиславъ раздѣлилъ на три части: одну часть оставилъ себѣ, другую отдалъ новгородской рати, а третью—своимъ «дворянамъ», т. е. дружинникамъ. Со времени Андрея Боголюбскаго, часть младшей дружины князя, изъ такъ называемыхъ «отроковъ», жившихъ при его дворѣ въ качествѣ слугъ и тѣлохранителей, начала называться «дворянами», тогда какъ тѣсный кругъ старшихъ дружинниковъ, или бояръ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ значительную поземель-

ную собственность, иногда въ разныхъ областяхъ русскихъ, изъ тѣхъ земельныхъ угодій, что̀ получались дружинниками съ давнихъ временъ во владѣніе отъ князей,—положилъ основаніе высшему сословію на Руси, т. е. родовой земледѣльческой аристократіи. Съ раздѣленіемъ потомства Ярослава Мудраго на отдѣльныя вѣтви особыхъ мѣстныхъ княжескихъ линій, дружинники тоже пріобрѣли нѣкоторую осѣдлость въ качествѣ военнаго, владѣльческаго и сановнаго класса мѣстнаго населенія; но, при все большемъ дробленіи русскихъ земель на удѣльныя княжества, численность княжеской дружины, постоянно окружавшей каждаго князя, все уменьшалась, такъ что, въ случаѣ крупныхъ войнъ съ сосѣдями, князья теперь созывали дружинниковъ, разсѣянныхъ вдалекѣ отъ нихъ, по городамъ и волостямъ; а кромѣ того набирали рать изъ городского и сельскаго населенія, помогая ея вооруженію изъ своихъ запасовъ. Дружина князя составляла ядро этой временной рати, обыкновенно пѣшей, тогда какъ княжеская дружина была, по преимуществу, конная.

Съ развитіемъ государственнаго порядка въ странѣ и болѣе мирной, осѣдлой жизни въ ней, нежели прежде,—на содержаніе князя съ его дружиною и дворомъ, кромѣ военной добычи, составлявшей главное его достояніе въ старину, стали правильно поступать доходы съ волостныхъ податей, распредѣляемыхъ по количеству населенія и согласно богатству естественныхъ произведеній, а также съ торговыхъ пошлинъ.

Русскіе князья имѣли и свое собственное хозяйство, свои казенныя села съ земельными угодьями, имъ лично принадлежавшими, и тамъ, на княжьихъ дворахъ съ кладовыми и погребами, накоплялись

большіе запасы различнаго товару, всякихъ издѣлій, хлѣба и меда. На лугахъ ихъ паслись табуны коней, и между ними цѣнились особенно угорскіе, т. е. венгерскіе скакуны, называвшіеся на Руси «фарями». Княжеская охота, кромѣ любимой забавы, при тѣлесномъ упражненіи внѣ войны доставляла князьямъ большое количество цѣннаго звѣря и дичи, а слѣдовательно они въ изобиліи получали мѣха, кожи и мясо. Какъ предметы охоты въ то время, кромѣ современныхъ породъ звѣрей, существовали въ лѣсахъ нынѣ исчезнувшія породы, какъ-то: дикіе кони, туры, олени, бобры и т. п. Ловили также журавлей и лебедей. Къ описываемому времени мы уже видимъ вокругъ князя выдѣлившіеся изъ его дружины придворные чины, какъ-то: конюшій, ловчій, стольникъ и ключникъ. Русскіе князья и ихъ дружинники любили веселиться.

Бояре старались подражать князю въ своемъ быту. Они на войну и на охоту выступали въ сопровожденіи собственныхъ вооруженныхъ слугъ, держали на своихъ дворахъ многочисленную толпу челяди, т. е. холоповъ; причемъ особенной пышностью окружали себя воеводы, тысяцкіе и посадники. Несмотря на то, что тогда въ русской жизни преданія и обычаи предковъ еще господствовали во всемъ надъ писанными законами и судебнымъ уставомъ, все же обозначаются уже на Руси и нѣкоторыя твердыя государственныя основы. Первой, самой прочной изъ нихъ, является родовая, наслѣдственная власть князя. Послѣ неурядицъ и безначалія она поднималась обыкновенно на еще болѣе ясную и высокую степень общественнаго сознанія. По поводу, напримѣръ, убіенія Андрея Боголюбскаго, лѣтописецъ пишетъ: «естествомъ бо царь земнымъ подо-

бенъ есть всякому человѣку, властью же сана вышній яко Богъ»...

Побѣда Мстислава Удалого надъ нѣмцами ободрила эстовъ для новыхъ возстаній противъ ихъ власти. Двинувшись въ глубь Ливоніи, новгородцы не остановились передъ осадой самой столицы Ливоніи, города Вендена; но недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и нападеніе литовцевъ на новгородскія земли заставили ихъ снять осаду на счастье нѣмцамъ, увидѣвшимъ себя, во время этой борьбы, въ положеніи столь опасномъ, что епископъ Альбертъ обратился за помощью къ Вольдемару II, королю могущественной въ то время Даніи.

Между тѣмъ великій князь Всеволодъ III Большое Гнѣздо, отозвавъ изъ Новгорода старшаго сына своего Константина, его посадилъ княжить въ древній Ростовъ, гдѣ этотъ умный князь заслужилъ скоро народное расположеніе, особенно послѣ большого пожара, бывшаго въ 1211 году, когда онъ приложилъ очень много заботъ для облегченія участи пострадавшихъ.

Ростовъ Великій лежитъ въ 60 верстахъ выше Переяславля Залѣсскаго, на низкихъ, болотистыхъ берегахъ изобильнаго рыбой озера Неро, которое имѣетъ 12 верстъ въ длину и 7—въ ширину. Ростовъ держался за свои старые вѣчевые обычаи, гордое, мѣстное боярство и церковное первенство въ сѣверо-восточномъ краѣ. Константинъ Всеволодовичъ былъ первый сѣверный князь, извѣстный своей привязанностью къ Ростову. Онъ заложилъ въ немъ въ 1213 году соборный храмъ Успенія Богородицы, оконченный и освященный только при сынѣ его Василько. Книголюбіе Константина вызвало въ Ростовѣ успѣхи книжнаго просвѣщенія. Однимъ изъ

главныхъ свѣтильниковъ ростовской земли былъ, уже упомянутый нами въ предыдущемъ выпускѣ, св. Авраамій, сокрушившій идола Велеса и основавшій въ Ростовѣ Богоявленскій монастырь. Вообще прибрежье Ростовскаго озера изобиловало монастырями, селами и слободами, гдѣ трудолюбивое, промышленное населеніе преимущественно занималось рыболовствомъ, огородничествомъ, солевареніемъ, разведеніемъ хмеля и льна, а также лѣснымъ промысломъ. Вслѣдствіе запрещенія мяса инокамъ, монастыри особенно дорожили рыбными угодьями и получали рыбный оброкъ съ жителей, сидѣвшихъ на монастырской землѣ.

Чувствуя приближеніе смерти, Всеволодъ III въ 1212 году захотѣлъ еще при жизни урядить шестерыхъ сыновей своихъ: Константина, Юрія, Ярослава, Святослава, Владиміра и Іоанна. Онъ хотѣлъ передать владимірскій столъ старшему сыну, съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ Ростовъ Юрію, годомъ раньше женившемуся на дочери кіевскаго князя Всеволода Чермнаго. Но Константинъ, — отчасти поддаваясь, должно быть, навѣтамъ ростовскихъ бояръ, отчасти считая самъ, что для прекращенія спора за старшинство между Владиміромъ и Ростовомъ, а также въ видахъ болѣе сильной правительственной власти великій князь долженъ имѣть въ рукахъ оба города,— не захотѣлъ повиноваться отцу и не поѣхалъ къ нему на его призывъ. Всеволодъ такъ на это разгнѣвался, что лишилъ старшаго сына права его на великокняжескій столъ и отдалъ Владиміръ второму сыну, причемъ, созвавъ земскій соборъ, заставилъ его на своихъ глазахъ присягнуть Юрію, какъ великому князю.—14 апрѣля 1212 года онъ умеръ на 64 году жизни, прокняживъ въ ростово-суздальской

землѣ 37 лѣтъ. Оплакиваемый народомъ, онъ похороненъ былъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ сѣверныхъ лѣтописяхъ его называютъ Великимъ. Согласно отзывамъ лѣтописцевъ, этотъ князь былъ украшенъ многими добродѣтелями; соблюдая съ юности строгое правосудіе, онъ благомыслящихъ людей миловалъ, а злыхъ казнилъ, «ибо князь не даромъ мечъ носитъ». Имѣя всегда страхъ Божій въ сердцѣ своемъ, онъ охотно подавалъ милостыню и не позволялъ сильнымъ боярамъ обижать меньшихъ людей. «Одного имени его трепетали всѣ страны, и слава его прошла по всей землѣ». Лѣтопись говоритъ, что въ мирное время Всеволодъ не засиживался во Владимірѣ, а исполнялъ добросовѣстно старинный обычай «полюдья», т. е. самъ ѣздилъ по областямъ, уставлялъ и собиралъ дани, судилъ преступниковъ и разбиралъ нелицепріятно тяжбы. Однако, хотя дѣйствительно Всеволодъ III всегда хотѣлъ казаться справедливымъ и уважалъ всюду древнія обыкновенія, не отнималъ у князей безъ вины престоловъ и старался властвовать безъ насилія, тѣмъ не менѣе, воспитанный въ Византіи, онъ научился тамъ тоже жестокой мести, безжалостно проявляя ее порой на своихъ врагахъ. Умирая, Всеволодъ ввергнулъ мечъ между сыновьями своими, и одно время казалось, что южная Русь не только освободится изъ-подъ вліянія сѣверной, но въ свою очередь снова ее подчинитъ себѣ, такъ какъ во время междоусобій Всеволодовичей на сѣверѣ, въ южной Руси появился князь новгородскій — Мстиславъ Удалой. Онъ обнаруживалъ свои доблести самымъ блестящимъ образомъ всюду, гдѣ только начиналъ дѣйствовать. Не было въ то время князя храбрѣй его, и побѣда вездѣ сопутствовала ему. По возвращеніи изъ чудскаго похода, Мстиславъ былъ

отозванъ на югъ для возстановленія справедливости въ спорахъ южно-русскихъ князей.

Потерпѣвшій много невзгодъ въ послѣдніе годы жизни своей,—какъ рѣдкое исключеніе, больше древлянскій, нежели полянскій князь,—Рюрикъ Ростиславичъ скончался въ 1214 году, посаженный Всеволодомъ Чермнымъ на свое мѣсто въ Черниговъ, тогда какъ самъ Чермный прочно занялъ столъ кіевскій, на немъ утвержденный въ 1210 году Всеволодомъ Большое гнѣздо. Миръ суздальскаго князя съ Олеговичами былъ тогда укрѣпленъ бракомъ сына Всеволодова—Юрія съ дочерью Чермнаго.

Такимъ перемѣщеніемъ Мономаховича за Днѣпръ ознаменовалась какъ-бы побѣда Олеговичей въ вѣковомъ ихъ спорѣ съ Мономаховичами за Кіевъ. Переходя въ Черниговъ, Рюрикъ явно отрекся отъ прежнихъ воззрѣній рода его, ставившаго Днѣпръ предѣломъ для притязаній Олеговичей. Тѣ въ это время достигли, хотя не на долго, высшей степени своего могущества, соединивъ въ рукахъ своихъ, рядомъ съ Кіевомъ: Переяславль, Волынь и Галичъ. Мы помнимъ, что Романъ Игоревичъ звенигородскій, вытѣснивъ брата Владиміра, занялъ княжескій столъ въ Галиціи. Но его случайное княженіе тамъ, вполнѣ зависимое отъ короля венгерскаго, было непрочно. Андрей рѣшилъ присоединить Галичъ къ своимъ владѣніямъ, для чего вскорѣ послалъ туда своего воеводу, Бенедикта Бора, схватить Романа. Вооруженные венгры застали этого князя спокойно моющимся въ банѣ и безъ труда лишили его власти. Тогда Бенедиктъ, — получивъ управленіе въ свои руки, между тѣмъ какъ Романъ спасся бѣгствомъ домой изъ венгерскаго плѣна,—предался въ Галичѣ такимъ неистовствамъ, такъ жестоко казнилъ и

заточалъ въ темницы для него неудобныхъ бояръ, оскорбляя ихъ семьи, что галичане, придя въ отчаяніе, призвали обратно Игоревичей и принудили венгерскаго воеводу покинуть городъ ихъ. Послѣ того Владиміръ Игоревичъ вернулся въ Галичъ и далъ сыну своему Изъяславу Требовль; Романъ сѣлъ въ Звенигородѣ, а Святославъ, освобожденный поляками, занялъ Перемышль. Другого сына Всеволода, Владиміръ послалъ за Карпаты съ дарами къ венгерскому королю. Однако, галицкіе бояре не давали князьямъ покоя своими крамолами, и тогда тѣ начали подражать примѣру Мстислава Романовича, помня его поговорку: «не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть». Но они стали слишкомъ уже безпощадно преслѣдовать самыми жестокими наказаніями, иногда неповинныхъ ни въ чемъ, знатнѣйшихъ бояръ, для укрощенія самовольства ихъ простирая свои крутыя мѣры и кровавыя казни на боярскихъ сторонниковъ изъ числа мѣстной дружины. Такимъ управленіемъ они привели въ ужасъ и возбудили противъ себя острую ненависть галичанъ, такъ что тѣ снова вспомнили о законныхъ своихъ князьяхъ, сыновьяхъ Романа Мстиславича. По просьбѣ скрывшихся въ Венгрію бѣглецовъ изъ Галича, когда Владиміръ Игоревичъ предалъ рѣшительному избіенію галицкую дружину, Андрей Венгерскій послалъ въ Галичъ, съ галицкими боярами, Даніила Романовича, подъ защитою своего сильнаго войска, имъ порученнаго начальству восьми воеводъ. Сначала они подошли къ Перемышлю и, возбудивъ рѣчами своими жителей противъ Игоревичей, уговорили ихъ сдать городъ Даніилу. Не такъ легко удалось имъ завладѣть Звенигородомъ, несмотря на то, что тутъ поддержали ихъ полки изъ Бельза, отъ Василько Романовича; дружины

волынскихъ князей (сыновей Ярослава Луцкаго) и польскій отрядъ отъ Лешко. Половцы, приведенные Изъяславомъ Владиміровичемъ, помогли Роману, но, тѣмъ не менѣе, Романъ понялъ, что ему не удержаться въ городѣ, и обратился опять, на этотъ разъ, въ неудачное бѣгство. Его взялъ въ плѣнъ на дорогѣ одинъ изъ венгерскихъ воеводъ и привелъ въ станъ къ Даніилу. Тогда звенигородцы сдались. Владиміръ Игоревичъ съ сыномъ, не дожидаясь прихода Даніила съ союзниками, оставилъ Галичъ, такъ что законный наслѣдникъ Романа Мстиславича безпрепятственно въѣхалъ въ свою столицу. Эта побѣда его омрачилась, еще безпримѣрнымъ тогда на Руси, поступкомъ. Озлобленные противъ Игоревичей, галицкіе бояре дорогими подарками склонили венгерскихъ вождей выдать имъ плѣнныхъ враговъ своихъ и, послѣ жестокихъ истязаній, повѣсили троихъ несчастныхъ князей. Убійства и казни относительно рѣдко встрѣчаются на страницахъ русской исторіи. Въ большинствѣ случаевъ заточеніе замѣняетъ смертную казнь. Но десятилѣтній Даніилъ, конечно, не могъ воспрепятствовать такому злодѣйству. Онъ даже не имѣлъ силы защитить свою мать, когда та пріѣхала въ Галичъ для самоличной опеки надъ сыномъ и для управленія галицкой областью его именемъ, пока онъ не достигнетъ болѣе зрѣлаго возраста. Галицкіе бояре ее удалили изъ столицы сына, вопреки воли юнаго князя и его слезнымъ мольбамъ. Одинъ изъ нихъ схватилъ за поводъ коня Даніила, не желавшаго разстаться съ матерью, чтобы отвести его въ сторону. Тогда мальчикъ вынулъ свой маленькій мечъ и хотѣлъ ударить боярина, но только ранилъ подъ нимъ лошадь въ шею. Увидѣвъ это, испуганная мать Даніила сама отняла оружіе

38) Картина: Маленькій князь Даніилъ заноситъ мечъ надъ головой галицкаго боярина, его разлучающаго насильно съ матерью.

изъ его рукъ и уговорила ребенка остаться въ Галичѣ безъ нея. Она сначала направилась въ городъ Бельзъ, волынской области, къ Василько, а потомъ къ венгерскому королю.

Король Андрей приказалъ было заключить въ темницу Владислава, одного изъ самыхъ своевольныхъ бояръ Галиціи, затѣвавшаго смуты среди нихъ, но затѣмъ, плѣнившись его обѣщаніемъ присоединить Галичъ къ Венгріи, выпустилъ его на свободу, а самъ пошелъ съ войскомъ черезъ Карпаты. Однако, съ половины пути его заставило возвратиться потрясающее извѣстіе, что супругу его Гертруду, не менѣе буйные, чѣмъ въ Галиціи, а наоборотъ повліявшіе на нее черезъ преграду Карпатскихъ горъ, венгерскіе вельможи въ королевскомъ дворцѣ зарубили саблями, по наущенію, оскорбленнаго ея братомъ, жестокаго вельможи—Бенедикта Бора. Венгры давно ненавидѣли королеву за ея покровительство въ ихъ странѣ своимъ соотечественникамъ—нѣмецкимъ выходцамъ, занимавшимъ, по ея происканъ, лучшія мѣста при королевскомъ дворѣ. Андрей, слѣдуя ея внушеніямъ, разрушилъ даже нѣсколько замковъ венгерскихъ вельможъ. А ея братъ, осыпанный милостями, велъ себя очень дерзко. Воспользовавшись отсутствіемъ короля, вельможи устроили кровавый заговоръ противъ Гертруды и ея нѣмцевъ. Вернувшись назадъ, Андрей въ крови мятежниковъ потушилъ возстаніе въ 1214 году.

Между тѣмъ, бояринъ Владиславъ, при помощи, привлеченнаго имъ на свою сторону, князя пересопицкаго—Мстислава Нѣмого, добился изгнанія имъ изъ Галича Даніила, бѣжавшаго опять въ Венгрію, а потомъ самъ завладѣлъ галицкимъ княжествомъ, убѣдивъ Андрея посадить въ Галичъ отъ себя намѣстника изъ среды мѣстныхъ бояръ. Василько

*

Романовичъ лишился Бельза, снова отданнаго королемъ польскимъ своему зятю владиміро-волынскому князю Александру Всеволодовичу бельзскому. Оттуда онъ перешелъ въ Каменецъ. Одновременно въ Кіевѣ князь Всеволодъ Святославичъ Чермный, стремясь единолично властвовать въ южной Руси и никого уже не стѣсняясь послѣ кончины Рюрика Ростиславича, изгналъ всѣхъ его сыновей и племянниковъ изъ удѣловъ кіевской области. Изгнанники удалились въ смоленскую землю, къ князю Мстиславу Романовичу, и оттуда просили защиты у новгородскаго князя—Мстислава Удалого.

Глава IX.

Походъ Мстислава Удалого въ Кіевъ и возвращеніе на Черниговскій столъ, овладѣвшаго южной столицей, князя Всеволода Чермнаго. Призванье Мстислава королемъ Лешко въ Галицію. Князь новгородскій становится княземъ въ Галичѣ. Юная отвага князя владиміро-волынскаго Даніила Романовича въ битвѣ съ венграми. Уходъ Мстислава Удалого обратно въ Новгородъ на помощь новгородцамъ противъ суздальскаго князя Ярослава Всеволодовича и знаменитое Липецкое сраженіе. Блестящая побѣда Мстислава Удалого и водвореніе Константина Всеволодовича во Владимірѣ великимъ княземъ.

Народная воля кіевской области не разъ себя изъявляла въ пользу Мономаховичей, тогда какъ Олеговичи всегда покушались на Кіевъ силой и княжили тамъ не по праву, противъ народной воли. Мстиславъ собралъ вѣче и сталъ просить новгородцевъ оказать помощь изгнаннымъ его родственникамъ. «Куда, князь, ты взглянешь очами, туда обратимся мы головами»,—закричали въ отвѣтъ ему новгородцы. На пути въ Кіевъ присоединились къ Мстиславу смольняне. Новгородцы, не поладивъ съ ними, чуть-

было совсѣмъ не покинули своего князя, уйдя отъ рати его обратно въ Новгородъ, подъ вліяніемъ происшедшей ссоры, и не внимая его увѣщаніямъ. Но на дворѣ Ярославовомъ народный любимецъ, посадникъ Твердиславъ, убѣдилъ ихъ опомниться и возвратиться къ полкамъ Мстислава. Всеволодъ Чермный былъ побѣжденъ и убѣжалъ въ Черниговъ, а кіевляне отворили ворота Мстиславу. На кіевскій столъ былъ посаженъ смоленскій князь Мстиславъ Романовичъ, тогда какъ молодой Владиміръ Рюриковичъ получилъ Смоленскъ. Мстиславъ Удалой осадилъ Черниговъ, послѣ чего заключилъ подъ его стѣнами миръ съ Всеволодомъ Святославичемъ, который вскорѣ потомъ скончался отъ огорченія, оставивъ Черниговъ своему брату Глѣбу. Мстиславъ возвратился въ Новгородъ побѣдителемъ, поднявъ значеніе этого города славою своего оружія. Но тутъ явилось къ нему посольство изъ Польши: краковскій великій князь, иначе король польскій Лешко, приглашалъ его отнять у венгровъ Галичъ, гдѣ, по его же совѣту и происками, княземъ теперь былъ посаженъ сынъ Андрея — Коломанъ, повѣнчанный предварительно съ дочерью Лешко. Когда Даніилъ, видя страшную смуту въ Венгріи и не получивъ ничего отъ Польши, кромѣ почета, уѣхалъ въ Каменецъ къ Василько,—Мстиславъ Ярославичъ Нѣмой пересопецкій побудилъ Лешко заступиться за права Даніила и выгнать изъ Галича боярина Владислава. Владиславъ потерпѣлъ отъ союзниковъ пораженіе на рѣкѣ Боброкъ; но, тѣмъ не менѣе, Галича они не взяли и, удовольствовавшись разореніемъ волости, ушли обратно. За это Андрей, освободившись нѣсколько отъ венгерскихъ смутъ, вступилъ съ войскомъ въ Польшу. Но, не желая воевать съ нимъ, Лешко ему предло-

жилъ женить сына на его дочери Соломѣ и оставить ихъ княжить въ Галичѣ вмѣсто боярина Владислава. Андрей согласился на выгодную для Лешко свадьбу и, кромѣ того, далъ ему изъ галицкой волости города: Перемышль и Любачевъ, отданный затѣмъ Лешко во владѣніе своему боярину, пріятелю молодыхъ Романовичей, Пакославу. Благодаря ему, Даніилу и Василько возвращенъ былъ ихъ родовой Владиміръ-Волынскій, откуда заставили уйти ихъ двоюроднаго брата—Александра Всеволодовича. Бояринъ Владиславъ заключенъ былъ въ темницу и умеръ тамъ.

Однако сваты, Андрей венгерскій и Лешко польскій, скоро поссорились между собою, а когда первый отнялъ у Лешко предоставленные ему въ Галиціи города, Лешко отправилъ въ Новгородъословъ звать на помощь себѣ Мстислава для освобожденія отъ венгровъ Галича. Мстиславъ тѣмъ охотнѣе отозвался на его приглашеніе, что ему очень не нравилось существованіе въ Новгородѣ стороны, приверженной землѣ суздальской. Андрей же венгерскій въ Галичѣ вздумалъ еще вытѣснять православную вѣру, обѣщая папѣ присоединеніе населенія, въ области своего сына, къ латинской церкви. Коломанъ, исполняя волю отца, изгналъ изъ Галиціи русскихъ епископовъ и православныхъ священниковъ. За свое содѣйствіе такому церковному перевороту поляки начали требовать себѣ часть Галицкой области, что̀ и подало поводъ къ ссорѣ Лешко съ Андреемъ. Мстиславъ, осадивъ Галичъ, сразу заставилъ бѣжать оттуда венгерскаго воеводу Бенедикта Лысаго, правившаго тамъ именемъ несовершеннолѣтняго короля, а также боярина Судислава, признававшаго со своими приверженцами господство венгровъ. Мстиславъ предварительно заключилъ союзъ съ Даніиломъ и обру-

чилъ съ нимъ дочь свою Анну. Граждане Галича были готовы снова оказать повиновеніе Даніилу; однако, Мстиславъ самъ занялъ тамъ княжескій столъ.

Даніилъ Романовичъ, между тѣмъ, возмужалъ и сталъ уже способенъ бороться самостоятельно со своими врагами. Въ то время отроки, закаляемые съ очень раннихъ лѣтъ опасностями постоянныхъ смутъ и боевой средою, въ которой они росли, особенно же князья и дѣти княжескихъ воиновъ,—выходили рано изъ состоянія младенчества; едва успѣвъ тѣлесно окрѣпнуть, они сражались уже, какъ взрослые. Даніилъ смолоду напоминалъ отца своей предпріимчивостью, воинскою отвагою и доблестною душой. Во время его малолѣтства поляки отняли у Волыни нѣкоторыя украинскія, т. е. пограничныя, владѣнія по рѣкѣ Бугу. Теперь Даніилъ рѣшилъ ихъ вернуть себѣ, хотя Мстиславъ и отказалъ ему въ своей поддержкѣ, считая Лешко другомъ своимъ. Съ братомъ Василько онъ пошелъ одинъ войною на Лешко, чѣмъ вооружилъ послѣдняго не только противъ себя, но и противъ Мстислава. Польское войско вернулось домой, разбитое сыновьями Романа. Тогда Лешко вновь принялъ сторону венгерскаго короля и побудилъ сына его Коломана занять еще разъ Галичъ венгерскими полками. Не поддерживаемый крамольными галицкими боярами, Мстиславъ былъ безсиленъ устоять противъ Коломана съ одною своею дружиной и ушелъ къ предѣламъ кіевской области, предоставивъ защиту Галича юному Даніилу. Но, когда венгры, снявъ осаду, двинулись вслѣдъ за нимъ, онъ сталъ за Днѣстромъ и приказалъ зятю спѣшить на помощь къ нему, оставивъ городъ. Даніилъ, сопровождаемый своимъ главнымъ бояриномъ Глѣбомъ Зеремѣевичемъ, терпя большія лишенія, на каждомъ шагу окружен-

ный опасностями, замѣчательно храбро пробился сквозь войска венгровъ на соединеніе съ тестемъ. Но въ это время дошла до Мстислава вѣсть, что на сѣверѣ суздальскіе князья опять творятъ насиліе надъ дорогимъ ему Новгородомъ, и онъ,ославъ Даніила домой, въ его Владиміръ-Волынскій, самъ поспѣшилъ на помощь къ новгородцамъ въ 1216 году.

По смерти отца, Константинъ Всеволодовичъ не думалъ отказываться отъ своихъ правъ старшаго въ родѣ, но «воздвигъ гнѣвомъ бровь на брата своего» Юрія, и въ ростово-суздальскомъ краѣ опять наступили смутные дни междоусобныхъ войнъ. Люди толпами стали перебѣгать съ одной стороны на другую. Среди братьевъ князь Святославъ, разсердившись за что-то на Юрія, ушелъ изъ совмѣстнаго, съ братомъ Владиміромъ, удѣла своего: Юрьева Польскаго въ Ростовъ къ Константину. Владиміръ, оставшійся княжить въ Юрьевѣ, тоже былъ противъ этого брата, случайно сдѣлавшагося великимъ княземъ. Тогда Юрій поспѣшилъ заключить крѣпкій союзъ, по крайней мѣрѣ съ Ярославомъ-Ѳеодоромъ, сидѣвшимъ княземъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ.

Этотъ городъ расположенъ на озерѣ Клещино. Оно издревле славилось изобиліемъ рыбы и тѣмъ, естественно, привлекало на берега свои поселенцевъ. Переяславскій соборъ Спаса-Преображенія, построенный Юріемъ Долгорукимъ, есть древнѣйшій изъ всѣхъ суздальскихъ храмовъ, на что указываетъ скудость и простота обронныхъ его украшеній. Подвижникъ Никита Столпникъ былъ переяславскій гражданинъ. Онъ оставилъ пріобрѣтенные неправдами—домъ и богатства своей семьи, чтобы пойти спасаться постомъ, молитвою и истязаніемъ плоти. Его подвижничествомъ основался на самомъ возвышенномъ мѣстѣ Переяславля

Никитскій монастырь. Къ переяславо-залѣсскому удѣлу принадлежала еще часть Поволжья съ Зубцовымъ и Тверью. Благодаря своему положенію на широкомъ водномъ пути и торговымъ своимъ пристанямъ, эти поволжскіе города, такъ же, какъ Ярославль при устьѣ Которосли, соединяющей съ Волгою озеро Неро, къ описываемому времени уже забираютъ силу и получаютъ выдающееся значеніе. Въ ярославскомъ Дѣтинцѣ на крутомъ берегу Волги, между устьемъ Которосли и ея притокомъ Медвѣдицей, князь Константинъ Всеволодовичъ построилъ Успенскій соборъ. Онъ собирался теперь въ союзѣ съ братомъ Владиміромъ идти изъ Ростова войной противъ Юрія. Юрій миролюбиво ему предлагалъ сѣсть на великокняжескій столъ во Владимірѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ ему взамѣнъ Ростовъ. Но Константинъ хотѣлъ въ Ростовѣ посадить сына своего Василько и отвѣчалъ Юрію: «ты садись въ Суздалѣ». Юрій не согласился и призвалъ брата Ярослава съ переяславцами, чтобы онъ за нимъ шелъ къ Ростову. Братья пожгли лишь окрестныя села этого города и удалились, заключивъ перемиріе съ Константиномъ,—однако весьма ненадежное. Владиміръ Всеволодовичъ отнялъ Москву у Юрія и сѣлъ тамъ княжить. Потомъ началъ наступать Константинъ: онъ сжегъ Кострому и отнялъ Нерехту у Ярослава-Ѳеодора. Тогда обиженные братья вторично пошли къ Ростову вмѣстѣ съ Давидомъ Муромскимъ. Плѣнныхъ рязанскихъ князей, съ дружинами ихъ, Юрій выпустилъ изъ заточенія во Владимірѣ и отпустилъ домой, щедро одаривъ плѣнниковъ серебромъ, золотомъ и конями. Также освободилъ онъ и рязанскаго епископа Арсенія, Всеволодомъ III задержаннаго въ своей столицѣ. Владиміръ съ москвичами

осадилъ городъ Ярослава — Дмитровъ; но жители, затворившись въ немъ, удачно отбили всѣ приступы осаждающихъ. Юрій же и Ярославъ, опять безъ битвы, заключили съ Константиномъ миръ подъ Ростовомъ, и по этому миру, отнявъ у Владиміра захваченную имъ Москву, отправили его княжить въ южный Переяславль, тогда какъ Юрьевъ-Польскій остался всецѣло за Святославомъ. Въ Переяславлѣ Владиміръ женился на племянницѣ Всеволода Чермнаго и скоро послѣ свадьбы попалъ въ плѣнъ къ половцамъ, гдѣ протомился цѣлыхъ три года. Такимъ образомъ Константинъ Всеволодовичъ волей-неволей пока отказался отъ своего намѣренія отнять владимірскій великокняжескій столъ у Юрія. Но тутъ скоро произошло знаменательное, крупное столкновеніе древней южной Руси съ новой сѣверной, причемъ побѣда осталась за югомъ. Этому столкновенію Константинъ былъ внезапно обязанъ тѣмъ что добился возстановленія права своего старшинства въ ростово-суздальскомъ краѣ, не уступая Юрію прежняго своего удѣла.

Послѣ ухода въ Галичъ Мстислава Удалого, въ Новгородѣ взяла верхъ суздальская сторона, и на его мѣсто новгородцы призвали княземъ себѣ Ярослава Всеволодовича, сосѣда Новгорода по владѣніямъ своимъ въ Твери, а кромѣ того женатаго на одной изъ дочерей Мстислава. Съ упадкомъ княжеской власти въ Новгородѣ, народное вѣче тамъ болѣе и болѣе забирало силы. Оно стало какъ-бы верховнымъ судилищемъ для сановниковъ, то избирая ихъ, то смѣняя; объявляло войну и собирало подати; заключало разные договоры и бурно распоряжалось всѣмъ управленіемъ съ постояннымъ, нерѣдко кровавымъ раздоромъ сторонниковъ враждеб-

ныхъ мнѣній, голоса свои, подававшихъ огульнымъ крикомъ. По этому крику опредѣлялось и большинство—«на глазомѣръ». Звономъ колокола, висѣвшаго подлѣ церкви св. Николая, собиралъ на Ярославскомъ дворѣ вѣче и предсѣдательствовалъ посадникъ. Его приговоры записывалъ и хранилъ особый «вѣчный» дьякъ со своими подъячими. Мы уже говорили, что посадникъ и тысяцкій заодно съ княземъ завѣдывали судебной частью и начальствовали надъ войскомъ. Иногда вѣче собиралось на площади передъ Софійскимъ соборомъ. Русское вѣче, или обычай сходки для совѣщанія о какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ, есть такое же древнее учрежденіе, какъ и княжеская власть. Мы видимъ ихъ совмѣстное существованіе въ удѣльной Руси, но при явномъ подчиненіи вѣча князю въ спокойное время и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ какой-либо княжескій родъ пріобрѣлъ осѣдлость. За исключеніемъ великаго Новгорода, народное вѣче не представляло нигдѣ даже настолько опредѣленныхъ формъ, чтобы можно было выяснить прочное установленіе вѣчевыхъ обрядовъ, или предѣлы вѣчевой власти. Однако, междоусобная борьба князей за ей подчиненныя волости и необходимость искать поддержки у мѣстнаго населенія способствовали развитію и укрѣпленію вѣчевыхъ началъ. Въ Новгородѣ вѣче пріобрѣло исключительное значеніе и стало выше княжеской власти. Очень вліятельно и многочисленно было тамъ купеческое сословіе. Оно съ теченіемъ времени пріобрѣло свои обычаи и уставы; судилось собственнымъ судомъ. Купцы участвовали въ посольствахъ и занимали общественныя должности въ новгородской области наравнѣ съ боярами. А въ случаѣ надобности входили въ составъ земской рати. На вѣчевыхъ собраніяхъ

39) Картина: Новгородское вѣче.

участвовали и всѣ остальные меньшіе черные люди, иначе смерды.

Новый князь Новгородскій—Ярославъ Всеволодовичъ былъ человѣкъ нрава крутого. Онъ началъ свое правленіе въ Новгородѣ суровымъ преслѣдованіемъ неудобныхъ ему людей и, раздраженный народнымъ сопротивленіемъ жестокимъ мѣрамъ, принятымъ имъ противъ своихъ недоброжелателей, переѣхалъ въ Торжокъ, задумавъ его поставить надъ Новгородомъ, такъ какъ добрыя отношенія съ суздальскою землей для Торжка были особенно важны вслѣдствіе его опаснаго положенія какъ-разъ на границѣ новгородскихъ владѣній. Суздальскіе князья, не доходя иногда до самаго Новгорода, первымъ дѣломъ обрушивались на Торжокъ и разоряли его. Кромѣ того, Торжокъ добивался тогда независимости отъ Новгорода и потому искалъ помощи суздальцевъ. Ярославъ Всеволодовичъ имѣя передъ собой примѣръ возвышенія надъ Суздалемъ и Ростовомъ ничтожнаго прежде пригорода—Владиміра, задумалъ его повторить въ новгородской землѣ, поставивъ Торжокъ на первое мѣсто и подчинивъ ему Великій Новгородъ. Обстоятельства помогли ему; въ новгородской землѣ морозъ побилъ хлѣбъ, почему онъ сдѣлался страшно дорогъ для бѣдныхъ людей. Ярославъ между тѣмъ не пускалъ туда ни одного воза съ хлѣбомъ. Начался голодъ, и въ прошломъ,—какъ намъ приходилось видѣть,—не разъ поражавшій ужаснымъ бѣдствіемъ новгородскую землю. Родители изъ-за куска хлѣба продавали дѣтей своихъ на вѣчное холопство; мертвыя тѣла валялись по дорогамъ, и псы терзали ихъ. Бѣдные люди ѣли сосновую кору, липовый листъ и мохъ. Ярославъ же приказывалъ останавливать на пути новгородскихъ купцовъ и дер-

жалъ ихъ въ Торжкѣ. По словамъ лѣтописца, въ Новгородѣ тогда стояли «великая печаль и вопль». Въ такомъ-то отчаянномъ положеніи, среди такой безнадежной напасти, явился выручать свой любимый городъ Мстиславъ Удалой. Онъ счастливо избѣгнулъ нападенія отряда изъ сотни новгородцевъ, посланныхъ Ярославомъ, чтобы преградить ему путь. Этотъ отрядъ потомъ самъ предался Мстиславу. Мстиславъ въѣхалъ въ Новгородъ 11 февраля 1216 года и приказалъ сейчасъ же заковать въ цѣпи дворянъ Ярослава. Новгородцы съ восторгомъ приняли своего избавителя. На вѣчѣ Мстиславъ поцѣловалъ крестъ Великому Новгороду: «либо вернуть новгородскихъ мужей и новгородскія волости, либо голову положить за Новгородъ».—«На жизнь и на смерть готовы съ тобою!»—отвѣчали ему новгородцы.

39 б) Картина: Пріѣздъ Кн. Мстислава Удалого на выручку Новгорода.

Выслушавъ мирное увѣщаніе Мстислава, черезъ священника, уйти изъ Торжка и отпустить людей новгородскихъ, Ярославъ отвѣчалъ еще худшимъ заточеніемъ послѣднихъ съ разграбленіемъ ихъ имущества. Въ надеждѣ на силу брата своего Юрія, онъ заковалъ въ цѣпи болѣе двухъ тысячъ человѣкъ и ограбленными ихъ послалъ къ себѣ въ Переяславль-Залѣсскій. Тогда Мстиславъ приказавъ ударить въ вѣчевой колоколъ, сказалъ народу: «Идемъ, братья! Поищемъ мужей своихъ и вернемъ волости свои».

Пользуясь раздоромъ за старшинство между сыновьями Всеволода, Мстиславъ объявилъ, что онъ въ ростово-суздальской землѣ возстановитъ законное право Константина на великокняжескій столъ. 1 марта 1216 года ополченіе двинулось черезъ озеро Селигеръ. По призыву Мстислава, за новгородцами пошли на Торжокъ псковичи, во главѣ съ ушедшимъ теперь отъ

нѣмцевъ, братомъ его Владиміромъ Мстиславичемъ; а потомъ присоединились къ нимъ тоже смоляне подъ предводительствомъ Владиміра Рюриковича. Братъ Ярослава—Святославъ осадилъ-было съ десятитысячнымъ войскомъ городъ Мстислава—Ржевъ, гдѣ находилась всего сотня воиновъ; но Мстиславъ, подоспѣвъ во-время къ нимъ на помощь съ отрядомъ всадниковъ, заставилъ осаждавшихъ удалиться, да еще взялъ хорошо укрѣпленный Зубцовъ. Остановившись на рѣчкѣ Холохольнѣ, Мстиславъ отправилъ въ Торжокъ пословъ съ предложеніемъ Ярославу начать переговоры о мирѣ; но Ярославъ, разсчитывая на превосходство имъ собираемой ратной силы надъ войсками Мстислава, надменно ему отвѣтилъ: «не хочу мира; сто нашихъ будетъ на одного вашего».—«Ты, Ярославъ, съ силою, а мы—съ крестомъ», послали ему сказать изъ стана болѣе миролюбивыхъ князей. Послѣ того Мстиславъ, посовѣтовавшись съ союзниками, вмѣсто того, чтобы идти на Торжокъ, вдругъ круто повернулъ на тверскую область къ Переяславлю Залѣсскому, такъ какъ желалъ удалить мѣсто военныхъ дѣйствій изъ новгородской области. Ярославъ поспѣшилъ тогда на защиту своихъ земель, оставивъ Торжокъ. Къ Мстиславу съ княземъ смоленскимъ, на ихъ пути къ Переяславлю, присоединился у рѣки Саръ Константинъ Всеволодовичъ, ведя своихъ ростовцевъ, тогда какъ другіе братья его—Святославъ и великій князь Юрій II—держали сторону Ярослава. На соединеніе съ ними въ одно сильное ополченіе тотъ, минуя Переяславль, ушелъ къ Владиміру на Клязьмѣ. Его подкрѣпили тамъ еще князья муромскіе и наемная вольница берендѣевъ. Владиміръ псковскій, по просьбѣ Константина, пошелъ вмѣсто него охранять Ростовъ.

Враждебныя рати сошлись вблизи Юрьева Польскаго, при чемъ суздальцы расположились на берегахъ рѣчки Кзы, впадающей въ Колокшу, тогда какъ Мстиславъ, съ новгородцами и смолянами, сталъ подъ самымъ городомъ, а Константинъ во главѣ ростовскихъ полковъ—на ручьѣ Липецъ. Такимъ образомъ борьба двухъ старшихъ братьевъ Всеволодовичей за владимірскій столъ приняла рѣшительный оборотъ, когда съ ней связались новгородскія отношенія.

(Около ручья Липецъ находится еще въ настоящее время деревня Шелбово, названіе которой, по объясненію мѣстныхъ жителей, происходитъ отъ того, что именно здѣсь «шелъ бой». Черезъ полверсты—село Остановецъ, названіе котораго производится отъ слова «остановился». Еще черезъ двѣ версты—Городище, отъ слова «огородился».)

Вся суздальская земля вооружилась. Изъ селъ погнали на эту междоусобную войну даже земледѣльцевъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что здѣсь у Юрія съ меньшими братьями было 30 знаменъ, 140 трубъ и бубновъ. Надѣясь еще предотвратить кровопролитіе, Мстиславъ Удалой послалъ сотскаго Ларіона къ Юрію съ новымъ предложеніемъ мира, при условіи возвратить старшинство Константину и передать ему княженіе во Владимірѣ. Ярослава же онъ просилъ освободить мужей новгородскихъ и вернуть Новгороду Торжокъ съ Волоколамскомъ. На это самонадѣянные суздальскія князья отвѣчали оба рѣзкимъ отказомъ, хвалясь заранѣе своею побѣдой.—«Не время думать о мирѣ», сказали они Ларіону: «вы теперь какъ рыба на пескѣ: зашли далеко и видите бѣду неминуемую». Послѣ того они учинили въ шатрѣ своемъ веселый пиръ съ боярами. Однако, старѣйшихъ среди этихъ бояръ смущало то, что на сто-

40) Картина: Пиръ передъ боемъ въ шатрѣ князей.

ронѣ противниковъ была правда, освященная обычаемъ. Одинъ изъ нихъ обратился даже къ князьямъ съ увѣщаніемъ помириться, напоминая имъ, «что смоляне и новгородцы дерзки въ бою; что отвага Мстислава Мстиславича ему дана паче всѣхъ». Но молодые бояре, наоборотъ, льстили князьямъ и выражали увѣренность, что они вражескіе полки сѣдлами закидаютъ. Довольные ихъ рѣчами, князья говорили, что самъ товаръ пришелъ въ руки къ нимъ: кони, платья и брони. Они приказывали не оставлять въ живыхъ никого, а враждебнымъ князьямъ, если бы кто изъ нихъ попалъ къ нимъ въ плѣнъ, угрожали тяжелой участью по волѣ и разумѣнію ихъ побѣдителей. Въ несомнѣнной надеждѣ своей на побѣду, они даже дѣлили впередъ между собою волости, принадлежавшія ихъ противникамъ, и послали гонца въ станъ Мстислава, чтобы его пригласить сразиться съ ними на Липецкомъ полѣ. Мстиславъ принялъ вызовъ, но, во-первыхъ, привлекъ къ крестному цѣлованію Константина, боясь, какъ бы онъ не перешелъ во время битвы на сторону своихъ братьевъ, а затѣмъ ночью двинулъ свои войска, при грозномъ ихъ кликѣ и звукахъ трубъ, по направленію къ врагамъ. Встревоженные суздальскіе полки простояли всю ночь за щитами, а на разсвѣтѣ укрылись въ лѣсу, на горѣ, называвшейся Авдовою горою, окруживъ ее частоколомъ. У подножія ея протекалъ ручей Тунегъ. Мстиславъ сталъ съ союзниками по другую сторону его, на Юрьевой горѣ. При утреннемъ солнцѣ враждебныя рати смотрѣли другъ на друга, еще не начиная битвы, и Мстиславъ, дабы доказать суздальцамъ, что онъ вышелъ на брань только въ силу крайней необходимости, еще разъ попытался завести рѣчь о мирѣ и,ославъ въ

суздальскій станъ трехъ мужей, предложилъ имъ: или заключить миръ, или начать рѣшительный бой въ долинѣ ручья. Но суздальскіе князья и на миръ снова не согласились, и не оставляли своей горы, вынуждая Мстислава брать ее приступомъ. Союзники новгородцевъ предложили-было двинуться во Владиміръ, не начиная боя, но Мстиславъ имъ сказалъ: «Гора не поможетъ намъ и не побѣдитъ насъ; воззрите на силу честнаго креста и на правду; пойдемъ къ нимъ!» Слова его воодушевили князей. Они начали устанавливать ратниковъ въ боевой порядокъ, причемъ новгородцы съ Мстиславомъ заняли средину. Въ это время какъ-разъ подошелъ изъ Ростова на помощь союзникамъ и князь Владиміръ псковской. Въ числѣ ростовцевъ Константина Всеволодовича, ставшаго съ одного края всей рати, тогда какъ на другомъ стоялъ Владиміръ Рюриковичъ, были славные витязи: Александръ Поповичъ съ слугою своимъ Торопомъ и Добрыня Рязанычъ, по прозванію Золотой Поясъ. Противъ Мстислава съ его новгородцами собралась вся суздальская земля, а противъ Константина—его меньшіе братья. Они тоже приготовились къ бою, видя большое движеніе въ непріятельскомъ станѣ, и однажды уже чуть не спустились съ своей горы, вообразивъ, что Мстиславова рать обратилась въ бѣгство, но были отброшены ею обратно. Въ рядахъ войска Мстислава былъ еще князь Всеволодъ: сынъ князя кіевскаго—Мстислава Романовича. Ободряя къ стойкому бою смолянъ и новгородцевъ, Мстиславъ съ Владиміромъ говорили: «нечего вамъ озираться назадъ; вѣдь надо же будетъ когда-нибудь умереть; ступайте, кто какъ хочетъ—пѣшъ или на конѣ». Новгородцы сбросили съ себя верхнее платье и обувь, не пожелавъ умирать на коняхъ.

Они побѣжали на враговъ съ крикомъ, босые. Ихъ примѣру послѣдовали смоляне, но только ноги «обвили».

41) Картина: Новгородцы со смолянами берутъ приступомъ Авдову гору, гдѣ укрѣпились полки Ярослава.

Князья со старшими своими дружинниками за ними слѣдовали верхомъ. Войско русское дѣлилось вообще на конное и пѣшее, на копейниковъ и стрѣлковъ, при чемъ обыкновенно стрѣлки начинали дѣло. Пѣшіе новгородцы сцѣпились съ пѣшими людьми Ярослава. Ни крутизны, ни ограды не могли удержать ихъ стремленія. Пошли въ дѣло дубины и топоры. Поднялся страшный шумъ. Суздальцы побѣжали, а новгородцы подсѣкли стягъ Ярослава. Смоляне съ своимъ посадой Иваромъ «досѣклись» и до второго стяга. Мстиславъ, оставшійся позади съ другими князьями, видя, что ихъ молодцы зашли въ пылу сраженія такъ далеко въ ряды непріятелей, что могутъ быть легко окружены, пустился впередъ къ нимъ на помощь. За нимъ поспѣшили другіе князья, и началась жестокая сѣча. Видя, что полки противниковъ валятъ ихъ воиновъ какъ колосья, братья Константина бѣжали со своими союзниками, бросивъ обозъ въ надеждѣ отвлечь грабежомъ отъ боя Мстиславовыхъ ратниковъ; но Мстиславъ крикнулъ своимъ новгородцамъ, чтобы они продолжали бить непріятеля, не соблазняясь добычей, дабы не дать бѣгущимъ возможности возвратиться, и самъ трижды проѣхалъ сквозь непріятельскіе полки, посѣкая на обѣ стороны топоромъ, висѣвшимъ у него на рукѣ. Много суздальцевъ пало въ бою; многіе утонули во время бѣгства. Князь Юрій загналъ трехъ коней и прискакалъ во Владиміръ безъ сѣдла на четвертомъ, босой и въ одной рубахѣ. Туда же всю ночь стекались раненые во время боя. Въ городѣ, гдѣ оставалось одно духовенство, дѣти и женщины,

42) Картина: Мстиславъ посѣкаетъ ряды враговъ, проѣзжая сквозь нихъ, уже готовыхъ въ смятеніи къ бѣгству.

43) Картина: Возвращеніе побѣжденнаго вел. кн. Юрія во Владиміръ.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Возвращеніе побѣжденнаго вел. кн. Юрія во Владиміръ.
(Къ стр. 130).

Собственность Т. П. Мятлевой.

Побѣдоносная русская рать плыветъ вверхъ по Волгѣ мимо булгарскихъ войскъ. *(Къ стр. 143).*

поднялось смятеніе, и раздавался плачъ побѣжденныхъ. Семнадцать знаменъ Юрія и тринадцать Ярослава, до ста трубъ и бубенъ достались побѣдителямъ. Замѣчательная эта битва произошла 21-го апрѣля 1216 года. 24-го числа союзники окружили городъ Владиміръ. Смоляне и новгородцы хотѣли взять его приступомъ, но Мстиславъ и Владиміръ Рюриковичъ не пустили ихъ. Между тѣмъ во Владимірѣ отъ неизвѣстныхъ причинъ по ночамъ начались пожары. Тогда князь Юрій съ двумя меньшими братьями, Святославомъ и освободившимся изъ половецкаго плѣна Владиміромъ, явился въ станъ къ Мстиславу, съ повинною головой; поднесъ союзнымъ князьямъ дары и согласился уступить владимірскій столъ Константину, виня ускакавшаго послѣ боя въ Переяславль Залѣсскій Ярослава, что тотъ вовлекъ его въ эту войну съ Мстиславомъ. Мстиславъ далъ Юрію въ удѣлъ Родиловъ-Городецъ на Волгѣ, а во Владиміръ въѣхалъ князь Константинъ Всеволодовичъ. Граждане вышли къ нему навстрѣчу съ образами и ему цѣловали крестъ въ вѣрности. Онъ же одарилъ щедро своихъ союзниковъ: новгородцевъ, псковичей и смолянъ.

Между тѣмъ упрямый, жестокій Ярославъ, въ порывѣ безсильной досады, велѣлъ въ Переяславлѣ перековать и бросать въ погреба всѣхъ новгородцевъ и смолянъ, тамъ находившихся по своимъ дѣламъ. Однако, когда 3-го мая побѣдитель Мстиславъ и великій князь Константинъ со своими полками подступили къ Переяславлю, Ярославъ вышелъ къ старшему брату и отдался въ руки его, послалъ щедрые дары Мстиславу и Владиміру Рюриковичу. Мстиславъ потребовалъ, чтобъ Ярославъ освободилъ всѣхъ заключенныхъ имъ новго-

родцевъ, а также чтобы прислалъ ему обратно жену свою,—его дочь. Требованіе побѣдителя не могло не быть исполнено, но Ярославъ умолялъ Мстислава, чтобъ онъ его не разлучалъ съ женой, говоря: «по правдѣ меня крестъ убилъ!» Однако Мстиславъ остался непреклоненъ и увезъ дочь съ собой въ Новгородъ.

Этою побѣдоносной войной Мстиславъ утвердилъ за Новгородомъ высокое нравственное значеніе и установилъ въ суздальской землѣ справедливый порядокъ, какъ до того это сдѣлалъ въ Кіевѣ онъ показалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что нельзя нарушать безнаказанно права и свободу Новгорода. Ни одинъ князь не имѣлъ столько заслугъ передъ Новгородомъ, какъ Мстиславъ Удалой, но тѣмъ не менѣе и онъ тоже не могъ долго тамъ оставаться въ ладу со всѣми. У него были зложелатели. Когда въ Торжкѣ умеръ, тамъ посаженный княземъ, сынъ его, онъ явился на вѣче и сказалъ новгородцамъ: «хочу поискать Галича, а васъ не забуду. Дай Богъ мнѣ лечь у гроба отца моего, у Св. Софіи». Новгородцы напрасно упрашивали Мстислава не покидать ихъ. Онъ снова уѣхалъ въ Галицію и на этотъ разъ оставилъ Новгородъ безвозвратно. Кіевъ уже пересталъ прельщать и тянуть къ себѣ русскихъ князей, какъ бывало; надъ нимъ взялъ теперь перевѣсъ, ставъ средоточіемъ южно-русской жизни сосѣдній съ Польшей и Венгріей, безпокойный Галичъ.

Глава X.

Примиреніе съ братомъ Юріемъ и преждевременная кончина великаго князя Константина Всеволодовича. Успѣхи книжнаго просвѣщенія и образовательное вліяніе монастырей. Даніилъ Заточникъ. Продолженіе лѣтописнаго дѣла въ разныхъ краяхъ Руси. Сношеніе русскихъ съ сосѣдними странами и значеніе ихъ воздѣйствія на ходъ внутренней ея жизни. Братоубійство въ землѣ рязанской. Князь Давидъ муромскій. Успѣшныя войны Юрія II съ камскими булгарами и мордвою. Единство всѣхъ областей Руси въ ихъ бытовой жизни и вѣрованіяхъ. Великоруссы и раздѣленіе русскаго языка на два нарѣчія. Сельская община. Благосостояніе сѣверо-восточной Руси и всесторонній расцвѣтъ ея жизни. Георгіевскій соборъ въ Юрьевѣ Польскомъ. Владиміръ на Клязьмѣ. Москва. Торговый путь изъ Каспійскаго моря по Волгѣ.

Будучи слабаго здоровья, Константинъ Всеволодовичъ чувствовалъ свою недолговѣчность, почему онъ еще при жизни, передалъ право наслѣдованія владимірскаго стола своему брату Юрію, иначе Георгію. Кромѣ того, по добросердечію своему, онъ хотѣлъ братски утѣшить его и примириться съ нимъ. Старшему сыну своему Василько онъ давно уже предназначилъ Ростовъ, а второму Всеволоду далъ Ярославль. Дѣйствительно, онъ скоро умеръ, еще только 30-ти съ небольшимъ лѣтъ отъ роду. Это случилось въ 1219 году. По словамъ суздальскаго лѣтописца, Константинъ отличался мудростью Соломона и кротостью Давида. Его смерть народъ почтилъ великимъ плачемъ; бояре оплакивали въ немъ заступника земли; слуги—господина; убогіе люди—покровителя и утѣшителя. Мы говорили уже, что онъ былъ большой книголюбецъ, а потому не жалѣлъ издержекъ на собираніе греческихъ и славянскихъ

рукописей, причемъ не только любилъ читать, но и самъ занимался лѣтописаніемъ. Онъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени, и есть извѣстіе, будто бы сочинилъ для своихъ дѣтей поученіе, подобно Владиміру Мономаху. На своемъ дворѣ при церкви Св. Михаила онъ завелъ училище, въ которомъ русскіе и греческіе иноки занимались обученіемъ дѣтей. Ростовъ, во время княженія тамъ Василько Константиновича, сталъ едва ли не главнымъ средоточіемъ духовнаго просвѣщенія сѣверо-восточной Руси, въ особенности благодаря трудамъ епископа Кирилла II. Хотя грамотность еще не была широко распространена на Руси, однако дѣло русскаго просвѣщенія по всѣмъ признакамъ шло успѣшно. Обученіемъ грамотности занималось исключительно духовенство. Училища заводились обыкновенно при соборныхъ церквахъ, особенно процвѣтая въ стольныхъ княжескихъ городахъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ епископовъ. Посѣщали ихъ дѣти не только духовныхъ лицъ, но и дружинниковъ и горожанъ. Въ русской исторіи часты примѣры юношей, уходившихъ, подъ вліяніемъ чтенія благочестивыхъ писаній, въ уединенье монастырей, гдѣ особенно процвѣтало списываніе и сочиненіе книгъ. Подъ руководствомъ владыки Кирилла переводились съ греческаго и переписывались разныя произведенія духовной литературы. Тѣ же благочестивые иноки явились первыми учеными наблюдателями небесной тверди. Они замѣчали съ большою точностью движеніе кометъ, лунныя и солнечныя затменія; а путешествуя по святымъ мѣстамъ, пріобрѣтали географическія познанія. Желая всѣми способами облагодѣтельствовать человѣчество, нѣкоторые монахи старались узнавать силу цѣлебныхъ травъ

44) Картина: Будущій инокъ.

для облегченія страждущихъ и нерѣдко своимъ успѣшнымъ лѣченіемъ возбуждали зависть въ чужеземныхъ врачахъ. Многія лѣкарства составлялись въ Россіи, но лучшія и драгоцѣннѣйшія привозились черезъ Константинополь изъ Александріи. Середи свѣтскихъ, не богословскихъ, литературныхъ произведеній русскихъ людей того времени знаменито слово Даніила Заточника. Онъ, повидимому, принадлежалъ къ дружинному сословію, сосланный въ заточеніе однимъ изъ сѣверныхъ русскихъ князей конца XII столѣтія, неизвѣстно за какую вину. По его сѣтованіямъ на думцевъ княжескихъ, можно предположить, что онъ пострадалъ вслѣдствіе злыхъ навѣтовъ. Въ то время къ князю, для обсужденія особенно важныхъ вопросовъ, приглашались на совѣщаніе, кромѣ старшихъ бояръ, простые дружинники и тоже лучшіе земскіе люди изъ волостей. Собранія ихъ впослѣдствіи развились въ земскіе соборы, называвшіеся иначе «великой земскою Думою». Даніилъ Заточникъ пишетъ: «князь не самъ впадаетъ въ печаль, но думцы вводятъ». «Съ добрыми думцами князь высокà стола додумается, а съ лихими и малаго стола лишенъ будетъ». «Слово» изобилуетъ остроумными поговорками и народными пословицами. Самъ авторъ такъ о себѣ выражается: «хоть я въ Аѳинахъ не учился, но какъ пчела собираетъ медъ по разнымъ цвѣтамъ, такъ и я по разнымъ книгамъ собираю сладость словесную». Кіевъ въ литературномъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ просвѣщенія, служилъ образцомъ для всей Руси, пока не дошелъ до окончательнаго упадка и разоренія. Преемники Мономаха, слѣдуя его примѣру, усердно снабжали лѣтописателей свѣдѣніями о происходившихъ событіяхъ. Лѣтописцы суздальскіе являются прямыми по-

слѣдователями и подражателями лѣтописцевъ кіевскихъ, такъ что трудно опредѣлить, съ какого времени началась лѣтописная дѣятельность собственно въ ростово-суздальскомъ краѣ. Въ Новгородѣ Великомъ мы видимъ менѣе зависимости отъ Кіева, нежели въ Суздалѣ. Тамъ велась лѣтопись подъ наблюденіемъ не князей, слишкомъ часто мѣнявшихся, а архіепископовъ. Но такая зависимость — вполнѣ естественна въ ростово-суздальскомъ краѣ, гдѣ предметомъ лѣтописанія является все тотъ же родъ Мономаховичей въ его младшей линіи. Также и лѣтопись галицко-волынская есть ни что иное, какъ продолженіе кіевскаго лѣтописанія. Дробленіе русской земли на удѣлы, столь губительно отразившееся на многихъ сторонахъ ея государственной жизни, благопріятно вліяло на широкое распространеніе въ ней гражданственности и книжнаго просвѣщенія, такъ какъ каждый, хотя и небольшой, стольный городъ былъ ихъ средоточіемъ для своей области, гдѣ княжескій дворъ привлекалъ къ себѣ людей наиболѣе образованныхъ. Тѣсныя связи съ Византіей вліяли на усвоеніе книжнаго просвѣщенія и художества греческаго. Отъ дунайскихъ болгаръ Русь получила многіе славянскіе переводы, а при посредствѣ военныхъ и торговыхъ сношеній съ Венгріей, Польшей, Германіей и Скандинавіей она усвоила начатки западной образованности.

Съ Западной Европой восточные славяне, по сообщенію араба Ибрагима Ибнъ-Якуба, завели торговыя сношенія еще въ X столѣтіи. Купцы славянскіе пріѣзжали съ товарами въ Прагу черезъ Краковъ и черезъ Польшу же приходили западные торговцы въ Русь. Руссы еще въ языческія времена имѣли этимъ путемъ оружіе франкской работы.

Съ востока, черезъ Хазарію и Камскую Булгарію, арабо-мусульманское вліяніе клало на русскую промышленность и умственное развитіе, свой отпечатокъ, хотя сношенія съ Персіей и Аравіей, послѣ X вѣка, когда русскихъ купцовъ встрѣчали въ самомъ Богдадѣ, значительно ослабѣли, а затѣмъ прекратились вовсе, — отчасти вслѣдствіе разрушенія русскими хазарскаго царства, а позже вслѣдствіе покоренія Персіи и Аравіи алтайскими турками. При воспріимчивости своей, богато одаренное отъ природы, русское славянство, на основѣ своей самобытной жизни перерабатывало эти чужія вліянія и начала. Все обѣщало Руси блестящую будущность. Но злѣйшимъ ея врагомъ на югѣ были сосѣднія степи съ набѣгами оттуда половцевъ. Половцы овладѣли Тьмутараканью и едва не всею Тавридой; но ради собственныхъ выгодъ они не мѣшали торговлѣ, первые впустивъ чужеземцевъ въ южную и восточную часть Крымскаго полуострова. Эти ловкіе итальянцы, еще за нѣсколько лѣтъ до нашествія татаръ имѣли торговыя заведенія въ Арменіи и господствовали въ Черномъ морѣ. Греки, армяне, евреи, нѣмцы и венеціане жили охотно въ Кіевѣ во время его государственнаго упадка, привлекаемые туда выгоднымъ обмѣномъ товаровъ, а кромѣ того русскимъ гостепріимствомъ. Между русскими и евреями шла въ Корсунѣ торговля рабами. По сообщенію арабскаго купца Ибнъ-Ель-Атира, изъ Греціи привозили въ Русь, черезъ приморскій таврическій городъ Судакъ, хлопчато-бумажныя и шелковыя ткани, пряные коренья, деревянное масло и ладанъ для церковнаго обихода. Русскіе же купцы привозили сюда греческимъ купцамъ въ крытыхъ телѣгахъ, запряжен-

ныхъ волами, разные мѣха и въ ихъ числѣ—зайчьи шкурки.

Едва Русь начала отвоевывать себѣ обратно степное пространство, одолѣвая половцевъ, какъ изъ Азіи показалась грозная туча новыхъ степныхъ ликарей, и мы увидимъ дальше, что противъ нихъ, не могъ устоять слишкомъ шаткій и слабый государственный строй удѣльно-вѣчевой, междоусобной Руси.

Смуты между сыновьями Всеволода Большое Гнѣздо помогли рязанскимъ князьямъ вернуть свою самобытность; но зато у нихъ начались снова раздоры, ознаменовавшіеся страшнымъ братоубійствомъ въ 1217 году. Тогда рязанской землей владѣли уже не сыновья, а внуки Глѣба Ростиславича, и главнымъ виновникомъ этого чернаго дѣла явился князь Глѣбъ Владиміровичъ. Заодно съ Глѣбомъ дѣйствовалъ его братъ Константинъ. Они замыслили избить всѣхъ своихъ родичей, чтобы захватить ихъ волости. Съ этою цѣлью рязанскій князь пригласилъ къ себѣ остальныхъ князей, чтобы, яко-бы дружескимъ образомъ, за чаркой крѣпкаго меду, уладить общіе споры. Одинъ родной его братъ и пять двоюродныхъ, не подозрѣвая коварной западни, явились въ Рязань на его призывъ. Они высадились изъ лодокъ своихъ на берегу Оки верстахъ въ шести отъ Рязани, въ «Исадахъ»: такъ называлась княжеская усадьба, гдѣ находился загородный княжескій дворъ и содержалась княжеская охота. Здѣсь, подъ сѣнью густолиственныхъ вязовъ, разбиты были шатры, и 20-го іюля Глѣбъ принялся съ видомъ ласковаго радушія угощать гостей. Между тѣмъ слуги-половцы только ждали съ его стороны знака къ кровопролитію. Когда головы пріѣзжихъ князей достаточно

отуманились, Глѣбъ и Константинъ обнажили свои мечи. Всѣ шесть братьевъ были убиты, а вмѣстѣ съ ними погибло много слугъ и бояръ, ихъ сопровождавшихъ. Такіе дикіе, порочные нравы въ тѣ времена еще встрѣчались между князьями, рядомъ съ самыми достойными и свѣтлыми личностями среди нихъ. Въ числѣ уцѣлѣвшихъ родственниковъ убіенныхъ князей былъ нѣкій князь Ингварь Игоревичъ и его братъ Юрій. Они, при помощи уже преемника Константина Всеволодовича—Юрія II, явились мстителями за погибшихъ князей. Побѣжденный ими, Глѣбъ Владиміровичъ бѣжалъ изъ Рязани въ половецкую степь, гдѣ, по преданію, въ безуміи окончилъ жизнь свою. Ингварь умеръ вскорѣ послѣ того, а Юрій Игоревичъ мирно началъ княжить въ Рязани. За время княженія этихъ обоихъ братьевъ рязанская земля успѣла оправиться отъ погромовъ Всеволода III. Сожженная Рязань обстроилась, укрѣпилась и вновь разбогатѣла, благодаря своему выгодному положенію по пути изъ южной Руси въ Камскую Булгарію. Сюда привозились греческіе товары, какъ-то: разныя ткани, драгоцѣнная утварь и церковныя украшенія. Новгородцы, посѣщая Оку, привозили нѣмецкія произведенія—оружіе и полотна. Изъ Булгаріи шли сюда металлическія издѣлія и предметы роскоши. Сама рязанская земля была богата сырьемъ: мѣхами, воскомъ, кожами и т. п. Въ ней было много бобровыхъ угодій, рыбы, скота, всякой дичи и въ особенности—бортныхъ угодій. Бортничество, т. е. пчелиный промыселъ, было крайне развито въ древней Руси, такъ какъ въ тѣ времена не знали сахару и медъ служилъ приправою не однихъ напитковъ, но тоже сладкихъ яствъ. Мы уже объясняли однажды, что «бортью» называлось естественное или выдолбленное

45) Картина: Князья рязанскіе Глѣбъ и Константинъ вдругъ обнажаютъ свои мечи во время пира съ братьями.

въ старомъ деревѣ дупло, гдѣ водились ликія пчелы, а рощи съ такими деревьями назывались «бортнымъ угодьемъ» или «ухожьемъ». Бортный промыселъ встрѣчается на всемъ пространствѣ русской земли при различныхъ условіяхъ почвы и климата. Князья въ своихъ волостяхъ, на ряду съ звѣриными и рыбными ловцами, имѣли особыхъ бортниковъ, занимавшихся бортными ухожьями и варкою меда. Среди даней и оброковъ въ княжескую казну видную долю составлялъ медъ. Обычною мѣркою для него служило «лукно», или опредѣленной величины коробъ изъ лубка. Бортники въ сѣверо-восточной Руси назывались еще «древолазами», такъ какъ требовалась нѣкоторая ловкость и привычка лазить по деревьямъ, потому что медъ приходилось иногда доставать на значительной высотѣ. Бортный промыселъ сталъ особенно выгоденъ съ распространеніемъ христіанства, доставляя тоже и воскъ на церковныя свѣчи. Но, несмотря на богатства естественныхъ произведеній, рязанскій край страдалъ очень слабымъ развитіемъ просвѣщенія, что̀ отражалось въ строптивомъ, неукротимомъ духѣ его князей. Сосѣдство съ половцами а также и сильная примѣсь медленно поддававшихся обученію финновъ, въ составѣ населенія внѣ полосы между Окой и Проней, на него налагало языческій отпечатокъ грубости и кровожадной излишней воинственности. Бояре иногда злоупотребляли своимъ правомъ совѣта и ради личныхъ цѣлей поддерживали раздоры князей.

Князь Давидъ муромскій ходилъ всегда по волѣ великаго князя Всеволода. Онъ былъ женатъ на дочери одного крестьянина: Евфросиніи, излѣчившей его отъ тяжкой болѣзни; по сохранившемуся преданью она была прекрасна собой и одарена великою мудростью. Ког-

да Давиду досталось муромское княженье, народъ, не желая признавать своею княгиней крестьянку, потребовалъ отъ Давида, чтобъ онъ отпустилъ ее. Однако Давидъ не захотѣлъ, предпочитая остаться жить въ большой бѣдности; когда же «по соизволенію Божію» муромцы все же его призвали княземъ къ себѣ, онъ управлялъ страною вмѣстѣ съ супругой милостиво и справедливо. Оба они, несмотря на свое высокое званіе, сохранили въ сердцахъ смиреніе, воздержаніе и простоту; заслужили горячую любовь подданныхъ, помогая больнымъ и нищимъ. Въ старости они приняли иночество: онъ—подъ именемъ Петра, а она—Февроніи. Оба скончались на одной и той же недѣлѣ, завѣщавъ положить себя въ одинъ гробъ.

Владимірскій князь Юрій II послѣ липецкаго урока избѣгалъ войнъ съ сосѣдними княжествами и легко мирился въ случаѣ ссоры со своими родичами. Однако въ томъ, что касается иноплеменниковъ, онъ напротивъ прославился предпріятіями противъ мордвы и камскихъ булгаръ. Владѣнія ростово-суздальскихъ князей охватывали еще за Волгой обширный лѣсной край, коего границы сливались съ владѣніями новгородскими. Тутъ, при сліяніи рѣкъ Сухоны и Юга, возникъ, неизвѣстно когда и кѣмъ основанный, городъ Устюгъ. Онъ располагался, какъ говорятъ, на высокой горѣ, верстахъ въ четырехъ отъ нынѣшняго, и назывался сначала по имени этой горы—Гледеномъ. Названіе жителей устюжанами произошло отъ «устья Юга». Тамъ жили русскіе вмѣстѣ съ чудью. Булгары, издревле торговавшіе съ чудскимъ населеніемъ нынѣшнихъ нашихъ губерній—архангельской и вологодской, съ неудовольствіемъ видѣли возникшее господство русскихъ въ этихъ миролюбивыхъ стра-

нахъ, такъ какъ Устюгъ зависѣлъ отъ великаго князя владимірскаго, а въ особенности отъ князей ростовскихъ. Къ владѣніямъ ихъ принадлежало тоже теченіе волжскаго притока Мологи, гдѣ жило финское племя Весь; и область Шексны, иначе Пѣшехонье, до самаго Бѣлаго озера, гдѣ на болотистыхъ берегахъ стоялъ древній городъ Бѣлозерскъ. Булгары съ своей стороны захотѣли быть завоевателями и скорѣе обманомъ, чѣмъ силою, взяли городъ Устюгъ, стремясь овладѣть и берегами Унжи. Но Юрій II послалъ противъ нихъ, съ сыномъ своимъ Олегомъ, сильную рать, поставивъ, во главѣ ея, воеводой брата—Святослава. Святославъ, князь юрьево-польскій, призвавъ на помощь муромскихъ князей, сыновей Давида, поплылъ на судахъ до устья Камы, и здѣсь послалъ часть своихъ полковъ съ ростовцами, подъ начальствомъ Василько Константиновича—вверхъ по этой рѣкѣ, а самъ съ главными силами, продолжая путь внизъ по Волгѣ, подступилъ черезъ лѣсъ къ булгарскому городу Ошелу. Булгарскій князь, встрѣтившій русскихъ въ открытомъ полѣ конницей, былъ разбитъ и спасся за городскими укрѣпленіями. Ошелъ, по обычаю болгарскихъ городовъ, былъ окруженъ снаружи дубовымъ тыномъ, позади коего находилось еще два деревянныхъ забора съ насыпаннымъ посреди нихъ земляным валомъ. 13-го іюня русскіе пошли на приступъ. Впереди шли люди съ огнемъ и топорами, за ними — стрѣлки и копейщики. Они порубили эти двойные оплоты и пожгли ихъ. Потомъ вспыхнулъ самый городъ. Буря въ одно мгновеніе разметала огонь во всѣ стороны, такъ что страшно было смотрѣть. Только владѣтельный князь съ немногими всадниками счастливо ускакалъ изъ бушевавшаго моря пламени. Остальные

Собственность Т. П. Мятлевой.

Покорность камскихъ булгаръ великому князю Владимірскому Юрію II Всеволодовичу. *(Къ стр. 143).*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Молодой сынъ венгерскаго короля Каломанъ съ женою—принцессой польской, сдается русскому князю Мстиславу Удалому, овладѣвшему Галичемъ, *(Къ стр. 163).*

или погибли, или же, выбѣжавъ вонъ, были взяты въ плѣнъ. Ярославъ Всеволодовичъ тоже прислалъ свои войска на помощь Святославу. Когда побѣдоносное русское ополченіе поплыло обратно отъ города, обращеннаго въ груды пепла, булгаре, узнавъ въ столицѣ своей и въ другихъ мѣстахъ объ участи Ошела, собрались—конные и пѣшіе — на берегахъ Волги, чтобы пресѣчь ему путь и отбить полонъ. Но Святославъ велѣлъ воинамъ своимъ, надѣвъ брони и поднявъ стяги, спокойно плыть, раздѣленными на полки, съ громкой игрой на трубахъ, бубнахъ и на сопѣляхъ. Такимъ образомъ русскіе безопасно прошли мимо смущенныхъ булгаръ, соединившись при устьѣ Камы съ отрядами ростовцевъ и устюжанъ, отвоевавшихъ ея берега. Боевые доспѣхи надѣвались русскими воинами исключительно передъ самой битвой; даже оружіе для облегченія людей возилось за ними на телѣгахъ, почему непріятелю иногда удавалось производить нападеніе на безоружныхъ ратниковъ. Святославъ вышелъ изъ ладьи у Городца-Радилова и со своей конной дружиной направился прямо къ Владиміру. Великій князь торжественно встрѣтилъ брата у Боголюбова, а затѣмъ три дня угощалъ его и дружину, раздавая отважнымъ воинамъ щедрые подарки конями, тканями и оружіемъ. — Слѣдующею весной, не довольствуясь уже одержанною побѣдой, Юрій II предпринялъ новый походъ противъ камскихъ булгаръ, на этотъ разъ самъ ставъ во главѣ суздальской рати. Но пока онъ ждалъ братьевъ въ Городцѣ, булгарскіе послы, уже два раза побывавшіе безуспѣшно зимой во Владимірѣ, умоляя о мирѣ, явились въ третій разъ къ Юрію съ челобитною и великими дарами. Тогда, наконецъ, Юрій смягчился, но онъ отправилъ своихъ мужей въ булгарскую землю, чтобы привести

46) Картина: Побѣдоносная русская рать плыветъ вверхъ по Волгѣ мимо булгарскихъ войскъ.

47) Картина: Булгарскіе послы просятъ съ поклонами и дарами у Юрія Всеволодовича заключенія мира.

тамошнихъ людей по ихъ вѣрѣ къ присягѣ, и обезпечилъ тогда же со стороны камскихъ булгаръ съ мордвою ростово-суздальскіе, а также муромскія владѣнія, построивъ въ 1221 году при самомъ устьѣ Оки, на мордовской землѣ, укрѣпленный городокъ русскій, названный потомъ Нижнимъ-Новгородомъ. Въ то время Ярославль былъ уже стольнымъ городомъ особаго удѣла, а далѣе внизъ по Волгѣ на луговомъ ея берегу встрѣчаемъ мы Кострому, откуда свозились къ Волгѣ произведенія ея лѣсныхъ промы словъ, какъ-то: мѣха, смола, деготь и т. п. Князь Всеволодъ Константиновичъ закончилъ тогда въ Ярославлѣ каменный Спасо-Преображенскій храмъ съ монастыремъ.

48) Картина: Закладка Нижняго-Новгорода.

Построеніе Нижняго-Новгорода встрѣчено было туземной мордвой съ большимъ неудовольствіемъ и вызвало съ ея стороны враждебныя дѣйствія противъ русскихъ. Одинъ изъ ея князьковъ, по имени Пургасъ, былъ союзникомъ булгаръ и врагомъ Руси. А другой мордовскій владѣлецъ, соперникъ Пургаса, Пурешъ призналъ себя, какъ говорилось тогда, «подручнымъ» великаго князя владимірскаго. Въ 1228 году Юрій II былъ вынужденъ послать племянника Василько Константиновича походомъ противъ мордвы въ глубь ея поселеній, хотя уже въ 1226 году русскіе опять взяли нѣсколько мордовскихъ селъ. Однако рать ростовскаго князя принуждена была возвратиться ни съ чѣмъ домой, вслѣдствіе крайне ненастной погоды. Дружина очень любила этого князя; лѣтописецъ про него говоритъ, что онъ былъ красивъ лицомъ, очами свѣтелъ и грозенъ, храбръ на охотѣ, къ боярамъ ласковъ и сердцемъ добръ. До излишества онъ любилъ служившихъ ему. Зимою Юрій II, самъ ставъ во главѣ русскаго войска, возобновилъ походъ и напалъ на Пур-

гаса. Русскіе разорили мордовскую землю, побрали въ плѣнъ и перебили жителей въ большомъ количествѣ. Пургасъ пытался напасть на Нижній Новгородъ, но былъ отбитъ, а потомъ сынъ Пуреша съ наемными половцами истребилъ дружину Пургаса. Несмотря на всю медленность и разбросанность наступательнаго движенія Руси на финскія племена, послѣднимъ не было никакой возможности ей съ успѣхомъ противиться, такъ какъ Русь, помимо всѣхъ препятствій, шла быстро впередъ по пути государственнаго развитія, тогда какъ финны все оставались на той же ступени его, на какой славяне дреговичи, сѣверяне и вятичи были въ IX столѣтіи. Но, расширяясь все далѣе на востокъ, восточно-русская народная стихія вмѣстѣ съ тѣмъ принимала въ себя иноплеменную кровь и такимъ образомъ, сохранивъ основаніе славянской народности, являлась все болѣе смѣшанною съ различными мѣстными инородцами. Такъ устанавливался особый видъ народа великорусскаго. Русскій языкъ раздѣлился уже въ то время на два нарѣчія—сѣверное и южное или малорусское; только въ то время они еще были очень близки другъ къ другу, стояли на степени разныхъ говоровъ, легко понятныхъ тѣмъ и другимъ.

Областныя отличія и вліянія мѣстной примѣси инородцевъ еще не нарушили единства языка и сильнымъ связующимъ началомъ для всѣхъ областей служили основы общей книжной словесности, переводы богослужебныхъ книгъ на церковно-славянскій языкъ. Кромѣ того, единое греческое православіе распространяло по всей Руси одни и тѣ же виды храмового зодчества, иконописанія и другихъ художествъ, служащихъ для благолѣпія храмовъ. Кромѣ того, самое свойство русской природной равнины препятствовало

полному обособленію отдѣльныхъ земель. Никакія естественныя преграды не раздѣляли ее, покрытую цѣлою сѣтью внутреннихъ водъ. Три главныя ея рѣки, Волга, Двина и Днѣпръ, сближались своими вершинами и, переплетаясь между собой безчисленными притоками, связывали отдѣльныя части этой равнины удобными путями сообщенія. Онѣ поддерживали единеніе промышленное и торговое, вліяя на единеніе государственное. Во всѣхъ областяхъ Руси мы находимъ одни и тѣ же семейныя отношенія, общественныя учрежденія и сословія; одинъ отпечатокъ княжеской власти, суда и управленія; тѣ же вѣчевые обычаи и взаимодѣйствіе земства съ дружиною,—по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ.

Сельское населеніе древней Руси жило по хуторамъ и поселкамъ, разсѣяннымъ вокругъ городовъ. Оно составило изъ себя поземельныя общины, носившія разнообразныя названія: верви, погоста и волости. Главною связью между селеніями, входившими въ составъ такой общины, служило общее пользованіе землей, а также совокупная уплата даней и оброковъ въ княжескую казну или же въ пользу отдѣльныхъ земельныхъ владѣльцевъ на земляхъ, жалованныхъ князьями своимъ дружинникамъ. Имъ въ такомъ случаѣ передавалась съ землей и обязанность судебной на ней расправы (за исключеніемъ крупнаго воровства и убійства) съ правомъ взиманія судебныхъ пошлинъ. При подвижности сельскаго населенія, всегда готоваго въ случаѣ внѣшней опасности или истощенія почвы оставить свои жилища, чтобъ перейти на болѣе удобныя земли, при большомъ запасѣ пространства еще незаселеннаго и невоздѣланнаго, русскіе князья-завоеватели смотрѣли на русскую землю, какъ на свою собственность вслѣдствіи чего жало-

вали своимъ дружинникамъ или духовнымъ лицамъ участки, не только еще пустые, но уже заселенные, облагая жителей разными данями и повинностями за пользованіе землей. Что касается духовенства, предполагаютъ, что давно существовалъ обычай собирать съ прихожанъ по праздникамъ подаяніе. Причты отъ нихъ получали плату за исполненіе требъ и приношенія деньгами или хозяйственными припасами. Кіевскіе князья, объединившіе славянскія племена, не создали поземельной общины, но ее уже нашли, такъ сказать, въ обычаяхъ и нравахъ народа, а потомъ ею пользовались для собиранія даней, оброковъ и судебныхъ виръ. Такъ какъ княжескимъ тіунамъ удобнѣй было при такихъ сборахъ имѣть дѣло съ общиной или волостью, чѣмъ съ каждой отдѣльной семьей, то при князьяхъ Игорева дома славянская поземельная община получила отъ нихъ поддержку для дальнѣйшаго своего развитія. Но не одно совокупное пользованіе землей заставляло сельское населеніе соединяться въ общины. Ихъ влекла къ этому еще потребность въ взаимопомощи для охраненія угодій своихъ отъ захвата сосѣдними жителями, а также при исполненіи большихъ работъ, какъ-то: постройки плотины, моста, при расчисткѣ лѣсныхъ пространствъ подъ пашню. Послѣднее условіе въ особенности имѣло значеніе для сѣверныхъ областей, обильныхъ дремучими лѣсами и дебрями. Земледѣльческія орудія употреблялись въ то время такія же, какъ и теперь, но хлѣбъ мололи, за неимѣніемъ мельницъ, ручными жерновами. При раскопкахъ нерѣдко встрѣчаются желѣзныя части плуга. Хотя Русь была окружена болѣе или менѣе непріязненными ей народностями, но никто среди нихъ не былъ настолько силенъ, чтобъ угрожать ея независимости. Венгры, литва, нѣмцы, шведы, камскіе

булгары и половцы могли по временамъ угрожать только пограничнымъ ея владѣніямъ и разоряли своими набѣгами окрайныя земли, — но больше они ничего не могли сдѣлать. Не стѣсняемый извнѣ, русскій народъ имѣлъ возможность безпрепятственно развивать свой удѣльно-вѣчевой складъ; однако та степень единенія, въ которой состояли русскія земли въ началѣ XIII столѣтія, достаточная для охраненія Руси отъ вышеназванныхъ безпокойныхъ сосѣдей, не выдержала хищнаго натиска азіатскихъ полчищъ, когда они появились съ востока и затопили собою всю русскую землю. Въ описываемые нами годы, временно наступилъ періодъ полнаго благосостоянія собственно сѣверо-восточной Руси. Земля населялась, строились церкви и монастыри. Искусство поднялось до такой степени, что русскіе не нуждались болѣе въ иностранныхъ мастерахъ, чему яркимъ примѣромъ служатъ сохранившіяся до нашихъ дней древнія стѣны Георгіевскаго собора въ Юрьевѣ Польскомъ. Мы уже говорили, что среди русскихъ явились свои зодчіе и живописцы. Юрій II въ 1225 году перестроилъ Суздальскій соборъ, причемъ его стѣны расписывались восемь лѣтъ, а полъ былъ вымощенъ различнымъ мраморомъ. Почти одновременно обветшалъ, угрожая паденіемъ, соборъ Юрьево-Польскій, и Святославъ, подобно старшему брату, разобравъ въ 1230 году верхи этой церкви, ее перестроилъ заново, по свидѣтельству лѣтописи, еще красивѣе, чѣмъ она была прежде. Вкусъ къ обронным украшеніямъ очевидно достигъ, въ это время, полнаго своего развитія, такъ что стѣны Юрьевскаго собора почти сплошь покрыты роскошными узорами, высѣченными изъ бѣлаго камня. Отъ другихъ суздальскихъ храмовъ онъ отличается тѣмъ, что ко всѣмъ тремъ его

49) Картина: Изображеніе Георгіевскаго собора.

переднимъ стѣнамъ прибавлены крытыя паперти, устраиваемыя обыкновенно только передъ входными дверями. Святославъ былъ похороненъ въ этомъ же храмѣ, и все мѣстное населеніе почитаетъ издавна гробницу, гдѣ покоится прахъ его и его любимаго сына Дмитрія *).

Мы уже знаемъ, что вмѣстѣ съ художествомъ распространилось въ ростово-суздальскомъ краѣ и книжное просвѣщеніе. Княжна черниговская Евфросинія, дочь Михалко Всеволодовича, завела въ Суздалѣ училище для дѣвицъ, гдѣ учили грамотѣ, письму и церковному пѣнію. Хотя книжная образованность того времени вращалась преимущественно въ избранномъ кругу духовенства, бывшаго тогда вообще гораздо просвѣщеннѣй мірянъ, и мало проникала въ народную толщу, совершенно не обнимая житейскихъ потребностей внѣ монастырской жизни; но тѣмъ не менѣе ростово-суздальская земля и съ этими бѣдными зачатками просвѣщенія стояла гораздо выше южныхъ земель, раздираемыхъ половецкими нападеніями и внутреннею сумятицей.

Владиміръ на Клязьмѣ былъ окруженъ столь внушительными укрѣпленіями для обороны отъ не-

---

*) Этотъ прекрасный соборъ, драгоцѣнный какъ рѣдкій памятникъ древняго русскаго зодчества и мастерства, сталъ въ послѣдствіи, а именно въ XVII вѣкѣ, еще исторически знаменитымъ потому, что его посѣщалъ въ дни дѣтства и позже первый царь изъ дома Романовыхъ—Михаилъ Ѳеодоровичъ, сосланный Годуновымъ шестилѣтнимъ ребенкомъ, съ теткою его, княгиней Черкасской, въ вотчину дяди своего Ивана Никитича Романова, позже переведенную этимъ послѣднимъ на имя племянника и находившуюся за 12 верстъ отъ Юрьева Польскаго, при селѣ Клины, гдѣ до сихъ поръ остается незанятой та площадь земли, окруженная вѣковымъ, великолѣпнымъ, хотя запущеннымъ паркомъ, гдѣ нѣкогда располагались хоромы бояръ Романовыхъ, пріютившія юнаго Михаила въ дни изгнанія и скорби его семьи. Ставъ русскимъ царемъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ пожертвовалъ въ соборъ св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ серебряную церковную утварь съ надписью царственнаго своего имени, съ обозначеніемъ числа и года. До нынѣ хранятся тамъ невредимыми эти дорогіе дары: чаша и дискосъ, кадильница и кропило художественной работы.

пріятеля, что Мстиславъ Удалой съ союзниками послѣ Липецкой битвы, подойдя подъ стѣны его, не рѣшались напасть на городъ прямо и долго совѣщались, съ какой стороны легче взять его, хотя внутри этой столицы вовсе не было оставлено войска.

Боевые доспѣхи и вооруженіе русской рати ничѣмъ не отличались на сѣверо-востокѣ отъ южныхъ кольчугъ, щита и шлема, мечей, топоровъ, лука и стрѣлъ. Иногда употреблялись досчатыя латы «папорзни». Шлемъ былъ воронкообразной формы съ кольчужной сѣткою вокругъ шеи. (Шлемъ князя Ярослава Всеволодовича найденъ былъ въ 1808 году близъ Юрьева Польскаго, на мѣстѣ Липецкой битвы). Броня состояла изъ металлическихъ бляхъ, нашитыхъ на одежду, или же изъ сплошныхъ нагрудниковъ вродѣ латъ.

50) Картина: Изображеніе русскаго шлема и брони.

51) Картина: Изображеніе найденнаго подъ землей шлема Ярослава Всеволодовича.

Изъ городовъ юго-западной полосы суздальской земли намъ извѣстны: Дмитровъ и Москва, основанные Юріемъ Долгорукимъ. На мѣстѣ города Москвы, какъ мы уже говорили, ранѣе находилось селеніе Кучково, принадлежавшее по преданію боярину Ивану Кучка, соратнику въ борьбѣ съ половцами Владиміра Мономаха. Андрей Боголюбскій женился на его внучкѣ, и это село, обведенное частоколомъ, украшенное построеннымъ Юріемъ на холмѣ храмомъ, мало-по-малу выросло въ городокъ, пограничный съ чернигово-сѣверскою землей, а также рязанской и смоленской.

Подобно Черному морю и Днѣпру, Каспійское море и Волга служили другимъ важнымъ путемъ для торговли. Булгары, въ случаѣ неурожая питая хлѣбомъ суздальское великокняженіе, могли доставлять русскимъ и разныя ремесленныя произведенія образованнаго востока. Среди развалинъ Великихъ Булгаръ, въ 90 верстахъ отъ нынѣшней Казани и въ трехъ отъ

Волги, нашлись армянскія надписи XII столѣтія. Должно быть, армяне, издавна слывшіе за самыхъ ловкихъ торговцевъ, вымѣнивали тамъ русскіе мѣха и кожи на товары персидскіе или другіе. Въ Казани до сихъ поръ выдѣлываютъ лучшій сафьянъ. Всѣ знатные русскіе люди того времени носили сапоги изъ цвѣтного сафьяна, нерѣдко расшитые золотою ниткой. О кожевенномъ ремеслѣ въ самой Руси мы имѣемъ свѣденія уже по древнимъ былинамъ кіевскимъ, гдѣ знаменитый богатырь Микула, — называемый также Кожемякою въ сказаніи о его борьбѣ съ печенѣгомъ, — занимался выдѣлкой кожъ. Кромѣ того въ древнихъ могильникахъ какъ то нашли остатки овчиннаго кожуха, и хотя жители лѣсовъ носили преимущественно лапти, однако у нѣкоторыхъ костяковъ покойниковъ сохранились полусапожки изъ тонкой, сложенной въ двое, кожи безъ отдѣльной подошвы.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глава XI.

Безпокойное и кратковременное княженіе въ Новгородѣ сыновей великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича. Удачныя войны на западѣ Всеволода Мстиславича. Возвращеніе Ярослава Всеволодовича на Новгородскій столъ. Появленіе датскаго короля Вольдемара II на берегахъ Эстоніи. Взятіе и укрѣпленіе имъ за собой города эстовъ-Ревеля. Столкновеніе датчанъ съ нѣмцами и споръ между ними о правѣ крещенія язычниковъ. Поддержка эстовъ и осада Ревеля Ярославомъ Всеволодовичемъ. Отважная защита Юрьева противъ ливонскихъ рыцарей княземъ Вячко и его гибель въ бою. Заключеніе мира съ Ригою псковичами и новгородцами въ виду угрожавшей опасности ихъ владѣніямъ со стороны Литвы. Торговыя сношенія съ нѣмцами Новгорода и Пскова. Ганзейскій союзъ. Судьба древней Біарміи.

Послѣ того какъ Мстиславъ Удалой вторично покинулъ Новгородъ, новгородцы призвали къ себѣ

на княженіе сына великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича — Святослава. Но тотъ не умѣлъ обходиться съ своевольными гражданами, не въ силахъ былъ примирить ихъ постоянныя ссоры между собою и несогласія, самъ, во-первыхъ, желая смѣстить посадника Твердислава за его слишкомъ рѣзко выраженное стремленіе къ народовластію. Въ Новгородѣ при немъ начались опять шумныя вѣча. Торговая сторона при звонѣ колоколовъ, собирая ихъ на дворѣ Ярославовомъ, шла противъ Софійской, у себя бушевавшей близъ церкви Сорока мучениковъ. Граждане въ изступленіи своей взаимной вражды обнажали даже мечи, надѣвъ брони и шлемы. Тогда Мстиславъ Романовичъ, — видя, что Святославъ не пользуется народнымъ расположеніемъ въ Новгородѣ,—на его мѣсто посадилъ другого своего сына—Всеволода. Однако и тотъ пошелъ по стопамъ брата въ его непріязни къ посаднику Твердиславу. Въ 1220 году онъ даже поднялъ противъ него мятежъ, причемъ самолично прибылъ на Ярославовъ дворъ въ полномъ вооруженіи, окруживъ себя тоже вооруженными жителями торговой стороны. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, будто Всеволодъ Мстиславичъ искалъ смерти посадника. Но тотъ былъ въ это время боленъ. Приверженцы Твердислава его вывезли на саняхъ къ церкви Бориса и Глѣба въ Софійскомъ дѣтинцѣ (дѣтинцемъ въ древней Руси называлось укрѣпленное мѣсто, огороженное деревяннымъ острогомъ, т. е. оградой), гдѣ раздѣлились на пять полковъ, готовясь къ битвѣ съ Торговою стороной. Въ виду такой ихъ рѣшимости князь отправилъ въ ихъ станъ владыку Митрофана, и тому удалось примирить враждующихъ. Угнетенный болѣзнью, Твердиславъ самъ сложилъ съ себя посадничество и удалился въ Аркадьевскій монастырь.

52) Картина: Примиреніе владыкою Митрофаномъ враждующихъ сторонъ въ Новгородѣ.

Однако Всеволодъ ничего не выигралъ съ уходомъ Твердислава, такъ какъ при новомъ посадникѣ, нѣкоемъ Иванко, восторжествовала опять сторона суздальская, въ концѣ концовъ показавшая Всеволоду путь изъ Новгорода, и новгородскій владыка Митрофанъ, тоже ставленникъ Всеволода Большое Гнѣздо, отправился, послѣ того, съ этимъ посадникомъ во Владиміръ просить на новгородскій столъ сына Юрія II. Тѣмъ не менѣе, воинскія дѣла новгородцевъ при Всеволодѣ Мстиславичѣ были удачны. Воспользовавшись отсутствіемъ Мстислава Удалого, литовцы разорили нѣсколько новгородскихъ селеній по рѣкѣ Шелони, а нѣмцы, овладѣвъ снова городомъ Оденпе, старались въ немъ укрѣпиться. Владиміръ псковскій тогда осадилъ въ Оденпскомъ замкѣ недавнихъ своихъ друзей, и нѣмцы, съ большимъ урономъ отбитые при своей вылазкѣ для нападенія на обозы новгородскаго войска, терпя сильный голодъ въ стѣнахъ Оденпе, просили мира. Самъ магистръ Ливонскаго ордена Вольквинъ едва успѣлъ уѣхать изъ города, а Дитрихъ, братъ Альберта Буксгевдена, зять князя Владиміра Мстиславича, былъ оставленъ въ рукахъ новгородцевъ, какъ залогъ ихъ побѣды до окончанія мирныхъ переговоровъ. Побѣдители взяли въ числѣ добычи 700 нѣмецкихъ коней. Всеволодъ же Мстиславичъ, хотя не могъ отбить у нѣмцевъ города Пертуева, нынѣшняго Пернау, однако разбилъ ихъ все-таки за рѣкою Эмбахомъ. Юрій II былъ очень радъ добровольному обращенію новгородцевъ послѣ Липецкой битвы за княземъ снова къ роду его—и, одаривъ богато новгородскихъ пословъ, далъ имъ въ князья еще малолѣтняго сына, Всеволода, «на всей ихъ волѣ», а кромѣ того послалъ брата Святослава съ войскомъ въ новгородскую землю на помощь жителямъ противъ ли-

вонскихъ рыцарей. Поддержанные имъ новгородцы, вступивъ въ Ливонію, опустошили берега рѣки Аа и, по словамъ нѣмецкаго лѣтописца, возбудили гнѣвъ рижской Богоматери, разрушая латинскія церкви. Сынъ Владиміра псковскаго, Ярославъ, вступилъ въ союзъ съ литовцами, присоединился къ Святославу Всеволодовичу близъ Кеси, нынѣшняго Вендена, и русскіе осадили этотъ нѣмецкій городъ. Съ утра до вечера продолжалась кровопролитная битва. Нѣмцы всего удачнѣй дѣйствовали пращами и тяжело ранили многихъ русскихъ бояръ. На другой день, узнавъ, что самъ великій магистръ ордена Вольквинъ вошелъ ночью въ крѣпость и что къ осажденнымъ скоро прибудетъ новая помощь, Святославъ отступилъ. Однако военныя дѣйствія не прекращались; латыши постоянно злодѣйствовали въ окрестностяхъ Пскова, и псковичи, мстя имъ, тоже истребляли въ землѣ ихъ все, что могли. Нѣмцы, собравъ ливовъ и латышей, въ окрестностяхъ Новгорода обратили въ пепелъ нѣсколько деревень; ограбили церковь въ его предмѣстьѣ и поспѣшили уйти безъ битвы. Они старались укрѣпиться въ восточной части Ливоніи, строили замки и рыли колодези на случай осады, запасались оружіемъ и пращами. Возбуждаемыя рыцарями, толпы чуди два раза зимою приходили внезапно изъ-за Наровы въ ижорскую землю Новгорода, плѣнили тамъ много людей и увели въ большомъ количествѣ скотъ. Сыну Юрія II до такой степени не понравилось въ Новгородѣ, что онъ въ тотъ же годъ тайкомъ выѣхалъ изъ него ночью со всѣмъ дворомъ и возвратился назадъ къ отцу.

Ведя, какъ мы видѣли, частыя войны съ чудью, литвою, нѣмцами и шведами, новгородцы нуждались въ помощи сильныхъ князей ростово-суздальскихъ,

и князья эти, дѣйствительно, не разъ уже посылали новгородцамъ многочисленные полки для поддержки борьбы ихъ съ иноплеменниками, не говоря уже о томъ, что суздальскіе князья всегда угрожали Новгороду прекращеніемъ подвоза въ неплодородную область ихъ хлѣба, составлявшаго главный источникъ богатства земли ихъ; тогда какъ сырыя произведенія и дорогіе мѣха новгородскіе промышленники получали обильной данью съ финскихъ народцевъ, вымѣнивая ихъ потомъ на азіатскіе товары у камскихъ булгаръ,—суздальцы же держали въ своихъ рукахъ прямые пути на востокъ, почему легко могли перехватывать, какъ новгородскихъ сборщиковъ, такъ и торговцевъ съ Камской Булгаріей изъ муромо-рязанской области. Должно быть, вслѣдствіе всѣхъ этихъ разсчетовъ новгородцы снова охотно приняли къ себѣ княземъ, въ 1220 г. послѣ отъѣзда юнаго Всеволода Юрьевича, недавно морившаго ихъ безпощадно голодомъ—Ярослава Всеволодовича. Этотъ самовластный и корыстолюбивый князь неоднократно потомъ то уходилъ изъ Новгорода въ свой Переяславль Залѣсскій, то снова княжилъ тамъ. За это время Псковъ, пользуясь новгородскими смутами, пріобрѣталъ все болѣе самостоятельности. Бурныя волненія и ожесточенная борьба противныхъ сторонъ въ Новгородѣ сопровождались не только частою смѣной князей и посадниковъ, но также архіепископовъ новгородскихъ, смотря по тому, какая сторона брала верхъ—суздальская или народная?

Ярославъ Всеволодовичъ, выгнавъ хищныхъ литовцевъ изъ южныхъ предѣловъ новгородской земли и изъ торопецкой—смоленской волости, захотѣлъ стать защитникомъ сѣверныхъ ливовъ, къ этому времени утѣсненныхъ еще новыми, съ запада появившимися при-

шельцами-завоевателями. Въ 1219 году датскій король Вольдемаръ II, уже однимъ своимъ появленіемъ на морѣ въ 1206 году заставившій Владиміра полоцкаго оставить осаду Гольма, приплылъ къ берегамъ Эстоніи съ флотомъ и войскомъ, желая очиститься отъ грѣховъ своихъ и доказать свое усердіе рижской Богоматери. Онъ взялъ приморскій городъ эстовъ Ревель и заложилъ тамъ крѣпкій замокъ. Во время кровопролитной битвы между датчанами и туземцами въ руки датчанъ будто бы упало съ облаковъ красное знамя съ бѣлымъ крестомъ посрединѣ его, а потому король Вольдемаръ, самъ возвратившись домой, но оставивъ въ Ревелѣ своихъ воиновъ и епископовъ, счелъ всѣ дальнѣйшія ихъ завоеванія въ эстонской землѣ, во главѣ съ городомъ Ревелемъ, достояніемъ Даніи и епископомъ ревельскимъ отъ себя назначилъ датчанина. Нѣмцы, никакъ не ожидавшіе такого, нисколько для нихъ нежелательнаго, оборота дѣла, но безсильные помѣшать ему,—теперь, въ христіанской проповѣди своей и въ своемъ вліяніи на страну, встрѣтили соревнованіе датскихъ священниковъ. Тѣ и другіе проповѣдники спѣшили первыми попасть въ каждую, еще языческую, область Эстоніи, дабы предупредить другъ друга обрядомъ крещенія въ пользу своей народности. При этомъ нѣмецкіе ксендзы, ради скорости, крестили жителей цѣлой деревней разомъ, потомъ торопясь перейти въ другую. Однако случалось, что имъ навстрѣчу выступали народные старшины, говоря, что наканунѣ ихъ окрестили уже датчане. Эти послѣдніе даже повѣсили одного чудскаго старшину за то, что тотъ дерзнулъ принять крещеніе отъ нѣмцевъ. При недостаткѣ на мѣстѣ своихъ священниковъ, датчане посылали въ нѣкоторыя деревни просто служителей со святой водой. Альбертъ Буксгевденъ по-

ѣхалъ съ жалобой на Вольдемара въ Римъ къ папѣ Гонорію III, но тамъ уже засталъ, прежде него прибывшее, посольство датскаго короля. Передъ германскимъ императоромъ Фридрихомъ II его ходатайство тоже не имѣло успѣха. Тогда Альбертъ волей-неволей вынужденъ былъ признать Вольдемара верховнымъ владѣтелемъ Эстоніи и Ливоніи. Однако въ 1223 году датскаго короля измѣннически захватилъ въ плѣнъ на охотѣ, подчиненный ему графъ мекленбургъ-шверинскій, послѣ чего многія, ему подвластныя, области освободились отъ датскаго ига, а между ними Ливонія и Эстонія. Сюда, по слѣдамъ датчанъ, явились и шведы, тоже желая крестить язычниковъ. Несчастные туземцы не знали кому покоряться изъ мнимыхъ своихъ просвѣтителей, враждовавшихъ между собою ради земельныхъ пріобрѣтеній и первенствующей власти. Доведенные до отчаянія, жители острова Эзеля, наконецъ, вооружились, побили шведовъ и взяли приступомъ крѣпость, вновь основанную датчанами на этомъ островѣ. Послѣ того мятежъ скоро сдѣлался общимъ въ разныхъ мѣстахъ Ливоніи. Жители городовъ Феллина, Юрьева, Оденпе единодушно выказывали ненависть свою къ нѣмцамъ; они умертвили среди нихъ многихъ рыцарей и священниковъ, причемъ мечи, обагренные вражеской кровью, посылались съ мѣста на мѣсто въ знакъ торжества ливонцевъ. Туземцы сѣверной части Ливоніи отрекались явно отъ христіанства; вымыли свои дома, какъ осквернепные католическими обрядами, разрушили церкви и послали сказать епископу рижскому, что они, возвратившись къ вѣрѣ отцовъ своихъ, не оставятъ ее теперь, пока живы. Старшины эстонскіе обратились за помощью къ новгородцамъ и просили ихъ князя Ярослава Всеволодовича освободить Эстонію отъ ига

датчанъ. Ярославъ собралъ 20 тысячъ воиновъ и пошелъ биться за эстовъ, всюду встрѣчаемый ими съ радостью, какъ избавитель. Однако нѣмецкіе рыцари, успѣвъ снова овладѣть крѣпостью города Феллина до прихода туда самого новгородскаго князя, повѣсили всѣхъ новгородскихъ воиновъ, тамъ находившихся, вблизи городскихъ стѣнъ и этимъ зрѣлищемъ возбудили жестокій гнѣвъ Ярослава противъ окрестнаго населенія. Только немилосердно наказавъ неповинныхъ въ злодѣйствѣ рыцарей, мѣстныхъ жителей, онъ соединился съ приморскими эстами и осадилъ принадлежавшій датчанамъ Ревель, иначе Колывань. Однако датчане такъ ловко дѣйствовали пращами и оборонялись столь мужественно, что, послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ приступовъ четырехнедѣльной осады города, Ярославъ возвратился въ Новгородъ хотя и не побѣдителемъ, но тѣмъ не менѣе съ богатой добычей и большимъ числомъ плѣнниковъ. Вскорѣ затѣмъ Ярослава, ушедшаго по собственному желанію назадъ въ Переяславль Залѣсскій, временно замѣнилъ опять малолѣтній его племянникъ Всеволодъ Юрьевичъ и, его именемъ правившіе чиновники, стремясь сохранить подъ русскимъ вліяніемъ Юрьевъ нѣмецкій Дерптъ, отдали этотъ городъ во владѣніе бывшему кривскому князю Вячко, мужественному начальнику перешедшаго во владѣніе нѣмцевъ, двинскаго замка Кукейносъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи не болѣе двухсотъ воиновъ, Вячко сумѣлъ утвердить господство свое въ сѣверной части Ливоніи, обложилъ данью жителей и безпрестанно тревожилъ нѣмцевъ, счастливо отразивъ ихъ нападеніе на городъ Юрьевъ съ однимъ небольшимъ отрядомъ своимъ при нѣсколькихъ стахъ эстонскихъ защитниковъ. Онъ былъ силенъ укрѣпленіями Юрьева,

наилучшими во всемъ Балтійскомъ краѣ. Тогда къ Юрьеву подступили и самъ епископъ Альбертъ, и магистръ ордена меченосцевъ Вольквинъ, во главѣ многочисленной рати ливонскихъ рыцарей, подкрѣпленныхъ ливами, латышами и благочестивыми крестоносцами. Расположившись въ шатрахъ вокругъ города, они соорудили высокую деревянную башню, придвинули ее къ стѣнамъ и, подъ ея прикрытіемъ, начали вести подкопъ, пытаясь одновременно осадными своими орудіями, метавшими въ крѣпость стрѣлы, камни и раскаленное желѣзо, нанести городу поврежденія и причинить внутри его пожаръ. Ожидая помощи новгородцевъ, Вячко рѣшительно отказался принять предложеніе враговъ сдаться подъ условіемъ сохраненія ему жизни и всего имущества. Горсть русскихъ проводила на стѣнахъ города безсонныя ночи, ободряя себя боевыми кликами; игрою на дудкахъ и на сопѣляхъ. Между тѣмъ осадныя работы продолжались безъ перерыва при заревѣ костровъ, подъ звуки вражескихъ трубъ и литавровъ. Потерявъ терпѣніе, нѣмцы наконецъ бросились брать городъ приступомъ, какъ разъ въ ту минуту, когда осажденные успѣли зажечь пылающими колесами и вязанками дровъ осадную башню. Приставили лѣстницы. Первымъ полѣзъ братъ епископа Альберта—Іоаннъ, за нимъ—меченосцы, за меченосцами—латыши. Послѣ отчаянной обороны почти всѣ защитники Юрьева, а въ томъ числѣ храбрый князь Вячко, были убиты. Нѣмцы зажгли замокъ, послѣ чего поспѣшили уйти, прослышавъ, что къ Юрьеву приближается изъ Новгорода и Пскова большое войско. Однако эта запоздавшая помощь уже была напрасна, Узнавъ дорогой, что Юрьевъ взятъ, новгородцы съ псковичами возвратились назадъ, а потомъ заключили съ Ригою миръ. По этому

53) Картина: Осада нѣмцами Юрьева и мужественная его защита князем Вячко.

миру всѣ земли къ западу отъ Чудскаго озера поступили въ непосредственное владѣніе ливонскихъ нѣмцевъ. На такую уступку Новгородъ былъ принужденъ согласиться въ виду угрожавшей ему опасности со стороны Литвы, своими набѣгами доходившей въ 1224 году до города Руссы, гдѣ дикіе грабители нанесли страшное пораженіе войску вышедшаго къ нимъ настрѣчу посадника и, захвативъ большую добычу конями, вернулись въ земли свои. Литовцы не думали о земельныхъ завоеваніяхъ, стремясь только грабить русскія села и наносить постоянный вредъ своимъ могучимъ сосѣдямъ.

Мы знаемъ, что новгородцы уже издавна вступили въ мирныя, торговыя сношенія съ нѣмцами. Они посылали свои корабли съ товарами въ Любекъ и Данію. Еще въ 1157 году датскій король Свендъ IV при осадѣ Шлезвига захватилъ многія суда россійскія и заплатилъ ихъ цѣннымъ грузомъ жалованье своимъ воинамъ. Новгородскіе купцы имѣли церковь свою на островѣ Готландѣ, а иноземные гости, раздѣлявшіеся на зимнихъ и лѣтнихъ, постоянно жили въ отведенныхъ имъ «гостинныхъ» дворахъ, въ самомъ Новгородѣ. Они тамъ, тоже какъ мы уже знаемъ, совершали богослуженія по своему обряду въ построенныхъ ими церквахъ во имя св. Олафа и св. Петра. Когда же, въ теченіе XIII столѣтія, города германскіе числомъ до 70-ти соединились въ тѣсный союзъ ради своихъ торгово-промышленныхъ цѣлей и Рига съ островомъ Готландомъ примкнули къ союзу этому, извѣстному подъ названіемъ Ганзы,— Новгородъ сдѣлался средоточіемъ сѣверной нѣмецкой торговли, причемъ Ганза учредила въ немъ одну изъ своихъ главныхъ конторъ. Нѣмцы привозили сюда тонкія сукна, въ особенности фламадскія, соль,

сельди и хлѣбъ на случай неурожая, а у насъ получали: воскъ, медъ, кожи, пеньку и ленъ; иногда же доставляли Новгороду, вопреки запрещенію союза, немало драгоцѣнныхъ металловъ. Иноземцевъ привлекалъ къ себѣ этотъ городъ преувеличенной молвой о его богатствѣ, пышности двора княжескаго и роскошномъ житьѣ тамъ сановныхъ гражданъ. Псковъ тоже участвовалъ въ этой знаменитой торговлѣ; и оба города обнаружили мудрое безкорыстіе, способствуя ея успѣху умѣренной пошлиной на товары.

Древняя Біармія давно уже стала новгородскою областью, но корабли шведскіе и норвежскіе не переставали еще ходить къ устью Сѣверной Двины, продолжая свою старинную торговлю съ нею. Въ 1222 году норвежцы ограбили эту богатую мѣхами и серебромъ страну, мстя ей за убійство однимъ біармійскимъ начальникомъ своего знаменитаго купца Гелке Богрансона съ его товарищами, вслѣдствіе происшедшей между ними какой-то злосчастной ссоры.

Глава XII.

Вторичное завоеваніе Галича Мстиславомъ Удалымъ и плѣненіе имъ сына венгерскаго короля Коломана съ его юной супругой. Ссылка королевской четы въ городъ Торческъ и вѣнчаніе Мстислава золотымъ вѣнцомъ Коломана въ цари Галиціи. Происки боярина Судислава и миръ съ королемъ венгерскимъ при условіи освобожденія его сына. Обрученіе малолѣтняго брата Коломана съ младшею изъ дочерей Мстислава. Опустошеніе Даніиломъ и Василько бельзской области вѣроломнаго Александра Всеволодовича. Появленіе новаго грознаго завоевателя Чингисъ-Хана — на азіатскомъ востокѣ. Его столкновеніе съ половцами и кавказскими горцами. Пораженіе половецкихъ ордъ полководцами Чингисъ-Хана и разгромъ ими южно-русскихъ князей на рѣкѣ Калкѣ. Обратный путь ихъ на горе камскимъ булгарамъ черезъ уральскія степи.

Тѣмъ временемъ, снова бывшій на югѣ, Мстиславъ Удалой собиралъ тамъ на помощь себѣ, про-

тивъ ляховъ и венгровъ, владѣвшихъ Галичемъ, гдѣ опять княжилъ юный сынъ короля Андрея, — половецкую силу и подступилъ къ столицѣ Галиціи вмѣстѣ съ княземъ смоленскимъ—Владиміромъ Рюриковичемъ, помогавшимъ ему въ борьбѣ съ суздальскою землею. Главнымъ воеводою Коломана былъ тогда нѣкій Фильній, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Фили Прегордаго. Онъ относился съ крайнимъ презрѣніемъ къ русскимъ, сравнивая ихъ съ глиняными горшками, а себя съ камнемъ, и говоря, что «одинъ камень много горшковъ побиваетъ и что довольно остраго меча при борзомъ конѣ, чтобы много Руси побить». Услыхавъ о приближеніи русскихъ князей съ ихъ дружинами и ордой половцевъ, онъ укрѣпилъ городъ и между прочимъ обратилъ въ крѣпость, внутри его, церковь Пресвятой Богородицы, чѣмъ оскорбилъ религіозныя чувства русскихъ. Поляки помогали венграмъ. Фильній вышелъ съ ними, венграми и галичанами навстрѣчу Мстиславу, не допуская его до города. Замѣтивъ, что поляки стоятъ на довольно далекомъ разстояніи отъ своихъ союзниковъ, Мстиславъ внезапно оставилъ Владиміра Рюриковича одного сражаться съ ними, къ его большому недоумѣнію самъ отойдя на возвышенность, гдѣ онъ ободрилъ свою рать именемъ честнаго креста! Поляки стремительно ударили на Владиміра и, обративъ его въ бѣгство, опрометчиво погнались за нимъ, какъ это и разсчиталъ Мстиславъ. Тогда онъ, не теряя времени, ударилъ съ половцами на венгровъ и послѣ жестокой сѣчи одержалъ верхъ, захвативъ въ плѣнъ самого Фильнія, которому не помогли ни борзый конь, ни острый мечъ. Когда поляки, торжествуя, вернулись опять съ богатой добычей на поле битвы и устремились къ

54) Картина: Мстиславъ на холмѣ во время битвы соображаетъ планъ своихъ дѣйствій.

своему знамени, еще не вѣдая, что оно уже находится въ рукахъ побѣдителя, — смерть ихъ застигла внезапно подъ его сѣнью, и кровопролитіе было ужасно. Стонъ погибающихъ отъ меча русскихъ ляховъ доносился до Галича, и трупы лежали грудами на огромномъ пространствѣ. Послѣ этой побѣды Мстиславъ осадилъ Галичъ и предлагалъ три раза венграмъ сдаться при условіи полной пощады, но они не захотѣли. Тогда Мстиславъ приказалъ сдѣлать подкопъ подъ городъ; и между тѣмъ какъ оплошавшіе венгры сторожили одни ворота, русскіе подземнымъ путемъ проникли въ Галичъ. Тогда Коломанъ, съ семьей и знатными приближенными своими, заперся въ церкви Пресвятой Богородицы, не внимая новому предложенію добровольной сдачи со стороны Мстислава. Великодушный князь этотъ самъ послалъ имъ, томившимся жаждой, сосудъ съ холодной водой. Осажденные продержались еще нѣсколько дней, бросая съ верховъ храма камни и стрѣлы; но голодъ и недостатокъ питья сломили наконецъ ихъ упорство. Венгры сдались на милость русскаго князя. Однако Мстиславъ теперь уже не хотѣлъ оказывать ни почета, ни милосердія плѣнному королевичу, приведенному къ нему плачущимъ вмѣстѣ со своею супругою. Онъ ихъ отправилъ подъ стражей въ Торческъ, тогда какъ венгерскихъ бароновъ отдалъ въ неволю своимъ дружинникамъ и храбро сражавшимся рядомъ съ нимъ половцамъ. Галицкая земля съ восторгомъ встрѣтила своего избавителя отъ чужеземнаго ига, и русскіе епископы повѣнчали Мстислава въ цари Галиціи золотымъ вѣнцомъ Коломановымъ, доставшимся въ руки русскимъ. Герцогъ Лешко не допустилъ князя волынскаго Даніила соединиться съ тестемъ до битвы. Даніилъ въ Галичъ пріѣхалъ уже

55) Картина: Плачущій королевичъ венгерскій съ супругой своей предъ грознымъ Мстиславомъ

*

56) Картина: Вѣроломный галицкій боярин Судиславъ умоляетъ униженно князя Мстислава о прощеніи ему его измѣны.

поздравить его съ одержанной побѣдой. Они пировали, и народъ радовался освобожденію своему отъ гнета венгровъ. Главнѣйшій изъ русскихъ бояръ, державшій ихъ сторону, Судиславъ, обнималъ колѣни новаго галицкаго владыки, прося помилованія. Слишкомъ довѣрчивый и простодушный, Мстиславъ не только простилъ его, но еще далъ ему въ управленіе Звенигородъ.

Король Андрей, узнавъ о несчастіи, постигшемъ сына, пришелъ въ отчаяніе и сначала съ угрозами послалъ Мстиславу требованіе отпустить его на свободу. Потомъ, увидѣвъ тщетность своихъ угрозъ и слишкомъ утомленный недавнимъ походомъ въ Іерусалимъ для начала военныхъ дѣйствій, онъ понизилъ свой горделивый тонъ и, чрезъ посредство боярина Судиславa, лукаво расположившаго къ себѣ русскаго князя, выговорилъ у него,—болѣе опытнаго въ воинскихъ подвигахъ, нежели въ государственныхъ тонкихъ соображеніяхъ,—неожиданно выгодный для себя миръ. Его убѣдили выдать дочь за другого сына венгерскаго короля, тоже Андрея, и отдать ему Галицію въ приданое за невѣстой, столь же еще малолѣтней, какъ и ея женихъ, такъ что ихъ бракъ, клятвенно подтвержденный, пока былъ отложенъ; но Коломанъ, выпущенный изъ плѣна, вернулся къ отцу. Это было въ 1221 году. Однако совѣсть венгерскаго короля была неспокойна потому, что малолѣтній сынъ его былъ еще ребенкомъ помолвленъ съ армянской царевной, единственною наслѣдницей своихъ родителей. Онъ обратился за разрѣшеніемъ себя отъ грѣха къ папѣ. А такъ какъ недовольный условіями мирнаго договора между венграми и Мстиславомъ, Лешко уже жаловался на нихъ въ Римъ Гонорію III, то этотъ папа послалъ сказать въ 1222 году Андрею,

Собственность Т. П. Мятлевой.

Вѣроломный бояринъ галицкій—Судиславъ умоляетъ о прощеніи его измѣны Мстислава Удалаго, отнявшаго Галичъ у венгровъ

(Къ стр. 164).

что Галиція принадлежитъ Коломану, возведенному на ея престолъ апостольской властью; а что обязательство по отношенію къ Мстиславу, вынужденное бѣдствіемъ Коломана, само собою уничтожается его освобожденіемъ. Но король колебался нарушить свой договоръ съ Мстиславомъ, и тотъ отдалъ будущему своему зятю Перемышль.

Между тѣмъ братья Романовичи, Даніилъ и Василько, омрачили нѣсколько добрую славу юности своей жестокимъ разореніемъ Бельза, волости своего двоюроднаго брата Александра Всеволодовича, державшаго сторону венгровъ и ляховъ во время отсутствія князя Мстислава. Мѣстное населеніе называло этотъ свирѣпый набѣгъ сыновей Романовыхъ «злою ночью», ибо воины ихъ не оставили въ городѣ камня на камнѣ. Только заступничество Мстислава спасло Александра и сохранило въ рукахъ его область Бельза. Въ то время мать Даніила и Василько, видя старшаго сына уже способнымъ править своей землей и укрощать враговъ своихъ самостоятельно, удалилась отъ свѣта въ тишину монастырскую.

Между тѣмъ, пока русскіе князья со своими дружинами тратили силы въ междоусобіяхъ, на далекомъ азіатскомъ востокѣ совершались великіе перевороты и собиралась надъ ними, пока невидимая, гроза.

На сѣверной границѣ китайской имперіи, властитель монголовъ, ханъ Темучинъ сдѣлался повелителемъ многочисленныхъ татарскихъ племенъ; взялъ столицу Китая Пекинъ на востокѣ и обратилъ затѣмъ оружіе свое противъ хозарскихъ торковъ на западѣ. Онъ успѣлъ овладѣть неизмѣримыми пространствами отъ рѣки Амура въ Сибири до Волги; повелѣвалъ множествомъ народовъ, составлявшихъ его военную силу, и прозванъ былъ Чингисъ-Ханомъ,

т. с. великимъ ханомъ. Своевременно мы уже говорили много объ алтайскихъ торкахъ, основавшихъ по берегамъ Каспійскаго моря въ VIII столѣтіи хазарское царство. Въ XII вѣкѣ нѣкогда могущественные хазары, притѣсненные покорившими Персію аравитянами, уже утратили прежнюю свою силу и независимость. Но единоплеменники этихъ пришлыхъ изъ Азіи, алтайскихъ турокъ, прослуживъ многіе годы арабскимъ халифамъ, къ этому времени освободились отъ ига ихъ, и въ концѣ XI столѣтія повелитель турецкаго племени сельджуковъ, Челаддинъ, владычествуя отъ Каспійскаго моря до Индіи на востокѣ и до Іерусалима на югѣ, держалъ у себя въ повиновеніи папу магометанъ: багдадскаго халифа. Арабское царство уже совсѣмъ упало, ослабленное отчасти распрями частныхъ его владѣтелей, отчасти завоеваніями крестоносцевъ въ Азіи. На его развалинахъ воцарились турки хивинскіе, завладѣвшіе большей частью Персіи и Бухаріей. Чингисъ-Ханъ искалъ дружбы ихъ государя Магомета II; но Магометъ II, не понявъ всей выгоды для себя союза съ такимъ могучимъ ханомъ, велѣлъ на свою бѣду умертвить монгольскихъ пословъ. Тогда Чингисъ-Ханъ прибѣгнулъ къ суду меча своего, называя его «судомъ Неба». Три ночи промолившись въ уединеніи, на горѣ, онъ объявилъ, что будто одинъ христіанскій епископъ ему въ сновидѣніи обѣщалъ побѣду. Благодаря этому вымыслу, распространенному Чингисъ-ханомъ въ войскѣ своемъ для ободренія суевѣрныхъ, христіане съ этого времени пользовались особымъ благоволеніемъ монгольскаго хана. Началась война, гибельная для Магомета, ужасная свирѣпостью монгольскихъ полчищъ.

Бухарія, древняя Бактрія, славилась плодоносны-

ми своими долинами, богатыми рудами, красотою лѣсовъ и водъ, а также художествами, торговлей, народнымъ просвѣщеніемъ, многолюдными городами и роскошной, красивой своей столицей. Чингисъ-ханъ обратилъ ее въ пепелъ. Тогда городъ Самаркандъ, несмотря на то, что на его искусно укрѣпленныхъ стѣнахъ находились около ста тысячъ ратниковъ и множество военныхъ слоновъ, составлявшихъ главную опору всѣхъ древнихъ воинствъ, предпочелъ сдаться на милость враговъ. Однако, свирѣпые воины новаго грознаго завоевателя не знали жалости и пощады; они въ два-три года опустошили всю землю отъ Аральскаго моря до Инда, а самъ Магометъ тщетно старался спастись съ остатками войскъ своихъ и двора отъ упорныхъ преслѣдованій его полководцами Чингисъ-Хана. Исполняя волю своего повелителя, тѣ неутомимо гнались за нимъ быстрыми переходами изъ одной области въ другую, всюду сопровождаемые нѣсколькими десятками тысячъ конницы. Настигнутый ими на самомъ дальнемъ краю Каспійскаго моря, несчастный султанъ Магометъ, больной и угнетенный постигшей его бѣдою, въ 1221 году самъ лишилъ себя жизни на морскомъ островѣ, ставшемъ его послѣднимъ прибѣжищемъ отъ преслѣдованія врага. Это преслѣдованіе имѣло рѣшающее значеніе для дальнѣйшей судьбы Россіи, такъ какъ оно завлекло Чингисъ-хана съ его ордою въ земли, лежащія за Каспійскимъ моремъ и за Ураломъ. Полководцы его перешли рѣки Араксъ и Куру, вторглись въ Грузію и, разбивъ безъ труда грузинское войско, углубились съ плѣнными проводниками въ тѣснины кавказскихъ горъ. Проводникамъ удалось бѣжать, а, извѣщенныя о нашествіи азіатовъ, кавказскія племена—аланы и черкесы (косоги и яссы

древней тьмутараканской Руси), соединившись съ отрядомъ половцевъ, окружили страшныхъ гостей, занявъ всѣ проходы окрестныхъ горъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи монгольскіе вожди прибѣгли къ хитрости. Они послали объявить половцамъ, что, считая ихъ своими единоплеменниками, они не хотятъ воевать противъ нихъ и не считаютъ себя ихъ врагами. Подкрѣпивъ льстивыя рѣчи дорогими дарами, татары добились того, что половцы покинули своихъ союзниковъ, и тогда имъ удалось, одолѣвъ черкесовъ съ аланами, выбраться чрезъ горы въ сѣверную часть Кавказа. Тамъ, развернувъ свободно свою неуязвимую, грозную конницу, сметавшую вихремъ все находившееся на пути ея, они начали грабить и разорять вѣжи обманутыхъ ими половцевъ. Тѣ тщетно пытались противиться монгольской силѣ. Татары гнали князей ихъ, вплоть до самаго половецкаго вала, отдѣлявшаго ихъ въ степи отъ земли русской. Въ этихъ битвахъ съ татарами пали знатнѣйшіе половецкіе ханы, находившіеся въ свойствѣ съ русскими князьями.

Оставшійся между ними старѣйшимъ, ханъ Котянъ прискакалъ въ Галичъ къ зятю своему Мстиславу Удалому и извѣстилъ его о томъ, что съ востока идетъ несмѣтная сила невѣдомыхъ завоевателей. Онъ умолялъ о помощи, говоря: «сегодня взяли они нашу землю, а завтра придутъ брать вашу». Князь галицкій не таковъ былъ, чтобы отказаться отъ ратнаго дѣла. Пылая желаніемъ сразиться съ новымъ, еще неизвѣстнымъ ему, врагомъ, онъ поспѣшилъ собрать на совѣщаніе въ Кіевѣ южно-русскихъ князей, между тѣмъ какъ испуганный Котянъ задаривалъ ихъ конями, верблюдами, буйволами и молодыми невольницами. Татары тѣмъ временемъ располо-

жились зимовать среди половецкихъ кочевій, забравъ большую добычу на Таврическомъ полуостровѣ и разоривъ тамъ торговый городъ Сугдію. Старшими князьями совѣта, собраннаго Мстиславомъ, были, кромѣ него, еще великій князь кіевскій и третій Мстиславъ, князь черниговскій, братъ Всеволода Чермнаго. За ними — по старшинству — слѣдовали: Владиміръ Рюриковичъ смоленскій и сынъ Ярослава луцкаго — Мстиславъ Нѣмой, князь пересопецкій. Изъ молодыхъ князей на совѣтѣ этомъ присутствовали: Даніилъ волынскій; бывшій князь новгородскій, Всеволодъ: сынъ великаго князя кіевскаго и сынъ Всеволода Чермнаго—Михаилъ. «Лучше встрѣтить враговъ въ чужой землѣ, нежели на своей», говорилъ Мстиславъ Удалой: «если мы не поможемъ половцамъ, то они пойдутъ противъ насъ, увеличивъ собою силу татарскую». Рѣшенъ былъ общій походъ, причемъ послали просить помощи и во Владиміръ у Юрія II-го. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ многочисленные русскіе князья: кіевскіе, смоленскіе, черниговo-сѣверскіе и волынскіе, со своими дружинами, собрались у правобережнаго днѣпровскаго городка Заруба. Такъ какъ пѣхота приплывала сюда на ладьяхъ, то судовъ на этомъ мѣстѣ, по словамъ лѣтописи, набралось столько, что воины черезъ нихъ переходили посуху съ одного берега на другой. Провѣдавъ о такой сильной рати русскихъ князей, туда явились къ нимъ послы отъ татаръ и попытались увѣрить ихъ, что «они пришли бить только своихъ конюховъ и холоповъ—половцевъ, будто бы за то именно, что тѣ очень много зла на Руси причинили, а что татары русскимъ князьямъ со своей стороны предлагаютъ миръ». Однако, проученные примѣромъ половцевъ, ставшихъ жертвой такого же лицемѣрія татаръ, князья,

вмѣсто отвѣта, по наущенію половцевъ, перебили, вопреки установившемуся обычаю, пословъ татарскихъ. Это случилось въ 1224 году. Послѣ того собравшееся русское ополченье двинулось внизъ по Днѣпру, запрудивъ его своими ладьями и, перейдя пороги, расположилось станомъ вблизи Олешья на островѣ Хортицѣ, гдѣ къ нимъ присоединились, спустившіеся Днѣстромъ къ морю, галичане и половецкіе воины. Мстиславъ Удалой, съ отрядомъ галичанъ въ тысячу человѣкъ, первый перешелъ Днѣпръ, а за нимъ бросились въ степь еще нѣсколько молодыхъ князей, въ томъ числѣ Даніилъ Романовичъ. Они разбили сторожевой татарскій отрядъ и обратили его въ бѣгство. Татары, желая спасти воеводу своего Гемябека, спрятали его въ яму, но половцы нашли его тамъ и умертвили съ разрѣшенія своихъ русскихъ союзниковъ. Ободренные первой побѣдой, молодые князья торопили остальныхъ выходомъ въ степи, и всѣ пошли впередъ. Русскіе стрѣлки по пути къ рѣкѣ Калкѣ (нынѣ Калеца въ Екатеринославской губ., близъ Маріуполя) разсѣяли еще одинъ татарскій отрядъ, захвативъ множество скота. Восемь дней шли походомъ князья до рѣки Калки. Мстиславъ Удалой приказалъ Даніилу Романовичу съ Яруномъ, начальникомъ половцевъ, перейти рѣку и самъ перешелъ вслѣдъ за нимъ. Тутъ внезапно глазамъ ихъ представились грозныя татарскія полчища. Началась роковая битва. Пылкій Даніилъ изумлялъ враговъ своимъ мужествомъ. Вмѣстѣ съ Олегомъ курскимъ онъ тѣснилъ ихъ густыя толпы и, раненый въ грудь копьемъ, не замѣчая этого, продолжалъ сражаться. Однако, вся храбрость русскаго малочисленнаго передового отряда не могла одолѣть превосходныхъ силъ и бурнаго натиска татарскихъ войскъ. Мсти-

57) Картина: Татары стараются спрятать въ ямѣ отъ взора и стрѣлъ враговъ своего вождя.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Татары стараются спрятать въ ямѣ отъ взора и стрѣлъ враговъ восводу своего Гемябска. *(Къ стр. 170).*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Юный князь Даніилъ Романовичъ у рѣки послѣ битвы съ татарами замѣчаетъ, что раненъ въ грудь. *(Къ стр. 171).*

славъ Ярославовичъ Нѣмой спѣшилъ всюду на помощь Даніилу съ Олегомъ, «крѣпкою мышцею поражая враговъ», но половцы первые дрогнули и побѣжали обратно въ безумномъ страхѣ, смявъ ряды русскихъ полковъ даже и въ отдаленномъ станѣ, гдѣ князья, перейдя тоже Калку, еще не успѣли приготовиться къ бою. Преслѣдуя половцевъ, налетѣли за ними татары и привели тѣмъ въ большее, неожиданное разстройство воиновъ русской соединенной рати, на половину еще не взявшихъ въ руки оружія. Пошла такая кровавая, бѣшеная рѣзня, что русскіе тоже не устояли, и въ первый разъ за всю свою жизнь бѣжалъ съ поля битвы даже Мстиславъ Удалой, тайно надѣявшійся одинъ воспользоваться всей честью славной побѣды надъ непріятелемъ. Юный Даніилъ теперь вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но, подскакавъ къ рѣкѣ, остановилъ коня для утоленія жажды и тутъ только почувствовалъ свою рану. Въ погонѣ за русскими татары убили шесть молодыхъ удѣльныхъ князей и 70 славныхъ витязей-богатырей. Земля русская, по словамъ лѣтописца, отъ своего начала еще не видала подобнаго бѣдствія. Прекрасное, бодрое, сильное войско южно-русскихъ князей совсѣмъ исчезло. Однихъ кіевлянъ легло до 10-ти тысячъ, причемъ наши мнимые друзья и виновники всего несчастья, половцы, принялись сами грабить убитыхъ русскихъ ратниковъ. Мстиславъ Удалой, испытавъ въ первый разъ превратность судьбы съ измѣной себѣ военнаго счастья, горестный, измученный, переплылъ Днѣпръ въ ладьѣ, приказавъ истребить за собой всѣ суда, чтобы татары не могли за нимъ гнаться. Съ остаткомъ разбитой своей дружины онъ возвратился въ Галичъ; а князь Владиміръ смоленскій, успѣвъ собрать вокругъ себя во

58) Картина: Даніилъ Романовичъ у рѣки послѣ битвы съ татарами замѣчаетъ, что раненъ въ грудь.

время бѣгства нѣсколько тысячъ воиновъ, благополучно прибылъ, сопровождаемый ими, въ Кіевъ. Между тѣмъ, кіевскій князь Мстиславъ Романовичъ, съ двумя своими зятьями—Андреемъ и Александромъ, одни неподвижно стояли на каменистомъ берегу Калки, огородившись телѣгами и, видя общее бѣгство, не захотѣли тронуться съ мѣста. Когда татарскій отрядъ окружилъ ихъ, они упорно сражались три дня и три ночи съ неутомимой отвагой. Тогда татары прибѣгли къ коварству и предложили князьямъ, черезъ служившаго имъ воеводу вольной дружины степныхъ пограничныхъ бродниковъ — Плоскиню, сдаться на выкупъ съ тѣмъ, что они останутся живы. Князья поддались увѣреніямъ Плоскини и вышли изъ ограды, послѣ чего были преданы имъ татарскимъ военачальникамъ Чингисъ-Хана. Ожесточенные мужественнымъ сопротивленіемъ этихъ трехъ гордыхъ русскихъ князей и вспомнивъ про убіеніе въ русскомъ станѣ своихъ пословъ, монголы изрубили горсть воиновъ, окружавшихъ ихъ, а самихъ храбрецовъ, связавъ, задушили досками, послѣ чего пировали, сидя на трупахъ этихъ несчастныхъ.

59) Картина: Гибель кіевскаго великаго князя съ его зятьями на рѣкѣ Калкѣ.

Вся южная Россія затрепетала; народъ въ ожиданіи гибели съ воплемъ, стеная, молился въ храмахъ, — и Богъ на сей разъ услышалъ его молитву. Не встрѣтивъ больше сопротивленія, татары вдругъ повернули назадъ, къ востоку, чтобъ возвратиться къ своему повелителю. Они направились сначала къ Волгѣ и, пройдя по землѣ камскихъ булгаръ, нанесли имъ крупное пораженіе, а потомъ, черезъ уральскія степи, минуя Каспійское море, достигли своей азіатской родины, гдѣ въ Бухаріи ждалъ ихъ владыка всѣхъ окрестныхъ народностей—Чингисъ-Ханъ. Онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ свое побѣдоносное вой-

60) Картина: Общее смятеніе и молитва народа объ избавленіи отъ враговъ на югѣ Руси.

ско и, выслушавъ донесеніе его вождей, щедро наградилъ ихъ за мужество и военное искусство.

Грозная туча, съ такой внезапной стремительностію налетѣвшая изъ туманной дали азіатскихъ степей на древнюю Русь и прогремѣвшая у ея предѣловъ, — такъ же внезапно и будто безслѣдно скрылась. Южно-русскіе князья легко вздохнули, но хотя опустошенныя татарами села еще дымились въ развалинахъ на берегахъ Днѣпра, а родственники оплакивали усопшихъ, они не подумали въ будущемъ принять мѣры для болѣе вѣрной защиты отъ нападенія никому до сихъ поръ невѣдомаго, но приносящаго съ собой неотразимую смерть, врага. Между тѣмъ монгольскіе завоеватели на обратномъ своемъ пути хорошо провѣдали состояніе восточной Европы и на опытѣ уже знали теперь, какъ имъ свободнѣй пройти въ нее. Юрій II, великій князь владимірскій, послалъ на помощь южно-русскимъ князьямъ племянника своего, ростовскаго князя Василько Константиновича. Но когда этотъ князь достигъ Чернигова, то туда уже донеслась скорбная вѣсть о несчастной битвѣ при рѣкѣ Калкѣ, вслѣдствіе чего онъ повернулъ назадъ.

Заключительная глава.

Происки галицкихъ бояръ и дурное вліяніе ихъ на Мстислава. Передача Мстиславомъ галицкаго стола, помимо правъ Даніила Романовича, сыну венгерскаго короля, женившемуся на его дочери. Раскаяніе Мстислава, ушедшаго въ Торческъ, и смерть его въ 1228 году. Юрій II изъ Торжка угрожаетъ безпокойному Новгороду. Кратковременное княженіе тамъ князя черниговскаго Михаила и возвращеніе его въ свой удѣлъ послѣ недолгой распри съ Олегомъ курскимъ. Ярославъ Всеволодовичъ — снова князь новгородскій. Его походы въ Литву и Финляндію. Взятіе нѣмцами острова Эзеля и датскаго Ревеля. Подчиненіе себѣ ими куроновъ. Смерть Альберта Буксгевдена въ 1229 году. Орденъ тевтонскихъ рыцарей въ Пруссіи. Заключеніе смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ торговаго договора съ Ригой и Готландомъ. Независимость Пскова. Стихійныя бѣдствія и буйство въ Новгородѣ. Новый призывъ новгородцами князя черниговскаго и возвращеніе въ Новгородъ Ярослава Всеволодовича.

Положеніе Мстислава Удалого въ Галичѣ послѣ постигшей его неудачи сдѣлалось крайне непрочно. Бояре строили противъ него, по обыкновенію своему, всякія козни, пользуясь его простодушіемъ, и поссорили его съ зятемъ Даніиломъ Романовичемъ волынскимъ, наговоривъ на этого князя, чрезъ посредство враждебнаго ему Александра бельзскаго, будто онъ замышляетъ убить своего тестя и поднимаетъ ляховъ противъ него. Дѣло дошло до междоусобной войны. Даніилъ соединился съ поляками, Мстиславъ призвалъ половцевъ и Владиміра Рюриковича изъ Кіева. Но, по счастью, обманъ и злая клевета Александра скоро разоблачились. Мстиславъ щедро одарилъ Даніила и помирился съ нимъ, оставивъ однако, по добротѣ своей, Александра бельзскаго безнаказаннымъ. Потомъ одинъ изъ галицкихъ бояръ, Мирославъ, увѣрилъ остальныхъ, будто Мстиславъ хочетъ ихъ всѣхъ предать на избіеніе половецкому

хану Котяну, что вызвало бѣгство знатнѣйшихъ бояръ въ Карпатскія горы. Духовникъ князя Мстислава едва уговорилъ ихъ вернуться, удостовѣривъ ихъ безопасность въ Галиціи.

Сынъ венгерскаго короля Андрей, обрученный женихъ меньшей дочери Мстислава, не долго спокойно сидѣлъ въ данномъ ему на княженіе Перемышлѣ. Побуждаемый, среди своевольныхъ мѣстныхъ бояръ, однимъ изъ нежелавшихъ видѣть наслѣдникомъ Галича, столь любимаго населеніемъ, Даніила, онъ убѣжалъ къ отцу и поднялъ его на войну противъ Мстислава. Король венгерскій въ союзѣ съ поляками сталъ-было забирать галицкіе города, но подъ Звенигородомъ потерпѣлъ сильное пораженіе, послѣ чего поспѣшилъ возвратиться въ Венгрію. Андрею благопріятствовали вліятельные галицкіе бояре—Судиславъ и Глѣбъ Зеремѣевичъ. Они, вопреки совѣтамъ Даніила съ Василько, удержали Мстислава отъ преслѣдованія венгерскаго короля, причемъ еще уговорили его лучше выдать скорѣе дочь за ея обрученнаго жениха и дать ей въ приданое не одинъ Перемышль, а всю Галицію, устранивъ отъ престолонаслѣдія Даніила. Мстиславъ внялъ этому коварному наущенію бояръ и отдалъ молодому Андрею Галичъ, самъ удалившись въ такъ называемое Понизье. Но скоро онъ раскаялся въ необдуманномъ, малодушномъ своемъ поступкѣ; просилъ прощенія у Даніила и хотѣлъ вооруженной рукой вернуть ему Галичъ. Однако этотъ, исключительный въ нашей исторіи, случай, чтобъ русскій князь, имѣя единокровныхъ наслѣдниковъ, отдавалъ удѣлъ свой иноплеменнику, остался событіемъ, совершившимся безповоротно, такъ какъ Мстиславъ занемогъ въ Торческѣ и скончался въ 1228 году, успѣвъ принять, по обычаю русскихъ князей, передъ смертью схиму, но

Даніила его не допустили видѣть тѣ же бояре своими кознями. По извѣстіямъ одного изъ польскихъ историковъ, тѣло его было погребено въ кіевской церкви Св. Креста. Въ настоящее время храмъ этотъ уже не существуетъ болѣе.

Въ бою на рѣкѣ Калкѣ палъ черниговскій князь Мстиславъ Святославичъ, братъ Всеволода Чермнаго, и тогда какъ кіевскій столъ занялъ, послѣ гибели въ татарскомъ плѣну Мстислава Романовича, Владиміръ Рюриковичъ, передавъ Смоленскъ своему двоюродному брату Мстиславу Давидовичу,—въ Черниговѣ княжитъ сѣлъ его племянникъ Михаилъ Всеволодовичъ. Но на короткое время онъ случайно попалъ оттуда на новгородскій сѣверный столъ, покинутый въ 1223 году Ярославомъ Всеволодовичемъ, а потомъ и вторично посланнымъ туда, но опять не поладившимъ съ новгородцами, малолѣтнимъ сыномъ Юрія II-го—Всеволодомъ. Но на этотъ разъ Всеволодъ остался въ Торжкѣ, и туда пришелъ, для вразумленія своевольныхъ новгородскихъ чиновниковъ, Юрій, требуя отъ Новгорода выдачи ему нѣсколькихъ именитыхъ гражданъ. Его сопровождали: братъ Ярославъ, племянникъ Василько и шуринъ его Михаилъ черниговскій. Великій князь съ угрозой сказалъ: «я поилъ Тверцею коней своихъ, напою и Волховымъ». Но новгородцы, укрѣпивъ стѣны свои, послали ему такой отвѣтъ: «мы своихъ братьевъ не выдадимъ; у тебя мечъ, у насъ головы: умремъ за Св. Софію. Дерзнешь ли на кровопролитіе?» Тогда Юрій, смягчившись въ гнѣвѣ своемъ, вступилъ съ ними въ переговоры и предложилъ имъ принять къ себѣ княземъ Михаила черниговскаго, обѣщая уйти изъ Торжка за денежный выкупъ. Новгородцы дали свое согласіе и, откупившись семью тысячами рублей отъ

сѣвернаго князя суздальскаго, приняли на новгородскій столъ князя южной, старой Руси. Однако тотъ недолго прокняжилъ въ Новгородѣ и, вопреки желанію гражданъ, очень довольныхъ тѣмъ, что онъ не нарушалъ новгородскихъ вольностей, миролюбиво простившись съ ними, вернулся въ родной Черниговъ, когда тамъ возстановилась, нарушенная татарами, тишина и миновала опасность новаго ихъ нашествія. Однако ему пришлось, ранѣе водворенія въ этомъ городѣ, выдержать за черниговскій столъ борьбу со своимъ двоюроднымъ дядей: Олегомъ Игоревичемъ курскимъ. Это междоусобіе, благодаря вмѣшательству Юрія суздальскаго, пришедшаго на помощь къ шурину, окончилось въ пользу Михаила. Митрополитъ Кириллъ I не ростовскій, а кіевскій, извѣстный въ то время тоже своей ученостью, пріѣхавъ изъ Кіева, примирилъ соперниковъ.

Новгородцы же, съ сокрушеніемъ проводивъ, угоднаго имъ князя; еще благодарные ему за то, что онъ, съѣздивъ изъ Новгорода во Владиміръ, уговорилъ Юрія II вернуть имъ товары ихъ и достояніе нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, увезенные изъ Торжка суздальскими князьями,—послали опять за Ярославомъ—Ѳеодоромъ въ Переяславль Залѣсскій. На этотъ разъ Ярославъ, придя къ нимъ на зовъ ихъ, остался въ Новгородѣ цѣлыхъ три года.

Между тѣмъ литовцы, числомъ до 7000 ворвавшись въ предѣлы Руси, грабили въ то время сосѣднія съ ихъ владѣніями области: полоцкую, смоленскую и новгородскую, гдѣ плѣняли и убивали народъ безъ всякой пощады. Ярославъ со своею княжескою дружиной пришелъ на помощь къ Владиміру Мстиславичу псковскому и къ брату его Давиду, князю торопецкому. Они настигли литовскія шайки около го-

рода Усвята и нанесли имъ полное пораженіе, освободивъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ. Но князь Давидъ Мстиславичъ палъ въ этой битвѣ. Въ слѣдующемъ году Ярославъ ходилъ съ новгородскимъ войскомъ въ самую отдаленную сѣверную часть Финляндіи и покорилъ ее своему оружію, полонивъ тамъ множество жителей, при чемъ часть плѣнниковъ дорогою умертвилъ съ большою жестокостью.

Болѣе человѣченъ и достоинъ похвалы былъ другой подвигъ его, а именно окрещеніе въ православную вѣру почти всего населенія подвластной Новгороду Корелiи безъ употребленія какихъ бы то ни было насильственныхъ мѣръ для этой цѣли, одной лишь посылкой къ кореламъ русскихъ священниковъ и убѣдительными рѣчами ихъ христіанской проповѣди. Что касается финляндцевъ, то они не простили русскимъ безпричиннаго опустошенія ихъ родины и пролитой крови своихъ собратьевъ. Пылая естественной местью, они подошли въ числѣ 2000 человѣкъ къ русскимъ предѣламъ, разорили русскія села около города Олонца и вступили въ битву съ посадникомъ Ладожскимъ. Ярославъ, не успѣвшій еще соединиться съ нимъ, во время битвы стоялъ на берегу Невы.

Для эстонской независимости отъ нѣмцевъ теперь единственнымъ прибѣжищемъ остался островъ Эзель. Въ 1227 году нѣмецкая рать подъ предводительствомъ самого епископа Альберта и магистра ордена Вольквина, съ ливами и латышами, перешла къ этому острову по льду и завоевала его, разрушивъ мѣстное святилище эстовъ съ изображеніемъ божества въ видѣ сказочной птицы или дракона. Затѣмъ Вольквинъ предпринялъ походъ въ сѣверную Эстонію и, при помощи самихъ эстовъ, отнялъ у датчанъ Ре-

вель. Послѣднимъ бойцомъ за исчезающую мѣстную независимость и насильственно уничтожаемое язычество былъ храбрый туземный князь лѣваго побережья Двины Вестградъ; но и онъ подъ конецъ жизни сознался базсиліе своихъ боговъ, видя, какъ падаютъ священные дубы подъ топоромъ нѣмецкихъ священниковъ безъ всякой мести со стороны Перкуна.

61) Картина: Уничтоженіе языческихъ священныхъ рощъ нѣмцами предъ глазами плачущихъ о сокрушеніисвоихъ святынь эстовъ.

Въ борьбѣ съ куронами ливонскимъ нѣмцамъ удалось привлечь на свою сторону одного изъ ихъ вліятельныхъ князей—Ламехина, и черезъ него они заключили рядъ мирныхъ договоровъ со старшинами куронскихъ волостей. Тѣ согласились на всѣ условія нѣмцевъ за сохраненіе личной свободы и своего могущества. Епископъ Альбертъ скончался въ 1229 году, оставивъ, основанное имъ въ Балтійскомъ краѣ, нѣмецкое владычество подъ угрозой опаснаго нападенія со стороны датчанъ, новгородской Руси и все усиливающейся Литвы. Между тѣмъ, приливъ изъ Германіи крестоносцевъ изъ года въ годъ уменьшался, и ливонскіе рыцари должны были отражать враговъ безъ всякой надежды на постороннюю помощь. Тотчасъ послѣ смерти Альберта Буксгевдена, своимъ умомъ и желѣзной волей объединявшаго силы страны, орденъ меченосцевъ началъ стремиться стать выше епископа и обратить завоеванный край въ свое непосредственное владѣніе, слѣдуя примѣру другого такого же ордена тевтонскихъ рыцарей, водворившихся въ сосѣдней Пруссіи по призыву польскаго князя Конрада для защиты отъ пруссовъ польскихъ земель, разоряемыхъ неоднократно ими. Попытки князей и проповѣдниковъ продолжать въ Пруссіи дѣло, начатое замученными апостолами Евангелія: Войтехомъ и Бруномъ, при поддержкѣ ихъ проповѣди оружіемъ Болеслава Храбраго, затѣмъ оставались долгое

*

время тщетны; пока одному монаху Христіану не удалось основать наконецъ христіанскую общину на правомъ берегу Вислы въ прусской области, носившей названіе Кульміи. Папа Иннокентій III не замедлилъ его утвердить прусскимъ епископомъ, находящимся подъ покровительствомъ епископа польскаго города Гнѣзно и подъ защитой польскихъ князей. Но въ сосѣдней области Польши—Мазовіи княжилъ тогда неспособный и слабый Конрадъ, откупавшійся отъ набѣговъ пруссовъ дарами и деньгами, вмѣсто того, чтобы бороться съ ними вооруженной рукой. Онъ охотно послѣдовалъ совѣту Христіана—дать мѣсто въ своей землѣ, для борьбы съ пруссами, злѣйшимъ врагамъ славянства—нѣмецкимъ рыцарямъ, такъ какъ его собственное стараніе—основать у себя такой же рыцарскій орденъ, какіе основывались французами, нѣмцами и итальянцами въ Палестинѣ, окончилось полной неудачей, а именно: орденъ этотъ понесъ отъ пруссовъ такое сильное пораженіе, что его члены больше не смѣли показываться внѣ стѣнъ своего замка на Вислѣ. Тевтонскіе рыцари приняли на себя подъ стѣнами Іерусалима монашескіе обѣты ухаживать за больными и сражаться съ невѣрными. Папа имъ покровительствовалъ. Они имѣли свои владѣнія въ Германіи и южной Италіи, куда Конрадъ, князь мазовецкій, отправилъ въ 1225 году своихъ пословъ къ начальнику ордена Герману Зальца, тогда поднявшему очень высоко его значеніе. Хотя Германъ Зальца и очень радъ былъ принять предложенныя ордену области въ Пруссіи, подъ условіемъ борьбы съ язычниками, но онъ дѣйствовалъ осторожно, наученный недавнимъ опытомъ, когда венгерскій король Андрей, призвавшій тевтонскихъ рыцарей въ область Венгріи Трансильванію на помощь противъ

половцевъ, скоро изгналъ ихъ обратно изъ своего королевства, понявъ всю опасность внѣдренія въ немъ властолюбивой нѣмецкой дружины. Тевтонскій начальникъ—по-нѣмецки гросмейстеръ ордена, заботился вовсе не столько о крещеніи язычниковъ, сколько о томъ, чтобы основать въ Пруссіи свое особое княжество, независимое отъ Польши, но подъ верховенствомъ германскаго императора Фридриха II, имѣвшаго, по нѣмецкимъ понятіямъ, право верховнаго обладанія надъ самой Польшей. Съ этой цѣлью онъ выхлопоталъ отъ императора грамоту на полученіе Кульмской области въ полную собственность ордена такъ же, какъ и всѣ будущія земельныя завоеванія его въ Пруссіи. А затѣмъ съ самимъ Конрадомъ вступилъ въ долгіе переговоры на счетъ условій водворенія ордена въ Пруссіи цѣлымъ рядомъ грамотъ, которыми недальновидный князь мазовецкій ему предоставилъ разныя права и преимущества среди славянскаго населенія. Въ 1228 году явился на границѣ Польши и Пруссіи первый отрядъ тевтонскихъ рыцарей подъ начальствомъ магистра—Германа Балка, дабы принять область Кульмскую во владѣніе ордена.

Вотъ гдѣ ливонскіе рыцари стали искать опоры для своей власти, едва скончался Альбертъ Буксгевденъ, и магистръ Вольквинъ отправилъ тоже пословъ къ Зальца съ предложеніемъ тѣснаго союза между двумя орденами, если не полнаго ихъ сліянія.

Въ это же время смоленскій князь Мстиславъ Давидовичъ заключилъ прочный договоръ съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами, подтверждавшій свободное плаваніе нѣмецкихъ купцовъ по Западной Двинѣ, отъ ея верховьевъ до устья. Нѣмецкіе товары на ладьяхъ поднимались по судоходной нижней части Двины до пристани, гдѣ артель особыхъ смо-

ленскихъ возчиковъ перегружала ихъ на телѣги и сухопутьемъ доставляла въ Смоленскъ. Артелью завѣдывалъ особый сторожъ или тіунъ. Онъ отвѣчалъ за цѣлость товаровъ при перевозкѣ ихъ, такъ называемымъ, волокомъ. Договоръ ставилъ нѣмецкимъ властямъ въ обязанность, по прибытіи въ Смоленскъ, подносить княгинѣ въ подарокъ «поставъ», т. е. кусокъ полотна, а тіуну волчанскому дарить «готскія рукавицы», т. е. перчатки. На печати, приложенной къ этому договору, Мстиславъ Давидовичъ называетъ себя великимъ княземъ. По примѣру Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ на Клязьмѣ этотъ титулъ стали теперь себѣ присваивать и князья другихъ областей.

Становившійся, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, все болѣе самостоятельнымъ, благодаря новгородскимъ смутамъ, Псковъ, однажды вошелъ въ союзъ съ врагами Руси—ливонскими рыцарями противъ суздальско-новгородскаго князя Ярослава Всеволодовича. Произошло это по слѣдующей причинѣ: вожаки противниковъ князей суздальскихъ обыкновенно себѣ находили пріютъ и поддержку въ Псковѣ, когда начинались въ Новгородѣ волненія. И вотъ, когда Ярославъ какъ-то, вскорѣ послѣ того что его враги туда удалились, направился во Псковъ въ сопровожденіи чиновниковъ новгородскихъ, кто-то распространилъ слухъ среди псковичей, что новгородскій князь везетъ въ коробахъ оковы для неугодныхъ ему мужей. Сейчасъ же заперты были ворота, и Ярославъ, не впущенный въ Псковъ его жителями, обратился съ жалобой къ новгородцамъ на такую обиду, говоря, что у него въ коробахъ лежали дары поволоками и овощами, а не оковы. Одновременно Ярославъ, поссорившись съ нѣмцами, собрался походомъ въ Ригу и для этой цѣли призвалъ

на помощь себѣ свои суздальскіе полки изъ Переяславля Залѣсскаго. Войска эти, раскинувъ шатры свои, расположились будто бы угрожающе вокругъ Новгорода и многочисленностью своей вызвали вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ. Кромѣ того, враги Ярослава воспользовались этимъ случаемъ, чтобы распространить во Псковѣ новый, неблагопріятный для него, слухъ, что полки вызваны имъ не ради войны съ Ливоніей, но для обращенія ихъ противъ Пскова. Узнавъ о томъ, Ярославъ потребовалъ отъ псковичей вопервыхъ выдачи ему клеветниковъ, а затѣмъ совмѣстнаго съ новгородцами выступленія рати ихъ въ походъ на Ригу. Но псковитяне уже поспѣшили заключить съ рыцарскимъ орденомъ особый тѣсный союзъ, и, обезпеченные его поддержкой отказались слѣдовать къ Ригѣ за Ярославомъ,ославъ ему сказать, что, «они, псковитяне, довольно зла уже потерпѣли за Новгородъ отъ нѣмецкихъ своихъ сосѣдей, потому что новгородцы, когда осаждали Колывань (Ревель), Кесь (Венденъ) и Медвѣжью Голову (Оденпе), то брали деньги, а не городъ, оставляя послѣ ухода своего псковитянъ въ жертву раздраженнымъ врагамъ, такъ что много ихъ положило по этой причинѣ головы на берегахъ Чудскаго озера». Послѣ такого отвѣта изъ Пскова и новгородцы не захотѣли идти одни походомъ въ Ливонію. Оскорбленный ихъ нежеланіемъ начинать предполагавшуюся имъ войну, Ярославъ снова ушелъ къ себѣ въ Переяславль изъ Новгорода, оставивъ тамъ княжить двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ—Ѳеодора и Александра. Понятно, что при такой разладицѣ въ сѣверной Руси нѣмцамъ нетрудно было утвердить господство свое въ Прибалтійскомъ краѣ. Бурные споры и ожесточенная вражда противныхъ сторонъ на новгородскомъ

вѣчѣ сопровождались въ Новгородѣ частою смѣной не только князей, посадниковъ и даже тысяцкихъ, но также самой священной особы—архіепископа новгородскаго, смотря по тому, какая сторона брала верхъ: суздальская, или народная. Въ 1223 году приверженцами князя суздальскаго избранъ былъ въ архіепископы чернецъ Хутынскаго монастыря—Арсеній. Когда же, послѣ ухода Ярослава Всеволодовича изъ Новгорода въ 1229 году, новгородская область вдругъ стала жертвою небывалаго стихійнаго бѣдствія: а именно, съ августа до декабря густая тьма покрывала небо и непрерывно шли сильные дожди, такъ что и хлѣбъ и сѣно сгнили по городскимъ окрестностямъ, а всѣ житницы оставались пустыми, народъ, ища кого обвинить въ своемъ несчастіи, возсталъ противъ владыки Арсенія, несмотря на то, что этотъ смиренный пастырь молился денно и нощно о благѣ своихъ согражданъ. Такъ какъ дожди не переставали, то новгородцы послѣ шумнаго вѣча извлекли архіепископа изъ его дома: гнали, толкали, едва не умертвили его, какъ преступника. Арсеній укрылся отъ свирѣпой толпы сначала въ Софійскомъ храмѣ, а затѣмъ въ Хутынскомъ монастырѣ. Юные князья, сыновья Ярослава Всеволодовича, испуганные мятежомъ и безобразнымъ поведеніемъ новгородцевъ, тайно выѣхали къ отцу со своими боярами. Тогда новгородцы, негодуя на этотъ добровольный уходъ отъ нихъ и Ярослава и сыновей его, отправили пословъ на югъ, звать снова къ себѣ на княженіе изъ Чернигова своего любимца — Михаила черниговскаго. Однако, другъ Ярослава, смоленскій князь Мстиславъ Давидовичъ задержалъ этихъ пословъ въ пути и выдалъ ихъ Ярославу. Михаилъ, узнавъ о такомъ поступкѣ смоленскаго князя, немедленно выѣхалъ въ

62) Картина: Видъ Хутынскаго монастыря.

Новгородъ, пользуясь тѣмъ, что въ то время онъ могъ спокойно оставить Черниговъ вполнѣ безопаснымъ со стороны внѣшнихъ враговъ. Въ Новгородѣ онъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ, какъ не нарушившій ни разу вольностей новгородскихъ, освободившій на пять лѣтъ отъ дани бѣглецовъ въ чужую землю изъ бѣдныхъ поселянъ, а на другихъ возложившій лишь легкій оброкъ, согласный съ установленіемъ древнихъ князей. Возстановивъ тишину, Михаилъ предложилъ новгородцамъ избрать себѣ новаго архіепископа, а такъ какъ голоса, раздѣляясь, остановились на трехъ разныхъ личностяхъ, то по совѣту его былъ опять кинутъ жребій. Въ Софійскомъ соборѣ на трапезѣ положили три свитка съ именами и послали взять одинъ свитокъ уже не слѣпца, а малолѣтняго сына Михаила, княжича Ростислава. Жребій палъ на діакона Юрьевскаго монастыря Спиридона. Въ слѣдующемъ 1230 году онъ отправился въ Кіевъ къ митрополиту, гдѣ отъ него принялъ посвященіе сначала въ санъ священника, а потомъ архіепископа.

63) Картина: Княжичъ Ростиславъ беретъ въ Софійскомъ соборѣ одинъ изъ свертковъ съ именами народныхъ избранниковъ въ архіепископы новгородскіе.

Оставивъ сына своего княземъ въ Новгородѣ, Михаилъ вернулся опять въ Черниговъ. Между нимъ и Ярославомъ чуть не возникла междоусобная брань за Новгородъ, такъ какъ Ярославъ занялъ Волоколамскъ и все продолжалъ задерживать новгородскихъ пословъ къ Михаилу. Но Юрій II на съѣздѣ въ Суздалѣ примирилъ ихъ. Новгородцы же, озабоченные новымъ набѣгомъ литовцевъ на берега озера Селигера, не могли отомстить ему за обиду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тяжелыя бѣдствія въ новгородской области продолжались, отвлекая ихъ отъ войны: голодъ и моровая язва уносили множество жертвъ. А кромѣ того всю Русь въ тотъ 1230 годъ поразило и привело въ суевѣрный трепетъ грозное

землетрясеніе, на югѣ еще сильнѣйшее, чѣмъ на сѣверѣ, такъ что тамъ каменныя церкви разсѣдались. Въ Кіевѣ ударъ почувствовали во время обѣдни, когда великій князь Владиміръ Рюриковичъ, бояре и митрополитъ праздновали въ Печерской лаврѣ память Св. Ѳеодосія. Трапезница, гдѣ стояло готовое кушанье для гостей и монаховъ, поколебалась въ своемъ основаніи, кирпичи падали сверху на столъ. Десять дней спустя народъ устрашило въ небѣ необыкновенное солнечное затменіе, причемъ разноцвѣтныя облака неслись по небу, гонимыя бурнымъ вѣтромъ.

Новгородцамъ имѣть у себя малолѣтняго князя было одно и то же, что не имѣть его вовсе. Скоро возобновились смуты; произошла жестокая ссора между новымъ посадникомъ и сыномъ стараго, извѣстнаго Твердислава. Послѣдствіемъ ея было изгнаніе Ростислава Михайловича изъ новгородской области и новое посольство отъ буйнаго, непостояннаго Новгорода къ Ярославу Всеволодовичу. Ярославъ пріѣхалъ немедленно и принялъ столъ по всей волѣ новгородской, послѣ чего сталъ княжить въ Новгородѣ безъ соперниковъ. Однако, онъ не считалъ все-таки нужнымъ самому жить постоянно въ Новгородѣ, но держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ и двухъ юныхъ сыновей. По смерти старшаго изъ нихъ, Ѳеодора, на мѣстѣ отца остался тамъ одинъ Александръ, впослѣдствіи знаменитый витязь и благодѣтель русской земли—Александръ Невскій.

Какъ-разъ въ это, только что описанное нами, время предполагается появленіе въ русскомъ народномъ творчествѣ, собственно новгородскаго эпоса,—новгородскихъ былинъ: объ удаломъ повольникѣ Василіи Буслаевѣ; о Садко богатомъ гостѣ—и нѣкоторыхъ

другихъ. Эти былины собой продолжаютъ народные образы, такъ называемыхъ, младшихъ богатырей кіевскаго періода; т. е. не сказочныхъ небывалыхъ созданій языческаго представленія о природныхъ силахъ, а простыхъ смертныхъ, только въ себѣ воплощающихъ преувеличенными штрихами общія, наиболѣе яркія свойства, достоинства и недостатки мѣстнаго населенія.

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

Во главѣ былинъ новгородскихъ стоитъ сказаніе о Василіи Буслаевѣ, какъ нельзя болѣе живо изображающее новгородскіе нравы и древній бытъ Великаго Новгорода. ...«Какъ пошелъ тутъ Васинка по городу, сталъ по улицамъ съ ребятами побалывать, шуточки нелегкія пошучивать: за руку ли дернетъ—руку выдернетъ... въ голову ударитъ—голова съ плеча». Въ такомъ направленіи Василій, оставшійся съ дѣтскихъ лѣтъ подъ слабымъ надзоромъ, овдовѣвшей матери,—наслѣдникъ отцовскаго богатства, ищетъ простора и приволья своей молодости. Отданный матерью въ науку онъ выучился грамотѣ и пѣнію церковному—«такъ что не было пѣвцовъ въ цѣломъ Новгородѣ супротивъ Василія Буслаева. По совѣту матери онъ собираетъ себѣ дружинушку и,—«садясь на ременчатъ стулъ, ярлыки пишетъ скорописчаты: «кому хочется до сыта ѣсть да пить, такъ ступай къ Василію на широкій дворъ». Разставлялъ онъ чаны середи двора, опускалъ въ нихъ чару въ полтора ведра и приговаривалъ: кто подниметъ чару единой рукой, выпьетъ чару на единый духъ, да истерпитъ мой червленый вязъ на буйну голову,—тотъ поклонъ поставитъ да и въ домъ взойдетъ, будетъ милый другъ мнѣ и названный братъ». Гости, собравшіеся на дворѣ Василія, испу-

гались такого его приглашенія и бѣжали отъ увѣчья, не испробовавъ его вина и явствъ. Но вотъ прибѣгаетъ къ Василію богатырь Костя Новоторжанинъ:—зачерпнулъ онъ чару въ полтора ведра и воздымаетъ чару единой рукой, выпиваетъ чару за единый духъ. Василій билъ его червлёнымъ вязомъ въ буйну голову. У стоялъ дѣтина—не ворохнется!.. цѣловалъ его Василій въ уста сахарныя, проводилъ въ горницу столовую: будь же ты мнѣ, Костя, милый другъ, будь ты мнѣ названный братъ»... Мы знаемъ, что уже издавна съ языческихъ временъ велся у древнихъ скиѳо-сарматовъ и славянъ обычай побратимства: иначе названнаго братства, причемъ давалась клятва жертвовать жизнью другъ для друга; мстить за обиды врагамъ побратима и выручать его изъ бѣды. Василій Буслаевъ по своему испытываетъ будущихъ братьевъ раньше, нежели брататься съ ними: ихъ бьетъ дубиною въ 12 пудъ, и заставляетъ пить чашу въ полтора ведра единымъ духомъ. Только кто выдержитъ такое испытаніе, достоинъ пробрататься съ нимъ.

Набралъ себѣ Василій еще тридцать такихъ же молодцевъ, напугалъ онъ съ ними новгородскихъ мужиковъ, и стали они думать думу крѣпкую; рѣшили заманить Василія Буслаева къ себѣ на пиръ и его замыслы отъ него во хмѣлю вывѣдать. Налили они ему братину зелена вина и вымолвили, усмѣхаючись:—«Кто дружитъ Великому Новугороду—пей свою братину до суха». И высказался передъ ними богатырь, что брать ему отнынѣ даточныя пошлины со всей земли—брать съ гостей заѣзжихъ мытныя, а имъ мужикамъ лежать у ногъ его».

Закричали во едино слово мужики въ отвѣтъ:—Не бывать же за тобою Новугороду, и нѣтъ здѣсь про тебя земли. На утро иди изъ Новгорода!—не пойдешь такъ потеряешь буйну голову». Отъ такого слова раз-

горѣлось сердце молодецкое, и написалъ онъ съ мужиками записи поручныя:—Коль меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ, я плачу вамъ дани выходы по смерть свою; буде же я васъ побью—и вы мнѣ покоритеся:вамъ платить мнѣ дани до вѣку; за утро идемъ на Волховъ мостъ сходиться на побоище на смертное».

Узнавъ о закладѣ сына, мать заперла его проспаться въ погребѣ:—«позащелкнула двери желѣзныя замками крѣпкими, позадвинула рогатками булатными. Спитъ Василій, не пробудится,—а между тѣмъ: «не бѣлы гуси лебеди съ Ильмень озера поднимаются,—а собирается на Волховъ мостъ супротивъ Василія цѣлый Новгородъ». Не спросясь Василія, не дождавшись его, бросились братаны въ страшный, смертный бой. Третій часъ ужъ бьются съ Новымъ-городомъ, а Василія все въявѣ нѣтъ. И попятили дружинушку Васильеву мужики новогородскіе, сами говорятъ да таковы слова:—Что же,братцы? Васька вашъ дуракъ такой: измѣнилъ онъ вамъ—своей дружинушкѣ? Три часа вы бьетесь безъ Василія; всѣ головки-то у васъ шалыгами пощелканы, руки всѣ платками перевязаны, ноги кушаками переверчены».

Въ это время шла на Волховъ по воду вѣрная служаночка честной вдовы Мамельфы Тимоѳеевны—Васильевой матушки и взмолилися къ ней добры молодцы: Гой еси ты, дѣвушка—Чернавушка,—ты не выдай насъ у дѣла ратнаго, позови Василья къ намъ на выручку... Побѣжала дѣвушка Чернавушка, закричала дѣвка во всю голову: «Спишь ли ты, Василій, или такъ лежишь? знать не слышишь шума—грома въ Новогородѣ?... тамъ твою дружинушку хоробрую одолѣли мужики новогородскіе»... Василій съ одного удара двери высадилъ, разметалъ рогатины булатныя, выскочилъ самъ на широкій дворъ. Не попалась ему палица желѣзная, а попалась ось телѣжная,—и говоритъ

онъ своимъ товарищамъ: «продала васъ моя матушка родимая; вы садитесь-ка теперь на лавочку, я за всѣхъ васъ, братцы, поработаю».... Положило мужиковъ увалами, положило перевалами, понабило что̀ погодою... Увидѣли мужики, что бѣда пришла имъ неминучая,—насыпали чашу красна золота, другую чиста серебра, третью скатна жемчуга,—просили заступиться за нихъ крестнаго отца Василія: старчищу Ондроница.

64) Картина: Василій Буслаевъ побиваетъ новгородскихъ мужиковъ тѣлѣжной осью.

Навалилъ тотъ на плечи на могучія монастырскій мѣдный колоколъ въ девяноста пудъ, да идетъ на Волховъ мостъ, колокольнымъ языкомъ подпирается. Окликаетъ онъ Василія громкимъ голосомъ: —«Стой, постой, мой милый крестничекъ, съ Волхова воды тебѣ не выпити; въ Новгородѣ людей не выбити,—будутъ молодцы и супротивъ тебя». Говорилъ въ отвѣтъ Васильюшка Буслаевичъ:—«Ай ты, старчище Ондронище! Знать несетъ тебя лиха твоя судьба на меня на мила крестничка. Головами, батюшка, играемся». Какъ ударитъ тутъ Василій въ колоколъ,—загудѣла мѣдь, потрескалась. А могучій старчища Ондронища не подастъ уже и голоса.

65) Картина: Василій Буслаевъ ударяетъ въ мѣдный колоколъ.

Заглянулъ Василій подъ колоколъ, а у старика во лбу и глазъ-то нѣтъ. Пріуныли мужики новгородскіе, буйны головы повѣсили; посылаютъ къ матушкѣ Василія съ подарками великими, чтобы она уняла свое чадо милое...

И согласились мужики платить Василію каждый годъ по три тысячи. Съ хлѣбника по хлѣбику; съ калачника по калачику; да со всѣхъ людей ремесленныхъ опричь поповъ да дьяконовъ.

Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи та же былина передаетъ о смерти Василія Буслаева въ Палестинѣ на Ѳаворъ-горѣ. Испросилъ онъ благословенія у матушки съѣздить со своею дружиною хороброю на Іор-

дань-рѣку, ко граду Іерусалиму, чтобы замолить тамъ свои прегрѣшенія. Отвѣчала ему мать-вдова Мамельфа Тимоѳеевна: Коли ты пойдешь на дѣло доброе,— дамъ тебѣ благословеніе родительское; коли же, дитя, ты на разбой пойдешь, то нѣтъ тебѣ благословенія и не носи тебя Василія сыра земля». Скоро молодцы снарядились въ путь, и погодѣ-то не задержать ужъ ихъ: противъ вѣтра ѣдутъ, какъ сокóлъ летитъ. Дорогою въ Каспійскомъ морѣ они наткнулись на заставу карабельную старыхъ атамановъ—трехъ тысячъ разбойниковъ. Испугались тѣ, когда увидѣли Василія Буслаева, какъ онъ идетъ къ нимъ со своею дружиною, червлёнымъ вязомъ подпирается: «знать-де по полеткѣ соколиной, видѣть по поступкѣ молодецкой». Караульщики разбойниковъ, хоть ихъ до сотни стояло у пристани, побѣжали прочь, какъ только пометали сходни молодцы Василія ко крутому берегу.

Говорятъ: «вотъ 30 лѣтъ на островѣ стоимъ, а такого страху вѣкъ не видѣли». Атаманы пригласили сѣсть Василія съ его дружиною съ ними за единый столъ хлѣбъ-соли откушати. И принималъ Василій чару зелена вина въ полтора ведра и выпивалъ чару единымъ духомъ. Смотрѣли, дивовались на него разбойники и проводили его на корабль съ подарками...

На вотъ на Ѳаворъ-горѣ оскорбилъ Василій, на землѣ валявшуюся, человѣческую кость: «черепъ прочь съ дороги попинывалъ, чоботомъ подхватывалъ. И провѣщала ему голова укоръ: «Кость я христіанская, не тебѣ меня попинывать, подбрасывать, самъ я молодецъ тебя не хуже былъ; и гдѣ теперь сухая кость лежитъ—Васильевой головушкѣ валятися». Говорилъ Василій Буслаевичъ, что онъ не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣруетъ лишь въ свой червлённый вязъ. Плюнулъ только онъ да прочь пошелъ.

Еще увидѣлъ камень превеликій тутъ и на камнѣ самомъ подпись: что кто у камня станетъ тѣшиться, камень вдоль перескакивать,—тому буйну голову сломить. Разгорѣлось у Василья сердце молодецкое; говоритъ: давайте, братцы, тѣшиться—вы скачите поперекъ камня, впередъ лицомъ, а я самъ вдоль буду скакать назадъ лицомъ». И задѣлъ Василій за камень сафьянымъ чоботомъ, о сыру землю головушкой ударился и тутъ же кончаться сталъ. Дружинушка ему могилу вырыла, животворящій крестъ надъ молодцемъ поставила и возвратилась къ Новугороду, къ родной матушкѣ Васильевой; держали ей отвѣтъ, что сынъ ея Буслаевичъ сосватался на Ѳаворъ-горѣ, женился тамъ на бѣломъ камешкѣ. Матушка расплакалась и все свое богачество раздала по Божіимъ церквамъ, монастырямъ. Съ тѣхъ поръ Василію славу поютъ, и во вѣкъ та слава не минуется.

66) Картина: Василій Буслаевъ съ дружиною около камня тѣшатся.

Вторая по своему значенію былина круга новгородскаго, какъ наиболѣе ярко выражающая другія главныя черты его внутренней мирной жизни,—это Садко—богатый гость (т. е. купецъ).—«Какъ во славномъ Новѣгородѣ былъ Садко веселый молодецъ! и не имѣлъ онъ раньше золотой казны, а имѣлъ лишь гуселькы яровчаты. И пошелъ онъ разъ ко Ильмень-озеру, да тамъ на бѣлый камень сѣлъ, игралъ съ утра до вечера. Въ озерѣ вдругъ волна расходилась, вода пескомъ замутилась, и вышелъ изъ озера Подонный царь. Говоритъ онъ: благодарствую тебѣ, веселый молодецъ, что спотѣшилъ ты насъ въ озерѣ, гдѣ у меня столованье, почестенъ пиръ. Чѣмъ мнѣ тебя пожаловать? Ты ступай-ка, молодецъ, въ свой Новгородъ и тамъ ударься о великъ закладъ съ купцами новгородскими,—что-де рыба есть чудная въ Ильмень-озерѣ:

съ золотыми перьями. Невода заматывай во озерѣ,—будетъ надъ тобою милость Божія. Садко отправился въ свой Новгородъ и на пиру у одного богатаго купца тамъ порасхвастался, что знаетъ чудо чудное во Ильмень озерѣ: рыбу съ золотыми перьями! Бился онъ съ тремя купцами новгородскими о великъ закладъ, когда заспорили купцы съ нимъ не повѣривши; заложилъ онъ свою буйну голову противъ заклада тѣхъ троихъ купцовъ: съ каждаго де по три лавочки товара краснаго. Выѣзжалъ онъ съ людьми работними на Ильмень озеро; закинули они три невода. Въ одномъ неводѣ набралась все рыба бѣлая—мелкая; въ другомъ и рыба красная вмѣстѣ съ бѣлою; въ третьемъ все одна рыба крупная—красная. Уловъ весь заперли въ гостинномъ дворѣ, во трехъ погребахъ, и караулы къ каждому приставили. Созвалъ Садко купцовъ изъ гостиннаго, въ погреба заглянуть съ его уловомъ. Въ первомъ погребѣ двери насилу отперли и, гдѣ была рыба мелкая, все стали деньги дробныя. Въ другомъ же середи денежекъ заблестѣли червонцы красные; третій же полный былъ одними только червонцами. Дѣлать нечего: отдали Садко купцы лавки товара краснаго, и сталъ Садко самъ купецъ, въ Новгородѣ богатый гость. Взялъ онъ себѣ молодую жену, выстроилъ палаты бѣлокаменныя. На пиру у него гости до сыта всѣ наѣдалися, до пьяна всѣ напивалися и всякими похвальбами похвалялися. Самъ Садко въ хмѣлю захвастался: «Гой еси вы, молодцы, славные купцы новогородскіе, припасите мнѣ товаровъ на три дня—худые всѣ товары я и добрые выкуплю у васъ—вамъ не оставлю ихъ на денежку и на полушечку. А коли всѣхъ не выкуплю, вамъ уплачу казны сто тысячей».

67) Картина: Пиръ у Садко.

На другой день съ разсвѣтомъ всталъ Садко,

чтобъ въ Новгородѣ всѣ товары закупить цѣной повольною. Разбудилъ свою дружинушку и до люби давалъ сй золотой казны; самъ шелъ въ гостинный рядъ. Скупилъ товары всѣ — худые и добрые, да храмъ Божій соорудилъ во Имя Стефана Архидьякона. Всѣ честны иконы изукрашивалъ, чистымъ жемчугомъ усаживалъ; кресты, маковки и царски двери вызолачивалъ. На другой день товару вдвое противъ прежняго принавезено, да принаполнено на великую славу Новгорода. Выкупилъ Садко товары и на этотъ день, да храмъ Божій соорудилъ во Имя Софіи Премудрыя.

На третій день подоспѣли и товары знать заморскіе: еще больше ихъ принавезено да принаполнено; но выкупилъ Садко товары въ половину дня и храмъ Божій соорудилъ во Имя Николы Можайскаго. На четвертый день ходилъ до вечера, не нашелъ товаровъ въ Новѣгородѣ...

Во второй части той же былины торговые корабли Садко застигаетъ середи моря буря и въ особенности тотъ корабль, гдѣ онъ самъ находится, треплетъ волнами и вѣтромъ бьетъ,—съ мели онъ не можетъ стронуться. Вспомнилъ Садко, что за двѣнадцать лѣтъ, какъ корабли его по морямъ бѣгаютъ, ни разу не давалъ онъ пошлины царю Подонному,— и въ море бросили они съ его друзьями-братьями корабельщиками цѣлую бочку сороковку чиста серебра; а потомъ бочку красна золота; да еще бочку скатна жемчуга. Но все корабль ни съ мѣста: бьетъ его волнами, въ клочья паруса летятъ. Говоритъ Садко: знать требуетъ Подонный царь человѣчью голову; давайте жребій бросимте, кому ко дну идти? Палъ жребій два раза на самого Садко. Тогда велѣлъ подать себѣ онъ шубу соболиную; взялъ съ собой гусли свои любимыя—яровчатыя и по сходнямъ сере-

бренымъ его спустили, на дубовой доскѣ, въ воду на море. Какъ только море унесло его, пошелъ его корабликъ бѣлымъ кречетомъ. Погода стала тихая, и заснулъ Садко глубокимъ сномъ. Спалъ долго ли коротко ли, проснулся онъ на самомъ днѣ морскомъ. Сквозь воду свѣтить красное солнышко, а въ палатахъ бѣлокаменныхъ сидитъ Подонный царь со своей царицею Подонною. Бьетъ челомъ Садко царю съ царицею и спрашиваетъ: Зачѣмъ ты, батюшка Подонный царь, меня сюда потребовалъ? И говоритъ ему Подонный царь, вотъ у меня съ царицей разговоръ идетъ: что дороже на Руси у васъ? — ты мнѣ скажи и правды не утай,—я то спорю красно золото, а царица, что булатный мечъ? «Отвѣчалъ Садко богатый гость: красно золото у насъ на Руси дорого, да и булатное желѣзо не дешевле есть». Не полюбились тѣ слова царю Подонному, схватилъ онъ саблю острую и чуть не снесъ ей Садко буйну голову. Но ударилъ Садко по струнамъ своихъ гуслей звончатыхъ, и опустились руки у Подоннаго. Выронилъ изъ рукъ онъ саблю острую и распотѣшился и сталъ скакать, плясать по всей палатѣ бѣлокаменной. Какъ проигралъ Садко на гусляхъ до трехъ дней,—вода въ моряхъ расколебалася и быстро рѣки разливалися; скакалъ, плясалъ Подонный царь по крутымъ кряжамъ, по берегамъ; тонули, гибли въ морѣ корабли и съ ними души многихъ неповинныя. Народъ взмолился на Руси къ Николѣ Святому Можайскому, и будто тронулъ кто Садко въ плечо во правое. Явился старецъ передъ нимъ, училъ его, чтобъ струны онъ съ гуслей повырывалъ, шпинечки ихъ повыдергалъ, сказалъ царю Подонному, что не на чемъ больше ему играть: переломались гусельки яровчаты! И пересталъ тогда Подонный царь скакать, плясать, — улеглось

68) Картина: Пляска царя Подоннаго.

*

96) Картина: Садко выбирает себѣ невѣсту на днѣ морскомъ.

море синее, утихли рѣки быстрыя. Захотѣлъ наградить Садко Подонный царь: сталъ приводить къ нему на выборъ для женитьбы дѣвушекъ. А старецъ, за нимъ стоя, такъ училъ его: «пропусти два раза триста дѣвушекъ,—въ третьей сотнѣ позади идетъ красавица Чернавушка,—проси ее за себя замужъ и ты будешь снова въ Новогородѣ». Сдѣлалъ Садко такъ, какъ старецъ ему наказывалъ, и заснулъ онъ, и проснулся въ Новѣгородѣ у рѣки Чернавы, на крутомъ кряжу,— и на Волховѣ увидѣлъ корабли свои, а въ Новѣгородѣ узналъ свой храмъ святому Николѣ Можайскому.

Подивились тому чуду корабельщики, что Садко ихъ встрѣтилъ въ Новѣгородѣ, и возрадовалась мужу молода жена. Сталъ выгружать Садко изъ кораблей свое имѣньеце, выкатывать несчетну золоту казну: въ три дня не выгрузилъ, не выкатилъ. Не сталъ онъ больше ѣздить въ сине море, но жилъ безвыѣздно во Новогородѣ, гдѣ у него росло родное дѣтище.

Говоря о народномъ творчествѣ и его первичныхъ главныхъ основахъ, мы не можемъ обойти молчаньемъ духовные стихи такъ называемой Голубиной книги, въ себѣ заключающей народное представленіе о началахъ міра, а также различныхъ предметовъ въ мірѣ съ точки зрѣнія христіанской. Въ самомъ названіи ея можно видѣть намекъ на то, что она происходитъ отъ Св. Духа. Академикъ Ягичъ ее называетъ перломъ русской библейской былины. Отчасти образцомъ для этой книги могли послужить народу апокрифическія преданья о вопросахъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворѣ, гдѣ онъ видѣлъ «книги лежаща, яко мню ровно съ горъ толщина ихъ; долгота же ихъ умъ человѣчъ не можетъ уразумѣти». Въ другомъ преданіи упоминается о паденіи съ неба

въ Іерусалимѣ книжнаго свитка, заключеннаго въ камнѣ, и стихъ начинается такъ:—«...восходила туча сильно грозная; выпадала книга Голубиная». При описаніи необъятности таинственной книги употребляется чисто русскій пріемъ: про нее говорится, что она—«не малая и не великая».—Необъятность ея обрисовывается еще тѣмъ, что самъ пророкъ Исаія читалъ ее трижды, но прочелъ изъ нея всего три листа. Непроницаемая же глубина ея такова, что изъ сошедшихся къ ней царей и царевичей, поповъ и дьяконовъ,—не говоря уже о множествѣ народа мелкаго,—никто къ книгѣ не приступится, никто къ Божіей не пришатнется, кромѣ премудраго царя Давида. До Божьей книги онъ доступается, передъ нимъ книга разгибается, все божественное писаніе ему объявляется. Тогда русскій кіевскій князь—Владиміръ проситъ Давида разсказать ему по этой книгѣ про житье святое — русское, объяснить, почему у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ? Отчего у насъ солнце красное? Отчего младъ свѣтелъ мѣсяцъ? Отчего у насъ ночи темныя? Отчего у насъ умъ-разумъ? и т. д. Но Давидъ отказывается по этой книгѣ читать:—«на рукахъ держать—не сдержать будетъ, на налой положить—не уложится». Онъ разсказываетъ однако по старой своей памяти, какъ по грамотѣ, и объясняетъ происхожденіе всего на землѣ отъ самого Христа-Царя Небеснаго. На дальнѣйшіе вопросы князя Владиміра Давидъ отвѣчаетъ, что у насъ Бѣлый Царь надъ царями царь, потому что онъ стоитъ за вѣру христіанскую. Что градъ Іерусалимъ всѣмъ городамъ отецъ; а Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мать, какъ Ѳаворъ гора всѣмъ горамъ. Что кипарисъ надъ всѣми деревьями дерево, потому что на немъ явился намъ животворящій крестъ. Про плакунъ-траву говоритъ Давидъ,

что ее создали слезы Богоматери, когда она по своему возлюбленному сыну Іисусу Христу сильно плакала и роняла слезы пречистыя на сыру землю. Упоминаетъ онъ о соборной церкви моря океанскаго: о церкви святаго Климента Великомученика, въ Черномъ морѣ язычниками утопленнаго.

Потомъ въ его повѣствованіи появляются чисто уже языческія существа, какъ пережитокъ языческихъ представленій: производящая бурю на морѣ—Стратимъ-птица,—но лишь по Божьему повелѣнію;—и звѣрь Индрикъ, олицетворяющій собой зарожденье подземныхъ ключей; но онъ живетъ во святой горѣ на Аѳонѣ и тамъ Богу молится.

Потомъ князь Владиміръ сообщаетъ Давиду свой сонъ: «будто два звѣря собиралися,—два лютые сбѣгалися; промежъ собой дралися, билися,—одинъ со стороны восточной, а другой съ полуденной». И объясняетъ ему царь Давидъ, что это не два звѣря собирались, а Правда съ Кривдой сходились и они промежъ собою билися. Кривда Правду одолѣть хочетъ, но Правда переспорила и вознеслась на небеса къ самому Христу Царю небесному, тогда какъ Кривда разошлась по всей русской землѣ и по всему народу христіанскому. Отъ Кривды земля всколебалася, и потому народъ весь возмущается; отъ Кривды сталъ народъ неправильный, злопамятный. Другъ друга обмануть хотятъ. Кто будетъ правдой жить, тотъ есть причаянный ко Господу; та душа и наслѣдуетъ Царство Небесное.

Кромѣ вышеописанной Голубиной книги, стихъ о Егоріи Храбромъ въ себѣ отражаетъ такое же яркое воображеніе народа въ его вымышленныхъ сказаніяхъ о христіанскихъ началахъ міровой жизни, въ част-

ности обращенной на жизнь ближайшую, окружающую творческую среду этихъ вымысловъ,—родную, русскую. Матерью Егорія тутъ выставляется Св. Софія Премудрая, породившая трехъ дочерей и одного сына: свѣтъ Егорія Храбраго. У него по колѣно ноги въ чистомъ серебрѣ; по локоть руки въ чистомъ золотѣ; голова же вся жемчужная. По всемъ Егоріи часты звѣзды. Въ этомъ стихѣ Іерусалимъ произвольно перенесенъ на Русь, а римскій императоръ, при которомъ принялъ свои мученія за Христа Егорій: Діоклитіанъ, — почему - то названъ Демьянищемъ. Онъ увезъ Егорія въ свою землю невѣрную, гдѣ подвергнулъ его жестокой пыткѣ. За смѣлые свои отвѣты и нежеланье отречься отъ православной вѣры, Егорій подвергается все сильнѣйшимъ мукамъ; но Діоклитіанъ не можетъ ему принести дѣйствительнаго вреда, такъ какъ тѣло его волею Божьей все исцѣляется и онъ поетъ стихи херувимскіе. Напрасно посадили его въ котелъ съ кипящей смолой и въ подземельи глубокомъ заперли: закрывали досками желѣзными, задвигали щитами дубовыми, засыпали песками рудожелтыми, такъ что и не слыхать ему было звона колокольнаго, не видать свѣта бѣлаго. Поднимались вѣтры буйные—разносили пески рудожелтые, щиты дубовые и доски желѣзныя. Выходилъ Егорій на святую Русь; обогрѣло его солнце красное. Приходилъ Егорій въ Іерусалимъ городъ, а онъ пустехонекъ: вырубили и выжгли его—церковь одна осталась соборная, а въ той церкви мать его—Софія Премудрая Богу молится о своемъ сынѣ Егоріи. Разсказалъ ей Егорій о мукахъ своихъ и злосчастіяхъ, сталъ просить у ней благословенія по всей русской землѣ утвердить вѣру христіанскую. Свѣту Егорію мать глаголуетъ:—«Ты пойди, чадо милое, и возьми коня богатырскаго, съ вострымъ

70) Картина: Мученья Св. Георгія.

копьемъ булатнымъ и съ книгою, съ Евангеліемъ... Егорій поѣзжаючи, святую вѣру утверждаючи, наѣзжалъ на лѣса дремучіе—ни пройти Егорью, не проѣхати. Наѣзжалъ на рѣки быстрыя текучія и на крутыя горы на могучія. Наѣзжалъ на стадо звѣриное: на сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ. Наѣзжалъ на стадо змѣиное... Но всѣ эти препятствія передъ нимъ по его моленію и по Божьей волѣ разступалися. Наконецъ наѣхалъ онъ на палаты бѣлокаменныя, гдѣ пребывалъ царь Демьянища: безбожный песъ басурманища. Увидѣлъ онъ Егорія, захотѣлъ опять побѣдить его: закричалъ по звѣриному, завизжалъ по змѣиному; но Святой Егорій на добромъ конѣ поуправился, вынулъ мечъ-саблю острую и отсѣкъ ею злодѣйскую голову... поднялъ палицу богатырскую, разрушилъ палаты бѣлокаменныя; очистилъ землю русскую, утвердилъ вѣру самому Христу, Владычицѣ Богородицѣ и Св. Троицѣ недѣлимыя». Въ этомъ сказочномъ образѣ Св. Георгія народъ какъ бы представилъ передъ собою самый духъ своихъ христіанскихъ богатырей-насадителей по всей дикой и невоздѣланной, мало населенной, русской землѣ истинной вѣры и просвѣщенья. Они повсюду являлись въ древнія времена на Руси: то въ одеждѣ князя, то инока, и въ высшей степени мирнымъ образомъ, какъ Св. Георгій до встрѣчи съ Діоклитіаномъ-Демьянищемъ, обращали у себя дикія племена ко Христу; строили среди нихъ города и монастыри; расчищали край отъ непроходимыхъ глухихъ лѣсовъ, гдѣ укрывались хищные звѣри...

Былина о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси, явно относится уже ко времени татарскаго владычества послѣ разгрома ея областей Батыемъ. Въ ней однако приводятся родные народу

образы его любимыхъ младшихъ богатырей кіевскаго періода: Добрыни Никитича, Ильи Муромца, Алеши Поповича, а мѣстомъ дѣйствія ихъ безразлично является библейская Сафатъ-рѣка:—«Помутилась славная Сафатъ-рѣка, помѣшался славный богатырскій кругъ. Ужъ вы братцы, вы товарищи, убирайте ка вы легки струженки дорогимъ суконцемъ багрецовіемъ; увивайте ка веселочки аравитскимъ краснымъ золотомъ; увивайте ка укрюченки цареградскимъ крупнымъ жемчугомъ, чтобы по ночамъ они не буркали, чтобы не падавали ясака къ тѣмъ злымъ людямъ-татаровіямъ...

На восходѣ было красно солнышко; вставалъ всѣхъ раньше Илья Муромецъ, выходилъ да на Сафатъ-рѣку, умывался студеной водой... видать туть, черезъ Сафатъ-рѣку переходитъ силушка невѣрная. Добру молодцу той силы не объѣхати, сѣру волку не обрыскати, черну ворону не облетѣть. И кричитъ Ильюша зычнымъ голосомъ: «Ой ужъ гдѣ вы могучіе богатыри, вы удалы братцы названы?» Какъ сбѣгалися на зовъ его богатыри, какъ садились на добрыхъ коней, какъ бросались на силушку невѣрную,—стали силушку колоть, рубить. Бились съ силой ровно три часа, изрубили силу до единаго. Стали молодцы тутъ похвалятся, что у нихъ плечи молодецкія не намахалися, кони добрые не уходилися и мечи булатные не притупилися. Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ (таковымъ онъ остается въ представленіи народномъ: молодымъ, плѣнительнымъ красавцемъ.) — «Подавай намъ силу хоть небесную,—мы съ тою силою, братцы, справимся.» Но только молвилъ слово неразумное—появилось двое супротивниковъ; крикнули имъ громкимъ голосомъ:—«А давайте ка вы съ нами бой держать, не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.» Не узнали супротивниковъ богатыри; разгорѣлся на

71) Картина: Появилось двое супротивниковъ.

слова ихъ младъ Алешенька, разгонялъ коня ретиваго, налетѣлъ на супротивниковъ, разрубастъ пополамъ ихъ со всего плеча: стало четверо и живы всѣ. Налетѣлъ на нихъ Добрынюшка Никитичъ младъ, разрубастъ пополамъ ихъ со всего плеча, — стало восьмеро и живы всѣ... То же случилось и съ Ильею Муромцемъ: сила,—очевидно татарская, удваивалась на ихъ глазахъ, и эти супротивники служатъ въ былинѣ прообразомъ несмѣтныхъ татарскихъ полчищъ, неодолимыхъ никакой отвагой и стойкостью русскихъ воиновъ.

72) Картина: Окаменѣніе русскихъ богатырей.

Намахались теперь плечи молодецкія, уходились ихъ кони добрые, притупились ихъ мечи булатные; а та сила все ростетъ, ростетъ,—на богатырей боемъ идетъ. Испугались наконецъ могучіе богатыри, побѣжали къ каменнымъ горамъ и всѣ окаменѣли тамъ.

Конецъ I-го выпуска III-ей части.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глава I.

Обособленіе и возрастающее могущество сѣверо-восточной Руси. Борьба братьевъ Андрея съ племянниками. Всеволодъ III и усмиреніе рязанской области. Непостоянство Новгорода. Судьба молодого князя Юрія Андреевича. . . . 1

Картины: 1) «Нападеніе Мстислава Ростиславича на войско занемогшаго Михалко Юрьевича». 2) «Исцѣленіе братьевъ Ростиславичей въ смоленскомъ храмѣ». 3) Прибытіе русскаго князя Юрія Андреевича къ своей нареченной невѣстѣ въ Грузію.

Глава II.

Кіевскій великій князь Святославъ Всеволодовичъ. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый. Раздоръ Святослава Всеволодовича съ великимъ княземъ ростово-суздальскимъ. Конецъ его спора за Кіевъ съ Рюрикомъ. Оборонительная война южно-русскихъ князей съ общими ихъ врагами—половцами. 12

Глава III.

Походы Всеволода III въ Камскую Булгарію. Литва во второй половинѣ XII столѣтія. Ливы, куроны и эсты. Появленіе нѣмцевъ въ Ливоніи. Полоцкая земля и княжна-инокиня Евфросинія. 22

Картины: 4) Смерть мододого князя Изъяслава Глѣбовича. 5) Набѣгъ литовцевъ и переправа ихъ черезъ рѣку. 6) Храмъ Святовида. 7) Нечаянное спасеніе отъ смерти монаха Дитриха, вслѣдствіе языческаго суевѣрія ливовъ. 8) Княжна Евфросинія у своей тетки въ монастырѣ.

Глава IV.

Усмиреніе рязанскихъ князей и безпощадное опустошеніе земли ихъ Всеволодомъ Большое Гнѣздо. Борьба съ

Стран.

венграми князя Владиміра Ярославича за галицкій столъ. Князь владиміро-волынскій—Романъ Мстиславовичъ. Гибель сына Іоанна Берладника. Походы южно-русскихъ князей въ половецкую степь. Смерть великаго князя кіевскаго Святослава Всеволодовича. Войны Новгорода, Пскова и Полоцка съ Чудью. Успѣхъ въ Ливоніи Мейнгарда. Пораженіе новгородцевъ югорскимъ княземъ. Новгородское духовенство и храмъ Спаса-Нередицы. 36

Картины: 9) Галицкій Князь Владиміръ—узникъ Венгерскаго короля. 10) Князь Ростиславъ въ степени съ черными клобуками захватываетъ изъѣздомъ половецкія стада и вѣжи. 11) Гибель половцевъ на рѣкѣ Роси. 12) Коварный обманъ новгородскихъ воиновъ югорскимъ княземъ. 13) Ушкуйники новгородскіе. 14) Избраніе новаго архіепископа посредствомъ жребія. 15) Изображеніе Спасо-Преображенскаго храма. 16) Изображеніе князя Ярослава Владиміровича въ Спасо-Нередицкомъ храмѣ. 17) Образцы росписи стѣнъ храма Спаса-Нередицы.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глава V.

Успѣхи искусства и ремесла въ древней Руси. Одежда князей и бояръ. Постройка домовъ и храмовъ. Пріѣздъ князя Давида смоленскаго въ Кіевъ и ссора Рюрика съ Романомъ волынскимъ по происканъ Всеволода Большое Гнѣздо. Новая война Мономаховичей съ князьями черниговскими. Старшинство на Руси и самовластіе Всеволода III. Ярославъ Владиміровичъ—князь новгородскій и его враги въ Новгородѣ. 51

Картины: 18) Изображеніе древняго конскаго убора. 19) Русскіе типы и одежды XII столѣтія. 20) Успенскій соборъ во Владимірѣ. 21) Стѣнная живопись Успенскаго собора. 22) Видъ Дмитріевскаго собора. 23) Рѣзной поясъ на южной сторонѣ собора. 24) Изображеніе фресковой живописи Дмитріевскаго собора. 25) Изображеніе фресковой живописи. 26) Княжескій пиръ въ Кіевѣ во время пріема брата Давида Рюрикомъ Ростиславичемъ. 27) Нарушеніе крестнаго цѣлованія.

Глава VI.

Романъ Мстиславичъ владиміро-волынскій становится княземъ галицкимъ. Его войны съ Рюрикомъ и черниговскими князьями. Боевая слава его и заключеніе Рюрика въ монастырь. Походъ князя Романа въ Польшу, споръ съ папскими послами и его смерть въ лѣсу отъ руки убійцъ. Личность Романа по свидѣтельству лѣтописей. Защита его малолѣтнихъ сыновей и вдовы королемъ венгерскимъ отъ возобновленныхъ приступовъ къ Галичу Рюрика съ Олеговичами. Владиміръ Игоревичъ князь галицкій. Бѣгство семьи Романа въ Польшу. Распоряженіе Лешко Бѣлаго русскими волостями. Захватъ кн. Всеволодомъ Святославичемъ Чер-

Стран.

нымъ Кіева. Князь Константинъ Всеволодовичъ и Новгородъ. Вмѣшательство въ южныя дѣла Всеводода Большое Гнѣздо и помѣхи его походу къ Кіеву возмущеніемъ въ землѣ рязанской. Его война съ князьями рязанскими и плѣненіе ихъ. Усмиреніе непокорной Рязани. 74

Картины: 28) Галицкій князь Романъ въ бесѣдѣ съ послами римскаго папы. 29) Смерть князя Романа галицкаго во время охоты отъ руки польскихъ убійцъ. 30) Князь Владиміръ Игоревичъ спѣшитъ ночью въ Галичъ. 31) Бѣгство княгини галицкой съ малолѣтними сыновьями изъ Владиміръ-Волынска.

Глава VII.

Новая перемѣна князя въ Новгородѣ. Псковъ. Завоеваніе Ливоніи нѣмцами и епископъ Альбертъ Буксгевденъ. Основаніе имъ рыцарскаго ордена меченосцевъ. Насильственное крещеніе язычниковъ. Столкновеніе нѣмцевъ съ русскими. Кукейносъ и Герсикэ. Возмущеніе куроновъ и приступъ на Ригу. Полочане и псковскій князь Владиміръ Мстиславичъ. 89

Картины: 32) Смерть Бертольда. 33) Ливы смываютъ съ себя крещеніе. 34) Рыцарь ливонскаго ордена меченосцевъ. 35) Встрѣча съ литвинами нѣмецкихъ рыцарей и безпорядочное бѣгство первыхъ. 36) Куроны идутъ на приступъ Риги. 37) Свиданіе Альберта Буксгевдена съ княземъ полоцкимъ около Гольма.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава VIII.

Войны съ эстами новгородцевъ и псковичей. Отношеніе Новгорода къ землѣ ростово-суздальской и условія его торговли. Положеніе князя въ Новгородѣ. Мстиславъ Удалой выручаетъ Новгородъ. Побѣда его надъ ливонскими нѣмцами. Бояре, дружина и русскій князь XII столѣтія. Ростовъ великій и Константинъ Всеволодовичъ. Кончина Всеволода III Большое Гнѣздо. Смерть Рюрика. Дѣла на югѣ и въ Галичѣ. Новое вмѣшательство венгровъ. Казнь Игоревичей и превратности судьбы малолѣтняго Даніила Романовича съ братомъ его—Василько. Самоуправство въ кіевской области Всеволода Святославича Чермнаго. 100

Картина: 38) Маленькій князь Даніилъ заноситъ мечъ надъ головой галицкаго боярина, его разлучающаго насильно съ матерью.

Глава IX.

Походъ Мстислава Удалого въ Кіевъ и возвращеніе на Черниговскій столъ, овладѣвшаго южной столицей, князя

Стран.

Всеволода Чермнаго. Призванье Мстислава королемъ Лешко въ Галицію. Князь новгородскій становится княземъ въ Галичѣ. Юная отвага князя владиміро-волынскаго Даніила Романовича въ битвѣ съ венграми. Уходъ Мстислава Удалого обратно въ Новгородъ на помощь новгородцамъ противъ суздальскаго князя Ярослава Всеволодовича и знаменитое Лепецкое сраженіе. Блестящая побѣда Мстислава Удалого и водвореніе Константина Всеволодовича во Владимірѣ великимъ княземъ. 116

Картины: 39) Новгородское вѣче. 396) Пріѣздъ Кн. Мстислава Удалого на выручку Новгорода. 40) Пиръ передъ боемъ въ шатрѣ князей. 41) Новгородцы со смолянами берутъ приступомъ Авдову гору, гдѣ укрѣпились полки Ярослава. 42) Мстиславъ посѣкаетъ ряды враговъ, проѣзжая сквозь нихъ, уже готовыхъ въ смятеніи къ бѣгству. 43) Возвращеніе побѣжденнаго вел. кн. Юрія во Владиміръ.

Глава X.

Примиреніе съ братомъ Юріемъ и преждевременная кончина великаго князя Константина Всеволодовича. Успѣхи книжнаго просвѣщенія и образовательное вліяніе монастырей. Даніилъ Заточникъ. Продолженіе лѣтописнаго дѣла въ разныхъ краяхъ Руси. Сношеніе русскихъ съ сосѣдними странами и значеніе ихъ воздѣйствія на ходъ внутренней ея жизни. Братоубійство въ землѣ рязанской. Князь Давидъ Муромскій. Успѣшныя войны Юрія II съ камскими булгарами и мордвою. Единство всѣхъ областей Руси въ ихъ бытовой жизни и вѣрованіяхъ. Великоруссы и раздѣленіе русскаго языка на два нарѣчія. Сельская община. Благосостояніе сѣверо-восточной Руси и всесторонній расцвѣтъ ея жизни. Георгіевскій соборъ въ Юрьевѣ Польскомъ. Владиміръ на Клязьмѣ. Москва. Торговый путь изъ Каспійскаго моря по Волгѣ. 133

Картины: 44) Будущій инокъ. 45) Князья рязанскіе Глѣбъ и Константинъ вдругъ обнажаютъ свои мечи во время пира съ братьями. 46) Побѣдоносная русская рать плыветъ вверхъ по Волгѣ мимо булгарскихъ войскъ. 47) Булгарскіе послы просятъ съ поклонами и дарами у Юрія Всеволодовича заключенія мира. 48) Закладка Нижняго-Новгорода. 49) Изображеніе Георгіевскаго собора. 50) Изображеніе русскаго шлема и брони. 51) Изображеніе найденнаго подъ землей шлема Ярослава Всеволодовича.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глава XI.

Безпокойное и кратковременное княженіе въ Новгородѣ сыновей великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича. Удачныя войны на западѣ Всеволода Мстиславича.

Стран.

Возвращеніе Ярослава Всеволодовича на Новгородскій столъ. Появленіе датскаго короля Вольдемара II на берегахъ Эстоніи. Взятіе и укрѣпленіе имъ за собой города эстовъ—Ревеля. Столкновеніе датчанъ съ нѣмцами и споръ между ними о правѣ крещенія язычниковъ. Поддержка эстовъ и осада Ревеля Ярославомъ Всеволодовичемъ. Отважная защита Юрьева противъ ливонскихъ рыцарей княземъ Вячко и его гибель въ бою. Заключеніе мира съ Ригою псковичами и новгородцами въ виду угрожавшей опасности ихъ владѣніямъ со стороны Литвы. Торговыя сношенія съ нѣмцами Новгорода и Пскова. Ганзейскій союзъ. Судьба древней Біарміи. 151

Картины: 52) Примиреніе владыкою Митрофаномъ враждующихъ сторонъ въ Новгородѣ. 53) Осада нѣмцами Юрьева и мужественная его защита княземъ Вячко.

Глава XII.

Вторичное завоеваніе Галича Мстиславомъ Удалымъ и плѣненіе имъ сына венгерскаго короля Коломана съ его юной супругой. Ссылка королевской четы въ городъ Торческъ и вѣнчаніе Мстислава золотымъ вѣнцомъ Коломана въ цари Галиціи. Происки боярина Судислава и миръ съ королемъ венгерскимъ при условіи освобожденія его сына. Обрученіе малолѣтняго брата Коломана съ младшею изъ дочерей Мстислава. Опустошеніе Даніиломъ и Василько бельзской области вѣроломнаго Александра Всеволодовича. Появленіе новаго грознаго завоевателя Чингисъ-Хана—на азіатскомъ востокѣ. Его столкновеніе съ половцами и кавказскими горцами. Пораженіе половецкихъ ордъ полководцами Чингисъ-Хана и разгромъ ими южно-русскихъ князей на рѣкѣ Калкѣ. Обратный путь ихъ на горе камскимъ булгарамъ черезъ уральскія степи. 161

Картины: 54) Мстиславъ на холмѣ во время битвы соображаетъ планъ своихъ дѣйствій. 55) Плачущій королевичъ венгерскій съ супругой своей предъ грознымъ Мстиславомъ 56) Вѣроломный Галицкій бояринъ Судиславъ умоляетъ униженно князя Мстислава о прощеніи ему его измѣны. 57) Татары стараются спрятать въ ямѣ отъ взора и стрѣлъ враговъ своего вождя. 58) Даніилъ Романовичъ у рѣки послѣ битвы съ татарами замѣчаетъ, что раненъ въ грудь. 59) Гибель кіевскаго великаго князя съ его зятьями на рѣкѣ Калкѣ. 60) Общее смятеніе и молитва народа объ избавленіи отъ враговъ на югѣ Руси.

Заключительная глава.

Происки галицкихъ бояръ и дурное вліяніе ихъ на Мстислава. Передача Мстиславомъ галицкаго стола, помимо правъ Даніила Романовича, сыну венгерскаго короля, же-

Стран.

нившемуся на его дочери. Раскаяніе Мстислава, ушедшаго въ Торческъ, и смерть его въ 1228 году. Юрій II изъ Торжка угрожаетъ безпокойному Новгороду. Кратковременное княженіе тамъ князя черниговскаго Михаила и возвращеніе его въ свой удѣлъ послѣ недолгой распри съ Олегомъ курскимъ. Ярославъ Всеволодовичъ—снова князь новгородскій. Его походы въ Литву и Финляндію. Взятіе нѣмцами острова Эзеля и датскаго Ревеля. Подчиненіе себѣ ими куроновъ. Смерть Альберта Буксгевдена въ 1229 году. Орденъ тевтонскихъ рыцарей въ Пруссіи. Заключеніе смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ торговаго договора съ Ригой и Готландомъ. Независимость Пскова. Стихійныя бѣдствія и буйство въ Новгородѣ. Новый призывъ новгородцами князя черниговскаго и возвращеніе въ Новгородъ Ярослава Всеволодовича. 174

Картины: 61) Уничтоженіе языческихъ священныхъ рощъ нѣмцами предъ глазами плачущихъ о сокрушеніи своихъ святынь эстовъ. 62) Видъ Хутынскаго монастыря. 63) Княжичъ Ростиславъ беретъ въ Софійскомъ соборѣ одинъ изъ свертковъ съ именами народныхъ избранниковъ въ архіепископы новгородскіе.

Былины Новгородскія 187

Картины: 64) Василій Буслаевъ побиваетъ новгородскихъ мужиковъ телѣжной осью. 65) Василій Буслаевъ ударяетъ въ мѣдный колоколъ. 66) Василій Буслаевъ съ дружиною около камня тѣшатся. 67) Пиръ у Садко. 68) Пляска царя Подоннаго. 69) Садко выбираетъ себѣ невѣсту на днѣ морскомъ. 70) Мученья Св. Георгія. 71) Появилось двое супротивниковъ. 72) Окаменѣніе русскихъ богатырей.

Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны, примѣненныя къ широкой возможности пояснять ихъ картинами для волшебнаго фонаря, соотвѣтственно съ наиболѣе яркими мѣстами чтеній, но составляющія и помимо такого рода картинъ общедоступное повѣствованіе обо всемъ прошломъ нашей дорогой родины.

Часть III.

ВЛАДИМІРО-СУЗДАЛЬСКІЙ КРАЙ

и

НАЧАЛО МОСКОВСКОЙ РУСИ

ОТЪ НАШЕСТВІЯ НА РУСЬ БАТЫЯ въ 1237 г. И ДО ВОКНЯЖЕНІЯ ВЪ МОСКВѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО въ 1360 г.

Выпускъ II.

Составлено Т. П. Мятлевой.

ПЕТРОГРАДЪ.
Сѵнодальная Типографія.
1915.

Feci quod potui; faciant meliora potentes!

(Сдѣлалъ что могъ, пусть кто можетъ дѣлаетъ лучше!)

Трудъ этотъ посвящается авторомъ

Его Императорскому Высочеству

Наслѣднику Цесаревичу

и

Великому Князю

Алексѣю Николаевичу.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глава I.

Общее состояніе Руси въ началѣ XIII столѣтія. Раздробленіе ея на области и наслѣдственные удѣлы при усиленіи вѣчевыхъ городовъ. Новгородъ, Псковъ и Михаилъ Черниговскій. Борьба Даніила Романовича съ венграми и черниговцами за Галичъ. Ярославъ Всеволодовичъ Новгородскій, великій князь Кіевскій. Порабощеніе Пруссіи тевтонскимъ орденомъ.

Уже съ XII-го столѣтія на страницахъ Русской исторіи отмѣчаются признаки постепеннаго перехода очередного порядка княжескаго владѣнія къ удѣльному. Во второй половинѣ его трудно становится сосчитать по лѣтописямъ всѣхъ наличныхъ князей, и эти князья успѣли сдѣлаться—Богъ вѣсть—какими дальними другъ другу братьями или племянниками. Потому постоянно затѣваются споры о старшинствѣ и объ очереди владѣнія. Старшинство опредѣлялось двумя условіями: порядкомъ поколѣній, т. е. разстояніемъ ихъ отъ главнаго родоначальника (старшинство происхожденія), и—порядкомъ рожденій, слѣдовательно, сравнительнымъ возрастомъ отдѣльныхъ лицъ въ каждомъ поколѣніи. Въ первоначальныхъ предѣлахъ простой семьи оба старшинства совпадали, т. е. въ

поколѣніи младшемъ были и младшіе годами; но, съ расширеніемъ семьи, съ появленіемъ при отцахъ и дѣтяхъ еще третьяго поколѣнія—внуковъ, такое совпаденіе прекращается. Вспомнимъ слова сына Владиміра Мономаха—Вячеслава, обращенныя къ его шестому брату—Юрію Долгорукому: «я былъ уже бородатъ, когда ты родился». Такимъ образомъ старшій сынъ этого пятаго брата, а тѣмъ болѣе предъидущихъ братьевъ, легко могъ родиться раньше своего дяди. Отсюда возникъ вопросъ—кто выше на лѣствицѣ старшинства: младшій ли годами дядя? или старшій возрастомъ, но младшій поколѣніемъ племянникъ? Мы уже объясняли, что согласно порядку владѣнія, установившемуся послѣ Ярослава Мудраго, сыновья должны были «чередоваться» въ наслѣдованіи волостей по старшинству рожденія ихъ отцовъ, и это мѣсто родовой цѣпи, унаслѣдованное дѣтьми, становилось ихъ отчиной. Впослѣдствіи, когда дѣтямъ, по вышеуказаннымъ семейнымъ причинамъ и другимъ случайностямъ, сдѣлалось затруднительно повторять порядокъ отцовъ, отчина получила совсѣмъ иное значеніе: чисто-земельное, и отчиной для сыновей стали считать ту область, какой владѣлъ ихъ отецъ,—что̀ являлось прямымъ послѣдствіемъ прежней связи родовыхъ правъ владѣній съ земельными областями. Когда князья потеряли возможность высчитывать по справедливости свои взаимныя отношенія и первенствующее значеніе кого-либо среди нихъ,—они начали стараться просто размѣститься по волостямъ, гдѣ княжили ихъ отцы. Еще въ 1104 г. князь Олегъ Святославичъ, добиваясь своей отцовской волости, подступилъ къ Чернигову, гдѣ былъ посаженъ своимъ отцомъ Всеволодомъ, Владиміръ Мономахъ—«не по отчинѣ». Мономахъ тогда уступилъ добровольно

Олегу «отца его мѣсто», а самъ пошелъ на своего отца мѣсто въ Переяславль «южный».

По мѣрѣ распаденія Ярославова рода на вѣтви, каждая изъ нихъ все болѣе замыкалась въ одной изъ первоначальныхъ крупныхъ областей, какими владѣли сыновья Ярослава Мудраго. Эти области и стали считаться отчинами отдѣльныхъ княжескихъ линій. Въ 1139 г. Всеволодъ Олеговичъ Черниговскій, занявъ Кіевъ, хотѣлъ перевести одного Мономаховича изъ его отеческаго Переяславля въ Курскъ; но тотъ не послушался, отвѣтивъ Всеволоду: «лучше мнѣ смерть на своей отчинѣ и дѣдинѣ, чѣмъ курское княженіе; отецъ мой въ Курскѣ не сидѣлъ. Въ Переяславлѣ я хочу умереть на своей отчинѣ».

Когда же въ Кіевѣ сѣлъ не по праву князь Изъяславъ Давидовичъ въ 1159 г., отецъ котораго тамъ не сидѣлъ,—Юрій Долгорукій потребовалъ его удаленія,ославъ ему сказать: «мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ». Значитъ, Мономаховичи пытались превратить Кіевскую землю въ такую же вотчину своей линіи, какою стала Черниговская земля для потомства Святослава Ярославича (Ольговичей и Давидовичей). Сначала родъ Ярослава Мудраго распался на двѣ враждебныя вѣтви: Мономаховичей и Святославичей; а потомъ линія Мономаховичей въ свою очередь раздѣлилась еще на Изъяславичей Волынскихъ, Ростиславичей Смоленскихъ и Юрьевичей Суздальскихъ; тогда какъ линія Святославичей произвела Ольговичей Новгородъ-сѣверскихъ и Давидовичей Черниговскихъ. Каждая изъ этихъ вѣтвей все плотнѣе усаживалась на постоянное владѣніе въ извѣстной области и потому одновременно съ распаденіемъ княжескаго рода на разныя родовыя линіи, Русская земля, какъ мы сказали уже, тоже распалась на обособив-

шіяся другъ отъ друга земли. Нѣкоторые князья и при помощи личныхъ доблестей сосредоточивали въ своихъ рукахъ области, помимо родовой очереди. Такъ, въ XII столѣтіи большая часть Русской земли является во владѣніи одной, наиболѣе даровитой княжеской линіи: Мономаховичей. Отважный Изъяславъ Мстиславичъ Волынскій, во время усобицъ съ дядьями бравшій города съ бою, какъ самовольное пріобрѣтеніе военной добычи, безъ всякихъ правъ старшинства, сказалъ: «Не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту». Этими словами онъ личное значеніе князя поставилъ выше законной очереди въ силу старшинства. Послѣ Ярослава Мудраго посадники князя Кіевскаго въ главныхъ городахъ областей исчезаютъ, уступая мѣсто свое размножившимся князьямъ; и дань великому князю Кіевскому, несовмѣстная съ отношеніемъ младшихъ родичей къ названному отцу, замѣнилась добровольными ихъ дарами.

Когда, вслѣдствіе кровопролитныхъ и постоянныхъ войнъ князей между собою, упало ихъ первенствующее значеніе и власть ослабла,—начали мало-по-малу пріобрѣтать рѣшающій голосъ въ дѣлахъ Русской земли и забрали не малую силу главные города областей. Ихъ вѣча все громче начинаютъ шумѣть въ концѣ XII столѣтія, вмѣшиваясь даже въ отношенія князей другъ къ другу, и князья вынуждены были считаться съ этою силою городовъ: входить съ нею въ сдѣлки, заключать съ городскими жителями «ряды», т. е. договоры, коими опредѣлялись условія, какихъ должны были держаться князья въ своемъ управленіи данной мѣстностью. Такіе «ряды» князей съ областными столицами, какъ мы уже видѣли, получили широкое развитіе на Руси именно въ началѣ XII столѣтія. Къ областямъ, образовавшимся

вокругъ древнихъ торговыхъ сосредоточій русской земли, какъ Кіевъ, Переяславль южный, Черниговъ, Новгородъ, Смоленскъ, Ростовъ и Полоцкъ,—присоединились области, сложившіяся позднѣе: Волынская, Галицкая и Муромо-Рязанская,—всѣ сохранившія очередной порядокъ въ роду князей изъ *мѣстной* линіи. Но теперь, садясь въ стольномъ городѣ, даже великій князь Кіевскій долженъ былъ укрѣпить подъ собою столъ уговоромъ съ *кіевскимъ* вѣчемъ, иначе бояре напоминали ему: «ты ся еще съ людьми Кіева не укрѣпилъ». Такъ двѣ общественныя силы стояли другъ противъ друга: князья со своимъ родовымъ единствомъ и — земля, раздѣленная на особыя области. Съ 1131 г. въ Рязанской землѣ появились князья рязанскіе, пронскіе, муромскіе,—дробящіе землю между своими наслѣдниками. Княжество Суздальское изъ себя выдѣляетъ удѣлы: Городецкій и Нижегородскій. Отъ Владиміра отдѣлилось Ростовское княжество, а въ немъ сдѣлались независимыми города—Угличъ и Ярославль. Отъ Переяславо-залѣсской области отходитъ Тверское княжество. Могучіе и умные государи, подобные Ярославу Мудрому, умѣли держать въ своихъ рукахъ силы всей Русской земли, ихъ направляя по своему усмотрѣнію въ ту или другую сторону. Но позднѣйшіе его потомки, измельчавшіе во взаимныхъ распряхъ, раздробили единую первостепенную власть великаго князя на многія управленія удѣльныхъ князей, замкнувшихся по областямъ и совершенно сбившихся съ яснаго, правильнаго пути отношеній своихъ между собою. Вниманіе князя стало обращено цѣликомъ на принадлежащую ему землю и на ближайшихъ сосѣдей. Въ его усадьбѣ не встрѣтить больше прежняго типа дружинника: «оборону земли, ходящаго легко, какъ барсъ»,—по выра-

женію древней лѣтописи. Такихъ дружинниковъ замѣняютъ мало-по-малу слуги и пахари. Тогда-то граждане себя увидѣли, наконецъ, поставленными въ необходимость самимъ искать для себя выхода изъ жизненныхъ затрудненій, обороняться отъ внѣшнихъ опасностей. Въ размышленіяхъ, какъ найти средства для этого, все чаще приходилось подумать то кіевлянамъ о черниговцахъ, то черниговцамъ о новгородцахъ, а всѣмъ заодно о Русской землѣ, какъ о чемъ-то цѣломъ, о земскомъ, общемъ дѣлѣ, обязательномъ для всѣхъ вмѣстѣ. Къ этому привели разнообразныя, несоглашенныя и нескладныя, часто противорѣчащія другъ другу стремленія различныхъ общественныхъ силъ того времени, т. е. князей, бояръ, духовенства и областныхъ городовъ. Русская земля, сначала какъ бы искусственно сцѣпленная изъ различныхъ славянскихъ племенъ подъ мощною правящею рукой первыхъ кіевскихъ великихъ князей, теперь теряя эту, такъ сказать, только внѣшнюю, административную, цѣльность, впервые живо почувствовала себя однимъ цѣлымъ въ земельномъ и народномъ своемъ составѣ. Такое чувство всюду сквозитъ,—въ каждомъ проявленіи духа и настроенія того времени.

Вспомнимъ, что уже Даніилъ Паломникъ въ Іерусалимѣ при гробѣ Господнемъ зажигаетъ лампаду за всю Русскую землю, за всѣхъ христіанъ и князей ея. Но, тѣмъ не менѣе, это сознаніе единства кровнаго и областного въ XIII вѣкѣ было еще настолько слабо во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ среди хода событій Русской государственной жизни, что татарскія орды, вернувшіяся изъ азіатскихъ степей на Русь, впервые пораженную ими при рѣкѣ Калкѣ въ 1224 г.,—и вновь приведенныя грознымъ

ханомъ Батыемъ, опять быстро сломили сопротивленіе русскихъ удѣльныхъ князей, разрозненныхъ по своимъ областямъ, и безпрепятственно охватили страшной волною несокрушимыхъ, несмѣтныхъ полчищъ все пространство Руси—съ востока до запада и на югъ до половецкихъ степей,—оросивъ его безпощадно потоками русской крови и воспламенивъ пожарами городовъ, не говоря уже о селеніяхъ съ пашнями и лугами, затоптанными повсюду. Опустошеніе было неистово дико, а храбрость воиновъ, защищавшихъ свою страну во главѣ съ доблестными князьями, имъ оставляло только славную смерть взамѣнъ рабской покорности новому азіатскому завоевателю, напоминавшему собою гуннскаго вождя Аттилу, котораго не даромъ прозвали—«бичемъ Божіимъ», когда тотъ, если мы припомнимъ, въ V столѣтіи до Р. Х. проходилъ черезъ южно-русскія степи въ западную Европу, покоряя себѣ всѣ страны, лежавшія на его пути. Батый же всю дикую, злобную мощь татаръ обрушилъ только на Русь и въ ней сосредоточилъ свои, роковыя для насъ, побѣды, слегка лишь коснувшись, какъ мы увидимъ, Польши и Венгріи, уже значительно ослабѣвшимъ розмахомъ боевыхъ силъ, разгромившихъ русскія княжества.

Послѣ несчастной Калкской битвы русскіе успѣли уже позабыть о татарахъ, предполагая, что тѣ безвозвратно исчезли въ Азіи,—почему опять занялись безпечно своими внутренними раздорами. Такъ, Михаилъ Черниговскій, сынъ Всеволода Чермнаго,—не смотря на мирный договоръ во Владимірѣ съ великимъ княземъ, принималъ къ себѣ изъ Новгорода враговъ брата его—Ярослава, имъ обѣщая свое покровительство, за то, что Ярославъ Новгородскій съ племянниками выжегъ его городъ на сѣверѣ черни-

говской области (въ нынѣшней Калужской губерніи). Новгородъ продолжалъ вражду свою съ Псковомъ, тоже укрывавшимъ въ своихъ стѣнахъ, непріязненныхъ Ярославу Всеволодовичу, бѣглецовъ новгородскихъ. По усмиреніи Пскова Новгородомъ, эти изгнанники спаслись въ Оденпе, гдѣ княжилъ сынъ Владиміра Мстиславича Псковскаго, однажды предавшагося на сторону нѣмцевъ; но этотъ, столь же непостоянный, какъ и отецъ, въ союзѣ своемъ съ ливонскими нѣмцами,—кн. Ярославъ Владиміровичъ, былъ захваченъ въ плѣнъ при попыткѣ отнять городъ Псковъ у намѣстника новгородскаго князя при помощи его противниковъ въ Новгородѣ. Его супруга Евпраксія, мученически убитая своимъ пасынкомъ и погребенная въ псковскомъ монастырѣ Св. Іоанна, прославилась на Руси памятью своихъ добродѣтелей и, въ силу проявленныхъ при гробницѣ ея чудесъ, стала почитаться святою.

Между тѣмъ Ярославъ Всеволодовичъ Новгородскій, едва оправившись отъ постигшей его глубокой скорби въ безвременной и внезапной смерти на свадебномъ пиршествѣ его юнаго сына—Ѳеодора, когда тотъ готовился вступить въ бракъ съ любимой невѣстой,—снова извлекъ свой мечъ для похода противъ Литвы, врывавшейся безпрестанно въ земли сосѣдей и окружившей въ то время городъ Русу. Отъ набѣговъ ея терпѣли не менѣе русскихъ нѣмцы, и старый магистръ ливонскаго ордена Вольквинъ положилъ голову въ битвѣ съ литовцами.

Тѣмъ временемъ въ Смоленскѣ, по смерти въ 1230 г. князя Мстислава Давидовича, на княжескомъ столѣ силою водворился его двоюродный братъ: внукъ Романа, Святославъ Мстиславичъ. На берегахъ же Днѣстра, съ вокняженіемъ Андрея венгерскаго въ Галичѣ,

Собственность Т. П. Мятлевой.

Юный Василько шутя обнажилъ мечъ *(Къ стр. 9).*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Поруганіе галичанами измѣнника Судисчава *(Къ стр. 9).*

главнымъ руководителемъ его и правителемъ земли сталъ вѣроломный бояринъ Судиславъ. Однако, благодаря неутомимой дѣятельности и борьбѣ Даніила Романовича за Галицкое княженіе, они съ Василько, десять лѣтъ спустя послѣ смерти Мстислава Удалого, успѣли силою оружія овладѣть почти всей юго-западной Русью и даже Кіевскою землей. Доблестный преемникъ Мстислава Удалого въ Галичѣ, Даніилъ, не будучи, подобно ему странствующимъ бойцомъ,— отчинными преданіями былъ привязанъ къ одной Галицко-волынской области и защищалъ, какъ мы увидимъ, изъ всѣхъ силъ свое родовое наслѣдіе отъ Литвы, татаръ и ятвяговъ; старался распространить вліяніе свое, какъ можно дальше на сѣверѣ и на западѣ.

Во-первыхъ, Даніилъ унаслѣдовалъ отъ Мстислава Понизье; затѣмъ, въ союзѣ съ королемъ польскимъ Лешко, себѣ подчинилъ область пинскихъ князей. А когда Лешко убили его соперники, онъ продолжалъ дружить съ братомъ его— Конрадомъ Мазовецкимъ. При помощи ему преданныхъ галичанъ, Даніилъ изгналъ Андрея изъ Галича вмѣстѣ съ бояриномъ Судиславомъ, въ котораго народъ металъ каменья, его провожая крикомъ: «Вонъ, вонъ мятежника земли». Поляки помогали въ ней Даніилу, тогда какъ сторону венгровъ предательски принялъ князь Бельзскій Александръ — врагъ сыновей Романа. Въ самомъ Галичѣ оказались бояре, во главѣ съ родомъ Молибоговичей замышлявшіе умертвить обоихъ братьевъ; но имъ заговоръ не удался. Между прочимъ они себя выдали своимъ испугомъ, когда однажды, юный еще князь Василько, шутя, въ ихъ присутствіи, обнажилъ мечъ.

1) Картина: Поруганіе галичанами измѣнника Судислава.

2) Картина: Юный Василько шутя обнажаетъ мечъ.

Тѣмъ не менѣе, Александръ Бельзскій не успокоился, а бѣжавъ къ венграмъ, поднялъ ихъ снова на войну съ Даніиломъ, послѣ того какъ первая попытка венгерскаго короля вернуть галицкій престолъ сыну не привела ни къ чему, — отчасти благодаря проливнымъ, непрерывнымъ дождямъ, застигшимъ въ Карпатахъ войско старшаго сына короля Белы, и разливу Днѣстра. При помощи этихъ благопріятныхъ стихійныхъ явленій, Даніилъ далеко отразилъ враговъ и прогналъ ихъ обратно въ Венгрію. Но второй походъ венгровъ въ Галицію и Волынь былъ для нихъ успѣшенъ. Андрей опять водворился въ Галичѣ княземъ и умеръ тамъ на третій годъ своего княженія, во время новой осады этого города Даніиломъ въ 1234 г. Измѣнникъ Александръ, испросившій себѣ прощеніе у Даніила и снова прельщенный на сторону венгровъ обѣщаніями Судислава, захваченъ былъ въ плѣнъ. Съ тѣхъ поръ его имя исчезаетъ изъ лѣтописей, о немъ болѣе не упоминающихъ. Судиславъ спасся бѣгствомъ за Карпатскія горы.

Одновременно съ борьбою за Галичъ возобновилась борьба за Кіевъ между родами Ольговичей и Маномаховичей. Въ союзѣ съ кіевскимъ княземъ— Владиміромъ Рюриковичемъ, Даніилъ Галицкій сражался съ черниговскими князьями. Желая быть его другомъ, Владиміръ ему подарилъ бывшій удѣлъ Мстислава Храбраго—Торческъ. Даніилъ великодушно отдалъ его сыновьямъ Мстислава, но подъ этимъ городомъ потерпѣлъ сильное пораженіе, помогая великому князю кіевскому противъ внука князя Игоря Сѣверскаго: Изъяслава Владиміровича, уже однажды предавшагося на сторону венгровъ во время войны ихъ съ Даніиломъ за Галичъ,—теперь же

подступившаго къ Кіеву, ведя за собою половцевъ. Владиміръ Рюриковичъ взятъ былъ въ плѣнъ со своей семьей и лишился Кіева, захваченнаго для себя Изъяславомъ; тогда какъ Михаилъ Всеволодовичъ отнялъ опять у Даніила Галичъ при помощи вѣроломныхъ мѣстныхъ бояръ. Въ это же время, въ 1235 г. скончался старый король венгерскій Андрей; Бела IV наслѣдовалъ отъ него престолъ. Даніилъ попытался заручиться его поддержкой и милостью,— но напрасно. Бела IV считалъ для себя болѣе выгоднымъ заступаться за Михаила черниговскаго.

Мы знаемъ, что когда въ Польшѣ убитъ былъ Лешко Бѣлый, то сыновья Романа Мстиславича оказали поддержку брату его Конраду и помогали ему брать польскіе города, гдѣ укрывались убійцы Лешко. Сохранилось даже описаніе одного приступа такого города, когда Конрадъ ѣздилъ подъ городскими стѣнами среди русскихъ полковъ и говорилъ имъ: «потяните за одно сердце». Поляки начали пускать въ русскихъ градомъ камней, тогда какъ осаждающіе отвѣчали имъ тучей стрѣлъ. Потомъ стали колоться копьями, такъ что мертвые падали, какъ снопы. Кстати сказать, относительно осадъ городовъ мы имѣемъ извѣстія о стѣнобитныхъ орудіяхъ въ XIII вѣкѣ— порокахъ, таранахъ и турахъ. Во время осады Чернигова Владиміромъ Рюриковичемъ съ Даніиломъ Романовичемъ, осаждающіе поставили таранъ, который металъ камнемъ на полтора пристрѣла, а камень былъ въ подъемъ четыремъ сильнымъ мужчинамъ.

Но Даніилу пришлось заключить миръ съ Михаиломъ, такъ какъ Конрадъ забылъ имъ оказанныя ему услуги и отплатилъ за нихъ неблагодарностью въ трудную для Даніила минуту. По этому миру онъ въ силу необходимости взялъ вмѣсто Галича Перемышль.

Но Изъяславъ Владиміровичъ не долго повеличался въ Кіевѣ, оттуда изгнанный прежнимъ кіевскимъ княземъ—Владиміромъ Рюриковичемъ, выкупившимъ себя изъ плѣна. Однако, и тотъ принужденъ былъ послѣ переговоровъ съ великимъ княземъ Ростово-Суздальскимъ—Юріемъ II Всеволодовичемъ, уступить кіевскій столъ брату его—Ярославу Новгородскому: другу Даніила, ставшему его свойственникомъ послѣ того какъ Василько Романовичъ женился на дочери великаго князя владимірскаго Юрія Всеволодовича. Ярославъ, переѣхавъ въ Кіевъ, оставилъ на своемъ мѣстѣ въ Новгородѣ сына—Александра, какъ уже дѣлалъ это неоднократно ранѣе: тогда какъ Владиміръ Рюриковичъ докончилъ свою жизнь въ Смоленскѣ.

Даніилъ Романовичъ, помимо своей неослабной борьбы за Галичъ, воевалъ тоже съ литовскими племенами ятвяговъ и съ нѣмецкими рыцарями. Мы уже знаемъ о водвореніи въ Пруссіи тевтонскаго ордена, призваннаго Конрадомъ Мазовецкимъ, и о стремленіи ливонскихъ меченосцевъ вступить съ ними въ тѣсный союзъ. Закаленные своимъ, крайне строгимъ уставомъ, тевтонскіе рыцари быстро забрали въ руки городки прусскихъ старшинъ и воздвигли на мѣстѣ ихъ цѣлый рядъ крѣпкихъ рыцарскихъ замковъ, населяя прусскія земли выходцами изъ Германіи. Дѣтей туземцевъ, не успѣвшихъ спастись въ Литву, отправляли учиться въ Германію, чтобы, вернувшись на родину, молодежь способствовала распространенію христіанства вмѣстѣ съ вліяніемъ нѣмцевъ, среди своихъ соплеменниковъ.

Ожесточенные такимъ насильственнымъ образомъ дѣйствій со стороны своихъ поработителей, пруссы не разъ поднимали возстанія противъ рыцарей, но

безуспѣшно. Этимъ путемъ малодушный и неспособный правитель, Конрадъ Мазовецкій, передалъ Пруссію заодно съ нѣкоторою долей старыхъ славянскихъ земель, во власть нѣмецкой народности. Тогда доблестный, смѣлый князь Даніилъ сказалъ: «Не годится крестовымъ рыцарямъ держать нашу отчину». И пошелъ противъ ордена съ Василько. Братья вернулись домой, захвативъ въ плѣнъ многихъ нѣмецкихъ ратниковъ и старшину ордена—Бруно.

Послѣ того Даніилъ возымѣлъ намѣреніе помочь австрійскому герцогу Фридриху Воинственному въ его войнѣ съ германскимъ императоромъ Фридрихомъ II-мъ,—однако венгерскій король его убѣдилъ не мѣшаться въ дѣла имперіи.

Глава II.

Татарскія завоеванія при нашествіи хана Батыя черезъ рязанскую землю въ Ростово-Суздальскій край. Разгромъ Владиміра на Клязьмѣ и гибель въ битвѣ съ татарами на рѣчкѣ Сити великаго князя Юрія I Всеволодовича. Уходъ Батыя изъ-подъ Казельска въ половецкія степи. Заслуги великаго князя Ярослава Всеволодовича въ его столицѣ Владимірѣ и въ окрестныхъ земляхъ. Успѣхи на западѣ его оружія.

Грозный татарскій властелинъ Чингизъ-ханъ умеръ въ 1227 г., завѣщавъ своему сыну и преемнику Огадаю продолжать его завоеванія, даруя миръ только побѣжденнымъ народамъ. Огадай, бывшій главнымъ начальникомъ войскъ своего отца въ его ожесточенной войнѣ съ Китайской имперіей, во-первыхъ, довелъ теперь эту войну до конца и утвердилъ тамъ свое владычество на развалинахъ царственнаго величія китайскаго рода Ніучей въ 1234 г. Владѣльцемъ страны, лежащей между Днѣпромъ и Яикомъ, т. е.

мѣста прежнихъ кочевій половцевъ, называвшагося Кипчакомъ,—Чингизъ-ханъ назначилъ еще при жизни внука—Батыя; вслѣдствіе ранней смерти его отца: старшаго своего сына—Джучи. Тамъ, въ областяхъ прикаспійскихъ не остались въ бездѣйствіи татарскіе военачальники, носившіе названіе — темниковъ. Войско татарское считалось десятками, сотнями, тысячами. Число же воиновъ, доходившее до десяти тысячъ, именовалось—«туманомъ»; начальникъ его назывался темникомъ.

Еще въ 1229 г. съ низовьевъ Волги спаслись въ Булгарію половецкіе бѣглецы; а съ береговъ Яика отступили обратно къ Камѣ сторожевые отряды камскихъ булгаръ, тѣснимые тамъ татарами, покорившими въ это время башкиръ, соплеменниковъ угровъ. Спустя три года, татары предприняли развѣдочный походъ въ глубь Булгаріи и зазимовали тамъ недалеко отъ ея столицы. Между тѣмъ верховный татарскій ханъ Огадай, покоривъ своей власти южный Китай, Иранское плоскогоріе и сѣверную часть Индіи, отдѣлилъ 300 тысячъ войска для завоеванія всей восточной Европы, причемъ начальство надъ этой дикой арміей поручилъ молодому племяннику своему Батыю, давъ ему въ руководители, среди многихъ испытанныхъ воеводъ, нѣкоего Бурундая.

Въ этомъ походѣ участвовали и другіе юные отпрыски Чингизъ-хана. Полчища татаръ двинулись отъ рѣки Иртыша на западъ, черезъ кочевья разныхъ турецкихъ ордъ, къ себѣ постепенно присоединяя значительныя ихъ части; такъ что за рѣку Яикъ татары перешли численностью до полумилліона ратниковъ, не считая въ повозкахъ слѣдовавшихъ за ними на этотъ разъ, семей. Орду сопровождали большія стада домашнихъ животныхъ и табуны коней;

3) Картина: Степная орда въ пути.

такъ что она останавливалась для пропитанія ихъ на мѣстахъ, богатыхъ пастбищами, чтобы потомъ перекочевывать дальше. Одинъ изъ мусульманскихъ историковъ говоритъ, что отъ громады татарскаго войска обезумѣли дикіе звѣри и ночныя птицы. Вступивъ въ приволжскія степи, Батый направился самъ въ земли половцевъ и мордвы, но отдѣлилъ осенью 1236 г. часть своего войска для завоеванія Камской Булгаріи. Такое завоеваніе сопровождалось по обыкновенію татаръ ужаснымъ кровопролитіемъ и грабежомъ, причемъ столица Булгарская была сожжена до тла. По образу дѣйствій Батыя замѣтно, что наступательное его движеніе было предварительно уже обдумано и согласовано съ точными сообщеніями, имъ полученными изъ развѣдочныхъ передовыхъ отрядовъ татаръ, о природѣ страны, гдѣ собирался онъ воевать; о боевыхъ условіяхъ въ ней.

Онъ выбралъ зиму для своего нападенія, когда движеніе татарской конницы было облегчено по рѣкамъ и болотамъ, окованнымъ крѣпкимъ льдомъ. До изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія и правильнаго устройства во всѣхъ государствахъ Европы особой военной силы, постоянно готовой встрѣтить врага, кочевые пастушескіе народы часто имѣли перевѣсъ надъ осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ, такъ какъ мирные хлѣбопашцы не скоро могли собраться въ большое ополченіе и во-время выступить для обороны страны. Они не имѣли такой привычки владѣть оружіемъ, какъ воинственные кочевники и не обладали ихъ военнымъ опытомъ. Монголо-татары, явившіеся въ Европу, были тоже сильны главнымъ орудіемъ завоеванія: единствомъ власти и воли, водворенной среди нихъ не терпѣвшимъ противорѣчія Чингисъ-ханомъ.

Татары могли совершать необыкновенно быстрые переходы на большомъ разстояніи безъ отдыховъ и остановокъ. И кони, и всадники были закалены въ бояхъ; привыкли переносить терпѣливо и голодъ и жажду. Всякому движенію главныхъ силъ предшествовали мелкіе отряды, разсѣянные и впереди, и съ боковъ, какъ бы вѣеромъ. Позади тоже слѣдовали развѣдчики, оберегая главное войско отъ какой-либо опасной случайности. На непріятельской землѣ татары дѣйствовали обычнымъ способомъ ханской охоты на дикихъ звѣрей. Полчища раздѣлялись и шли частями въ обхватъ, сближаясь на заранѣе означенномъ мѣстѣ, причемъ страна по дорогѣ опустошалась огнемъ и мечомъ.

Татары отличались искусной стрѣльбою изъ лука длинными стрѣлами съ желѣзнымъ наконечникомъ и всегда начинали бой, обдавая враговъ тучею этихъ стрѣлъ; а затѣмъ уже устремлялись въ рукопашную схватку съ ними. Встрѣчая мужественный отпоръ, они прибѣгали къ хитрости притворнаго бѣгства, чтобъ, вызвавъ преслѣдованіе со стороны противниковъ, нарушить ихъ боевой порядокъ; послѣ чего поворачивали быстро коней обратно и возобновляли со всѣхъ сторонъ дружный натискъ на непріятельскіе полки. Шлемы, панцыри и щиты, сдѣланные изъ тростника, были обтянуты у нихъ толстой кожей, а у нѣкоторыхъ покрывались еще желѣзною чешуей. На знаменахъ ихъ начальниковъ развѣвались хвосты коней и дикихъ буйволовъ. Война съ китайцами научила ихъ брать укрѣпленные города. Они завели у себя стѣнобитныя машины, метая изъ нихъ въ городскія стѣны камни, бревна, а также воспламеняющіяся вещества. Чтобъ утомить защитниковъ, они вели приступы непрерывно: ночью и днемъ,—во первыхъ ли-

шая городъ возможности сообщенія съ его окрестностями. Для переправы черезъ большія рѣки татарамъ служили такъ же какъ и литовцамъ большіе кожаные мѣшки, набиваемые разными легковѣсными предметами изъ домашняго обихода,—туго затянутые и прикрѣпленные къ хвостамъ лошадей.

Одинъ историкъ XIII столѣтія говоритъ о татарахъ, что они за собой имѣли при нападеніи: «львиное мужество, собачье терпѣніе, журавлиную предусмотрительность, хитрость лисицы, дальнозоркость вороны, волчью хищность, боевой жаръ пѣтуха, чуткость кошки и буйность вепря».

Хотя борьба съ кочевыми народами турецко-татарскаго корня была для Руси дѣломъ привычнымъ и безусловно вооруженные лучше татаръ, они даже славились своимъ «боемъ» между сосѣдями,—такъ Конрадъ Мазовецкій болѣе полагался на русскую помощь, чѣмъ на своихъ собственныхъ ляховъ,—но тѣмъ не менѣе неравенство русскихъ силъ съ надвигавшейся монголо-татарской ордой, было слишкомъ велико. Для успѣшнаго сопротивленія ей военное сословіе на Руси—т. е. княжескія дружины,—представляли ничтожную величину по своей малочисленности,—тогда какъ простой русскій народъ, хотя природно стойкій и храбрый, однако въ ополченіе набирался прямо отъ своихъ промысловъ, отъ сохи, безъ всякой привычки къ военной службѣ, едва умѣя владѣть оружіемъ. Кромѣ того русскимъ князьямъ, въ виду внезапной великой опасности невозможно было сразу тѣсно объединить всѣ свои владѣнья и сгладить безъ предварительной жизненной подготовки ту областную рознь, которая на Руси вкоренилась при отсутствіи въ ней твердаго, яснаго, еще не дозрѣвшаго въ умахъ сознанія кровнаго един-

ства всей русской земли; ея стремленій и выгодъ. Каждая область сама по себѣ и каждый городъ, встрѣтили татаръ отчаянною защитой, потому что могучій, не развращенный и сильный духомъ народъ, никогда не уступаетъ врагу безъ мужественнаго сопротивленія и его воины предпочитаютъ смерть за честь своей родины, трусливой сдачѣ. Но у нихъ не было почти никакой надежды сломить татаръ и одержать надъ ними побѣду. Въ 1237 г. ужасающая своей многочисленностью и дикостью орда татаръ, подъ начальствомъ Батыя, пройдя сквозь мордовскіе грозные, густые лѣса, появилась въ предѣлахъ земли рязанской, куда уже занесли о ней страшную вѣсть булгары, спасшіеся отъ татарской погони въ русскую землю и упросившіе суздальскаго великаго князя—Юрія, дать имъ мѣсто для поселенія въ его владѣніяхъ: на Поволожьѣ или въ иномъ краю. Батый расположился станомъ на рѣчкѣ Онучѣ: притокѣ рѣки Суры и отсюда дерзко потребовалъ у рязанскихъ князей себѣ дани десятою частью всего, что они имѣли. Владѣтели Рязанской области: князь Юрій Игоревичъ съ племянниками-князьями Олегомъ и Романомъ; а также князья муромскіе и пронскіе,—отвѣчали татарамъ:—«когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше». Затѣмъ они двинулись со своими дружинами навстрѣчу врагамъ, въ Воронежъ,—сначала отправивъ пословъ къ князьямъ черниговскимъ и во Владиміръ—дабы извѣстить великаго князя о грозящей бѣдѣ; а также съ просьбою, на сѣверѣ и на югѣ, имъ оказать возможно быструю помощь противъ татаръ. Однако великій князь Юрій Всеволодовичъ, получивъ уже отъ Батыя столь же наглое требованье какъ и князья рязанскіе; глубоко оскорбленный въ своемъ могуществѣ; собрался

на свою погибель одинъ побѣдить татаръ; Рязань же предоставилъ собственнымъ ея силамъ. Князья Черниговo-сѣверскіе, въ надеждѣ, что до нихъ не дойдетъ, пожалуй, гроза татарская, отказались придти, подъ тѣмъ предлогомъ, что рязанскіе князья не участвовали въ битвѣ на рѣкѣ Калкѣ; а кромѣ того въ это самое время Ярославъ Всеволодовичъ напалъ на владѣнія своего соперника—Михаила Черниговскаго, ставшаго княземъ Галицкимъ. Посольство къ Батыю съ мольбою не воевать Рязанской земли и съ дарами ему,—не имѣло тоже успѣха. Молодой князь Федоръ Юрьевичъ погибъ въ ордѣ отъ руки Батыя. Тогда рязанцы, видя что имъ однимъ невозможно бороться съ татарами въ открытомъ полѣ, ушли за укрѣпленія своихъ городовъ. Тутъ татарскія полчища показали впервые надъ русской землей всю свою свирѣпость: неистовство ихъ грабежа, жестокости и насилія, не знали себѣ предѣловъ. 16 декабря татары обступили стольный городъ Рязань и обнесли его тыномъ, а 21 уже вломились въ городъ, отважно обороняемый. Рязанскій князь Юрій, обманомъ былъ захваченъ въ плѣнъ, и умерщвленъ въ Пронскѣ вмѣстѣ съ женою. Прекрасная же супруга, загубленнаго въ ордѣ Федора Юрьевича: Евпраксія,—когда узнала о судьбѣ мужа, бросилась изъ высокаго терема внизъ головой, держа на рукахъ малолѣтняго сына и упала на землю замертво. Молодой князь Романъ спасся и ожидалъ Батыя подъ Коломною, соединившись тамъ съ сыномъ великаго князя Юрія II-го: Всеволодомъ, котораго Юрій II послалъ всетаки, но уже слишкомъ поздно, для подкрѣпленья рязанцевъ.

4) Картина: Добровольная гибель вдовы Рязанскаго князя Юрія.

Разоривъ Рязанскую землю, Батый перешелъ въ Суздальскую, по направленью къ Коломнѣ и къ Москвѣ. Въ 1214 г. впервые обособился Московскій удѣлъ и

*

тамъ сѣлъ княжить четвертый сынъ Всеволода III Большое Гнѣздо—Владиміръ, туда перешедшій изъ Юрьева Польскаго. Во время приближенья къ Москвѣ Батыя княземъ тамъ былъ второй сынъ Юрія II Всеволовича,—тоже Владиміръ. Старый его воевода: Филиппъ, по прозванію Нянька, палъ въ битвѣ съ татарами, тогда какъ юный Владиміръ попалъ къ нимъ въ плѣнъ. Увидѣвъ, послѣ того, на сколько опасны эти воинственные пришельцы, великій князь содрогнулся. Поручивъ защиту своей столицы двумъ сыновьямъ: прибѣжавшему изъ подъ Коломны съ остаткомъ суздальской рати, Всеволоду—и Мстиславу, Юрій II самъ, въ сопровожденіи трехъ племянниковъ, сыновей Константина Всеволодовича, ушелъ на сѣверъ, въ ярославскую область собирать войско и соединиться съ братьями. Тамъ онъ расположился за Волгою, на притокѣ рѣки Мологи: Сити, въ ожиданіи Ярослава и Святослава Юрьево-Польскаго. Особенно онъ расчитывалъ на поддержку умнаго, смѣлаго новгородскаго и переяславскаго князя; но тотъ успѣлъ въ это время занять кіевскій столъ, ему уступленный, какъ мы уже говорили, выкупившимъ себя изъ половецкаго плѣна, Владиміромъ Рюриковичемъ, послѣ того какъ этотъ послѣдній прогналъ изъ южной столицы неправильно захватившаго ее Михаила Черниговскаго, а съ нимъ и всего рода ольговичей надъ мономаховичами. Онъ сѣлъ въ Кіевѣ, предварительно разоривъ черниговскія владѣнія Михаила.

Между тѣмъ, въ началѣ февраля, татарская рать уже обступила Владиміръ на Клязмѣ и, подойдя къ Золотымъ воротамъ, гдѣ стояли молодые князья: Всеволодъ съ братомъ Мстиславомъ,—татары имъ показали плѣннаго князя московскаго,—истомленнаго и больного, съ печатью глубокой горести на лицѣ.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Татарскія полчища у Золотыхъ воротъ подъ стѣнами русской столицы, съ плѣннымъ молодымъ княземъ Владиміромъ Юрьевичемъ. (*Къ стр. 21*).

Опытный воевода удержалъ однако воспылавшихъ негодованьемъ и полныхъ жалостью къ несчастному брату, сыновей Юрія, отъ безполезной вылазки ради его освобожденія. Стѣнобитныя сооруженья татаръ начали громить городъ, а 8-го февраля они пошли на рѣшительный приступъ; влѣзли на городской валъ у Золотыхъ воротъ; а одновременно и черезъ всѣ другія ворота вломились въ городъ съ разныхъ его концовъ. Тогда князья съ дружиною заперлись въ Кремлѣ, а великая княгиня съ ближними своими боярынями, дочерьми и внучатами, подъ покровительствомъ епископа Митрофана, спряталась на полатяхъ (иначе хорахъ) соборнаго храма Богородицы. Но когда Кремль былъ взятъ и князья съ остаткомъ своей дружины погибли внѣ его стѣнъ, тщетно пытаясь пробить себѣ дорогу мечами,—татары проникли въ храмъ, выломивъ двери его; забрали оттуда всю дорогую церковную утварь, иконы, кресты и ризы, оклады священныхъ книгъ; а потомъ, набросавъ лѣсу вокругъ собора и заваливъ бревнами внутренность храма, зажгли его,—такъ что княжеская семья съ епископомъ Митрофаномъ, объятые тамъ удушливымъ дымомъ и пламенемъ всѣ сгорѣли, будучи лишены всякой возможности спасенія отъ пожара; частью же были изрублены оружіемъ побѣдителей. Епископъ Митрофанъ благословилъ на неизбѣжную смерть погибавшихъ, громко провозгласивъ:—«Господи, простри невидимую руку Твою и прими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ». Это случилось въ 1238 г.

5) Картина: Татарскія полчища съ плѣннымъ княземъ Владиміромъ у Золотыхъ воротъ.

6) Картина: Гибель вел. кн. семьи съ еписк. Митрофаномъ въ Успенскомъ соборѣ.

Уже во время осады Владиміра на Клязмѣ, Батый отрядилъ часть своихъ полчищъ для занятія Суздаля. Вслѣдъ за его паденіемъ татары взяли на сѣверѣ Ярославль и еще 14 городовъ въ теченіе одного мѣсяца перешло въ ихъ руки.

А тѣмъ временемъ великій князь Юрій Всеволодовичъ все стоялъ на рѣчкѣ Сити въ напрасномъ ожиданіи Ярослава, тогда какъ другіе братья его: Иванъ и Святославъ, успѣли уже соединиться съ нимъ. Сюда пришла къ нему скорбная вѣсть о томъ, что вся его семья погибла во Владимірѣ, уже находящемся въ татарской власти. Проливая слезы горькія, набожный великій князь молилъ Бога ему дать терпѣніе Іова. Твердый въ своемъ несчастіи, онъ сталъ готовить полки къ сраженію, такъ какъ татары уже обходили со всѣхъ сторонъ его ратныя силы. Русскіе бились съ отчаяннымъ мужествомъ, но наконецъ не выдержали и обратились въ бѣгство. Великій князь былъ убитъ, а молодой Василько Константиновичъ, обладавшій прекрасною, привлекательною наружностью: умный, храбрый, великодушный и кроткій ростовскій князь,—попалъ въ плѣнъ къ татарамъ. Враги пытались склонить его перейти на ихъ сторону и воевать вмѣстѣ съ ними, принявъ всѣ ихъ обычаи; но Василько не хотѣлъ даже пищи вкусить изъ рукъ ихъ и смѣлыми укоризнами отвѣчалъ на лукавыя увѣщанія татаръ:—«Лютые кровопійцы и недруги моего отечества не могутъ быть моими друзьями»,—гордо отвѣчалъ онъ и воскликнулъ:—«О! темное царство! есть Богъ—и ты погибнешь, когда преисполнится мѣра твоихъ злодѣяній». Дикари заскрежетали зубами отъ ярости; извлекли ножи свои и умертвили благороднаго князя въ Ширинскомъ лѣсу, гдѣ бросили его тѣло. Оно было найдено сыномъ одного сельскаго священника; тогда какъ ростовскій епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлоозера сталъ искать между убитыми на рѣкѣ Сити великаго князя и его узналъ, хотя обезглавленнаго, по великокняжескому одѣянію. Тѣла обоихъ князей были заклю-

7) Картина: Смерть благороднаго князя Ростовскаго въ плѣну у татаръ.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Благородный ростовскій князь Василій Константиновичъ въ плѣну у татаръ послѣ боя на рѣкѣ Сити. *(Къ стр. 22).*

чены въ одну раку и погребены въ ростовскомъ храмѣ Богоматери.

Отъ рѣки Сити Батый направился къ юго-западу и осадилъ городъ Торжокъ. 22 марта татары имъ овладѣли послѣ двухнедѣльной осады. Идя все дальше они, по выраженію лѣтописца, посѣкали людей какъ траву; но остановились верстъ за сто отъ Новгорода, такъ какъ близость весенняго времени имъ угрожала разливомъ рѣкъ и таяньемъ всей болотистой почвы. А по инымъ извѣстіямъ на этомъ мѣстѣ сошлась военная ихъ облава. Татары свернули къ юго-востоку въ степь и здѣсь на семь недѣль были задержаны яростнымъ, исключительно стойкимъ сопротивленіемъ городка Козельска, гдѣ сидѣлъ княземъ малолѣтній Василій, изъ рода ольговичей. Про него потомъ говорили, что онъ потонулъ въ крови. Когда татары, разбивъ городскія стѣны, взошли на валъ, то горожане рѣзались съ ними ножами и, сдѣлавъ вылазку, истребили до 4-хъ тысячъ враговъ. Татары за это назвали городъ Козельскъ—«злымъ городомъ». Ни одного жителя не уцѣлѣло въ немъ: и младенцы, и женщины умерщвлены были безпощадно татарами.

По взятіи Козельска Батый временно удалился къ Дону въ степь половецкую, гдѣ разбилъ на голову хана Котяна и тотъ увелъ тогда съ собой сорокъ тысячъ половцевъ въ Венгрію. Тамъ имъ и дали земли для поселенія.

Ярославъ Всеволодовичъ, въ надеждѣ, что буря, во второй разъ пронесшаяся надъ Русью кровавою, смертоносной тучей, опять уже миновала,—поспѣшилъ уѣхать изъ Кіева во Владиміръ, чтобъ тамъ принять великокняжеское достоинство. Но онъ пріѣхалъ туда господствовать надъ развалинами и тру-

нами. Ему пришлось, во-первыхъ, заняться немедленнымъ погребеніемъ всюду валявшихся мертвыхъ тѣлъ; а потомъ заново возстанавливать благоустройство опустошенной области.

Когда смятеніе, вызванное неудержимымъ внезапнымъ татарскимъ погромомъ нѣсколько улеглось въ странѣ и умному, энергичному Ярославу удалось водворить вокругъ себя, хотя нѣкоторый порядокъ; обстроить наскоро города и сгладить кровавые слѣды нашествія войскъ Батыя,—онъ отдалъ брату Святославу Суздаль, а Стародубъ Іоанну. Воинскій пылъ его тоже не ослабѣлъ и онъ силой меча своего освободилъ Смоленскъ отъ литовцевъ, захватившихъ себѣ этотъ городъ съ большей частью смоленской области, пользуясь бѣдствіемъ на Руси. Ярославъ взялъ въ плѣнъ литовскаго князя и посадилъ въ Смоленскѣ внука Романа Ростиславича, княжившаго сначала въ Новгородѣ:—Всеволода Мстиславича.

Глава III.

Возстановленіе въ Галичѣ Даніиломъ Романовичемъ своихъ наслѣдственныхъ правъ. Батый на югѣ Россіи и новое, грозное его появленіе на русскомъ сѣверѣ. Мужественное сопротивленіе татарамъ въ Кіевѣ и взятіе его полками Батыя, затѣмъ предавшими разрушенію Десятинную церковь и Кіево-Печерскую Лавру. Опустошеніе татарами Галицко-волынскихъ княжествъ и дальнѣйшій побѣдоносный походъ Батыя за Карпатскія горы, въ Венгрію. Дѣла въ Золотой Азіатской ордѣ татаръ. Благотворная дѣятельность князя Даніила въ Галиціи и побѣда его надъ венграми. Городъ Холмъ.

Какъ только Ярославъ Всеволодовичъ покинулъ Кіевъ, Михаилъ черниговскій не замедлилъ занять столицу южной Руси, оставивъ княжить въ Галичѣ своего юнаго сына: Ростислава. Тѣмъ временемъ Да-

ніилъ Романовичъ жилъ во вновь построенномъ имъ городѣ Холмѣ, не оставляя мысли при первомъ удобномъ случаѣ вернуть законное свое наслѣдіе: Галичъ. Воспользовавшись походомъ Ростислава въ Литву и расположеніемъ галичанъ въ его пользу, онъ смѣло подъѣхалъ къ Галичу, гдѣ у городскихъ воротъ обратился къ гражданамъ съ убѣдительной рѣчью: прогнать отъ себя черниговцевъ. Галичане, всегда приверженные Даніилу, отворили ему ворота, услышавъ его призывъ за городскими стѣнами и къ нему устремились,—по выраженію лѣтописи:—«Какъ пчелы къ маткѣ; какъ дѣти къ отцу; какъ жаждущіе къ источнику». Даніилъ водрузилъ свое знамя на нѣмецкихъ воротахъ и утвердился сътѣхъ поръ окончательно въ Галичѣ, тогда какъ братъ его Василько держалъ въ рукахъ всю Волынскую область; Ростиславъ Михайловичъ бѣжалъ въ Венгрію. Однако Даніилъ понялъ, что ему все же не безопасно имѣть постоянное пребываніе въ Галичѣ и потому продолжалъ жить во вновь построенномъ имъ городѣ Холмѣ, гдѣ не существовало преданій противныхъ княжескимъ видамъ, гдѣ всѣ получали жительство по милости князя и были привязаны къ нему ради собственныхъ выгодъ. Въ городовомъ быту юго-западной Руси до литовскаго владычества замѣчательнымъ явленіемъ былъ наплывъ чужеземнаго населенія: нѣмцевъ евреевъ, и армянъ. Ихъ отчасти призвалъ Даніилъ Романовичъ въ Холмъ. Туда набѣжало много всякихъ ремесленниковъ, впослѣдствіи даже и отъ татаръ, такъ что тамъ скоро закипѣла торговая жизнь, а окрестности города заселились дворами разноплеменныхъ пришельцевъ.

8) Картина: Даніилъ Рома новичъ подъ стѣнами Галича.

Въ Холмѣ Даніилъ могъ жить спокойно среди вѣрной дружины, не боясь козней бояръ. Послѣ

ухода изъ Кіева Ярослава суздальскаго, онъ захватилъ въ свои руки и землю кіевскую, покинутую Михаиломъ черниговскимъ передъ угрозою нападенья Батыя. Но это было уже наканунѣ страшнаго потрясенья, перевернувшаго весь древній строй Русской исторіи.

Раздѣлавшись съ половцами Батый началъ громить и южные предѣлы Руси, какъ громилъ города на сѣверѣ. Одна часть войска его опустошила южный Переяславль, гдѣ сравняло съ землей, великолѣпно украшенный храмъ Св. Михаила и умертвила епископа Симеона; другая же осадила Черниговъ. Этотъ городъ получилъ доблестнаго защитника въ лицѣ подоспѣвшаго къ нему на помощь двоюроднаго брата Михаила Всеволодовича: отважнаго князя Мстислава Глѣбовича Рыльскаго. Онъ бился упорно съ татарами въ полѣ и на городскихъ стѣнахъ, но они метая на близкомъ разстояніи въ городъ тяжелые камни изъ стѣнобитныхъ своихъ орудій, — наконецъ всетаки овладѣли Черниговомъ и, разграбивъ сожгли его въ 1238 г. Послѣ того, дабы докончить покореніе русскаго сѣвера и мордовской земли, Батый еще разъ прошелся по Волжскимъ землямъ, наводя ужасъ на жителей, предъ нимъ бѣжавшихъ въ безумномъ страхѣ куда попало. Тутъ онъ сжегъ еще городъ Муромъ.

Такимъ образомъ, уничтоживъ всякую мысль о сопротивленіи и всю возможность его со стороны самой могущественной въ то время части Руси и великаго князя ростово-суздальскаго,—Батый обратилъ свой хищный взглядъ на юго-западную, заднѣпровскую Русь.

Раньше чѣмъ предпринять въ этомъ направленіи новый походъ, онъ далъ отдохнуть конямъ и подкрѣпилъ ихъ обиліемъ корма въ степяхъ. Онъ давно слышалъ о древней русской столицѣ; ея цер-

ковныхъ сокровищахъ и богатствахъ людей торговыхъ. Кіевъ прославился въ отдаленныхъ, восточныхъ странахъ не менѣе, чѣмъ въ Германіи и Византіи. Мы знаемъ уже что арабскіе писатели и географы говорятъ о немъ въ своихъ книгахъ. Внукъ Чингиза, отъ младшаго сына его—обладателя Ирана—Тулуя-Менгу, бывшій въ войскѣ Батыя и посланный осмотрѣть Кіевъ, не могъ, по свидѣтельству лѣтописи, надивиться его красотѣ. Онъ хотѣлъ лестью склонить кіевлянъ къ добровольному подданству великому татарскому хану; но благородные кіевляне, несмотря на несокрушимую безпощадную мощь татарской орды, уже въ значительной степени себя показавшую подъ Черниговымъ, Владиміромъ и Рязанью — умертвили, пословъ Менгу за такую дерзость и запечатлѣли кровью убитыхъ обѣтъ свой: не принимать постыднаго мира. Однако самъ кіевскій князь — Михаилъ Всеволодовичъ, въ то время бѣжалъ отъ мести татаръ вслѣдъ за сыномъ, изгнаннымъ Даніиломъ изъ Галича въ Венгрію. Внукъ Давида Смоленскаго: Ростиславъ Мстиславичъ, вознамѣрился овладѣть освободившимися столомъ Кіевскимъ, но Даніилъ Романовичъ Галицкій взялъ его въ плѣнъ и самъ водворился въ Кіевѣ великимъ княземъ. Бывши въ молодости своей участникомъ страшной битвы при рѣкѣ Калкѣ, онъ хорошо зналъ силу татаръ и потому рѣшилъ прежде всего, по стопамъ Михаила Всеволодовича съѣздить къ могучему и богатому венгерскому королю съ просьбою о поддержкѣ и помощи противъ орды азіатовъ. Въ Кіевѣ онъ оставилъ вмѣсто себя мудраго и отважнаго боярина Дмитрія — защищать городъ.

9) Картина: Татарская орда въ виду Кіева на Днѣпрѣ.

Зимою 1240 г. несмѣтное татарское войско переправилось черезъ Днѣпръ и, окруживъ собою Кіевъ,

обнесло его во-первыхъ тыномъ, согласно обычному у татаръ пріему осады. Лѣтопись изображаетъ наглядно громадность татарской орды, говоря будто отъ скрипа телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанья коней, жители Кіева не могли слышать другъ друга. Стѣнобитныя орудія татаръ день и ночь громили укрѣпленія Кіева, пока не произвели въ нихъ пролома. Тогда началась упорная сѣча: — «копейный ломъ и скрипанье щитовъ». Тучи стрѣлъ заслоняли солнечный свѣтъ. Кіевляне оборонялись, хотя съ безнадежной, но богатырской отвагой, чѣмъ поддержали древнюю славу первопрестольнаго Кіева. Бояринъ Дмитрій не вѣдалъ страха. Но наконецъ враги ворвались въ городъ. Остатки его неутомимыхъ защитниковъ, во главѣ съ Дмитріемъ собрались вокругъ, заложеннаго и построеннаго Владиміромъ Равноапостольнымъ, Десятиннаго храма Пресвятой Богородицы и тутъ ночью огородились наскоро укрѣпленіями; между тѣмъ какъ безоружные граждане укрылись съ имуществомъ своимъ внутри храма. На слѣдующій день палъ однако и этотъ послѣдній оплотъ. Русскіе воины, помня, что за ними гробъ Св. Владиміра, бились отчаянно, напрягая всѣ свои силы и вовсе не помышляя молить о пощадѣ лютаго хана Батыя. Дмитрій, исходя кровью отъ ранъ, еще твердой рукой держалъ копье и придумывалъ способы затруднить татарамъ побѣду, пока враги не схватили его и не привели плѣнникомъ къ хану. Батый не понимавшій иныхъ добродѣтелей, высоко цѣнилъ воинскую отвагу и, восхищенный храбростью Димитрія при защитѣ Кіева, даровалъ ему жизнь. Зато самъ Кіевъ былъ превращенъ въ груду развалинъ ожесточенными дикарями. Все величіе нашей древней столицы было погребено подъ ними. Храмъ Десятинный былъ сокрушенъ до основанія. Печерская Лавра имѣла

10) Картина: Разрушенье татарами Десятинной церкви.

ту же участь. Отбивъ таранами ворота монастырской ограды, татары похитили золотокованный крестъ съ главы храма и всего его разломали, ограбивъ до чиста. Иноки скрылись въ лѣса отъ меча Батыя и жили тамъ, лишенные своихъ келій.

Батый, узнавъ, что южно-русскіе князья находятся внѣ предѣловъ своей страны, ища поддержки у западныхъ своихъ сосѣдей, отправился въ область галицкую и владиміро-волынскую, гдѣ взялъ стольные города ихъ, а также много другихъ.

Между тѣмъ Михаилъ Всеволодовичъ потерпѣлъ въ Венгріи неудачу, такъ какъ король венгерскій не захотѣлъ выдать дочери своей за Ростислава, но прогналъ отъ себя отца съ сыномъ, послѣ чего Михаилъ удалился въ Польшу къ своему дядѣ: Конраду Мазовецкому. Но и Конрадъ не захотѣлъ помочь ему,— ни противъ его соперника — Даніила галицкаго, ни противъ татаръ. По счастью плѣнный бояринъ Дмитрій, успѣвъ заслужить довѣріе въ татарскомъ станѣ и благосклонность Батыя, воспользовался этимъ для спасенія родины отъ окончательнаго разгрома. Онъ убѣдилъ татарскаго хана, что пора ему оставить страну, имъ уже опустошенную съ тѣмъ, чтобы завоевать богатое королевство венгерское, пока король Бела IV еще не успѣлъ предупредить его нападенье, собравъ сильную рать противъ татаръ. Батый послѣдовалъ совѣту Дмитрія и двинулся за Карпаты, куда ранѣе посылалъ, такъ же какъ въ Польшу, свои развѣдочные отряды.

Въ то время Польша, будучи раздроблена на особыя княжества, подобно своей сосѣдкѣ, одинаково не могла выдвинуть соединенныхъ силъ противъ татаръ и создать на пути ихъ непреодолимой преграды.

Двое старшихъ польскихъ князей: Конрадъ и

Генрихъ благочестивый враждовали между собой. Генрихъ напрасно просилъ придти на помощь къ нему чешскаго короля венцеслава, состоявшаго съ нимъ въ родствѣ, какъ и венгерскій король Бела IV. Даніилъ Галицкій въ свою очередь никакъ не могъ убѣдить Белу соединиться съ Русью для отраженья Батыя. А между тѣмъ Батый уже отправлялъ къ венгерскому королю своихъ пословъ съ требованьемъ покорности, упрекая его за то, что онъ принялъ къ себѣ бѣглыхъ рабовъ татарскихъ: Котяновыхъ половцевъ. Вельможи венгерскіе съ своей стороны выражали неудовольствіе на такое поселеніе въ ихъ землѣ дикихъ половчанъ, позволявшихъ себѣ грабежи и насилія, слѣдуя прежнимъ своимъ привычкамъ въ южно-русскихъ степяхъ. Венгерское королевство было однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и сильныхъ государствъ тогдашней Европы, простиравшее свои владѣнія отъ Карпатъ до Адріатики и представляло собой, конечно, для завоевательныхъ цѣлей Батыя, заманчивую добычу. Въ концѣ 1240 г. Батый повелъ главныя свои силы черезъ Карпатскіе горы въ Венгрію, тогда какъ по обѣ стороны отъ нихъ были отправлены еще два особыхъ войска, чтобъ ее охватить огромной лавиной и ей отрѣзать всякую помощь сосѣдей. Двоюродный братъ Батыя—Бойдаръ, шелъ вдоль Малой Польши и Силезіи, гдѣ разорялъ города и селенія. Польскіе князья тщетно старались ему оказать сопротивленіе въ открытомъ полѣ и гибли со своими воинами въ неравныхъ бояхъ. Отдѣльные отряды татаръ распространяли опустошеніе далеко вглубь Мазовіи и Великой Польши. Генрихъ Благочестивый получилъ помощь отъ прусскихъ тевтонскихъ рыцарей, но тѣмъ не менѣе потерпѣлъ пораженіе подъ городомъ Магницемъ и былъ убитъ въ этомъ бою съ татарами.

Послѣ побѣды здѣсь, татарамъ открылся свободный путь на Эльбу — во внутреннюю Германію. Однако когда Бойдаръ затѣмъ пошелъ на соединеніе съ Батыемъ черезъ Моравію, входившую въ составъ чешскаго королевства,—мужественный воевода чешскаго короля Вячеслава, нанесъ нѣкоторый уронъ татарамъ, бывшій ихъ первою неудачей.

Тѣмъ временемъ орда самаго Батыя перевалила уже черезъ Карпатскія горы и хлынула на равнины Венгріи,—однако не могла взять города Пешта, гдѣ заперся венгерскій король. Собравъ стотысячное войско, Бела преслѣдовалъ отступившаго Батыя; но понадѣявшись слишкомъ на свои силы, внезапно былъ окруженъ полчищами татаръ на берегахъ рѣчки Сайо, пока венгерскіе воины предавались безпечному отдыху въ своемъ станѣ. Королю съ младшимъ братомъ его—уже извѣстнымъ намъ Коломаномъ, послѣ отчаянной схватки удалось все же пробиться сквозь тѣсное кольцо враговъ и спастись бѣгствомъ въ сопровожденіи немногихъ воиновъ. Остальное ихъ войско было истреблено.

Цѣлое лѣто въ 1241 г. татары свирѣпствовали въ восточной Венгріи, а зимой, перейдя черезъ Дунай, принялись за опустошеніе западной ея части. Бела IV былъ оттѣсненъ преслѣдованьемъ враговъ къ берегамъ Адріатики и, подобно азіатскому хану Магомету II-му, ушелъ отъ нихъ на одинъ изъ ближайшихъ къ берегу острововъ, гдѣ переждалъ грозу неистовыхъ грабежей, жестокостей и насилія побѣдителей въ своей странѣ.

Изъ Венгріи Батый попытался было вторгнуться въ Австрію, но ему преградили туда дорогу—чешскій король Вячеславъ съ герцогами: Австрійскимъ и Корентійскимъ. Кромѣ того въ Германіи всюду разда-

лась проповѣдь о крестовомъ походѣ противъ татаръ и германскіе князья готовились дѣятельно къ войнѣ, укрѣпляя свои города. Каменныя ихъ стѣны съ твердынями рыцарскихъ замковъ не такъ легко было брать какъ деревянные городки восточной Европы; а также сами, закованные въ желѣзо, опытные въ боевомъ отношеніи рыцари, не обѣщали легкой побѣды. Уже во время своего пребыванья въ Венгріи татары терпѣли не разъ неудачи; должны были прибѣгать къ разнымъ своимъ военнымъ уловкамъ и хитростямъ, чтобъ одержать побѣду. Да наконецъ и сами владѣнія нѣмцевъ вслѣдствіе ихъ пресѣченной мѣстности не представляли удобства для дѣйствія татарской конницы. Должно быть принявъ все это во вниманіе, Батый уклонился отъ новой битвы на чешской землѣ и со всею своей ордой, — повернувъ обратно къ востоку, тѣмъ болѣе спѣшно пошелъ назадъ въ южно-русскія степи, что до него дошла вѣсть о смерти верховнаго хана Огадая, съ сыномъ коего—Гаюкомъ онъ не ладилъ во все время похода, такъ что тотъ еще ранѣе удалился домой со своими полками. Батыю приходилось заботиться о сохраненіи за собой и за своимъ родомъ земель выпавшихъ на его долю по раздѣлу дѣда его Чингизъ-хана. При совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ западная Европа была спасена отъ нашествія дикарей и освободилась въ іюлѣ 1242 г. безъ дальнѣйшей борьбы, отъ татарскихъ полчищъ.

Татары Джучіева улуса.—такъ какъ старшій сынъ Чингизъ-хана Джучій, умеръ, какъ мы сказали уже, при жизни отца,—своими кочевьями заняли всѣ Кипчакскія, т. е. печенѣжскія и половецкія степи, безъ труда слившъ съ собою остатки печенѣговъ, торковъ и половцевъ, благодаря родству между ними про-

исхожденія, вѣры и языка. Теперь на предѣлахъ южной Руси расположилось нѣсколько отдѣльныхъ ордъ подъ начальствомъ особыхъ темниковъ для наблюденія за покоренной страною и охраны Кипчака. «Кипчаки» — было одно изъ названій половцевъ,—а отъ нихъ и орда Батыя, на томъ же мѣстѣ ихъ прежняго обитанія, получила названіе «кипчакской» орды. Самая ставка ханская, будучи сосредоточіемъ орды, вслѣдствіе своихъ золотыхъ украшеній, называлась Золотою ордою. Кромѣ того, главное мѣсто пребыванія хана именовалось Сараемъ. Сарай Батыевъ впослѣдствіи утвердился преимущественно при устьи Волги, на ея рукавѣ Ахтубѣ,—тамъ, гдѣ теперь находится городъ Царевъ. Сюда государи завоеванныхъ Батыемъ странъ должны были являться къ нему на поклонъ; а отсюда нѣкоторые изъ нихъ отправлялись дальше, въ глубину Азіи, ко двору верховнаго, монгольскаго хана. Степи таврическія и азовскія Батый предоставилъ во владѣніе одному изъ родственниковъ своихъ, а часть своего удѣла, находившуюся въ юго-западной Сибири и сѣверномъ Туркестанѣ, отдалъ своему брату Шибану. Самъ Батый, съ сыномъ Сартакомъ, главную свою орду расположилъ въ степяхъ придонскихъ и приволжскихъ. Въ лѣтнее время они кочевали въ сѣверныхъ частяхъ степи, а на зиму спускались ближе къ морямъ: Черному и Каспійскому. Жили татары въ круглыхъ юртахъ, сложенныхъ изъ хвороста и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ съ оставленнымъ наверху отверстіемъ для освѣщенія и выхода дыма костра, всегда разложеннаго у татаръ среди юрты. Такія юрты перевозились на телѣгахъ вслѣдъ за татарами всюду, куда бы они ни пошли. Татары, среди многихъ своихъ суевѣрій, думали, что огонь все очищаетъ, а потому

11) Картина: Татарскій обычай проводить чужестранцевъ между двумя огнями къ юртѣ верховнаго хана.

чужеземныхъ пословъ и князей, имъ приносившихъ дары, проводили между двумя огнями, дабы они не могли причинить хану зла. Татары помѣщали идоловъ своихъ, сдѣланныхъ на подобіе людей, изъ различныхъ матеріаловъ, — противъ дверей юрты и тутъ приносили имъ жертвы.

Когда Даніилъ Романовичъ убѣдился, что Бела IV непреклоненъ въ своемъ отказѣ придти къ соглашенію съ нимъ для ихъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ татаръ, воображая, что Батый не дерзнетъ переступить Карпаты, между тѣмъ какъ бѣдствіе русскихъ княженій ему казалось счастьемъ для Венгріи; и когда этотъ венгерскій король при томъ еще отвергнулъ предложеніе Даніила женить своего сына—Льва на дочери королевской,—онъ поспѣшилъ обратно въ Кіевъ спасать, имъ напрасно покинутый, городъ,—но уже слишкомъ поздно. Татары ему преграждали путь на границѣ Венгріи, и Даніилу съ его дружиною ничего больше не оставалось дѣлать, какъ, по слѣдамъ всей своей семьи и брата Василько, искать убѣжища во владѣніяхъ польскаго герцога—Болеслава. Болеславъ мазовецкій далъ ему съ братомъ въ удѣлъ одинъ польскій городъ, гдѣ оба русскіе князя ждали ухода Батыя изъ юго-западныхъ областей Россіи. Потомъ, возвратившись на родину, они стали жить въ своемъ любимомъ Холмѣ, близъ древняго городка Червена, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшаго отъ разоренія, послѣ нашествія татарскихъ полчищъ. Холмъ, какъ мы уже знаемъ, населенный отчасти нѣмцами и поляками, имѣвшій въ числѣ своихъ жителей очень много ремесленниковъ, теперь оказался очаровательнымъ уголкомъ, благодаря цвѣтущимъ садамъ, насаженнымъ заботами Даніила, и своимъ новымъ зданіямъ. Среди церквей впослѣдствіи особенно вы-

Собственность Т. П. Мятлевой.

Посольство папы къ Батыю и татарскій обычай проводить иностранцевъ къ хану съ унизительными обрядами между двумя огнями. *(Къ стр. 34).*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Образъ жизни Батыя. *(Къ стр. 44).*

дѣлялся храмъ во имя Св. Іоанна Златоуста, построенный Даніиломъ въ 1259 г. По описанію волынскаго лѣтописца, онъ былъ великолѣпенъ,—поставленный на четырехъ человѣческихъ головахъ, изваянныхъ «нѣкіимъ хитрецомъ», съ мѣднымъ помостомъ и съ римскими стеклами въ окнахъ. При входѣ въ алтарь стояли два столпа изъ цѣльнаго камня и на нихъ комора (т. е. особое помѣщеніе—комната, клѣть). Вся церковь раздѣлялась на четыре коморы, соединенныя переходами. Потолокъ былъ усѣянъ золотыми звѣздами по лазури. Внутренній помостъ, слитый изъ мѣди и чистаго олова, блестѣлъ, какъ зеркало. Двое дверей сработаны были другимъ «хитрецомъ»—Авдѣемъ съ отдѣлкой изъ тесанаго камня: бѣлаго—галицкаго и зеленаго—холмскаго. Не менѣе великолѣпна была церковь Пр. Богородицы, отличавшаяся «пречудными» своими иконами. Кромѣ того, князь Даніилъ привезъ изъ Венгріи мраморную, багряную чашу, чудесно изваянную, со змѣиными головами вокругъ, и поставилъ ее для освященія воды на Богоявленіе передъ дверями царскими.

Во Владимірѣ-Волынскомъ Даніилъ съ Василько не встрѣтили ни одной души; всѣ церкви были наполнены трупами жителей, тщетно искавшихъ тамъ спасенія отъ татаръ. Къ Берестью нельзя было подъѣхать отъ смрада гніющихъ тѣлъ. Такъ же, какъ Ярославъ Всеволодовичъ въ землѣ Ростово-Суздальской, Даніилъ неутомимо старался воскресить жизнь въ юго-западномъ краю. Но здѣсь ему приходилось не только вызывать людей изъ лѣсовъ и пещеръ, но еще вести борьбу съ кознями и своеволіемъ мѣстныхъ бояръ, тайно сносившихся съ Михаиломъ черниговскимъ. Тотъ, послѣ многихъ скитаній, поселился на островѣ противъ развалинъ Кіева, сына послалъ княжить въ

*

Черниговъ. Однако Ростиславъ на короткое время еще разъ отнялъ у Даніила Галичъ, собравъ подъ Перемышлемъ многихъ смердовъ для войны съ нимъ, причемъ лѣтописецъ говоритъ, что эти смерды составляли пѣхоту, которая и дала побѣду Ростиславу. Но Даніилъ скоро опять возстановилъ свою власть въ Галичѣ и прогналъ оттуда Михайлова сына. Въ это время въ нашей исторіи появляются «особые» князья русскіе: бологовскіе — владѣтели земель по Бугу. Линія рода ихъ въ лѣтописяхъ не выяснена. Овладѣвши Понизьемъ, Даніилъ Романовичъ хотѣлъ подчинить ихъ себѣ, но они остались его противниками и при каждомъ удобномъ случаѣ принимали сторону его враговъ. Теперь Даніилъ былъ оскорбленъ еще тѣмъ, что они вошли въ сдѣлку съ татарами, оставившими въ покоѣ ихъ земли съ условіемъ, чтобы они сѣяли пшеницу и просо для татарскаго хана. А кромѣ того, поддержавъ еще притязанія Ростислава Михайловича на Галичъ, они себя показали неблагодарными по отношенію къ Даніилу, избавившему этихъ князей отъ руки мазовецкаго герцога, чуть не цѣною войны съ послѣднимъ. Чтобы наказать ихъ за такой предательскій образъ дѣйствій, Даніилъ въ 1249 г. пошелъ къ берегамъ Буга, гдѣ предалъ огню цѣлый рядъ городовъ, принадлежавшихъ князьямъ бологовскимъ.

Женившись, наконецъ, на дочери короля венгерскаго, Ростиславъ надѣялся при помощи тестя овладѣть Галичемъ. Въ это дѣло вмѣшался тоже Болеславъ мазовецкій, женатый на другой дочери Белы IV. Тогда Даніилъ началъ помогать сопернику Болеслава—Конраду, съ которымъ онъ состоялъ въ родствѣ. Венграми, помогавшими Ростиславу, начальствовалъ, разбитый нѣкогда Мстиславомъ Удалымъ, воевода Фильній Пре-

гордый. Онъ подступилъ къ галиційскому городу Ярославлю вмѣстѣ съ полками польскими и русской ратью. За Даніиломъ и Василько слѣдовала, союзная съ ними Литва и поляки Конрадовой стороны. Даніилъ со своимъ полкомъ ударилъ на Фильнія и смялъ ряды его воиновъ, отобравъ у нихъ знамя; между тѣмъ какъ молодой сынъ его — Левъ изломалъ копье о доспѣхи чваннаго воеводы, взятаго наконецъ въ плѣнъ и убитаго въ станѣ русскихъ князей.—«Погонимъ русскія бороды»—съ другой стороны кричали поляки передъ дружиною Василько. Но тотъ, съ возгласомъ: «Богъ намъ помощникъ»!—обратилъ въ бѣгство польское войско. Въ этомъ бою Даніилъ взялъ верхъ, при себѣ имѣя конницу и пѣхоту, тогда какъ Ростиславъ выступилъ противъ него только съ одною конницей. На слѣдующій годъ послѣ этой побѣды подъ Ярославлемъ, Даніилъ помирился съ Бѣлою, и тотъ отдалъ одну изъ дочерей своихъ за его сына—Льва.

Такимъ образомъ, наконецъ, послѣ долгой, упорной и тяжелой борьбы за свои права, послѣ многихъ трудовъ и неослабныхъ, терпѣливыхъ усилій, Даніилъ закрѣпилъ за собой наслѣдіе отца и сталъ сильнѣйшимъ владѣтелемъ въ славянскомъ мірѣ, до сихъ поръ не считая себя татарскимъ данникомъ, пока въ 1250 г. не прибыли къ нему послы Батыя съ грознымъ требованіемъ: «Дай Галичъ». Тогда, волей-неволей, ради защиты своихъ земель, только что имъ отвоеванныхъ у сосѣдей съ запада, отъ вторичнаго разоренія, и во избѣжаніе насильственнаго захвата татарами своей столицы,—Даніилъ, глубоко опечаленный, рѣшился выѣхать въ дальній путь, въ Сарайскую орду къ хану, вполнѣ сознавая себя вовсе не подготовленнымъ для отпора его нашествія, но мысленно лишь откладывая свою месть до болѣе благопріятнаго часа въ будущемъ.

Глава IV.

Сарайская орда на Волгѣ. Князь Александръ Ярославичъ Невскій. Его блестящія побѣды надъ шведами и ливонскими рыцарями. Отраженіе имъ Литвы отъ русскихъ предѣловъ. Униженія чужестранныхъ пословъ и русскихъ князей въ татарской ордѣ. Смерть Великаго Князя Ярослава Всеволодовича на берегахъ Амура и мученичество въ станѣ Батыя за христіанскую вѣру князя Михаила черниговскаго съ бояриномъ его Ѳеодоромъ. Гордый князь Даніилъ галицкій передъ Батыемъ. Благоволеніе къ нему татарскаго хана.

Среди всѣхъ русскихъ областныхъ городовъ, одинъ Новгородъ оставался цѣлъ и невредимъ, когда, наконецъ, ханъ Батый, какъ властелинъ надъ всей, имъ разоренной, русской землей и гордый ея завоеватель, раскинулъ станъ свой на берегу рѣки Волги и тамъ водворился со своею ордой. Новгородцы благословляли милость Господню, а также счастье своего юнаго князя: Александра Ярославича,—любимаго и почитаемаго народомъ. Этотъ сынъ Ярослава Всеволодовича былъ одаренъ необыкновеннымъ разумомъ, величественною красотой и крѣпкой тѣлесной силой. Его пріятный голосъ, по выраженію лѣтописи,—«грѣмѣлъ, какъ труба, на вѣчѣ». Александръ посаженъ былъ княземъ въ Новгородѣ, когда отецъ его уѣхалъ въ Кіевъ. Въ 1238 г. онъ женился на дочери Брячеслава полоцкаго,—послѣдняго изъ Рогвольдовичей.

Готовясь къ ратнымъ дѣламъ, Александръ приказалъ укрѣпить берега рѣки Шелони, дабы защитить новгородскую область отъ нападенія Чуди, и старался себя окружить храбрыми витязями. Главными непріятелями Новгорода и Пскова были западные ихъ сосѣди: литвины, ливонскіе рыцари ордена меченосцевъ, а также тевтонскіе: Св. Маріи. Чудь т. е. финны, и шведы.

Въ 1240 г. шведскій король Эрикъ Эрихсонъ рѣшилъ овладѣть всѣмъ побережьемъ рѣки Невы, желая повидимому захватить въ свои руки свободный путь новгородской торговли съ сѣверо-западною Европой,—а можетъ быть и Ладогу, давно уже привлекавшую шведовъ. Извѣстны постоянныя столкновенія новгородцевъ съ шведами на берегахъ Финскаго залива, гдѣ шведы распространяли мало-по-малу свое владычество. А помимо этихъ завоевательно-торговыхъ цѣлей, римскіе папы не переставали побуждать шведовъ, такъ же, какъ и ливонскихъ рыцарей, присоединить къ католической церкви прибалтійское русское населеніе. Тутъ еще тоже имѣла мѣсто досада на частыя опустошенія русскими князьями Финляндіи, и шведскій король послалъ, наконецъ, зятя своего Биргера во главѣ войска, посаженнаго на ладьи, къ устью притока Невы—Ижоры. Биргеръ надменно послалъ сказать Александру: «Ратоборствуй со мною, если ты смѣешь». Смѣлый князь новгородскій нисколько не испугался внезапнаго нападенія шведовъ; онъ понялъ, что побѣда надъ ними зависитъ отъ быстроты и рѣшительности ихъ встрѣчи русскою ратью, а потому ни минуты не медлилъ своимъ выступленіемъ изъ Новгорода, довольствуясь для борьбы съ вражескимъ войскомъ малочисленною дружиною, успѣвшей собраться въ Новгородѣ и Ладогѣ по его призыву. Подкрѣпивъ себя усердной молитвой въ Софійскомъ храмѣ, Александръ не далъ опомниться шведамъ и первый стремительно на нихъ ударилъ при устьѣ Ижоры, гдѣ стоялъ Биргеръ. Шведы понесли полное пораженіе, и Александръ во время боя собственноручно ранилъ копьемъ въ лицо Биргера. Одинъ молодецъ новгородскій, рубя топоромъ враговъ и не имѣя другого оружія,—вломился

12) Картина: Битва Александра со шведами на берегу Невы.

въ самую средину шведовъ. Другой русскій витязь загналъ Биргера съ сыномъ въ воду; а отрокъ Савва подсѣкъ столбъ златоверхаго шатра шведскаго воеводы. Темная ночь спасла остатокъ шведовъ. Не дожидаясь утра, они поспѣшили уплыть на своихъ лодкахъ обратно въ Швецію, потерявъ много воиновъ на полѣ битвы.

Эта доблестная, достопамятная побѣда новгородскаго князя явилась первымъ лучемъ новой надежды и радости среди безпросвѣтной, глубокой скорби русской земли, удрученной татарскимъ игомъ. Она доставила Александру славное прозваніе—Невскаго. Преданіе ее украсило еще чудеснымъ видѣніемъ начальнику приморской стражи: Пелусгію св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Усердный христіанинъ среди язычниковъ Ижорской страны, Пелусгій, въ ожиданіи Александра, провелъ цѣлую ночь въ бдѣніи и молитвѣ на берегу Финскаго залива. Во тьмѣ этой ночи, по его разсказу, вдругъ яркій свѣтъ озарилъ тихую поверхность моря, раздался плескъ плывущей ладьи, и въ ней Пелусгій увидѣлъ двухъ лучезарныхъ витязей въ червленныхъ ризахъ,—похожихъ на изображеніе иконъ св. Бориса и Глѣба. Пелусгій при этомъ услышалъ, какъ старшій изъ нихъ сказалъ: «Поможемъ нашему родственнику Александру»...

13) Картина: Видѣніе Пелусгія передъ Невской битвой.

Ливонскіе рыцари не помогали шведамъ,—однако съ своей стороны старались повредить Новгороду; въ особенности ближайшему къ ихъ владѣніямъ Пскову. Предписавъ рыцарямъ отдать датчанамъ часть Ливоніи, папа римскій имъ предоставилъ вознаградить себя въ русскихъ земляхъ, къ чему и призвалъ ихъ Дерптскій епископъ—Германъ. Между ними въ Эстоніи жилъ тогда русскій князь, сынъ Владиміра Мстиславича псковскаго—какъ и отецъ измѣнникъ своей

отчизнѣ: Ярославъ,—тоже склонявшій рыцарей овладѣть Псковомъ. Нѣмцы собрали войско и, взявъ Изборскъ, осадили Псковъ. Псковитяне сразились съ ними, но были побѣждены. Рыцари укрѣпились на берегу Финскаго залива въ Копорьѣ, нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ, и обложили данью жителей по рѣкѣ Вожѣ. Литва и Чудь опустошали заодно съ нѣмцами берега Луги и уводили скотъ изъ окрестныхъ селъ.

Тѣмъ временемъ Александръ успѣлъ поссориться съ буйными новгородцами, не уживаясь съ ними въ мирное время, такъ же, какъ и его отецъ. Онъ со всѣмъ домомъ своимъ удалился изъ Новгорода въ Переяславль Залѣсскій. Но когда новгородцы, оставшіеся безъ князя, опять увидѣли землю свою въ опастности со стороны своихъ сильныхъ, неугомонныхъ сосѣдей,—они обратились за помощью во Владиміръ на Клязьмѣ къ великому князю Ярославу Всеволодовичу, его умоляя вернуть имъ именно Александра и не довольствуясь посланнымъ имъ въ князья другимъ сыномъ Ярослава: Андреемъ. Самъ архіепископъ съ боярами новгородскими слезно склонялъ Александра простить новгородцамъ вину ихъ,—и Александръ смягчился въ гнѣвѣ своемъ. Дѣйствительно, по возвращеніи на Новгородскій столъ въ 1242 г., онъ сейчасъ же, поддержанный низовыми суздальскими полками Андрея, отнялъ у нѣмцевъ крѣпость въ Копорьѣ, а послѣ пошелъ на выручку Пскова. Въ 1242 г. Александръ освободилъ Псковъ отъ нѣмцевъ, причемъ погибло 70 рыцарей и множество простыхъ ратниковъ. Когда затѣмъ онъ вошелъ уже во владѣнія Ордена, передовой русскій отрядъ былъ разбитъ нѣмцами, и Александръ счелъ болѣе благоразумнымъ, отойдя снова назадъ, дать нѣмцамъ битву въ псковской землѣ. Онъ расположилъ войско свое

14) Картина: Ледовое побоище.

на льду Чудскаго озера. Хотя зима миновала, но въ этотъ годъ еще среди апрѣля ледъ оставался твердымъ. Когда нѣмцы клиномъ врѣзались въ наши ряды,—князь Александръ ударилъ на враговъ сбоку, чѣмъ ихъ смѣшалъ и разстроилъ; а послѣ ихъ гналъ, истребляя до поздней ночи. Ледъ побагровѣлъ отъ крови и треснулъ мѣстами. Четыреста рыцарей пали отъ русскихъ мечей, а 50 было взято въ плѣнъ во время этой славной, памятной для насъ, битвы, названной «Ледовымъ побоищемъ». Плѣнные нѣмцы шли пѣшіе за конемъ Александра, когда онъ, во главѣ своей побѣдоносной рати, торжественно вступилъ въ Псковъ, встрѣченный благодарными гражданами и духовенствомъ, несшимъ передъ собой кресты и хоругви.

15) Картина: Возвращеніе побѣдителя Александра въ Новгородъ.

Между тѣмъ подъ стѣнами Риги магистръ ордена меченосцевъ съ трепетомъ ждалъ появленія Александра, полный недоумѣнія и отчаянія при извѣстіи о постигшемъ его рыцарей бѣдствіи. Онъ поспѣшилъ отправить посольство въ Данію, моля о помощи противъ русскихъ у датскаго короля. Однако храбрый князь новгородскій, довольный ужасомъ, наведеннымъ его оружіемъ на безпокойныхъ сосѣдей, вложилъ мечъ въ ножны и умѣренно использовалъ свою побѣду, оставивъ за нѣмцами ихъ города на западной сторонѣ Чудскаго озера; зато нѣмцы должны были отказаться отъ всѣхъ земель, принадлежащихъ Пскову: отъ города Луги и отъ Водской области. Сверхъ того Александръ отнялъ у нихъ значительную часть той мѣстности, гдѣ обитало племя летовъ. Послѣ такихъ двухъ побѣдъ новгородскаго князя, нѣмцы оставили навсегда мысль подвергнуть русскія земли участи прибалтійскихъ славянъ.

Къ этому времени все усиливалась Литва. Въ 1245 г. она придвинулась къ Бѣжецку и Торжку, гдѣ Але-

ксандръ посадилъ княземъ, уже покинувшаго теперь нѣмцевъ, Ярослава Владиміровича. Этотъ князь потерпѣлъ пораженіе отъ литовцевъ, укрывшихся со своею добычей въ Торопцѣ—и отобралъ у нея весь полонъ, причемъ истребилъ до восьми литовскихъ князей съ ихъ дружинами.

Чтобы отбить у литовцевъ охоту впредь нападать на Русь, онъ съ одною своею дружиной преслѣдовалъ ихъ по областямъ—смоленской и полоцкой, разбивъ на этомъ пути непріятеля еще два раза.

Однако блестящій успѣхъ русскаго оружія на западѣ не могъ измѣнить общей судьбы русскихъ людей, какъ данниковъ татарскаго хана Батыя, расположившагося со своей ордой на берегу Волги. Татары же оставляли въ покоѣ только народы, признавшіе надъ собой власть ихъ. Владимірскій великій князь не имѣлъ возможности свергнуть иго татаръ послѣ ужаснаго разгрома его страны ихъ войсками; а потому онъ поѣхалъ волей-неволей въ орду на поклонъ къ Батыю.

Когда въ 1241 г. умеръ верховный татарскій ханъ Огадай, — правительницею царства сдѣлалась самая вліятельная изъ его женъ: Туранкина. А къ 1246 г. великій совѣтъ татарскихъ вельможъ, называемый Курилтаемъ, избралъ на престолъ старшаго ея сына: Гаюку. Въ это время глава католической церкви—папа Иннокентій IV отправилъ къ татарскимъ ханамъ монаховъ съ предложеніемъ мира и проповѣдью христіанства. До насъ дошло описаніе какъ этого путешествія, такъ и татарскихъ обычаевъ, составленное однимъ изъ монаховъ: Плано-Карпини. Первая татарская застава находилась за городомъ Каневомъ. Темникъ Куремса во главѣ 60.000-го войска оберегалъ предѣлы Кипчакской страны на правомъ берегу

Днѣпра. Въ шатрѣ этого воеводы послы должны были ему представиться, стоя на колѣняхъ. На каждомъ шагу отъ нихъ требовали подарковъ. Куремса отправилъ монаховъ къ Батыю. Здѣсь, передъ входомъ въ ханскій шатеръ, имъ пришлось пройти между двухъ огней для предохраненія Батыя отъ возможности тайныхъ вредныхъ вліяній враждебныхъ умысловъ чужеземцевъ. Батый жилъ великолѣпно. Онъ и князья татарскіе, его окружавшіе, пили не иначе, какъ изъ золотыхъ и серебряныхъ чашъ, непремѣнно подъ звуки пѣнія и струнныхъ инструментовъ. Когда Батый выѣзжалъ, надъ его головой держали шатерикъ на копьѣ, защищавшій его отъ солнца, т. е. какъ бы нынѣшній зонтикъ.

16) Картина: Образъ жизни Батыя.

Великаго князя Ярослава Всеволодовича Батый принялъ ласково и, отпуская его, сказалъ: «Будь ты старшій между князьями въ русскомъ народѣ». Онъ Ярославу отдалъ Кіевъ вмѣстѣ съ Владиміромъ на Клязьмѣ,—такъ что тотъ сдѣлался Великимъ княземъ въ обѣихъ русскихъ столицахъ, что вынудило Михаила черниговскаго уѣхать къ себѣ домой съ острова на Днѣпрѣ. Впрочемъ Кіевъ совсѣмъ утратилъ прежнее свое великолѣпіе и богатство; изъ многолюднаго торговаго города обратился въ ничтожный поселокъ, гдѣ жители были крайне угнетены близкимъ сосѣдствомъ съ ними татаръ. Юный сынъ Ярослава—Константинъ,—поѣхалъ отъ Батыя дальше въ Монголію, къ ханшѣ Туранкинѣ и преемнику ея Гаюкѣ. Однако тамъ пріѣздомъ лишь сына великаго князя не удовольствовались. Когда Константинъ вернулся домой, то потребовали къ берегамъ Амура самого Ярослава. Тотъ снова двинулся въ путь, покоряясь волей-неволей повелительному призыву изъ глубины азіатской Татаріи. Совершивъ трудный, му-

чительный переходъ по степямъ и пустынямъ въ тотъ дальній край, онъ встрѣтился тамъ въ 1246 г. съ посольствомъ римскаго папы, ставъ вмѣстѣ съ Плано-Карпини свидѣтелемъ воцаренія Гаюка. Но ему не суждено было болѣе увидѣть родину. Послѣ почетнаго пріема его въ ставкѣ ханши онъ захворалъ и умеръ на обратномъ пути изъ орды. Ранѣе своего окончательнаго, формальнаго воцаренія ханъ Гаюкъ не принималъ чужеземцевъ, предоставляя пріемы ихъ своей матери. Ханша жила въ великолѣпномъ, свѣтло-пурпурномъ шатрѣ, гдѣ могло помѣститься до двухъ тысячъ человѣкъ. Вокругъ шатра деревянная ограда была расписана разными изображеніями. Въ предѣлахъ этой ограды расположилась вся татарская знать, составлявшая Курилтай и блиставшая роскошью, какъ въ одеждахъ своихъ, такъ и въ богатыхъ конскихъ уборахъ. Простой же народъ и послы покоренныхъ татарами странъ, въ числѣ которыхъ находился и русскій великій князь, пребывали далеко за оградой. Въ юности жестокій и честолюбивый Ярославъ имѣлъ, какъ можно было замѣтить по всей его дѣятельности,—и большія достоинства. Онъ оказалъ не мало услугъ отечеству; былъ мудрымъ правителемъ и храбрымъ защитникомъ своей родины; не падалъ духомъ въ несчастіи и возродилъ изъ развалинъ многіе города своихъ областей. Ростовъ, послѣ убіенія татарами Василько Константиновича, перешелъ уже не къ его брату—Владиміру, какъ велось въ старину,—но къ старшему сыну: Борису Васильковичу, тогда какъ второй сынъ его—Глѣбъ сѣлъ въ Бѣлоозерѣ, Владиміръ же остался въ Угличѣ, гдѣ княжилъ ранѣе. Ярославль перешелъ къ сыну, убитаго при защитѣ Владиміра на Клязьмѣ, князя Всеволода Юрьевича: Василію. Суздальскіе бояре, окружавшіе въ ордѣ

166) Картина: Кончина вел. кн. Ярослава Всеволодовича на берегахъ Амура.

Ярослава, привезли тѣло великаго князя въ его столицу для погребенія.

Почти одновременно съ его внезапною смертью, мученическая кончина въ станѣ Батыя на далекомъ татарскомъ востокѣ, постигла еще другого русскаго князя: Михаила черниговскаго, бывшаго всегда соперникомъ и врагомъ Ярослава Всеволодовича, такъ же, какъ Даніила галицкаго, въ ихъ удѣльныхъ распряхъ. Когда Батый потребовалъ побѣжденныхъ русскихъ князей къ себѣ на поклонъ, Михаилъ опять удалился въ Венгрію, гдѣ король Бела IV, наконецъ, выдалъ дочь свою за его сына Ростислава. Но тамъ онъ былъ встрѣченъ настолько холодно, что съ огорченіемъ возвратился въ родной Черниговъ, гдѣ засталъ ханскихъ чиновниковъ, переписывавшихъ остатокъ мѣстнаго населенія для обложенія его поголовно данью. Они приказали Михаилу ѣхать въ орду, и пришлось покориться необходимости. Михаилъ былъ тестемъ замученнаго въ плѣну у татаръ, Василько Константиновича. Отправляясь послѣ усердной молитвы въ путь, онъ взялъ съ собою въ орду юнаго внука Бориса ростовскаго и боярина Ѳеодора. Когда волхвы Батыя потребовали, чтобы онъ прошелъ черезъ костеръ, разложенный передъ входомъ въ юрту ихъ хана, и поклонился идоламъ,—Михаилъ отказался. Когда же ему повторили, что онъ обязанъ повиноваться подъ страхомъ смерти:—«Да будетъ!» отвѣчалъ доблестный князь, вынувъ имѣвшіеся при немъ запасные св. Дары; и, пріобщившись вмѣстѣ съ другомъ своимъ—бояриномъ Ѳеодоромъ, началъ пѣть громко псалмы Давида. Напрасно юный Борисъ и вельможи ростовскіе его умоляли исполнить волю грознаго хана, выражая готовность принять грѣхъ на себя. Сбросивъ съ плечъ свою княжескую мантію, Ми-

хаилъ воскликнулъ: «Возьмите славу міра сего. Хочу небесной». Тогда убійцы, какъ тигры, бросились на Михаила: били его и топтали ногами. Среди русскихъ, оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса бояръ, одинъ Ѳеодоръ стоялъ спокойно и ободрялъ терзаемаго Михаила, говоря, что «муки земныя непродолжительны, тогда какъ награда небесная безконечна». Самъ Батый, по преданію, удивлялся твердости русскаго князя и назвалъ его: «великимъ мужемъ». Бояринъ Ѳеодоръ принялъ мученическій вѣнецъ за христіанскую вѣру вслѣдъ за своимъ княземъ и среди тяжкихъ страданій въ рукахъ жестокихъ татаръ славилъ милость Господню, радуясь своей участи. Съ того времени больше не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ о князьяхъ черниговскихъ. Ростиславъ такъ и остался въ Венгріи. Бела ему далъ въ удѣлъ часть сербской земли со столицей Бѣлгородомъ при впаденіи рѣки Савы въ Дунай, а его дочь сочеталась бракомъ съ герцогомъ польскимъ: Лешко Чернымъ.

17) Картина: Мученическая кончина князя Михаила Черниговскаго и боярина Ѳеодора въ ордѣ Батыя.

17б) Картина: Св. мученики за вѣру Христову: Михаилъ и Ѳеодоръ.

Князь Даніилъ Романовичъ въ своихъ первыхъ сношеніяхъ съ татарской ордой былъ счастливѣе Михаила черниговскаго. Мы уже знаемъ, что онъ рѣшился исполнить требованіе Батыя: чтобъ галицкій князь раболѣпствомъ снискалъ милость его, если не хочетъ лишиться своего княжества,—но только задавшись тайною цѣлью: знаками внѣшней покорности усыпить бдительность своихъ враговъ, ради скорѣйшей затѣмъ возможности избавить родину отъ татарскаго ига. Даніилъ сначала гостилъ у Куремсы, побывавъ въ Выдубицкомъ монастырѣ, гдѣ онъ принялъ благословеніе отъ игумена на тяжелый и страшный путь. Татары встрѣтили Даніила въ Переяславлѣ южномъ, и оттуда Куремса его направилъ къ Батыю. Съ грустью смотрѣлъ Даніилъ на язы-

ческіе обряды монголовъ въ русской землѣ, еще недавно столь преданной христіанству. Его очень пугали слухи, будто ему предстоитъ поклониться кусту и огню. На берегахъ Волги ему сказалъ нѣкій татаринъ Сунгуръ: «Какъ собратья твои кусту поклонились, такъ и тебѣ придется». «Дьяволъ говоритъ твоими устами»! Гнѣвно отвѣчалъ ему Даніилъ:— «что бы Богъ загородилъ ихъ и мнѣ не слышать подобныхъ словъ». Батый однако его не заставилъ служить татарскимъ идоламъ, и онъ былъ проведенъ между двумя огнями безъ предварительныхъ суевѣрныхъ обрядовъ, своимъ язычествомъ оскорблявшихъ русское православіе.—«Ты долго не хотѣлъ меня видѣть, но теперь загладилъ свою вину повиновеніемъ», сказалъ ему грозный ханъ и угостилъ его кумысомъ. Даніилъ пилъ кобылье молоко и, преклонивъ колѣна, славилъ величіе ненавистнаго ему хана съ душевной скорбью, съ мечтой о мести. Послѣ того какъ онъ еще поклонился ханшѣ, Батый прислалъ ему вина вмѣсто непривычнаго русскимъ людямъ татарскаго кумыса и вообще проявилъ по отношенію къ нему много милости. Но, тѣмъ не менѣе, Даніилъ глубоко чувствовалъ свое униженіе, и лѣтописецъ, ему современный, съ негодованіемъ восклицаетъ: «О злѣе зла честь татарская»! Зато, по его возвращеніи изъ орды, венгерскій король, съ зятемъ своимъ Ростиславомъ Михайловичемъ, стали бояться расположенія Батыя къ старому ихъ врагу и предложили ему тѣсный союзъ съ собою. Русскіе князья, признавшіе хана татарскаго своимъ *господиномъ-завоевателемъ*, получали, уже отъ него назадъ свои волости въ полную собственность и наслѣдственное владѣніе; изъ князей становясь государями въ своихъ земляхъ. Такой порядокъ вещей примирилъ отчасти князей

восточной Руси съ татарскимъ игомъ. Но Даніилъ былъ гораздо ближе къ европейскимъ понятіемъ и стыдъ рабскаго положенія не могъ для него ничѣмъ окупаться. Дружба и союзъ съ королемъ венгерскимъ чуть даже не вовлекли Даніила въ дѣла западной Европы. А именно: — послѣ смерти австрійскаго и штирійскаго герцога Фридриха, венгерскій король не хотѣлъ допустить, чтобы оставшіеся безъ владѣтеля—Австрія со Штиріей достались нѣмецкому императору и призвалъ къ себѣ на помощь противъ него Даніила. Однако дѣло уладилось на этотъ разъ мирно въ городѣ Пожгѣ (нынѣшнемъ Пресбургѣ) черезъ посредство нѣмецкихъ пословъ, но Даніилъ тамъ ѣхалъ рядомъ съ венгерскимъ королемъ, возбуждая видомъ своимъ удивленіе и восторгъ въ нѣмцахъ, взглядъ которыхъ былъ пораженъ, и необычайнымъ для нихъ, блестящимъ вооруженіемъ русскихъ и конями ихъ, покрытыми затѣйливою ременной сбруей. Сѣдло подъ самимъ Даніиломъ было обито чистымъ золотомъ; также была позолочена узорчатая его сабля и стрѣлы. На немъ былъ камзолъ изъ греческой ткани, отдѣланный кружевами и золотою тесьмой; а на ногахъ зеленые сафьяновые сапоги тоже вышиты были золотомъ. Превосходный породистый конь его вызывалъ похвалы со стороны западныхъ иноземцевъ, и Бела IV воскликнулъ въ видѣ привѣтствія, встрѣчая новаго своего союзника:—«Твой пріѣздъ по обычаю русскихъ князей мнѣ дороже тысячи серебра».

Великимъ счастьемъ для древней Руси было то, что ханы татарскіе, по своей дикости и привычкѣ къ степному быту удовлетворились тяжелой данью съ русской земли, но сами не поселились въ ней, не устранили природныхъ владѣтелей и не за-

няли своими полчищами ея городовъ, взявъ управленіе въ свои руки, какъ это сдѣлали въ Византіи османскіе турки, овладѣвшіе Іерусалимомъ въ 1244 г. Пребывая въ грубомъ язычествѣ татары однако отличались вѣротерпимостью и казнили только за ослушаніе, не воздвигая гоненія противъ православія на Руси. Такимъ образомъ уцѣлѣла у насъ православная церковь, такъ же какъ и наслѣдственная власть князя. Это дало возможность въ будущемъ возродиться въ русскомъ народѣ всей его неутраченной самобытности и надъ такимъ возрожденіемъ начали немедленно же трудиться наиболѣе дальновидные, смѣлые и самостоятельные среди русскихъ князей. Во главѣ ихъ стоитъ сѣверный витязь, самоотверженный борецъ за родину, высокочтимый ею князь—Александръ Невскій.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ

Глава II.

Бытъ, обычаи и образъ жизни татаръ въ Золотой ордѣ. Попытка римскаго папы склонить князя Даніила къ принятію католичества. Даніилъ—король галицкій. Посольство къ Батыю отъ французскаго короля Людовика IX. Возвышеніе Москвы въ XIII вѣкѣ. Призывъ Александра Невскаго въ станъ Батыя и благоразумное его смиреніе передъ татарской властью. Полученіе отъ хана ярлыка на велико-княженіе владимірское его братомъ Андреемъ. Молодой ханъ Сартакъ и водвореніе во Владимірѣ Александра. Возмущеніе новгородцевъ противъ татарскихъ баскаковъ. Смерть Батыя и умерщвленіе Сартака дядей его Беркаемъ. Изгнаніе жадныхъ откупщиковъ татарской дани изъ суздальскихъ городовъ и поѣздка въ орду великаго князя Александра съ братьями для умилостивленія хана. Беркай принимаетъ магометанство.

Мѣсяцъ спустя послѣ смерти въ ордѣ великаго князя Ярослава Всеволодовича, тамъ наконецъ со-

вершился обрядъ возведенія на престолъ хана Гаюка. Для обряда этого въ живописной долинѣ среди горъ былъ устроенъ шатеръ на столбахъ, обитыхъ золотыми листами. Онъ-то и назывался, какъ мы сказали уже, Золотою ордою. Татарскіе воеводы посадили Гаюка на золотое сѣдалище, положили передъ нимъ мечъ и преклонили колѣна, послѣ чего то же самое сдѣлалъ и весь народъ. Торжество, конечно, не обошлось безъ усердной попойки и сопровождалось большимъ пиршествомъ. Вельможи татарскіе безпрестанно пили кумысъ и угощали имъ иноземныхъ гостей. Многочисленные послы различныхъ народовъ, покоренныхъ татарами, подносили новому своему владыкѣ безсчетное количество драгоцѣнныхъ даровъ и среди нихъ Паоло-Карпини отмѣтилъ зонтикъ осыпанный дорогими камнями. До пятисотъ повозокъ наполненныхъ золотомъ, серебромъ, мѣхами, сѣдлами и шелковыми одеждами, стояло вокругъ ханскаго шатра. Гаюкъ выказывалъ исключительную терпимость по отношенію къ христіанской вѣрѣ и позволялъ совершать открыто богослуженіе по ея правиламъ передъ своими глазами. Кромѣ того при всей своей свирѣпости и кровожадности монгольскіе завоеватели всегда щадили людей талантливыхъ, знавшихъ какое-либо художество. Къ числу такихъ людей принадлежалъ русскій плѣнникъ Козьма: искусный золотыхъ дѣлъ мастеръ. Онъ между прочимъ показывалъ папскимъ посламъ, тогда только что изготовленный имъ для хана престолъ изъ слоновой кости съ разными изображеніями и ханскую печать своей работы. Татарскіе идолы на подобіе человѣка дѣлались обыкновенно изъ войлока, а у богатыхъ людей изъ шелковой ткани. Войлокъ былъ у татаръ въ большомъ употребленіи: имъ покрывали они круглыя свои

юрты, сложенныя изъ палокъ и прутьевъ. Простые люди сидѣли дома на войлочныхъ коврикахъ и шапки у нихъ были тоже войлочныя съ небольшими полями, загнутыми вверхъ спереди и съ боковъ, а сзади опущенныя. Сбривая волосы на макушкѣ, татары отращивали ихъ на затылкѣ и заплетали въ косы на подобіе китайцевъ, закладывая по косичкѣ за каждое ухо. Они вообще во многомъ подражали Китаю. Вліяніе этой страны сказалось и въ церемоніяхъ при дворѣ хановъ, и въ безграничности верховной власти. Гаюкъ мечталъ довести до конца намѣреніе Чингизъ-хана завоевать всю землю—и въ 1247 г. имѣлъ въ виду отправить одну рать въ Венгрію, а другую въ Польшу, съ тѣмъ, чтобы пройти оттуда въ Пруссію и Ливонію. Онъ грозилъ римскимъ посламъ, что объявитъ войну всѣмъ западнымъ государствамъ, если они не покорятся ему добровольно. Однако краткость его правленія и внезапная смерть спасли Европу отъ втораго нашествія ужасныхъ татарскихъ ордъ.

Преемникъ Гаюка—Менгу, самый дружественный Батыю изъ всѣхъ его двоюродныхъ братьевъ, избранный подъ его вліяніемъ курлунтаемъ,—былъ озабоченъ неурядицами внутри своихъ азіатскихъ владѣній и притязаніями своихъ соперниковъ, а потому не могъ предпринять похода задуманнаго его умершимъ предшественникомъ. Послы Иннокентія IV, принятые Гаюкомъ послѣ его водворенія на престолѣ, повезли отъ него отвѣтную грамоту папѣ, далеко не надежнаго содержанія. Когда на обратномъ пути они были опять у Батыя,—Батый имъ сказалъ, что ничего не можетъ прибавить къ отвѣту верховнаго хана, хотя съ великимъ вниманіемъ читалъ письма папы, переведенныя на языки: славянскій, персидскій и арабскій. Онъ лишь далъ посламъ пропускъ для возвращенья на

родину черезъ Кіевъ. Галицкій князь Даніилъ и его братъ Василько, по свидѣтельству Паоло - Карпини, оказали посламъ много ласки въ своихъ владѣніяхъ на ихъ дальнѣйшемъ пути къ предѣламъ Польши и Венгріи. Болѣе того—этотъ римскій посолъ подтверждаетъ тутъ же извѣстіе нашихъ польскихъ лѣтописей, согласныхъ съ папскими грамотами, что Даніилъ Романовичъ вознамѣрился признать папу главой Православной Церкви. Первая попытка Иннокентія IV завязать переговоры о соединеніи церквей съ галицко-волынскими князьями, была сдѣлана черезъ того же Карпини, еще по дорогѣ его съ послами папы въ Монголію, но тогда Даніилъ былъ какъ разъ въ ордѣ у Батыя, тамъ подвергаясь, его глубоко возмутившему униженію, а Василько не могъ ничего отвѣтить католическому послу безъ брата. Вернувшись домой съ твердымъ рѣшеніемъ, такъ или иначе, сбросить съ себя гнетъ татарскаго хана; избавиться отъ позора рабской ему покорности,—Даніилъ не замедлилъ принять во вниманіе предложеніе папы. Онъ отправилъ тотчасъ же въ Римъ одного изъ православныхъ игуменовъ для переговоровъ тамъ о единеніи церквей и борьбѣ съ общимъ страшнымъ врагомъ Европы. Постоянныя и долгія сношенія съ западными, католическими государями неизбѣжно должны были внушить Даніилу высокое мнѣніе о могуществѣ римскаго духовнаго престола, хотя въ то время это могущество не могло въ сущности произвести того, что производило столѣтіемъ раньше. Сношенія Даніила съ папою начались въ 1246 г., такъ что когда Паоло - Карпини на обратномъ пути изъ Великой Орды въ 1247 г. вновь проѣзжалъ черезъ его владѣнія,—они успѣли уже принять оживленный дружественный оборотъ. Желаніе получить помощь про-

тивъ татаръ заставило часть самого русскаго духовенства благодушно ожидать унію съ римской церковью. Иннокентій IV прежде всего желалъ устроить присоединеніе русской церкви къ Риму; но Даніилъ имѣлъ въ виду только одно: существенную помощь запада для освобожденія Руси отъ монголовъ, а потому не поддавался ни на какія уловки папы, посылавшаго къ нему монаховъ для совѣщанья о вѣрѣ и писавшаго буллы, въ которыхъ онъ называлъ уже королемъ Даніила, предлагая короновать его. — «Что мнѣ въ королевскомъ вѣнцѣ?» отвѣчалъ Даніилъ— «татары не перестаютъ намъ дѣлать зло; зачѣмъ я буду принимать вѣнецъ, когда мнѣ не даютъ помощи?» Въ 1249 г. Даніилъ прогналъ изъ южной Руси епископа Альберта, водвореннаго тамъ Иннокентіемъ главою мѣстнаго духовенства. Но въ 1252 г. король венгерскій помирилъ Даніила съ папою и его сношенія съ Римомъ возстановились. Въ томъ же году вышеупомянутый споръ за австрійское наслѣдство кончился тѣмъ, что земскіе чины Австріи сами избрали себѣ въ короли маркграфа Моравіи: Пшемысла Оттокара, сына чешскаго короля Венцеля, причемъ молодой Оттокаръ, ради закрѣпленія своихъ правъ, женился на пожилой сестрѣ покойнаго герцога, тогда какъ Бела IV объявилъ прямой наслѣдницей герцога его племянницу Гертруду, отказавшуюся отъ своихъ правъ въ его пользу. Чтобы не потерять помощи князя галицкаго въ своей войнѣ съ Оттокаромъ, Бела уговорилъ Даніила женить на престарѣлой Гертрудѣ, сына — Романа. Склонный къ западнымъ связямъ, Даніилъ согласился въ надеждѣ укрѣпить за Романомъ обладаніе Австріей съ Штиріей. Послѣдствіемъ этого брака былъ неудачный походъ его противъ чеховъ ради своекорыстныхъ цѣлей венгерскаго короля, себя по-

казавшаго крайне неблагодарнымъ по отношенію къ своимъ русскимъ союзникамъ. Однако Даніилу все же удалось себѣ стяжать военную славу въ этомъ безплодномъ походѣ. Гербертъ: воевода, имъ взятаго города — Насилье, прислалъ ему мечъ въ знакъ покорности. Кромѣ того Даніилъ смягчалъ, обычную въ то время жестокость ненужнаго разоренья страны непріятельскими войсками.

Въ переговорахъ своихъ съ римскимъ папою онъ хитрилъ и нарочно затягивалъ дѣло открытаго присоединенія галицко-волынской Руси къ католической церкви, такъ какъ онъ выжидалъ, во-первыхъ чѣмъ разрѣшится вопросъ помощи противъ татаръ? Въ 1253 г. папа издалъ буллу ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Помераніи, призывающую ихъ къ крестовому походу противъ татаръ; а въ слѣдующемъ году—высшему духовенству Эстоніи и Пруссіи, чтобы они побуждали къ нему ливонскихъ рыцарей и Тевтонскій орденъ. Когда, возвращаясь изъ чешскаго похода вмѣстѣ съ зятемъ венгерскаго короля Болеславомъ Стыдливымъ и сыномъ, уже умершаго, Конрада мазовецкаго—Семовитомъ, Даніилъ въ 1253 г. остановился въ Краковѣ, туда явились къ нему послы отъ Иннокентія IV съ папскимъ благословеніемъ и королевской короной, обнадеживая его поддержкой противъ татаръ. Но Даніилъ съ достоинствомъ имъ замѣтилъ, что ему непристойно видѣться съ ними въ чужой землѣ. Тогда папскій легатъ Онизъ, прибылъ въ Галицію и совершилъ надъ Даніиломъ обрядъ вѣнчанія королевскаго въ городѣ Дрогичинѣ, гдѣ къ концу 1253 г. галицкій князь снаряжался въ походъ противъ ятвяговъ.

18) Картина: Папскій легатъ совершаетъ надъ Даніиломъ обрядъ вѣнчанія королевскаго.

Однако рыцарскимъ орденамъ было достаточно дѣла съ туземнымъ языческимъ населеніемъ, а осо-

бенно съ пріобрѣтавшими теперь все большую силу литовскими князьями. Папская власть уже опустилась съ прежней своей высоты и воззваніе Иннокентія IV о новомъ крестовомъ походѣ не привело ни къ чему. Въ концѣ 1254 г. онъ умеръ, а преемникъ его Александръ IV мало заботился о татарахъ, поглощенный своею борьбой съ германскимъ императоромъ, сыномъ Фридриха II, Манфредомъ, за преобладаніе въ странѣ вліянія церкви надъ императорской властью. Тогда Даніилъ Романовичъ, сохранивъ за собой королевскій титулъ совсѣмъ прервалъ свои сношенія съ Римомъ. Вопреки настояніямъ и укоризнамъ Александра IV онъ отказался теперь отъ уніи западно-русскаго православнаго вѣроисповѣданія съ латинскимъ; тѣмъ болѣе, что преобладающая часть западно-русскаго духовенства рѣшительно возставала противъ сліянія церквей и не хотѣла подчиненія Риму.

Такой же точно примѣръ неудавшагося соединенія восточной церкви съ западной римской, себя проявилъ позже и въ Византіи, когда тамъ пало латинское королевство, устроенное крестоносцами на подобіе Іерусалимскаго. Оно существовало недолго. Король изъ народа франковъ, Бальдуинъ I-й скоро погибъ въ борьбѣ съ болгарами, а византійскія области, оставшіяся въ рукахъ греческихъ владѣтелей, соединились подъ властью одного изъ нихъ Михаила Палеолога. При помощи генуэзцевъ ему удалось изгнать въ 1261 г. пришельцевъ изъ Константинополя. Онъ сдѣлался родоначальникомъ новой послѣдней вазантійской династіи Палеологовъ и хотѣлъ поддержать свою власть союзомъ съ римской церковью. Тогда уже угрожало возстановленной византійской имперіи нашествіе изъ Малой Азіи османскихъ турокъ, тѣснимыхъ въ отечествѣ своемъ татарами. Однако ка-

толики на столько ненавидѣли православіе, что предпочтительно становились порою на сторону магометанъ противъ православныхъ.

Батый послѣ отъѣзда изъ орды Даніила, былъ отвлеченъ на время отъ русскихъ дѣлъ событіями междуцарствія на Амурѣ пока на престолѣ тамъ не укрѣпился верховнымъ ханомъ дружественный ему, двоюродный братъ его—Менгу. Ханство—персидское и Китай онъ отдалъ двумъ роднымъ братьямъ своимъ, а за Батыемъ утвердилъ Кипчакское царство, которое замышлялъ отнять у него Гаюкъ. Батый кочевалъ на Волгѣ: лѣтомъ въ нынѣшней Казанской губерніи, а въ августѣ мѣсяцѣ начиналъ спускаться внизъ по ея теченію. Сынъ Батыя — Сартакъ, кочевавшій со своею ордой между Волгою и Дономъ, въ станѣ своемъ имѣлъ много христіанъ, причемъ относился къ нимъ съ большой благосклонностью. Вслѣдствіе этого распространился слухъ будто онъ самъ готовъ креститься и благочестивый французскій король Людовикъ IX, на основаніи такого ложнаго слуха, во время своего пребыванія на островѣ Кипрѣ, отправилъ въ 1253 г. посломъ къ Сартаку по Черному морю, черезъ Тавриду въ донскія степи католическаго монаха Рубриковиса, вручивъ ему отъ себя письмо для передачи татарскому хану.

Въ густыхъ лѣсахъ нынѣшнихъ губерній: Саратовской, Пензенской и Симбирской жили, какъ мы уже знаемъ, финскія племена, богатыя только звѣриными кожами, медомъ и соколами. Въ окрестностяхъ монгольскаго стана скиталось много разноплеменныхъ разбойниковъ, устрашавшихъ монголовъ возможностью своего нападенія. На берегахъ Дона и Волги располагались русскія села, обязанныя, по приказанью Батыя перевозить черезъ рѣку пословъ и торговцевъ.

Ни Сартакъ, ни Батый не дали никакого отвѣта Людовику на его письмо, но направили его пословъ къ верховному хану Менгу. На этомъ далекомъ пути Рубриковису пришлось испытать тѣ же трудности и лишенія, что и Карпини съ его посольствомъ. Менгу отвѣчалъ послу короля Людовика, пытавшемуся объяснить татарину преимущество христіанской вѣры,—что монголы знаютъ о существованіи Бога, но что сколько пальцевъ на рукѣ, столько можно найти путей къ спасенію; что имъ Богъ далъ волхвовъ, а европейцамъ Библію; что они слушаются своихъ наставниковъ; Бога любятъ всею душой и ни съ кѣмъ не спорятъ.—«Если хочешь золота, то взявъ его изъ казны моей, иди куда тебѣ будетъ угодно»,—закончилъ холодно ханъ и отпустилъ королевскихъ пословъ съ требованіемъ безусловной себѣ покорности отъ Людовика, угрожая въ противномъ случаѣ приходомъ побѣдоносныхъ татаръ во Францію, какъ бы земля ихъ ни была отдалена, какъ бы ни были глубоки моря и крѣпости неприступны». На возвратномъ пути къ стану Батыя, Рубриковисъ видѣлъ новый городъ Сарай, построенный Батыемъ въ 60-ти верстахъ отъ Астрахани, на берегу рукава Волги: Ахтубы. Здѣсь Батый сталъ съ тѣхъ поръ проводить часть зимы со своимъ кочевымъ Двором.

Когда погибъ въ далекой Монголіи великій князь Ярославъ Всеволодовичъ въ 1246 г.—суздальскіе князья съѣхались во Владиміръ и признали старшинство послѣдняго, оставшагося въ живыхъ сына Всеволода Большое Гнѣздо—Святослава Всеволодовича. Онъ и распредѣлилъ своимъ племянникамъ Ярославичамъ удѣлы ихъ отцовской земли. Этотъ раздѣлъ впервые указываетъ на значеніе, какое уже въ половинѣ XIII столѣтія придавалось Москвѣ, доставшейся

брату Александра Невскаго—Михаилу, прозванному за отвагу его Хоробритомъ. Она ставилась выше Твери, полученной Ярославомъ и Костромы, удѣленной Василію. Изъ Смоленска и Новгорода всего удобнѣе было проѣхать къ Камскимъ булгарамъ не Окою и Волгой, а Междурѣчьемъ т. е. верховьемъ Днѣпра, или вверхъ по Волгѣ до Волочка, а затѣмъ волокомъ въ Москву-рѣку и Клязьму, къ которой близко подходитъ Яуза—притокъ Москвы на ея поворотѣ къ югу. Такимъ же образомъ шелъ кратчайшій путь въ рязанскую землю и оттуда далѣе къ Дону. Этой дорогою проѣзжали изъ Кіева и черниговской области въ Переяславль Залѣсскій или въ Ростовъ. Всѣ эти три указанныя дороги скрещивались у современной Москвы. Этотъ узелъ торговыхъ путей былъ давно обитаемъ; раскопки предметовъ IX и X вѣка указываютъ на участье жителей данной мѣстности въ арабской торговлѣ.

Городъ Суздаль съ Нижнимъ Новгородомъ и Городцемъ отданъ былъ великому князю Андрею Ярославичу.

До смерти отца князь новгородскій Александръ Ярославичъ имѣлъ возможность избѣгнуть поѣздокъ въ орду и не преклонялъ еще головы передъ Батыемъ. Русскіе даже надѣялись устрашить хана побѣдоноснымъ вождемъ новгородскихъ войскъ при устьѣ Ижоры и на Ледяномъ полѣ Чудскаго озера. Однако Батый хотѣлъ видѣть передъ собою русскаго князя, славнаго своею доблестью рядомъ съ наружною красотою. Онъ потребовалъ Александра къ себѣ въ Сарай какъ побѣдитель и властелинъ всей земли русской. Всякія перемѣны въ княженіяхъ производились теперь не иначе какъ съ ханскаго соизволенія. Любя отечество болѣе своего княжескаго

достоинства и презирая опасность для себя лично, Александръ не захотѣлъ гордымъ отказомъ на зовъ Батыя возбудить его, гибельный для Россіи гнѣвъ, почему вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ отправился къ хану въ 1247 г.

Принявъ ихъ въ разрисованной войлочной палаткѣ на вызолоченномъ возвышеніи, Батый оказалъ имъ почетъ и ласку. Прекрасный мужественный внѣшній обликъ славнаго новгородскаго князя на него произвелъ сильное впечатлѣніе. Онъ сразу понялъ, что Александръ выходитъ по уму своему изъ ряда прочихъ князей. Но тѣмъ не менѣе для обоихъ братьевъ неизбѣжнымъ явился дальнѣйшій путь къ верховному хану-Менгу. На этомъ пути приходилось терпѣть голодъ и жажду; ночевать часто въ открытой степи либо на снѣгу, либо на землѣ, раскаленной лучами солнца.

19) Картина: Вел. князь Святославъ Всеволодовичъ, изгнанный изъ Владиміра Михаиломъ.

Въ отсутствіи старшихъ братьевъ Михаилъ Хоробритъ изгналъ изъ Владиміра дядю своего Святослава Всеволодовича, но самъ былъ убитъ въ ту же зиму, воюя съ литовцами. Святославъ поѣхалъ къ Батыю искать на него суда, но ничего не добившись умеръ въ 1250 г. въ прежнемъ своемъ удѣлѣ: Юрьевѣ Польскомъ.

Между тѣмъ у Александра съ Андреемъ произошелъ въ ордѣ большой споръ: кому сѣсть во Владимірѣ? а кому въ Кіевѣ? Великій ханъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу Андрея, отчасти должно быть не желая поставить во Владиміръ слишкомъ способнаго, сильнаго и тѣмъ опаснаго ордѣ, князя; отчасти основываясь на томъ, что Ярославъ еще при жизни далъ Александру Кіевъ, причемъ въ сѣверо-восточной Руси, онъ же удержалъ за собою, помимо Новгорода, Переяславль Залѣсскій.

Мы уже знаемъ что Владиміръ на Клязьмѣ давно получилъ перевѣсъ въ старшинствѣ надъ Кіевомъ и въ особенности теперь, когда онъ представлялъ изъ себя только груды развалинъ среди опустошенной южной Руси, гдѣ господствовали татары. Александръ не могъ быть доволенъ этимъ удѣломъ. Пришлось однако безропотно покориться рѣшенью великаго хана. Неизвѣстно гдѣ именно поклонялись ему Ярославичи. Хотя у него была столица: Каракорумъ: многолюдный городъ, обнесенный глиняною стѣной съ четырьмя воротами, наполненный иноземцами, тамъ имѣвшими свои храмы различныхъ вѣроисповѣданій и заносившими въ глубину Монголіи европейскія знанія, а за этимъ городомъ находился обширный, богатый ханскій дворецъ,—но осѣдлое житье было не во вкусѣ монголовъ. Являясь только по временамъ въ свою столицу и въ свой дворецъ, какъ пышное божество,—великій ханъ, такъ же какъ волжскіе ханы, проводилъ жизнь, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, сопровождаемый передвижными, огромными городами изъ раскладныхъ шатровъ и кибитокъ, а также многочисленными стадами домашнихъ животныхъ. Гдѣ пожелаетъ ханъ, тамъ и устраивается, на болѣе или менѣе долгое время; тамъ и живетъ, вокругъ себя развивая ремесла и торговлю.

Въ одинъ изъ подобныхъ становъ прибыли вѣроятно наши князья. Они были приняты тамъ привѣтливо и благополучно вернулись домой.

Александръ не поѣхалъ въ Кіевъ, а остался управлять суздальской своей волостью, живя въ Новгородѣ Великомъ. Онъ ожидалъ только удобнаго случая, чтобы завладѣть Владиміромъ. Андрей Ярославичъ неосторожнымъ своимъ поведеніемъ скоро самъ далъ ему поводъ къ такому захвату. Женившись на

дочери Даніила галицкаго, онъ вмѣстѣ съ нимъ сталъ придумывать способъ скорѣе свергнуть татарское иго.

Это дошло до свѣдѣнія молодого хана—Сартака, сына Батыя, получившаго первенствующее вліяніе на дѣла Руси теперь, когда Батый, состарѣвшись не принималъ болѣе никакого участія въ событіяхъ, тамъ происходившихъ, и сталъ совсѣмъ равнодушенъ къ судьбѣ имъ покоренныхъ странъ. Послѣ двухъ лѣтъ княженія Андрея Ярославича во Владимірѣ Сартакъ послалъ противъ него съ сильною ратью царевича Неврюя и Александръ воспользовался неудовольствіемъ этого хана на его брата, чтобы отнять у него великокняжескій столъ при поддержкѣ Сартака, а сына Василія посадить княземъ въ Новгородѣ. Изгнанный ихъ Владиміра, Андрей Ярославичъ бѣжалъ съ семьей въ Швецію, но потомъ вернулся въ отечество; помирился со старшимъ братомъ и сталъ княжить въ Суздалѣ. Юный Василій, идя по стопамъ отца, скоро успѣлъ отличиться въ Новгородѣ, въ борьбѣ съ Литвой и ливонскими рыцарями, продолжавшими свои нападенія на новгородцевъ и псковичей. Въ это время Менгу рѣшилъ обложить опредѣленною данью, по числу жителей, всѣ русскія земли; на подобіе того какъ это дѣлалось уже въ южныхъ областяхъ—кіевской и черниговской. Новгородъ, не видавшій еще татаръ въ своихъ стѣнахъ, больше другихъ городовъ былъ взволнованъ пріѣздомъ татарскихъ численниковъ, увольнявшихъ отъ общей дани только церковниковъ и монаховъ. Зная какое большое вліяніе на мірянъ имѣло русское духовенство, татары, нуждавшіеся въ разнообразныхъ естественныхъ произведеніяхъ, богатой ими Руси—старались его задобрить, дабы оно не противоборствовало покорности русскихъ людей широкимъ тре-

бованьямъ татаръ. Эти завоеватели старались всячески, чтобы русскій народъ въ нихъ не видѣлъ враговъ христіанства и сами ханскія жены исповѣдывали въ ордѣ открыто христіанскую вѣру. Но тѣмъ не менѣе въ Новгородѣ начались бурныя смуты, и граждане воспротивились распоряженію хана.

Новгородцы, недовольные Александромъ за благоразумное его смиреніе передъ татарской властью, прогнали сына его и призвали на новгородскій столъ тверскаго князя Ярослава Ярославича.

Къ этому времени между сѣверными князьями обнаруживается стремленіе усиливать свои удѣлы на счетъ другихъ. Уже Ярославъ Всеволодовичъ изъ Переяславля Залѣсскаго пытался утвердить свою власть въ Новгородѣ и Кіевѣ. Ярославъ Ярославичъ въ 1254 г. отправился княжить въ Псковъ, находившійся, какъ извѣстно съ Новгородомъ въ тѣсной связи. Изъ Пскова новгородцы его перевели къ себѣ. Но Василій засѣлъ въ Торжкѣ и тамъ дожидался отца съ его полками.

Когда пришелъ Александръ и съ нимъ его двоюродный братъ Дмитрій Святославичъ, чтобы вернуть Василія въ Новгородъ, Ярославъ Ярославичъ бѣжалъ обратно въ Тверь, а Василій Александровичъ снова сталъ княжить въ Новгородѣ.

Въ 1255 г. шведы опять пытались занять Финское побережье у Новгорода и вмѣстѣ съ подручнымъ себѣ, финскимъ народцемъ—Емью, начали строить крѣпость на рѣкѣ Наровѣ. Но при одномъ лишь слухѣ о движеніи Александра навстрѣчу имъ съ суздальскими полками,—они удалились.

Въ 1255 г. умеръ Батый; а по смерти его Сартакъ былъ умерщвленъ дядей своимъ,—Беркэ,—себя затѣмъ объявившимъ Батыевымъ преемникомъ по волѣ великаго хана.

Водворивъ сына въ Новгородѣ, Александръ Невскій вынужденъ былъ въ теченіе 1257 и 1258 г. двоекратно ѣздить въ орду съ братьями своими: Андреемъ и Ярославомъ, причемъ къ нимъ присоединился Борисъ Васильковичъ—ростовскій князь. Русскіе князья пытались отвратить ханскую перепись съ обложеніемъ численной данью сѣверныхъ областей Руси; но напрасно. Намѣстникъ ханскій—Улавчій, требовалъ неуклонно, чтобы Новгородъ тоже платилъ поголовную дань. Тогда побѣдитель Невскій,—нѣкогда ревностный и горячій поборникъ вольности новгородской, долженъ былъ взять на себя съ душевною скорбью дѣло склонить къ рабству гордый народъ, всегда дорожившій своей независимостью. Единственною задачей государственнаго дѣятеля на Руси въ то время было поставить свое отечество по возможности въ такія отношенія къ своимъ врагамъ, при которыхъ оно бы могло сохранить свое существованіе. Вотъ почему Александръ, вмѣстѣ съ чиновниками татарскими поѣхалъ въ Новгородъ. Новгородцы, узнавъ о цѣли его пріѣзда, ужаснулись. Самъ князь Василій со своими боярами удалился въ Псковъ, говоря, что не хочетъ повиноваться отцу, съ собою везущему оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Александръ ничемъ не могъ сломить противодѣйствія новгородскихъ гражданъ. Они рѣшительно отказались отъ дани, хотя отпустили съ дарами ханскихъ чиновниковъ, говоря, что желаютъ пребывать въ мирѣ съ ханомъ, но лишь свободными отъ рабскаго ему подчиненія. Великій князь, негодуя на ослушаніе сына, велѣлъ схватить его въ Псковѣ и отвезти подъ стражей въ суздальскій край, тогда какъ бояръ, его подстрекавшихъ не платить дани велѣлъ казнить. Новгородцы напрасно думали, что избавились отъ взы-

сканій ханскихъ. Въ 1259 г. татарскіе чиновники, называвшіеся баскаками, вернулись къ нимъ; а, пронесшаяся въ народѣ страшная, хотя и ложная на этотъ разъ, молва, о выступленіи татарской рати для наказанья Новгорода,—заставила жителей его смириться. Александръ, не выпускавшій изъ вида Новгорода,—самъ съ тревогою ожидая исхода обычнаго своеволія новгородскихъ гражданъ и какихъ-либо дѣйствительныхъ проявленій грознаго гнѣва хана Беркая съ его намѣстникомъ, — приставилъ стражу къ татарскимъ сановникамъ, приказавъ днемъ и ночью оберегать ихъ отъ буйства черни. Перепись не обошлась безъ вспышекъ новаго возмущенія,—но наконецъ благоразуміе взяло верхъ, и татарамъ удалось высчитать количество слѣдуемой имъ дани—хлѣбомъ, съѣстными припасами и обязательными подводами для татарскихъ пословъ; пошлиною съ товаровъ; особою платою на ханское войско; охоту его; и многое другое. Когда татары изъ снисхожденія къ свободолюбію новгородцевъ и по ходатайству, какъ надо полагать, Александра, уѣхали, не оставивъ въ Новгородѣ постоянныхъ сборщиковъ податей, — Александръ вернулся во Владиміръ, посадивъ въ Новгородѣ второго сына своего—Дмитрія. Дорогою онъ остановился въ Ростовѣ, чтобы помолиться тамъ въ соборномъ Успенскомъ храмѣ и принять благословеніе отъ знаменитаго книжника, мудраго старца: епископа Кирилла II. Здѣсь его угощали князья: Борисъ и Глѣбъ Васильковичи, приходившіеся ему двоюродными племянниками, тогда какъ ихъ мать—Марія Михайловна была дочерью князя черниговскаго, замученнаго въ ордѣ.

Населеніе въ земляхъ муромской, суздальской и рязанской было татарами перечислено еще ранѣе—въ 1257 г. Тамъ татары поселили своихъ чиновни-

ковъ для ежегоднаго сбора дани. Однако и въ суздальскомъ краѣ не замедлило вспыхнуть возстаніе, когда татарскіе ханы вздумали отдавать всѣ подати съ русскихъ земель на откупъ азіатскимъ: бухарскимъ, и хивинскимъ купцамъ, называвшимся на Руси—бесерменами. Эти откупщики естественно старались себѣ вернуть съ лихвою крупный денежный кушъ, ими уплачиваемый въ орду за право сбора татарскихъ налоговъ въ русской землѣ. Они стали выжимать изъ народа послѣднее его имущество, взимая съ отстрочки платежа большія и безпощадныя неустойки. Даже дѣтей бѣдняковъ продавали въ рабство. При всемъ томъ купцы мусульманскіе позволяли себѣ глумиться надъ православной церковью. По городамъ ростово-суздальской области начали тогда собираться шумныя вѣча, и первостепенныя изъ нихъ: какъ Владиміръ, Ростовъ, Переяславль Залѣсскій, Суздаль и Ярославль, выгнали отъ себя этихъ, имъ ненавистныхъ, жадныхъ откупщиковъ. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ одного нечестиваго отступника: бывшаго—монаха Зосиму, принявшаго магометанскую вѣру въ Татаріи и хвалившагося милостью къ нему новаго великаго хана—Коблая. За такую измѣну вѣрѣ и поруганіе христіанскихъ святынь, его тѣло бросили на съѣденье псамъ. Естественно, что за такимъ мятяжемъ, имѣвшимъ мѣсто въ 1262 г., неминуемо должно было послѣдовать жестокое возмездіе со стороны татаръ. И дѣйствительно, Беркай собралъ уже рать для новаго разрушительнаго нашествія въ сѣверовосточную Русь. Тогда великій князь Александръ поспѣшилъ снова съ дарами въ орду, — туда совершая уже четвертое путешествіе, «чтобъ отмолить людей отъ бѣды»,—какъ выражается лѣтопись. Въ то время въ волжской ордѣ произошло важное преобразованіе: ханъ Беркай при-

20) Картина: Бесермены, обирающіе русскій народъ.

нялъ магометанство, которое быстро распространилось въ его народѣ; тѣмъ легче, что и прежде въ монгольскихъ полчищахъ, большинство покоренныхъ ими народовъ, потомъ за нихъ воевавшихъ, исповѣдывало магометанство. Кромѣ того кочевая жизнь начала мало-по-малу смѣняться осѣдлой. На Волгѣ строился обширный городъ—Кипчакъ, украшаемый ханомъ со всѣмъ великолѣпіемъ, возможнымъ при его могуществѣ и богатствѣ.

Передъ отъѣздомъ къ хану Беркаю Александръ успѣлъ еще распорядиться защитой новгородской земли отъ ливонскихъ нѣмцевъ,ославъ противъ нихъ на помощь сыну Дмитрію свои полки и брата: Ярослава тверскаго. Полоцкимъ княземъ былъ въ это время, по смерти Александрова тестя Брячеслава,—племянникъ литовскаго князя Миндовга: литовецъ Тивтовилъ, принявшій христіанскую вѣру. Въ союзѣ съ Даніиломъ галицкимъ онъ оружіемъ утвердилъ независимость своего дяди и жилъ въ мирѣ съ русскими. На этотъ разъ литовцы присоединились къ князю Дмитрію Александровичу въ его войнѣ съ ливонскими рыцарями; но русскіе опоздали приходомъ къ Дерпту для условленной встрѣчи съ ними; а потому старый русскій Юрьевъ остался въ рукахъ у нѣмцевъ. Русскіе князья успѣли приступомъ овладѣть лишь внѣшними городскими стѣнами и съ большою военной добычею возвратились домой.

*

Глава IV.

Успѣшныя войны отважныхъ братьевъ Романовичей съ ятвягами и Литвою. Усиленіе Литвы и присоединеніе къ ней полоцкаго удѣла. Миндовгъ и его сношенія съ Римомъ. Воишелкъ — сынъ Миндовга. Напрасныя попытки со стороны Даніила свергнуть татарское иго—и нашествіе Бурундая на юго-западныя владѣнья Руси. Разрывъ Даніила съ папой. Смерть Александра Невскаго на обратномъ пути отъ хана Беркая. Чудо при погребеніи его тѣла. Значеніе этого князя для будущности Россіи. Отношеніе татарскихъ хановъ къ завоеваннымъ ими европейскимъ землямъ. Отдѣленіе отъ Сарайской орды, между Днѣпромъ и Дономъ, хана Ногая. Смерть Беркая середи войнъ въ Грузіи. Послѣдняя императорская династія въ Византіи: Михаила Палеолога.

Теперь обратимся на время снова къ дѣятельности въ юго-западномъ галицко-волынскомъ краѣ, Даніила Романовича. Счастливыя войны съ ятвягами и Литвою наиболѣе прославили мужество этого князя. Еще въ 1247 г. онъ и его братъ: волынскій князь Василько, ходили на ятвяговъ въ союзѣ съ герцогомъ мазовецкимъ — Семовитомъ и Болеславомъ Стыдливымъ—краковскимъ. Даніилъ въ этой войнѣ выручалъ неоднократно ляховъ отъ нападенія непріятеля. Онъ разбилъ скопища дикарей и загналъ ихъ въ лѣса. Послѣ того Русь и ляхи, перейдя рѣку Наревъ, вступили въ самое сердце ятвяжской замли, сожигая тамъ села и забирая въ плѣнъ жителей. Однако необходимо было соблюдать осторожность, такъ какъ силы ятвяговъ все увеличивались и сосѣдніе пруссы пришли къ нимъ на помощь. Опасаясь внезапнаго нападенія непріятеля, Даніилъ избѣгалъ останавливаться на отдыхъ въ мѣстахъ, покрытыхъ лѣсами и дебрями. Когда ядвяги и пруссы хотѣли однажды напасть на станъ русско-польской рати, она сама вышла имъ навстрѣчу въ полномъ порядкѣ, готовая уже къ борьбѣ.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Встрѣча въ дремучемъ лѣсу съ ятвягами русско-польской рати. Даніилъ Галицкій побѣждаетъ дикихъ ятвяговъ. *(Къ стр. 69).*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Сожженіе на кострѣ пруссами и литовцами плѣннаго рыцаря ливонскаго ордена меченосцевъ въ полномъ вооруженіи. *(Къ стр. 78).*

Конница и пѣхота блистала шлемами, двигая цѣлый лѣсъ копій; по сторонамъ шли русскіе стрѣлки, держа въ рукахъ луки со стрѣлами, наложенными на тетивы. Даніилъ, разъѣзжая на конѣ, строилъ полки. Плохо вооруженные враги не дерзнули рѣшиться на битву и скрылись. Даніилъ со славою возвратился домой, ведя ятвяжскихъ плѣнниковъ и христіанъ, освобожденныхъ имъ изъ ятвяжскаго плѣна. Во время сборовъ въ городѣ Дрогичинѣ на Западномъ Бугѣ, къ слѣдующему походу противъ ятвяговъ, Даніилъ, какъ мы уже знаемъ, получилъ тамъ отъ римскаго папы королевскій вѣнецъ. Князь Василько Романовичъ не могъ участвовать на этотъ разъ въ походѣ противъ ятвяговъ по причинѣ какой-то язвы на ногѣ и отпустилъ въ 1253 г. свою дружину съ братомъ. Во время похода этого отличался мужествомъ сынъ Даніила-Левъ. Онъ вступилъ между прочимъ единолично въ битву съ отрядомъ литовскаго князька—Станкита, когда, огородившись въ лѣсу сломанными деревьями, тотъ внезапно напалъ на русскаго князя и обратилъ въ бѣгство всадниковъ, его окружавшихъ. Нѣсколько конныхъ воиновъ возвратилось однако къ князю, устыдившись своего малодушія, а Левъ самъ по себѣ— воспользовавшись тѣмъ, что короткое копье Станикита завязло въ его щитѣ, — поразилъ литовскаго князька мечомъ, такъ же какъ его брата. Оружіе ихъ онъ принесъ отцу въ доказательство своей побѣды.

21) Картина: Встрѣча въ дремучемъ лѣсу съ ятвягами русско-польской рати.

22) Картина: Стычка кн. Льва Даниловича съ литовскимъ вождемъ—Станикитомъ.

Послѣ того ятвяги поспѣшили заключить миръ съ Даніиломъ, обѣщавъ платить ему дань. Однако они не исполнили своего обѣщанія и далеко не всѣ ятвяжскіе князьки изъявили тогда покорность сильнымъ сосѣдямъ. Ему пришлось неоднократно ихъ усмирять грозной союзной ратью русскихъ князей съ поляками. Нелегко было укротить это хищное

племя. Обѣщанія дани и покорности не исполнялись, когда проходила опастность. Но король галицкій воевалъ съ ятвягами неутомимо, и прежде храбрые,—они были теперь объяты страхомъ. Какъ то одинъ изъ русскихъ воиновъ, взявъ изъ-за пояса рогатицу, такъ ловко бросилъ ей въ князя ятвяговъ, что тотъ упалъ съ коня. Союзники Даніила въ его войнахъ съ ятвягами—ляхи, завидывали ему и выражали неудовольствіе на то, что ятвяги покорялись исключительно Даніилу,—больше всего устрашенные въ битвахъ имъ съ его сыновьями и младшимъ братомъ. Не находя безопасности за своими болотами, ятвяги согласились платить дань Даніилу черными куницами и соболями. Но въ это время на литовско-русской окрайнѣ, въ области верхняго Нѣмана, называвшейся Черной Русью и входившей въ составъ удѣловъ—отчасти полоцкихъ, отчасти пинскихъ, а также волынскихъ князей со смѣшаннымъ населеніемъ изъ кривичей, дряговичей и литовцевъ,—появился замѣчательный человѣкъ, объединившій подъ своей властью Литву съ сосѣдними русскими землями.

Тогда какъ пруссы и латыши все болѣе порабощались оружіемъ нѣмецкихъ рыцарей,—собственная Литва и Жмудь, благодаря ему, начали выходить изъ своего раздробленія на мелкія княженія и общины, собираясь въ одинъ народъ, живущій уже государственной жизнью. Усиленіе Литвы на литовско-русской окрайнѣ, собой породило упадокъ полоцко-кривской земли. Полоцкіе князья, какъ мы это неоднократно видѣли, сами все призывали къ себѣ на помощь литовскихъ вождей и роднились съ ними, способствуя тѣмъ возвышенію Литвы на счетъ западно-русскаго самостоятельнаго могущества. Вожди Литвы, принявшіе православіе и подчинившіеся рус-

ской гражданственности, дали начало новому, смѣшанному поколѣнію литовско-русскихъ князей.

Послѣ татарскаго погрома въ особенности литовцы устремились захватывать въ свои руки сосѣднія съ ними княжества, пользуясь ихъ разореньемъ и беззащитностью. Несчастнымъ жителямъ приходилось тогда только выбирать между литовскимъ или татарскимъ владычествомъ. Послѣ нашествія Батыя не одна лишь Принѣманская Черная Русь перешла въ руки литовцевъ, но когда умеръ тесть Александра Невскаго—Брячиславъ, мы уже застаемъ и въ Полоцкѣ литовскихъ властителей.—Одинъ изъ литовскихъ князей—Миндовгъ, живя въ стольномъ литовскомъ городѣ Керновѣ на рѣкѣ Виліи, повелѣвалъ оттуда всѣми другими литовскими князьками и грабилъ ближайшія христіанскія земли. Онъ оказался во главѣ уже сильнаго литовскаго княжества и владѣлъ всей Черной Русью, основавъ въ ней столицу ея Новгородокъ. Миндовгъ искалъ дружбы одного Даніила, понимая что именно со стороны этого смѣлаго, умнаго князя ему грозитъ дѣйствительная опастность. Даніилъ Романовичъ послѣ смерти своей первой жены, дочери Мстислава Удалого—Анны, женился на сестрѣ племянниковъ князя Миндовга, Тевтовила и Эдивида, изъ коихъ первый былъ княземъ полоцкимъ, а второй смоленскимъ; тогда какъ другой ихъ дядя,—братъ Миндовга Викинтъ, княжилъ въ Жмуди и Витебскѣ. Миндовгъ вознамѣрился ихъ подчинить своей власти, или покончить съ ними коварнымъ убійствомъ. Испуганные родственники его, провѣдавъ о томъ бѣжали во Владиміръ-Волынскій подъ защиту русскихъ князей Галиціи и Волыни. Даніилъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы постараться отнять у Мин-

довга Черную Русь и вообще разрушить, имъ создаваемую, государственную мощь Литвы. Онъ возбудилъ противъ честолюбиваго литовскаго князя нѣмцевъ и ляховъ, обѣщавшихъ ему поддержать Викинта, какъ менѣе опаснаго для нихъ сосѣда, нежели какимъ былъ Миндовгъ. Тогда со всѣхъ сторонъ оттѣсненный въ своемъ завоевательномъ наступленіи, Миндовгъ рѣшилъ заслужить покровительство папы и расторгнуть союзъ нѣмцевъ съ Даніиломъ, принявъ католичество. Онъ крестился въ присутствіи папскаго легата и магистра ливонскаго ордена; за что папа далъ ему королевскій санъ. Крещеніе Миндовга было конечно лживо, и онъ, оставаясь въ душѣ язычникомъ, продолжалъ втайнѣ приносить жертвы прежнимъ своимъ богамъ; но тѣмъ не менѣе оно отсторонило нападеніе на него ливонскихъ рыцарей, несмотря даже на то что Тевтовилъ тоже крестился въ Ригѣ. Тогда Тевтовилъ бѣжалъ въ Жмудь къ Викинту и началъ войну съ Миндовгомъ въ союзѣ съ Даніиломъ Романовичемъ. Успѣшныя дѣйствія въ Литвѣ русской рати, усиленной пруссами и ятвягами, сопровождавшіеся захватомъ города Гродно, вынудили Миндовга заключить миръ съ Даніиломъ, причемъ предворительно онъ подкупилъ ятвяговъ, чтобы тѣ больше не помогали противъ него Романовичамъ. Посредникомъ между ними выступилъ сынъ Миндовга, Воишелкъ, себя сначала прославившій въ своемъ удѣлѣ безпощадной жестокостью и кровожадностью, но потомъ измѣнившійся совершенно въ сторону христіанскихъ чувствъ, послѣ искренняго обращенія своего въ православную вѣру. Условія мира были чрезвычайно выгодны для Даніила. Они скрѣплены были бракомъ младшаго его сына Шварна, съ дочерью Миндовга; тогда какъ Романъ Даніиловичъ получилъ отъ

литовскаго князя во владѣніе Новгородокъ, Слонимъ и Волковыйскъ,—хотя при обязательствѣ соблюдать его первенство; а Воишелкъ отдалъ Даніилу свои удѣлы. Такимъ образомъ большая часть Черной Руси переходила въ родъ галицкаго князя. Тевтовилу же, согласно его требованію былъ возвращенъ полоцкій столъ. Воишелкъ удалился въ одинъ русскій монастырь, гдѣ принялъ постриженіе. Позже онъ основалъ собственную обитель на рѣкѣ Нѣманѣ, недалеко отъ Новгородка.

Благодаря плодородной почвѣ и развитой промышленности, галицко-волынская Русь ранѣе другихъ областей оправилась отъ разгрома страны татарами и вновь почувствовала свою силу. Хотя обманутый въ своихъ надеждахъ на крестовые походы противъ татаръ, Даніилъ самъ сталъ рѣшительнѣй дѣйствовать по отношенію къ нимъ, побуждаемый тоже къ этому венграми и поляками. Но въ особенности его ободрило извѣстіе о смерти Батыя, съ преувеличенною молвою о неурядицахъ между ханами на востокѣ. Сынъ Даніила Левъ, отнялъ у татарскаго темника Куремсы главный городъ Понизья, Бокоту; а затѣмъ король галицкій съ братомъ и сыновьями силой оружія заняли въ 1257 г. нѣкоторыя другія мѣста Волыни и кіевской области, гдѣ татары господствовали какъ у себя въ улусахъ. Куремса съ своей стороны безуспѣшно пытался овладѣть городомъ Кременцомъ. Съ его позволенія честолюбивый Новгородъ Сѣверскій князь—Изъяславъ Владиміровичъ взялъ-было Галичъ; но Даніилъ послалъ выгнать его оттуда, своего сына Романа. Изъяславъ сдался ему и былъ приведенъ плѣнникомъ къ Даніилу. Хотя тотъ и постарался, какъ мы уже знаемъ, себя усилить союзомъ съ литовскимъ королемъ, но этотъ союзъ оказался

непрочнымъ. Вознамѣрившись освободить отъ татарскаго ига Кіевъ, онъ принужденъ былъ съ полъпути возвратиться, чтобъ защитить свою Луцкую область, разоряемую литовцами. Его воевода, Олекса, загналъ ихъ въ озеро и потопилъ тамъ. Но вотъ на мѣсто слабаго темника Куремсы, тщетно пытавшагося овладѣть въ 1259 г. Владиміромъ-Волынскимъ и Луцкомъ,—у предѣловъ Литвы появился въ юго-западной Руси, свирѣпый вождь Бурундай, присланный ханомъ Беркаемъ послѣ того что улеглись смуты въ Великой ордѣ и тамъ былъ избранъ верховнымъ татарскимъ владыкой ханъ Курилай. Даніилу пришлось благоразумно смириться передъ неизмѣримымъ теперь превосходствомъ татарскихъ силъ, несмотря на то, что сынъ его Левъ уже занялъ берега Буга, откуда выгналъ татаръ; а самъ онъ съ Василько завоевалъ владѣнія вѣроломныхъ бологовскихъ кназей. Однако чтобъ не отдать себя—короля галицкаго,—во власть Бурундая, Даніилъ послалъ къ нему въ станъ брата, Василько—и тотъ, чтобы доказать свою преданность великому хану, вынужденъ былъ идти вмѣстѣ съ татарами воевать въ Литву, до тѣхъ поръ имъ неизвѣстную. При этомъ нашествіи туда Бурундая только дремучіе лѣса и болота предохраняли литовцевъ съ ятвягами отъ безпощаднаго натиска татарскихъ полчищъ. Всѣ города и села исчезли на пути дикой, несокрушимой татарской силы. Добившись конечно цѣли своей, возбудить яростную вражду Литвы къ русскимъ ея сосѣдямъ и, похваливъ мужество князя Василько, въ различныхъ сшибкахъ общаго ихъ похода,—Бурундай отпустилъ во Владиміръ-Волынскій русскаго князя и на два года скрылся.

Въ томъ же 1260 г. Воишелкъ съ Тевтовиломъ,

вѣроятно чтобы наказать своихъ русскихъ сосѣдей, захватили въ плѣнъ Романа Даниловича, ради освобожденья котораго Василько опять воевалъ съ Литвою.

Между тѣмъ Даніилъ Романовичъ далъ венгерскому королю еще разъ вовлечь себя въ его, возобновившуюся войну за австрійское наслѣдство съ Чехіей. Въ 1260 г. на берегахъ рѣки Моравы произошла несчастная для венгерцевъ, знаменитая битва ихъ съ войсками чешскаго короля Оттокара. Пораженіе Белы IV въ ней было такъ ужасно, что Отокаръ считалъ для себя возможнымъ въ то время овладѣть всею Венгріей, но не сдѣлалъ этого,—какъ объяснялъ потомъ въ письмѣ своемъ къ папѣ,—чтобъ сохранить въ ней оплотъ для Европы противъ татаръ. Главнѣйшіе польскіе князья, принимавшіе участіе въ этой битвѣ, одни на сторонѣ Оттокара, другіе Белы IV, были послѣ того такъ ослаблены, что Даніилъ вмѣсто того чтобы пріобрѣсти въ нихъ и въ венграхъ помощь себѣ, какъ онъ разсчитывалъ, для защиты своихъ предѣловъ отъ Бурундая,—потерялъ только часть своей рати на полѣ сраженія у Моравы. А между тѣмъ два года спустя Бурундай неожиданно возвратился въ галицко-волынскую землю и потребовалъ къ себѣ князей ея съ изъявленіемъ ему покорности. Даніилъ послѣ совѣщанія съ братомъ опять уклонился отъ поѣздки къ татарскому воеводѣ; но на этотъ разъ послалъ съ Василько своего сына Льва и Холмскаго епископа Ивана. Бурундай принялъ ихъ гнѣвно, такъ какъ былъ оскорбленъ двоекратнымъ ослушаніемъ Даніила, пренебрегающаго его призывомъ и столь открытымъ, продерзостнымъ нежеланіемъ короля галицкаго являться лично въ орду. Зато онъ приказалъ брату его предать огню и разрушенію стѣны всѣхъ крѣпостей ихъ, дабы тѣмъ до-

казать отсутствіе въ ихъ сердцахъ всякаго злоумышленія противъ хана. Русскіе князья не посмѣли возстать противъ такого приказа и такимъ образомъ подрывались всѣ упованія Даніила, строившаго на землѣ своей города для цѣлей сверженія татарскаго ига при первомъ удобномъ случаѣ. Левъ Даніиловичъ разметалъ укрѣпленія города Львова, имъ самимъ построеннаго, окопы Луцка, Данилова, Кременца и нѣкоторыхъ другихъ галицкихъ городовъ, оказавшихъ такое успѣшное сопротивленіе Куремсѣ; а также столицы ея Владиміра-Волынскаго,—волей неволей сравнены были съ землей самими изъ владѣтелями, послѣ чего превратились въ беззащитныя села.

Епископъ Іоаннъ явился скорбнымъ вѣстникомъ отъ Василько къ Даніилу, и тотъ, узнавъ о гнѣвѣ противъ него Бурундая, поспѣшилъ удалиться въ Польшу, откуда поѣхалъ въ Венгрію. Одинъ лишь любимый его городъ — Холмъ, несмотря на недавно его постигшій, случайный, сильный пожаръ, опять уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ отъ татарскаго разрушенія. Онъ былъ хорошо укрѣпленъ и въ своихъ стѣнахъ имѣлъ лучшихъ ратниковъ, а также больше надежныхъ средствъ для защиты. Василько, вслухъ побуждая гражданъ сдаться татарамъ, незамѣтно, тѣлодвиженіями, имъ далъ понять, чтобы они сопротивлялись врагамъ по мѣрѣ силъ. Тогда воевода холмскій съ притворнымъ гнѣвомъ крикнулъ Василько:—«Удались, князь! Ты врагъ государя нашего!» Татары, нѣсколько дней простоявъ безуспѣшно подъ стѣнами Холма; осыпаемые съ нихъ стрѣлами и камнями,—рѣшили бросить его осаду и отступили, чтобъ обратить оружіе свое противъ Польши. Бурундай, перейдя Вислу, разорилъ Судомірскую область и даже самый Краковъ. Вовлеченіемъ русскихъ силъ въ этотъ по-

ходъ свой, какъ и въ литовскій, онъ достигъ цѣли разъединенія галицко-волынскихъ князей съ Болеславомъ Стыдливымъ: ихъ недавнимъ союзникомъ. Къ счастью для Даніила, междоусобная война въ ордѣ заставила Бурундая туда вернуться; но, тѣмъ не менѣе, когда онъ вновь водворился въ своемъ удѣлѣ королемъ галицкимъ,—разрушенныя укрѣпленія городовъ сдѣлали очевиднымъ его безсиліе свергнуть ненавистное иго и убѣдили его въ печальной необходимости снова признать себя татарскимъ данникомъ. Сношенія его съ папой не привели ни къ чему, и Даніилъ, видя безсиліе Александра IV ему помочь въ его борьбѣ съ татарами, совершенно порвалъ свои связи съ Римомъ, не обращая вниманія на угрозы оттуда церковнымъ проклятіемъ. Во время отсутствія Даніила въ 1260 г. его сынъ Романъ сдѣлался жертвой литовской мести. Воишелкъ съ Тевтовиломъ его захватили въ плѣнъ, дабы наказать своихъ русскихъ сосѣдей за вынужденное присутствіе ихъ ратныхъ силъ въ рядахъ татарскаго войска. И Василько опять воевалъ съ Литвой, ради освобожденья племянника. Воишелкъ въ это время снова удалился въ свой монастырь на рѣкѣ Нѣманѣ; Миндовгъ же напалъ на земли—пинскую и волынскую. Но князь Василько со своимъ юнымъ сыномъ Владиміромъ разбилъ главныя силы литовцевъ у города Невеля, на берегу мѣстнаго озера. Въ 1260 г. Миндовгъ тоже прекратилъ свое лицемѣрное единеніе съ римской церковью; явно отрекся отъ христіанства и возвратился къ язычеству, дорогому его народу. Онъ одержалъ надъ ливонскимъ орденомъ блистательную побѣду при рѣкѣ Дурбѣ въ Курляндіи, при чемъ самъ магистръ ордена палъ въ бою. Послѣ того, поддержанные Миндовгомъ, возстали противъ своихъ поработителей — нѣмцевъ куроны,

пруссы и жмудь. Они принялись ихъ изгонять изъ своихъ земель, разрушая нѣмецкіе замки и убивая латинскихъ священниковъ. Ливонскій орденъ потерпѣлъ еще нѣсколько пораженій на полѣ битвы, и послѣ одной большой побѣды, литовцы съ пруссами, въ благодарность своимъ богамъ, сожгли имъ въ жертву по жребію: одного плѣннаго рыцаря,—на конѣ и въ полномъ вооруженіи. Такимъ образомъ объединившись вокругъ Миндовга, Литва до основанія потрясла владычество при Балтійскомъ морѣ рыцарскихъ орденовъ: тевтонскаго съ меченосцами; тогда какъ другая часть литовскаго войска сокрушила союзниковъ ихъ польскихъ князей и разорила Мазовію.

23) Картина: Дикое торжество Литвы послѣ побѣды надъ меченосцами.

Тѣмъ временемъ возвратившійся на родину Даніилъ,—не имѣя долго вѣстей о любимомъ братѣ, скорбѣлъ по немъ и тревожился за его участь. Онъ душевно обрадовался, когда слуги къ нему прибѣжали сказать, что гонцы, побѣдившаго Литву Василько, ему привезли отъ брата «сайгатъ», т. е. часть военной добычи, ведя за собой поводныхъ коней, обремененныхъ всѣми захваченными предметами непріятельскаго воеруженія. Избавленные Василько отъ опасности со стороны побѣдителя Литвы, благодарные ему князья пинскіе,—встрѣтили его на обратномъ пути во Владиміръ Волынскій съ питьемъ и брашномъ. Эта побѣда Василько надъ врагами Руси нѣсколько оживила въ то время духъ русскихъ князей и народа. Вскорѣ послѣ того князьямъ удалось возстановить нарушенный миръ съ Миндовгомъ.

24) Картина: Встрѣча кн. Василько благодарными ему князьями.

Только что описанныя нами событія юго-западной Руси намъ показываютъ, насколько она со времени нашествія Батыя отдѣлилась отъ Руси сѣверной, выработавъ у себя особенный государственный строй и связавъ свою жизнь съ дѣлами западныхъ государствъ: Венгріи, Польши и ливонскаго ордена,—го-

раздо тѣснѣе, нежели съ суздальскими и новгородскими.

Между тѣмъ великій князь Александръ Ярославичъ съ большимъ трудомъ, при помощи драгоцѣнныхъ даровъ, умолилъ разгнѣваннаго хана Беркая не посылать въ Ростово-Суздальскій край грозныхъ татарскихъ полчищъ. Ему помогло еще то обстоятельство, что этотъ ханъ былъ въ то время занятъ войной съ властителемъ Персіи: Гулагу—своимъ двоюроднымъ братомъ. Беркай продержалъ у себя Александра такъ долго, что тотъ наконецъ тяжело заболѣлъ и тогда только былъ отпущенъ домой. Постоянные труды, безпокойства и огорченья сломили крѣпкое его здоровье, такъ что, имѣя отъ роду всего 45 лѣтъ и при иныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, прослуживъ бы родинѣ еще долгое время, онъ на пути изъ Нижняго-Новгорода во Владиміръ скончался 14 Ноября 1263 г. Согласно обычаю благочестивыхъ князей того времени, онъ передъ смертью постригся во монахи. Современники, еще при жизни этого великаго князя, по свидѣтельству лѣтописи, причисляли его къ угодникамъ Божьимъ. Когда пришла во Владиміръ, всѣхъ поразившая вѣсть о его кончинѣ, — митрополитъ, обратившись въ соборной церкви къ молящемуся народу, воскликнулъ:—«Чада моя! Солнце отечества нашего закатилось.» Всѣ услышавшіе эти слова оцѣпенѣли отъ ужаса, ибо Невскій казался въ тѣ скорбныя времена необходимымъ для охраненія отъ тяжкихъ бѣдствій, подъ властью татаръ разоренной и обезсиленной, русской земли. И бояре, и духовенство, и простолюдины, съ глубокимъ отчаяньемъ, сквозь рыданія повторяли одно слово:—«погибаемъ!» Весь городъ вышелъ навстрѣчу тѣлу своего князя въ село Боголюбово. Духовенство не-

25) Картина: Князь Александръ Невскій на обратномъ пути изъ орды Беркая принимаетъ схиму, чувствуя приближенье смерти.

26) Картина: Чудо при погребеніи Александра Невскаго.

сло зажженыя свѣчи и дымящіяся кадила. Сохранилось преданіе, что когда тѣло положили въ каменную гробницу и архипастырь хотѣлъ вложить, обычную при погребеніи, отпустительную грамоту въ руку покойнаго князя,—онъ самъ простеръ свою длань, чтобы взять это отпущеніе.

Александръ былъ погребенъ въ селѣ Боголюбовѣ, въ храмѣ Рождества Богородицы и покоился тамъ до XVIII столѣтія, когда Петръ Великій, одинаково съ нимъ прославленный побѣдами на рѣкѣ Невѣ при Финскомъ заливѣ, надъ шведами, — задумалъ перенести его останки въ новую свою столицу, гдѣ по сіе время они находятся въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Великій князь Александръ началъ тоже другое дѣло, послѣ столь близкое сердцу Петра Великаго: привлеченіе на Русь иностранцевъ, отъ коихъ, согласно преданію, произошли обрусѣвшіе, именитые потомъ, слуги отечества своего: Мусинъ - Пушкины; Бутурлины, Мятлевы, Солтыковы; Кутузовы и другіе. Стараніями Александра Невскаго въ 1261 г. была учреждена въ татарской ордѣ при Волгѣ Сарайская епархія для христіанъ среди татаръ: и въ Сараѣ поставленъ былъ митрополитомъ Кирилломъ особый епископъ—Митрофанъ.

Еще тотчасъ послѣ неудачнаго похода шведовъ къ устью Ижоры, на новгородскую Русь, папа Иннокентій IV, какъ только узналъ о смерти отца Александра—Ярослава, сдѣлалъ тогда попытку склонить старшаго его сына также какъ Даніила галицкаго, къ принятію главенства католической церкви въ Ростово-Суздальскомъ краѣ и съ этой цѣлью къ нему послалъ для переговоровъ хитрѣйшихъ своихъ кардиналовъ, вручившихъ русскому вел. князю грамоту отъ своего владыки. Въ этой грамотѣ заключались всевозможныя обольщенія. Но

Александръ, посовѣтовавшись со своими боярами и духовенствомъ,—непреклонно, съ негодованіемъ отвѣчалъ кардиналамъ: — «Слышите, посланницы папажестіи и прелестницы преокоянные. Все то, о чемъ вы говорите и пишете, мы сами хорошо вѣдаемъ; однако ученья отъ васъ не принимаемъ».

27) Картина: Изображеніе кн. Александра Невскаго.

Главное значеніе Александра въ русской исторіи основывается на томъ, что его тонкій умъ и неослабные труды ради блага горячо имъ любимой родины, оказали рѣшающее вліяніе на тогда только еще возникшую почву будущихъ отношеній побѣжденной Руси къ суровымъ своимъ побѣдителямъ: ихъ поставивъ въ условія болѣе мягкія и терпимыя для дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія государственныхъ силъ и народнаго быта русской земли. Въ качествѣ великаго князя Александръ умѣлъ во-время отклонять возобновленье татарскихъ нашествій и далъ этимъ отдыхъ народу отъ страшныхъ погромовъ Батыя. Онъ удачно отсторонялъ татаръ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Руси и, сохранивъ въ ней нетронутою, власть князей, тѣмъ самымъ содѣйствовалъ будущему освобожденію ими родной земли отъ подчиненія татарскимъ ханамъ. Представляя собою яркое воплощеніе природнаго облика чисто-великорусскаго племени, Александръ Невскій умѣлъ съ одинаковой мудростью повелѣвать и повиноваться, когда это было нужно. Съ другой стороны татары, по своей дикости и степнымъ привычкамъ, нерасположенные къ городской жизни: особенно же въ лѣсныхъ, болотистыхъ мѣстностяхъ русскаго сѣвера,— легко удовлетворялись лишь временнымъ пребываніемъ на Руси своихъ чиновниковъ. Они не тронули въ покоренной ими странѣ ни государственныхъ, ни церковныхъ уставовъ; но находили очень удобнымъ

для себя пользоваться огромнымъ съ нея доходомъ, не утруждая себя заботами о непосредственномъ управленіи ею и оставаясь въ своей любимой степи. Однако, несмотря даже на распри въ самой великой ордѣ, татары все распространяли свои завоеванія и черезъ Камскую Булгарію дошли до самой Перми, откуда многіе жители спасались отъ ихъ притѣсненій бѣгствомъ въ Норвегію къ королю Гакону,—ихъ обратившему въ христіанство и давшему имъ земли для поселенія. Великій Ханатъ Кубилая въ 1260 г. сталъ, обособленной на далекомъ востокѣ, Китайской Имперіей. Кубилай поселился въ сѣверной ея части; оттуда исключительно занятый покореніемъ всего остального Китая. Онъ потерялъ тогда свою власть надъ другими монголо-татарскими землями,—а середи нихъ оказалось въ то время самымъ могущественнымъ—Кипчакское царство Беркая, сохранившее кочевой бытъ свой, благодаря привольнымъ мѣстнымъ степямъ. Но зато здѣсь, подъ ближайшимъ вліяніемъ покоренныхъ татарско-тюркскихъ племенъ и масульманской камской Булгаріи,—Беркай былъ первымъ татарскимъ ханомъ, принявшимъ магометанскую вѣру. Городъ—Великіе Булгары,—хотя разоренный полчищами Батыя, успѣлъ скоро оправиться, благодаря торгово-промышленному духу жителей и сдѣлался мѣстомъ обычнаго лѣтняго пребыванія хановъ. Замѣчательные остатки каменныхъ бань и мечетей этого времени, свидѣтельствуютъ, что столица древней Булгаріи достигла прежняго процвѣтанія подъ владычествомъ Золотой орды и должно быть оказывала большое воздѣйствіе на своихъ завоевателей. Принявъ мусульманское вѣроисповѣданіе, Беркай однако не измѣнилъ своего благосклоннаго отношенія къ православной церкви,—такъ что епархія, основанная въ Сараѣ для русскихъ плѣнниковъ,

купцовъ, ремесленниковъ и пріѣзжихъ князей съ ихъ дружинами, расширилась по всей нижней Волгѣ и по теченію Дона, включивъ въ себя тоже епархію южнаго Переяславля. Персидскій ханъ Гулагу, оставаясь язычникомъ и враждуя съ своимъ двоюроднымъ братомъ Беркаемъ, разрушилъ совсѣмъ Багдадскій Халифатъ, гдѣ умертвилъ послѣдняго халифа. Беркай заключилъ противъ него союзъ съ сирійско-египетскимъ султаномъ — Бибарсомъ, — родомъ изъ половцевъ. Проданный мальчикомъ венеціанскимъ купцамъ, тотъ провелъ дѣтство на ихъ родинѣ: въ таврическомъ городѣ Крымѣ, откуда попалъ случайно на службу къ египетскому султану. Свергнувъ его съ престола при помощи преданныхъ ему солдатъ, называвшихся мамелюками, онъ не забылъ города Крыма, украсилъ его богатыми зданіями и покупалъ тамъ молодыхъ невольниковъ для пополненія своего мамелюкскаго, лучшаго въ Египтѣ войска,— ближайшаго ко двору султана. Ханъ Беркай умеръ въ Грузіи посереди войны съ преемникомъ Гулагу въ 1266 г. Послѣ него сталъ сарайскимъ ханомъ его племянникъ: Менгу-Темиръ. Но еще при жизни Беркая среди ордынскихъ царевичей возвысился нѣкто— Ногай, начальникъ орды, кочевавшей между Днѣпромъ и Дономъ. Онъ сдѣлался самостоятельнымъ ханомъ, грознымъ для всѣхъ сосѣдей—и съ нимъ въ союзъ вступилъ новый византійскій императоръ— Михаилъ Палеологъ, бывшій правитель Никеи, попавшей въ число земель, сохранившихся рядомъ съ Латинской Имперіей, въ рукахъ грековъ. При помощи генуэзцевъ Палеологъ прогналъ изъ Византіи малочисленныхъ завоевателей ея—франковъ,—когда ихъ король Бальдуинъ I-ый, погибъ въ войнѣ съ болгарами на Дунаѣ—и возстановилъ опять греческую

*

имперію въ 1261 г. ставъ родоначальникомъ, уже послѣдней византійской династіи—Палеологовъ.

Раздвоеніе Золотой орды могло облегчить иго ся налъ Русью, если бы ближайшіе переемники Александра Невскаго не приводили бы сами татаръ для опустошенія русскихъ земель, воюя другъ съ другомъ за великокняжескій столъ и свою, вынужденную до сихъ поръ покорность татарскимъ ханамъ, не превратили бы ради личныхъ выгодъ, въ низкое раболѣпство.

Глава VII.

Ярославъ Ярославичъ Тверской—на столѣ владимірскомъ и вторичный призывъ его новгородцами. Убіеніе Миндовга. Монахъ Воишелкъ и великій князь литовскій. Оскорбленный Миндовгомъ доблестный князь Девмонтъ становится княземъ въ Псковѣ и поражаетъ Литву во главѣ новгородскаго и псковскаго войска. Юрій Андреевичъ—намѣстникъ Ярослава тверского въ Новгородѣ. Война соединенныхъ русскихъ князей съ Эстоніей и датчанами. Вѣроломство ливонскихъ рыцарей и побѣда русскихъ полковъ надъ ними подъ Роковоромъ. Безуспѣшная осада нѣмцами Пскова. Смерть Даніила галицкаго и оцѣнка личности этого князя. Любовь Воишелка къ Шварну Даниловичу и передача имъ этому князю—своему зятю, литовскаго престола. Зависть князя Льва къ брату и убійство имъ Воишелка. Смерть Шварна и Василько Романовича. Основаніе Львова. Преданность хана Менгу-Темира магометанству и смерть великаго князя Ярослава Ярославича тверского на обратномъ пути его изъ орды. Князь Федоръ Ярославичъ Черный и выдѣленіе въ землѣ суздальской новаго—Ярославскаго удѣла. Женитьба Федора на дочери хана и благоволеніе къ нему Менгу-Темира. Принятіе Федоромъ передъ смертью схимы. Великій князь Василій I костромской. Церковный соборъ во Владимірѣ по призыву митрополита Кирилла. Новая война съ литовцами русскихъ князей: Льва Даниловича и Владиміра Васильковича при поддержкѣ ихъ войскъ татарами. Зло, причиняемое русскимъ князьямъ призывомъ ими татарской помощи противъ своихъ враговъ. Смерть великаго князя Василія Ярославича въ 1276 г.

Александръ Невскій оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: Димитрія переяславскаго, Андрея городец-

каго и Даніила московскаго. Изгнанный изъ Новгорода и Пскова, Василій, скончался въ Костромѣ. Даніилу, родоначальнику будущихъ великихъ князей и царей московскихъ, исполнилось всего два года ко времени смерти его отца. Владимірскій столъ надлежало занять Андрею Ярославичу—князю суздальскому; но такъ какъ тотъ въ свою очередь умеръ спустя всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины старшаго брата, то великимъ княземъ сталъ въ 1264 г. Ярославъ тверской. Онъ еще меньше жилъ во Владимірѣ, чѣмъ Александръ, предпочитая наслѣдственный свой удѣлъ для постояннаго пребыванія; отчасти должно быть вслѣдствіе разоренія своей столицы погромомъ Батыя; отчасти желая быть дальше отъ грубой толпы баскаковъ.

28) Картина: Вел. кн. Ярославъ Ярославичъ и сборъ дани на Руси для татарскаго хана.

Новгородцы между тѣмъ продолжали обычныя свои буйства и мятежи. Они прогнали отъ себя юнаго князя Дмитрія Александровича, къ нимъ переведеннаго на мѣсто Василія изъ переяславскаго удѣла отцомъ—и снова призвали себѣ въ князья Ярослава тверского. Въ договорной грамотѣ ихъ съ этимъ княземъ впервые упоминается городъ Вологда,— по церковнымъ записямъ бывшій еще торговымъ мѣстечкомъ, окруженнымъ лѣсами въ 1147 г. Потомъ онъ становится городомъ «знатнымъ», обнесеннымъ каменною стѣною. На пользу тѣснаго сближенія Новгорода съ суздальской Русью дѣйствовала въ XIII вѣкѣ все продолжавшаяся опасность для новгородскихъ предѣловъ со стороны шведовъ, Литвы и ливонскихъ нѣмцевъ. Ярославъ Ярославичъ, пріѣхавъ въ Новгородъ для утвержденія своего договора съ нимъ, узналъ о крупныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Литвѣ. Король литовскій—Миндовгъ былъ убитъ своими ближайшими родственниками, умертвившими также и

его племянника—князя полоцкаго: Тевтовила. Они дали полочанамъ своего князя: язычника, къ великому огорченію россіянъ, оплакивавшихъ такой позоръ,—въ древности знаменитаго, православнаго княжества. Сынъ Тевтовиловъ бѣжалъ отъ убійцы отца и спасся въ Новгородѣ. Воишелкъ, отказавшійся отъ свѣтской власти и ставшій инокомъ, не взирая на гнѣвъ своего отца, старавшагося угрозами поколебать усердіе сына къ христіанскому подвигу,—какъ только узналъ о насильственной смерти Миндовга,—затрепеталъ отъ ярости и, схвативъ мечъ, съ себя сбросилъ одежду инока, чтобъ отомстить врагамъ отца. Явно стремясь къ единовластію и самодержавію, Миндовгъ возстановилъ противъ себя своихъ родственниковъ, постоянно дрожавшихъ за свою жизнь и возбудилъ къ себѣ ненависть литовскихъ удѣльныхъ князей, имъ преслѣдуемыхъ. Между прочимъ онъ оскорбилъ жену одного изъ нихъ, князя Девмонта. Пылая жаждою мести, тотъ вступилъ въ тайный заговоръ съ его племянникомъ, жмудскимъ княземъ—Тренятою и полоцкимъ—Тевтовиломъ. Они убили Миндовга и двухъ младшихъ его сыновей во время похода, ими предпринятаго за Днѣпръ противъ русскаго князя Романа брянскаго, въ спорѣ за полоцкія и смоленскія земли.

Романъ, выдававшій въ то время дочь замужъ за сына Василько—Владиміра, оставивъ брачное пиршество, разбилъ литовское войско. Воишелкъ изъ своей обители убѣжалъ, сначала въ пинскую область и тамъ, собравъ ратниковъ, двинулся на Литву, гдѣ водворился было великимъ княземъ—Тренята, убивъ соперника своего—Тевтовила; но его скоро прикончили самаго вѣрные слуги Миндовга. Воишелкъ утвердился законнымъ наслѣдникомъ на столѣ отца, бла-

годаря вооруженному содѣйствію ему князя Шварна Даниловича съ дядей его Василько. Месть Воишелка была безпощадна. Много литовцевъ пало жертвой ея. Триста семействъ бѣжало отъ неистовства этой мести изъ Литвы въ Псковъ и между ними выѣхалъ изъ отечества, оскорбленный Миндовгомъ въ лицѣ своей жены, Девмонтъ. Онъ принялъ въ Псковѣ христіанскую вѣру; женился на дочери князя Дмитрія Александровича и заслужилъ такое довѣріе псковитянъ, что они безъ согласія Ярослава его поставили у себя княземъ. Девмонтъ вполнѣ оправдалъ ихъ на него надежду и любовь къ нему,—храброй, успѣшной защитой псковской земли отъ своихъ соотечественниковъ и собственными нападеніями на Литву, гдѣ онъ одержалъ между прочимъ рѣшительную побѣду при рѣкѣ Двинѣ надъ литовскимъ княземъ полоцкой и витебской областей: независимымъ отъ Воишелка—Герденемъ. Но преимущественно Девмонтъ сталъ грозою ливонскихъ нѣмцевъ и заодно съ новгородцами принялъ дѣятельное участіе въ знаменитомъ Роковорскомъ походѣ ихъ 1268 г. Несмотря на помощь волынско-галицкихъ русскихъ князей, Воишелку не удалось возстановить въ полной мѣрѣ единоличную власть на Литвѣ отца его—и при немъ многіе удѣльные владѣтели Литвы, Жмуди и Кривской Руси, вернули свою самостоятельность. Тѣмъ не менѣе, мысль о единомъ, верховномъ государѣ въ Литвѣ не заглохла и попытка осуществить ее все повторялась, пока она не исполнилась.

29) Картина: Псковская стража на литовской границѣ.

Великій князь Ярославъ Ярославичъ, досадуя на псквитянъ за самовольное избраніе ими чужеземнаго князя, хотѣлъ было изгнать изъ Пскова Девмонта полками суздальскими, однако новгородцы возстали противъ такой междоусобной войны и Ярославъ

ушелъ, оставивъ своимъ намѣстникомъ въ Новгородѣ племянника: Юрія Андреевича. Находясь въ постоянной враждѣ со своими западными сосѣдями, новгородцы на вѣчѣ рѣшили идти противъ эстонской чуди, а вмѣстѣ съ ней и противъ властителей ея—датчанъ. Послѣ переправы черезъ Нарову, предполагалось подступить къ датскому городу Роковору (нынѣ Везенбергу). Однако дѣйствуя успѣшно подъ предводительствомъ Давмонта въ Литвѣ, — новгородцы не могли взять этого города. Юрій Андреевичъ послалъ просить помощи къ дядѣ. Но Ярославъ самъ не пришелъ, а прислалъ суздальскіе полки во главѣ съ сыновьями своими: Святославомъ и Михаиломъ. За ними явился и князь переяславскій Дмитрій Александровичъ. На дворѣ архіепископскомъ искусные мастера начали строить большія стѣнобитныя орудія и Давмонтъ подоспѣлъ изъ Литвы со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ. Испуганные такими приготовленіями русскихъ князей и собранными ими для войны съ Данісй силами,—нѣмецкіе горожане и рыцари—меченосцы,—новгородскою лѣтописью называемые—«дѣтьми божьими» — поспѣшили прислать отъ себя пословъ въ Новгородъ съ увѣреніями въ своей дружбѣ и нежеланіи помогать эстонцамъ,—въ чемъ они присягнули русскимъ. Тогда полки соединенныхъ князей вошли въ Эстонію для опустошенья ея земель, согласно военному обыкновенію того времени. Считая нѣмцевъ друзьями, русскіе смѣло шли къ Роковору тремя путями,—но къ изумленію своему встрѣтили на берегахъ рѣчки Кеголи сильное войско нѣмцевъ, безстыдно измѣнившихъ клятвѣ своей и теперь собравшихся отстоять датчанъ подъ начальствомъ самаго магистра ордена: Отто фонъ Роденштейна и епископа дерптскаго Александра. Русскіе воины не устраши-

лись такой вѣроломной измѣны нѣмцевъ и быстро перейдя рѣку, выстроились подъ Роковоромъ противъ желѣзнаго полка рыцарей. Враги мужественно ударили другъ на друга. Упорная, злая сѣча напомнила Ледовое побоище. Хотя новгородцы терпѣли большія потери, но Русь наконецъ сломила рыцарей и подъ начальствомъ Дмитрія Александровича гнала ихъ до Роковора на разстояніи семи верстъ, покрывъ поля ихъ трупами. Нѣмецкій отрядъ ворвался было въ русскій обозъ, но темнота ночная заставила прекратить сраженіе. На утро нѣмцы ушли, а русскіе въ знакъ побѣды своей — «на костяхъ» (т. е. на полѣ битвы) простояли три дня.

30) Картина: Побѣда русскихъ надъ нѣмецкими рыцарями подъ Роковоромъ.

Въ слѣдующемъ 1269 г. нѣмцы пришли въ псковскую область съ большимъ войскомъ, и сухопутьемъ и на лодкахъ по озеру. Отто фонъ Ротенштейнъ взялъ Изборскъ. Псковитяне собрались на торжественное богослуженіе въ своемъ древнемъ соборномъ храмѣ Пресвятой Троицы и князь Давмонтъ положилъ передъ алтаремъ свой грозный для враговъ мечъ. Въ томъ же соборѣ, какъ мы уже знаемъ, хранилось оружіе древняго русскаго князя—Всеволода—Гавріила Мстиславича, съ латинской надписью на клинкѣ меча, до сихъ поръ тамъ находящагося: — «Чести моей никому не отдамъ». Послѣ богослуженія игуменъ Исидоръ самъ подпоясалъ Девмонта его освященнымъ теперь, мечемъ, благословляя на брань псковитянъ. Одушевившись горячей, усердной молитвой, небольшая псковская дружина сдѣлала вылазку и нанесла нѣмцамъ большой уронъ. Узнавъ о приближеніи на помощь Пскову князя Юрія Андреевича, магистръ Роденшейнъ поспѣшилъ снять осаду и удалился. Когда затѣмъ къ русскому ополченію для войны съ Ливоніей изъ Владимира присоединился татарскій баскакъ Апрачинъ

31) Картина: Передъ битвой.

со своимъ отрядомъ,—нѣмцы опять запросили мира, отказываясь отъ своихъ притязаній на земли по рѣкѣ Наровѣ. Новгородцы, какъ люди торговые, не любя войны, согласились на этотъ миръ и упросили великаго князя не предпринимать за Неву похода въ Карелу, державшую сторону датчанъ и шведовъ, такъ какъ они съ нея получали дань.

Когда миновала опасность со стороны нѣмцевъ, новгородцы опять принялись за свои распри и бурныя вѣча. Они потребовали теперь удаленія съ новгородскаго стола Ярослава, призывая къ себѣ обратно Дмитрія Александровича. Но Дмитрій не захотѣлъ «искать Новгорода передъ дядей»; а Ярославъ себѣ исходатайствовалъ ярлыкъ на Новгородъ отъ татарскаго хана Менгу-Темира; и владимірскій митрополитъ Кириллъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратился съ увѣщаніемъ къ новгородцамъ. Тогда написанъ былъ новый ихъ договоръ съ Ярославомъ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ великаго князя,—послѣ чего онъ опять занялъ столъ новгородскій.

Въ концѣ 1265 г. умеръ Даніилъ галицкій, этотъ послѣ Владиміра Мономаха, самый блестящій представитель воинственнаго поколѣнія южно-русскихъ князей со всѣми ихъ доблестями и недостатками. Неутомимый, закаленный въ терпѣніи вслѣдствіе бурной, тревожной юности, беззавѣтно храбрый, всегда готовый сѣсть на коня и смѣло идти навстрѣчу врагу или сопернику,—онъ однако въ случаѣ непоборимаго препятствія умѣлъ подчиниться ему или уйти отъ опасности, чтобы затѣмъ появиться снова на своемъ мѣстѣ, полнымъ сознанія своего высокаго достоинства и съ прежней настойчивостью приняться за достиженіе своихъ завѣтныхъ цѣлей. Милостивый къ своимъ подданнымъ Даніилъ, и въ

другихъ отношеніяхъ исполнялъ уставы нравственности: въ юности чтилъ старшихъ князей; выказывалъ нѣжную любовь къ брату и матери; помнилъ благодѣянія, ему оказанныя; соблюдалъ вѣрность въ союзахъ, утверждалъ разумомъ и оружіемъ безопасность княжества галицкаго, ревнуя о его чести. Послѣ нашествія татаръ онъ не утратилъ бодрости духа и умеръ съ надеждою, что они со временемъ, такъ же какъ древніе обры,—какъ гунны Аттилы, исчезнутъ, наконецъ, сокрушенные общимъ усиліемъ европейскихъ властителей—и что его потомки будутъ счастливѣе въ борьбѣ съ ними, придерживаясь какъ онъ, союза западныхъ государей,—а иногда обольщая татаръ, то золотомъ, то смиреніемъ. Дѣйствительно его переемники, какъ мы увидимъ, пользовались уваженіемъ восточныхъ хановъ и европейскихъ странъ, имѣвшихъ въ княжествѣ галицкомъ вѣрный оплотъ со стороны татаръ. При существовавшихъ въ то время тяжелыхъ условіяхъ самостоятельной государственной жизни южной Руси,—Даніилъ сдѣлалъ для ея блага все что было возможно. Ему противупоставляютъ обыкновенно успѣшный образъ дѣйствій въ ордѣ и болѣе плодотворныя для процвѣтанія самобытныхъ народныхъ началъ, заслуги его современника Александра Невскаго, другаго великаго, доблестнаго ревнителя и борца русской земли на сѣверо-востокѣ,—умершаго почти въ одно время съ нимъ; но обстоятельства и почва обусловливаютъ неотвратимо дѣятельность каждаго историческаго лица и ни одна даровитая личность не въ состояніи создать что-либо прочное, если ея старанія будутъ идти противъ исторической необходимости того или иного хода событій. Но Даніилъ вполнѣ воплотилъ собою высшую доблесть древнихъ южно-русскихъ князей, воспри-

нявъ завѣты ея, заключенные въ поученіи Владиміра Мономаха. Младшіе князья слѣдуютъ за нимъ и повинуются ему—и если Даніилъ распоряжался силами не одной галицкой земли,—но и волынской, то этимъ единеніемъ онъ обязанъ неизмѣнной преданности себѣ его брата Василько Романовича. Древняя Русь не представляетъ другого примѣра такого ненарушимаго, долгаго единенія. Благодаря въ особенности постоянному ихъ согласію, должны были смириться передъ Романовичами такіе удѣльные владѣтели Полѣсья и Волыни, какъ князья луцкіе, пинскіе, бѣльзскіе и другіе. Мы уже говорили, что несмотря на татарское разореніе, Даніилу удалось скоро возстановить процвѣтаніе, подвластнаго ему края постройкою новыхъ городовъ и покровительствомъ промышленности. Въ Галиціи и Волыни искали убѣжища многіе жители, бѣжавшіе изъ земель—кіевской и черниговской. Но привлекая къ себѣ переселенцевъ изъ Польши и Германіи, Даніилъ, къ сожалѣнію заодно съ ними поселялъ въ своихъ городахъ армянъ и евреевъ. Вредъ отъ такого разноплеменнаго состава мѣстнаго населенія не замедлилъ себя проявить въ недостаткѣ сплоченной государственной силы для сохраненія независимости западной Руси отъ ея сосѣдей, по смерти такого, исключительно даровитаго и рѣшительнаго въ своемъ образѣ дѣйствій князя, какимъ былъ Даніилъ.

Въ то же время въ средѣ литовско-русскаго міра обнаруживается явная борьба за преобладаніе между двумя ея составными частями: литовской и русской. Русская вѣра и гражданственность, русскій языкъ,—продолжали распространяться неотразимо среди литвиновъ,—особенно въ высшемъ сословіи ихъ. Но съ своей стороны и литовское племя выставляло иногда

ревностныхъ, твердыхъ поборниковъ своей народности и язычества. Воишелкъ, преимущественно опираясь въ своей борьбѣ съ соперниками на русскую помощь и русское населеніе своихъ областей, исповѣдуя всею душой православную вѣру,—естественно старался дать перевѣсъ всему русскому, пока занималъ литовскій великокняжескій столъ. По русскому же обычаю онъ, послѣ смерти друга и родственника своего Даніила Романовича, призналъ надъ собою старшимъ за мѣсто отца, — оставшагося главою галицко-волынскихъ князей — Василько и усыновилъ горячо любимаго имъ зятя Шварна Даниловича, его призвавъ въ столицу свою—Новгородокъ, съ нимъ раздѣлить бремя правленія; а затѣмъ объявилъ его своимъ наслѣдникомъ. Спустя немного лѣтъ Воишелкъ покинулъ литовскій великокняжескій столъ, чтобы успокоиться вновь отъ своихъ кровавыхъ дѣлъ въ монастырскомъ уединеніи.

Однако Левъ Даниловичъ, получившій послѣ смерти отца перемышльское княженіе, сталъ завидывать брату Шварну въ томъ, что тотъ пріобрѣлъ черезъ Воишелка, кромѣ своей сѣверной части Галиціи съ городами: Холмъ и Бельзъ, еще русско-литовскія земли. Онъ отказался принять участіе въ его, неудачно окончившейся войнѣ съ Болеславомъ краковскимъ, а въ 1268 г. упросилъ дядю — Василько устроить по ихъ общимъ дѣламъ сеймъ во Владимірѣ волынскомъ въ присутствіи Воишелка, теперь ему ненавистнаго, хотя они были кумовьями, такъ какъ Воишелкъ крестилъ его сына Юрія. Во время этого сейма, когда ревностный инокъ, довѣрившись Василько, согласился прибыть во Владиміръ-волынскій,—князь Левъ Даниловичъ, разгоряченный виномъ, послѣ пира,—среди горькихъ упрековъ ему за то,

32) Картина: Убійство кн. Львомъ Даниловичемъ инока Воишелка.

что онъ отдалъ всю землю зятю,—зарубилъ его саблей въ монастырѣ, куда прискакалъ вслѣдъ за нимъ со своими слугами. Конечно и Василько, и Шварнъ, были вполнѣ неповинны въ случившемся. Они искренно сожалѣли, что имя русское запятналось такимъ вѣроломствомъ и съ честью погребли тѣло Воишелка въ монастырѣ, гдѣ онъ былъ убитъ.

Вскорѣ послѣ того умеръ Шварнъ и съ его смертью порвалась связь между литовско-русскимъ княжествомъ и галицко-волынской Русью. Великимъ княземъ литовскимъ сдѣлался одинъ изъ туземныхъ князей: свирѣпый язычникъ Тройденъ, называемый въ русской лѣтописи: «беззаконнымъ, треклятымъ, окаяннымъ»,—такъ какъ имъ было поднято гоненіе на православіе и на Русь. Князь Василько тоже скончался въ 1271 г., оставивъ волынскую землю своему сыну Владиміру—и, удѣливъ изъ нея луцкую область Мстиславу Даниловичу. Василько друженъ былъ съ королемъ сербскихъ: Стефаномъ Драгутиномъ и въ сербской исторіи, а также во многихъ западныхъ лѣтописяхъ его имя упоминается съ честью. Повѣствуется тоже, что князь Василько незадолго до смерти жилъ нѣсколько времени въ дикой пещерѣ, заросшей кустарникомъ, оплакивая свои грѣхи. Левъ Даниловичъ взялъ себѣ земли Шварна и утвердилъ престолъ свой въ городѣ Львовѣ, основанномъ имъ еще при жизни отца.

По окончаніи своего раздора съ новгородскими гражданами черезъ, властное въ немъ, посредство Менгу-Темира, великій князь Ярославъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородѣ. За это время онъ, не любя Девмонта, далъ псковитянамъ другаго князя: нѣкаго Айгуста; послѣ чего уѣхалъ въ свою столицу, съ тѣмъ чтобы оттуда направиться прямо въ орду изъ

Собственность Т. П. Мятлевой.

Звѣрское убійство въ ордѣ татарами рязанскаго князя Романа.
(Къ стр. 95).

Собственность Т. П. Мятлевой.

Отъѣздъ въ орду тверскаго князя Александра Михайловича на грозный призывъ хана Узбека *(Къ стр. 182).*

угожденья татарскому хану, такъ какъ онъ слѣдовалъ въ этомъ примѣру старшаго брата. Татары на мѣсто прежней вѣротерпимости, теперь стали выказывать пламенное усердіе къ магометанству, принятому умершимъ Беркаемъ. Князь рязанскій Романъ, по доносу Менгу-Темиру о томъ, что онъ хулитъ масульманскій законъ, былъ замученъ въ ордѣ, гдѣ держалъ смѣлый отвѣтъ, не желая измѣнять своей совѣсти. Озлобленные татары заткнули несчастному князю ротъ; его изрѣзали на куски и воткнули на копье его голову, содравъ съ нее кожу по древнему, возмутительному обычаю дикарей азіатской и русской степи.

33) Картина: Звѣрское убійство татарами рязанскаго князя Романа.

Великій князь Ярославъ въ свою очередь умеръ на обратномъ пути изъ орды и тогда еще по старому порядку престолонаслѣдія,—Владиміръ на Клязьмѣ перешелъ его младшему брату: Василію костромскому.

Между тѣмъ въ мелкихъ удѣлахъ ростово-суздальской области произошли нѣкоторыя перемѣны. Такъ напримѣръ въ ярославскомъ удѣлѣ возникъ и водворился тамъ смоленскій княжескій родъ Федора Ростиславича по прозванію «Чернаго»: внука уже извѣстнаго намъ, Мстислава Давидовича и, сына можайскаго князя, Ростислава Мстиславича. Поводомъ къ вышеозначенному прозвищу послужилъ вѣроятно смуглый цвѣтъ его лица и черные волосы.

Мы уже говорили, что съ теченіемъ времени родовая связь между князьями Рюрикова дома стала ослабѣвать. Ихъ выгоды и стремленія разъединились, вслѣдствіе чего удѣльные князья начали думать объ увеличеніи своей собственной силы на счетъ сосѣднихъ удѣловъ; стали обособляться. На такихъ же началахъ образовалось и ярославское княжество при князѣ Всеволодѣ Константиновичѣ, сынѣ Константина ростовскаго, именовавшимъ себя «великимъ

княземъ» наровнѣ съ княземъ владимірскимъ. Городъ Ярославль, появившійся на страницахъ исторіи и укрѣпленный въ XI столѣтій, пріобрѣлъ значеніе тѣмъ, что служилъ сѣвернымъ русскимъ князьямъ важной опорою въ ихъ борьбѣ съ черемисами, обитавшими на лѣвой сторонѣ Волги; а кромѣ того онъ привлекалъ на себя вниманіе красотой своего мѣстоположенія. Всеволодъ III его унаслѣдовадъ отъ отца и брата. Старшій сынъ его Константинъ такъ полюбилъ Ярославль, что построилъ въ немъ нѣсколько каменныхъ храмовъ; основалъ тамъ училище и отдалъ этому городу свое богатое собранье книгъ: греческихъ и славянскихъ. Князь Всеволодъ Константиновичъ погибъ въ битвѣ съ татарами при рѣкѣ Сити, а старшій его сынъ—Василій, скончался въ 1252 г. во Владимірѣ, куда ѣздилъ на свиданіе съ Александромъ Невскимъ. Его младшій братъ Константинъ Всеволодовичъ, тоже прокняжилъ не болѣе пяти лѣтъ и, не женатымъ еще погибъ, обороняя свой городъ за рѣкой Которосью, отъ татаръ въ 1257 г. Татары одолѣли и на сторонѣ русскихъ оказалось столько убитыхъ, что по нимъ «туча», т. е. скорбь, была очень великой, вслѣдствіе чего и возвышенность, гдѣ происходило сраженіе прозвана Тучевою горой. Наслѣдницею ярославскаго княжества оставалась вдова Василія Всеволодовича—Ксенія и дочь ихъ: Марія. Она-то и сочеталась бракомъ съ княземъ смоленскаго рода: Федоромъ Ростиславичемъ Чернымъ. Князь этотъ переѣхалъ въ удѣлъ супруги и княжилъ тамъ вмѣстѣ съ тещей. Въ 1277 г. онъ совершилъ съ другими князьями русской земли удачный походъ на яссовъ Прикавказья, возставшихъ противъ татаръ. Менгу-Темиръ послалъ для усмиренія непокорныхъ свои войска и повелѣлъ за себя

сражаться тоже русскимъ князьямъ. Множество ясовъ тогда бѣжало къ грекамъ. Ханъ наградилъ русскихъ князей богатыми дарами за помощь ихъ, а въ слѣдующемъ году Федоръ Ростиславичъ, также служа татарскому хану, усмирилъ, поднятое противъ его господства возстаніе въ Камской Булгаріи. Затѣмъ еще черезъ годъ представилась ярославскому князю возможность соединить смоленское княжество съ ярославскимъ, такъ какъ въ Смоленскѣ умерли оба брата его, Глѣбъ и Михаилъ. Всѣ эти объстоятельства вызвали поѣздку въ орду Федора Ростиславича, гдѣ его внѣшняя красота, разумъ и мужество, такъ плѣнили монгольскую царицу, что она пожелала видѣть его супругомъ дочери. Федоръ противился, оставивъ на родинѣ молодую жену съ сыномъ Михаиломъ; но Ксенія умерла во время его пребыванія въ ордѣ, а народъ превозгласилъ послѣ ея смерти княземъ своимъ младенца Михаила, не желая ожидать возвращенія Федора. Тогда ярославско-смоленскій великій князь согласился стать зятемъ Кипчакскаго хана, такъ какъ тотъ разрѣшилъ своей дочери ради брака съ нимъ принять православную вѣру и она была крещена подъ именемъ Анны. Тесть построилъ для Федора великолѣпныя хоромы въ Сараѣ и далъ ему множество городовъ во владѣніе: какъ-то Черниговъ, Херсонъ, Казань и Булгары. Пользуясь безграничнымъ довѣріемъ и любовью Менгу-Темира, Федоръ построилъ въ Сараѣ нѣсколько христіанскихъ церквей. Въ ордѣ у него родилось отъ княгини Анны два сына: Давидъ и Константинъ; между тѣмъ какъ Михаилъ въ Ярославлѣ умеръ, не достигнувъ зрѣлаго возраста. Тогда татарскій ханъ помогъ Федору водвориться на ярославскомъ столѣ и наказалъ тамъ его враговъ. Съ тѣхъ поръ одно имя этого князя предохраняло

34) Картина: Набѣгъ татарскій на прикавказскихъ ясовъ.

Ярославль и Смоленскъ отъ ужасныхъ татарскихъ набѣговъ. Федоръ Ростиславичъ долженъ былъ уступить Смоленскъ своему племяннику Александру Глѣбовичу: князю мужественному, счастливо отразившему отъ своей столицы въ 1285 г. Романа Михайловича Брянскаго. Зато въ самомъ Ярославлѣ онъ, по сохранившемуся преданью, былъ «окомъ слѣпыхъ; опорой хромымъ; отецъ сирымъ; алчущимъ кормилецъ; безпомощнымъ—помощь». Федоръ прокняжилъ въ Ярославлѣ сорокъ пять лѣтъ; а когда подъ старость нравственныя тревоги и правительственныя заботы расшатали его здоровье, онъ порѣшилъ поступить въ число братіи Спасо-Преображенскаго монастыря, сказавъ женѣ и дѣтямъ:—«Разсмотрѣхъ и уразумѣхъ помышленіемъ моимъ, яко болѣзни возвѣщаютъ мнѣ точію смерть». Затѣмъ онъ преподалъ имъ наставленія, повторяющія завѣты Ярослава Мудраго и Владиміра Мономаха; такъ какъ наша православная древность, какъ думала, такъ и говорила; какъ говорила, такъ и жила; а какъ жила, такъ и завѣщала». Федоръ скончался въ ночь послѣ постриженія, и его княжество унаслѣдовалъ его старшій сынъ—Давидъ.

Двоюродный братъ умершаго великаго князя Ярослава Ярославича: Дмитрій Святославичъ Юрьево-Польскій,—еще за три года раньше его скончался у себя въ Юрьевѣ-Польскомъ,—тоже принявъ монашескій чинъ. Послѣ того въ русской исторіи болѣе не упоминается въ продолженіе 70 лѣтъ о владѣтеляхъ небольшаго удѣла Юрьева-Польскаго.

Между тѣмъ новый великій князь владимірскій Василій Ярославичъ, вопреки своему справедливому ожиданію расположенія къ себѣ и признательности со стороны новгородцевъ за то, что онъ во время ссоры ихъ съ Ярославомъ, своимъ заступничествомъ

въ ордѣ, отвратилъ отъ Новгорода напасть присылки Менгу-Темиромъ татарской рати для наказанія его гражданъ, обвиненныхъ въ возстаніи противъ власти хана,—встрѣтилъ въ Новгородѣ соперника, взявшаго перевѣсъ надъ нимъ въ своемъ притязаніи на новгородскій столъ. То былъ сынъ Александра Невскаго: Дмитрій переяславскій. Тогда, оскорбленный Василій прибѣгнулъ къ мечу и занялъ Торжокъ, между тѣмъ какъ племянникъ его—князь Святославъ Ярославичъ тверской, опустошалъ, помогая дядѣ,—берега Волги. Новгородцы испугались гнѣва противъ себя великаго князя владимірскаго и согласились его принять княземъ. Дмитрій же добровольно покинулъ Новгородъ.

35) Картина: Вел. князь Василій Ярославичъ и церковный соборъ, имъ созванный во Владимірѣ.

Въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ короткаго, мирнаго великокняженія Василія I, митрополитъ Кириллъ: знаменитый миротворецъ князей и преданный сынъ отечества,—собралъ во Владимірѣ соборъ россійскихъ епископовъ для устроенія церковныхъ дѣлъ, пришедшихъ въ большое разстройство. На этомъ соборѣ онъ издалъ новыя церковныя правила, говоря что—«донынѣ уставы церкви были омрачены облакомъ эллинской мудрости; теперь же предложены будутъ ясно». Русскіе митрополиты не стараются получить независимое отъ свѣтской власти, самостоятельное существованіе. Пребываніе въ Кіевѣ середи ослабѣвшихъ князей всего легче могло бы имъ дать его; но Кіевъ однако не сдѣлался русскимъ Римомъ. Митрополиты наоборотъ стремятся на сѣверъ, подъ покровъ великокняжескаго могущества и по его стопамъ переселяются изъ Кіева во Владиміръ; а изъ Владиміра, нѣсколько позже, въ Москву, гдѣ стараются всѣми силами утвердить единовластіе. Въ 1274 году тотъ же митрополитъ Кириллъ во время

собора, имъ созваннаго для постановленія владимірскимъ епископомъ архимандрита кіево-печерскаго монастыря—Серапіона, уже заводитъ рѣчь о неустройствахъ церковныхъ; вооружается противъ пьянства, часто мѣшавшаго богослуженію и противъ духовнаго сана «на мздѣ».

Онъ укоряетъ русскій народъ въ грубой языческой страсти къ дрекольнымъ и кулачнымъ боямъ; въ томъ что на Руси еще держится бѣсовскій обычай треклятыхъ эллинъ: въ божественные праздники, со свистомъ, кличемъ и воплемъ скаредные пьяницы сзываютъ другъ друга биться до смерти, причемъ берутъ себѣ съ убитыхъ платье... Помимо увѣщанія на соборахъ митрополиты старались смягчить нравы мірянъ и духовенства посланіями въ разные концы русской земли письменныхъ поученій. Русскіе нравы были всего грубѣе и жестче въ земляхъ наиболѣе удаленныхъ къ сѣверу или востоку и такимъ образомъ наиболѣе обособленныхъ отъ христіанскихъ народовъ запада, стоявшихъ на одинаковомъ уровнѣ гражданственности съ славянскимъ населеніемъ Кіева, Галиціи и Волыни. Переселенцы же въ дикихъ пустыняхъ сѣверо-восточной Европы вступали въ сообщество исключительно съ племенами нисшаго умственнаго развитія; почему не только не улучшали образа своей жизни,—но въ немъ еще шли нѣсколько назадъ. Иноки въ лѣсахъ сѣвера, кромѣ лишеній среди скудной, дикой природы, много терпѣли еще отъ язвъ общественныхъ: отъ насилія и разбоевъ окрестныхъ жителей. Однако семьи и имущество гражданъ въ тяжелыя времена междоусобныхъ смутъ и татарскихъ набѣговъ все же прятались по церквамъ и монастырямъ, какъ въ мѣстахъ наиболѣе безопасныхъ. Неизвѣстно, что бы на Руси стало въ тѣ темные дни

тяжкаго испытанія безъ церквей и монастырей. Затворничество женщинъ создалось въ этотъ періодъ силой его ужасной жизненной обстановки, когда женскую чистоту; ея общественное призваніе и материнство пришлось охранять въ недоступныхъ для мужчинъ теремахъ, отъ нравственнаго упадка и одичанья мужскаго общества. Такое огрубеніе нравовъ не могло не задержать умственнаго развитія. Мы болѣе не встрѣчаемъ послѣ погрома Батыя извѣстія о начитанности и образованности князей или вельможъ. Поставленный митрополитомъ Кирилломъ владимірскимъ—епископомъ, Серапіонъ въ своихъ проповѣдяхъ призываетъ народъ къ покаянію, указывая на страшныя бѣдствія, тяготѣющія надъ Русью. Особенно горячо онъ возстаетъ противъ привычки общественныя бѣдствія приписывать мнимымъ вѣдьмамъ, губя при этомъ оговоренныхъ кѣмъ-нибудь женщинъ:...—«Въ какихъ книгахъ или писаніяхъ вы слышали?» говорилъ онъ,—что голодъ бываетъ отъ волхвованія и наоборотъ, что волхвованіемъ же хлѣбъ умножается? Если вы этому вѣрите, — то зачѣмъ волхвовъ пожигаете? Умоляйте, почитайте ихъ; дары имъ приносите. Чтобы дождь ниспускали, тепло приводили, землѣ велѣли быть плодоносною... Скорблю о вашемъ безуміи. Умоляю васъ—отступите отъ дѣлъ поганскихъ!»... О Кириллѣ-епископѣ ростовскомъ говорится, что народъ изъ окрестныхъ городовъ стекался слушать его поученія, причемъ лѣтописецъ вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ доводитъ до нашего свѣдѣнія, что, стоя въ узкомъ, уединенномъ мѣстѣ, онъ самъ записывалъ слова знаменитаго проповѣдника. Митрополиты имѣли право отлучать отъ церковной службы епископовъ, какъ сдѣлалъ въ 1280 г. митрополитъ Кириллъ, узнавъ, что епископъ

ростовскій Игнатій приказалъ въ полночь выкинуть изъ соборной церкви тѣло князя Глѣба Васильковича и закопать его попросту въ монастырѣ. Прошая его потомъ по ходатайству князя Дмитрія Борисовича, онъ обратился къ епископу съ слѣдующимъ наставленіемъ:—«Не возносись и не думай, что ты безъ грѣха. Надо больше освобождать и прощать, чѣмъ карать и отлучать. Плачь и кайся до самой смерти въ дерзости своей, потому что ты осудилъ прежде суда Божія уже мертваго человѣка; между тѣмъ какъ живаго боялся и дары отъ него принималъ; съ нимъ ѣлъ и пилъ—и когда еще можно было его исправить, не исправлялъ»...

На третій годъ своего великокняженія Василій Ярославичъ поѣхалъ къ хану. Тѣмъ временемъ Менгу-Темиръ посылалъ свои полки въ Литву по призыву въ 1274 г. галицкаго князя Льва Даниловича съ цѣлью мести свирѣпому литовскому князю Тройдену, разорившему его городъ Дрогиченъ. Съ татарами соединились противъ литовцевъ,—отчасти подъ давленіемъ Менгу-Темира; отчасти обороняя собственныя владѣнья,—удѣльные князья: смоленскій: Глѣбъ Ростиславичъ (братъ Федора Чернаго), Романъ брянскій и Владиміръ Васильковичъ волынскій. Послѣдній умѣлъ уживаться въ мирѣ съ двоюроднымъ братомъ, несмотря на буйный, завистливый нравъ его—и тѣмъ поддерживалъ къ благу юго-западной Руси, тѣсное единеніе областей волынской и галицкой. Однако въ походѣ князья разсорились съ вѣроломнымъ Львомъ, стремившимся захватить тайкомъ отъ нихъ въ свои руки столицу Черной Руси Новгородокъ—и воротились въ свои удѣлы. Монголы же на обратномъ пути разорили множество русскихъ селъ, отнимая у хлѣбопашцевъ ихъ скотъ

и достоянье. Хотя Левъ и Владиміръ заключили съ Тройденомъ миръ,—гордый ханъ южной орды татарской Ногай,—недовольный на этотъ разъ плохимъ успѣхомъ въ Литвѣ монгольскаго оружія,—послалъ въ Галицію новую рать съ повелѣніемъ этимъ князьямъ возобновить войну. Но литовское населеніе было къ этому времени,—въ 1277 г. сильно подкрѣплено бѣглецами изъ Пруссіи, не желавшими подчиниться Тевтонскому Ордену. Часть ихъ водворилась въ городѣ Гроднѣ на Нѣманѣ, осажденномъ русскими.

Эти гродненскіе пруссы бились съ особеннымъ мужествомъ. Русскимъ князьямъ удалось овладѣть лишь каменной башней передъ городскими воротами, послѣ чего они поспѣшили заключить съ пруссами миръ. Старанія Льва Даниловича опереться на татарскую силу ради своихъ корыстныхъ цѣлей, было конечно во вредъ галицкой и волынской землямъ. Татарскіе ханы пользовались обстоятельствами, чтобы разъединить на западѣ Русь, Литву, поляковъ и венгровъ,—не допуская ихъ до общаго союза противъ степныхъ завоевателей. Дружба Льва Даниловича съ татарами заставляла и Владиміра Васильковича подчиняться ханскимъ велѣніямъ, иногда заодно съ татарами, противъ воли своей, нападая на тѣхъ сосѣдей, съ которыми онъ желалъ бы сохранить миръ.

Въ то время польскіе, особенно мазовецкіе князья находились въ такихъ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ съ волынско-галицкими князьями, что заключали взаимно оборонительные союзы; ссорились и мирились,—будто все это былъ одинъ княжескій родъ. Однажды Конрадъ мазовецкій, обиженный своимъ братомъ, обратился на него съ жалобой къ князю Владиміру Васильковичу и тотъ поспѣшилъ

36) Картина: Польскіе воины.

къ нему на помощь, прося поддержки у своего племянника Юрія Львовича—князя холмскаго.

Въ 1276 г. возвратившись изъ татарской орды, вел. кн. Василій Ярославичъ заболѣлъ и скончался, всего на сороковомъ году отъ рожденія, въ удѣльной своей Костромѣ. Подданные почитали въ немъ государя умнаго и добродушнаго. Между прочимъ, при немъ монгольскіе чиновники сдѣлали вторичную перепись русскому населенію по всѣмъ областямъ, ради сбора дани,—но на этотъ разъ дѣло обошлось тихо. Русскій народъ началъ уже привыкать къ безисходному рабству и терпѣливо переносить свое униженіе.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава VIII.

Сынъ Александра Невскаго — Андрей. Изгнаніе имъ при помощи татарскихъ войскъ старшаго брата: Дмитрія переяславскаго изъ Владиміра и Новгорода. Возстановленіе правъ послѣдняго ханомъ южной татарской орды—Ногаемъ. Область чернигово-сѣверская. Жалоба Андрея на Дмитрія и клевета на него въ союзѣ съ другими князьями сарайскому хану, брату Ногая: Тохтѣ. Новое нашествіе татарскихъ войскъ на ростово-суздальскій край для провозглашенія Андрея великимъ княземъ. Неудачные походы Ногая съ Телебугой въ Венгрію и насильственное вовлеченіе въ нихъ татарами русскихъ галицко-волынскихъ князей въ 1282 и 1287 г. Благотворное управленье Волынью и неизлѣчимая болѣзнь благочестиваго князя Владиміра Васильковича. Смерть Владиміра Васильковича и назначеніе имъ въ преемники себѣ князя Мстислава Даниловича. Поддержка нѣмцевъ. Мирное управленіе и смерть Льва Даниловича въ 1301 г. Новая успѣшная война со шведами Новгорода при помощи вел. кн. Андрея Александровича. Нападеніе меченосцевъ на Псковъ въ 1299 г. и отраженіе ихъ престарѣлымъ княземъ Девмонтомъ. Торговыя выгоды мѣстоположенія Москвы и ея быстрое процвѣтаніе. Соединеніе великокняжескаго престола съ княженіемъ въ Новгородѣ.

Послѣ смерти Василія Ярославича великокняжескій столъ занялъ Дмитрій Александровичъ перея-

славскій. Но къ этому времени прежнія представленія о правахъ княжескаго старшинства уже совсѣмъ исчезли и великіе князья ясно показывали, что добиваются исключительно усиленія собственныхъ своихъ владѣній на счетъ другихъ русскихъ княжествъ. Всѣ ихъ родичи въ областяхъ своихъ принуждены были тоже заботиться по мѣрѣ силъ о самихъ себѣ, не довѣряясь старшему въ родѣ. Вотъ почему въ послѣдующихъ событіяхъ встрѣчается цѣлый рядъ возстаній обособившихся удѣльныхъ князей, на великаго князя съ попраніемъ всѣхъ старинныхъ родовыхъ отношеній.

Сначала Дмитрій сѣлъ одновременно княземъ и во Владимірѣ, и на столѣ новгородскомъ. Но въ 1288 г. онъ поссорился съ новгородцами изъ-за, построенной имъ въ Копорьи, съ ихъ же согласія, крѣпости. Дмитрій желалъ потомъ считать ее своей собственностью; а новгородцы не позволяли своимъ князьямъ лично владѣть чѣмъ-либо на новгородской землѣ. Одновременно младшій братъ Дмитрія: Андрей городецкій, по наущенью своихъ бояръ вздумалъ отнять у него великокняжескій столъ, вопреки древнему обыкновенію, по коему старшій въ родѣ, какъ намъ извѣстно, заступалъ мѣсто отца. Андрей незадолго передъ тѣмъ успѣлъ заслужить милость Менгу-Темира, въ вышеупомянутой успѣшной его войнѣ при помощи русскихъ князей съ кавказскими яссами или алланами. Кромѣ того онъ еще одарилъ татарскаго хана и, черезъ льстивыя рѣчи добился того, что ханъ ему выдалъ ярлыкъ на владимірскій столъ,— притомъ поддержавъ его татарскимъ войскомъ для борьбы съ братомъ. Андрей на пути изъ орды подступилъ къ Мурому и велѣлъ всѣмъ удѣльнымъ князьямъ къ нему явиться въ станъ съ ихъ дружи-

нами. Ни одинъ не посмѣлъ ослушаться. Дмитрій, врасплохъ застигнутый неожиданною бѣдой, отступилъ изъ Владиміра къ Новгороду, вознамѣрившись засѣсть съ боярами и семьей въ Копорьѣ, гдѣ его власть отстаивалъ знаменитый Девмонтъ псковской. Однако, на озерѣ Ильменѣ ему преградили путь полки новгородскіе и потребовали ухода дружины Девмонта изъ этой крѣпости. Тогда Дмитрій бѣжалъ въ Скандинавію, предоставивъ брату занять Владиміръ. Сопровождавшіе Андрея татары, пользуясь какъ всегда случаемъ, разорили русскіе города съ окрестными селами и монастырями, отъ Мурома до Торжка,— прежде чѣмъ русскій князь, добившійся цѣли своей, съ благодарностью отпустилъ ихъ обратно къ хану. Несмотря на подобное злодѣяніе недостойнаго сына Александра Невскаго, новгородцы призвали его къ себѣ на престолъ Святой Софіи. Когда татары ушли, Дмитрій вернулся въ свой переяславскій удѣлъ и тамъ, — угрожаемый новгородцами, опасавшимися враждебныхъ дѣйствій съ его стороны изъ Торжка,— волей-неволей, для заключенія съ ними мира, разъ навсегда отказался отъ Новгорода и отъ мести жителямъ новгородской области. Но Андрей, желая избавиться отъ сосѣдства соперника, обратился опять къ содѣйствію болѣе вѣрныхъ и могучихъ своихъ союзниковъ, нежели какихъ имѣлъ въ новгородцахъ. Онъ навлекъ новое нашествіе татарскихъ полчищъ въ ростово-суздальскій край. Въ своемъ стремленіи къ Переяславлю они обозначали свой путь пожарами и убійствами.

37) Изображеніе кн. Девмонта.

Тогда Дмитрій бѣжалъ въ южно-русскія степи, къ отдѣлившемуся отъ Сарайской орды, хану Ногаю, страшному и самому Менгу-Темиру. Тотъ одною своею грамотою возвратилъ престолъ и власть, по

справедливости, старшему брату. Андрей не дерзнулъ ослушаться Ногая и, заключивъ съ Дмитріемъ лицемѣрный миръ, уступилъ ему заодно съ Владиміромъ, Новгородъ, хотя новгородцы этого не желали и Дмитрію пришлось силой той же татарской угрозы тамъ водвориться. Дмитрій хотѣлъ-было отомстить князю тверскому за враждебныя дѣйствія противъ него въ союзѣ съ Андреемъ,—но Святославъ Ярославичъ умеръ, и навстрѣчу ему съ полками вышелъ къ городу Кашину его братъ Михаилъ Ярославичъ. Дѣло обошлось мирно. Враги разошлись безъ боя.

Печально было въ то время положеніе разоренной и угнетенной больше другихъ татарами, земли чернигово-сѣверской. Послѣ убіенія въ ордѣ князя Михаила Всеволодовича, она раздробилась на многіе мелкіе удѣлы, утратившіе взаимную связь. Середи князей черниговскихъ тогда выдавался одинъ Романъ брянскій, дававшій чувствовать свою силу князьямъ смоленскимъ и литовскимъ. Потомки ея, когда-то могучихъ, славныхъ князей чернигово-сѣверскихъ: Олегъ и Святославъ,—княжили въ городахъ курской земли: Рыльскѣ и Липецкѣ. Тамъ откупщикъ татарской дани: хивинецъ Ахматъ, притѣснялъ и грабилъ русскій народъ, не исключая бояръ: собиралъ вокругъ себя шайки всякихъ безстыдныхъ плутовъ и проходимцевъ. Олегъ съ Святославомъ пожаловались на него Сарайскому хану Телебугѣ. Тотъ имъ приказалъ разорить съ отрядомъ татаръ притоны сообщниковъ Ахмата въ беззаконномъ и пагубномъ для мѣстнаго населенія образѣ дѣйствій. Тогда Ахматъ съ своей стороны обратился къ заступничеству Ногая, представивъ ему курскихъ князей тайными его непріятелями и разбойниками. Конечно, князья не могли помышлять о сопротивленіи, раздраженному противъ

нихъ клеветою Ахмата, Ногаю. Олегъ бѣжалъ къ хану Телебугѣ, а Святославъ въ воронежскіе лѣса. Ногай разорилъ курскую область и 13 плѣнныхъ бояръ предалъ въ жертву озлобленному баскаку, безжалостно ихъ умертвившему. Послѣ того люди бѣжали изъ курской земли въ пустыни, несмотря на зимнее время и большіе морозы. Святославъ, возвратившись въ предѣлы своихъ владѣній, подстерегалъ на большихъ дорогахъ бродягъ Ахмата, разошедшихся по сторонамъ, послѣ того что самъ Ахматъ, въ страхѣ передъ, обиженными имъ князьями счелъ для себя болѣе безопаснымъ остаться жить въ станѣ Ногая.

Олегъ, вернувшійся изъ орды для умиротворенія курской области, недоволенъ былъ смѣлымъ разбоемъ своего родственника Святослава. Но тотъ не слушалъ его упрековъ и не хотѣлъ въ свою очередь ѣхать къ Телебугѣ, считая правой свою месть врагамъ. Тогда опасаясь гнѣва татаръ Олегъ, уже поддавшійся вліянію новыхъ рабскихъ понятій объ огражденіи своего народа отъ наказанія со стороны безпощадныхъ враговъ, собственною рукой умертвилъ гордаго Святослава. Зато онъ и самъ былъ вскорѣ убитъ со своими двумя сыновьями: сыномъ погибшаго Святослава. Эти взаимныя распри и преступленія со стороны русскихъ князей нисколько не волновали грозныхъ завоевателей. Они лишь требовали повиновенья себѣ и подарковъ, — тогда какъ князья, привыкая, волей неволей къ своему рабству, ревностно исполняли всѣ ихъ приказы и распоряженія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суздальской земли съ появленьемъ баскаковъ и другихъ служащихъ хану лицъ, возникли татарскія поселенія. Особенно много ихъ привилось въ Ростовѣ. Жители тамъ не

раздѣляли благоразумія своихъ князей въ безусловной покорности ихъ непоборимому гнету татарскихъ хановъ и примиреніи съ постыднымъ игомъ. Они съ негодованіемъ смотрѣли на большое количество татаръ въ своемъ городѣ и не-разъ поднимали мятежъ. Такъ въ 1289 г.—во время княженія сына Бориса Васильковича: Дмитрія, они опять, по звону вѣчевого колокола, поднялись на своихъ притѣснителей; разграбили ихъ дома и выгнали изъ Ростова. Тогда братъ Дмитрія: Константинъ углицкій поспѣшилъ съ дарами въ орду, чтобы вымолить передъ ханомъ прощеніе ростовцамъ и князю ихъ. Ему это удалось, потому что Телебуга былъ отвлеченъ въ это время борьбой съ Ногаемъ; но изгнанные татары конечно опять вернулись въ Ростовъ. Между тѣмъ Ногай все болѣе и болѣе стѣснялъ власть сарайскаго хана. Наконецъ онъ умертвилъ Телебугу и возвелъ на сарайскій престолъ своего брата — Тохту. Послѣ того великій князь Дмитрій Александровичъ счелъ свое первенство середи остальныхъ князей еще болѣе прочнымъ, такъ какъ онъ за собой имѣлъ покровительство хана, распоряжавшагося теперь судьбой, не только своей татарской орды, на югѣ,—но и кипчакскимъ царствомъ. Однако Андрей городецкій хитрыми происками съумѣлъ привлечь на свою сторону большинство удѣльныхъ князей и, между ними, Федора ярославскаго. Въ 1292 г. они отправились всѣ въ орду—жаловаться на Дмитрія Тохтѣ, будто будто онъ посягаетъ втайнѣ на ихъ владѣнія, хотя Дмитрій далекъ былъ на самомъ дѣлѣ отъ мысли о самовластіи. Этой несправедливой жалобой они навлекли только новое бѣдствіе на родную землю. Тохта послалъ въ Переяславль залѣсскій своего брата—Дюденя съ татарскимъ войскомъ. Дмитрій бѣжалъ тогда

въ Псковъ къ своему вѣрному зятю Девмонту и татары не застали въ Переяславлѣ уже ни одного человѣка. Идя возвѣстить Андрея Александровича великимъ княземъ Руси, татары не пропустили случая для кровопролитія и грабежа,—совершенно ничѣмъ не вызванныхъ, такъ какъ они не встрѣчали нигдѣ сопротивленія волѣ своего хана. Но тѣмъ не менѣе—Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Угличъ, Коломна, Можайскъ и другіе съ ними сосѣдніе города, были взяты татарами какъ непріятельскіе. Даніилъ Александровичъ, младшій братъ и союзникъ Андрея, впустивъ дружелюбно татаръ въ Москву, не могъ ее защитить отъ неистовства и безчинства ихъ. Ужасъ распространился всюду. Одни дремучіе лѣса служили надежнымъ убѣжищемъ мирнымъ гражданамъ и земледѣльцамъ. Князь Андрей, хотя бывъ свидѣтелемъ всѣхъ татарскихъ злодѣйствъ, велъ безпощадно Дедюня къ Твери и тотъ думалъ ей овладѣть тѣмъ удобнѣй, что юный Михаилъ Ярославичъ находился въ Ордѣ. Но Михаилъ какъ-разъ подоспѣлъ на помощь своему городу, гдѣ народъ и бояре дали другъ другу священную клятву обороняться до послѣдняго человѣка.

38) Картина: Кн. переяславскій Дмитрій Александровичъ, гонимый братомъ Андреемъ, призвавшимъ къ себѣ на помощь татаръ.

39) Картина: Недостойный сынъ Александра Невскаго Андрей середи своихъ татарскихъ союзниковъ.

Тогда монголы свернули въ новгородскую область; однако новгородцы, прославъ дары Дедюню, объявили Андрею, что ему нѣтъ нужды идти къ нимъ съ татарами, потому что они сами всегда желали его имѣть своимъ княземъ. Дедюнь отступилъ отъ Новгорода и ушелъ изъ Россіи.

Такимъ образомъ Андрей Александровичъ опять водворился княземъ въ первопрестольномъ Владимірѣ и въ вольнолюбивомъ, богатомъ Новгородѣ. По удаленіи татарскаго войска, Дмитрій изъ Пскова поѣхалъ въ Тверь, ища защиты тверскаго князя и дружескаго

посредства его для мирныхъ переговоровъ съ Андреемъ. Ему вернули его переяславскую область; но этотъ несчастный князь скончался около города Волока въ 1294 г.—на пути въ Переяславль Залѣсскій, гдѣ княземъ тогда сдѣлался его сынъ Иванъ, ранѣе изгнанный врагами Дмитрія въ Кострому.

Прежде чѣмъ продолжать наше повѣствованіе о дальнѣйшихъ смутахъ престолонаслѣдія въ ростово-суздальскомъ краѣ, вернемся снова къ событіямъ за это время на юго-западѣ, въ галицко-волынской Руси, куда неугомонный Левъ Даниловичъ призвалъ опять на помощь себѣ татаръ, задумавъ овладѣть безраздѣльно всей Польшей, послѣ того что въ Краковѣ умеръ бездѣтнымъ король ея Болеславъ, по прозванью—Стыдливый. Однако его законный соперникъ Лешко Казиміровичъ Черный, далъ ему храбрый отпоръ и одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду.

Въ 1282 г. оба татарскихъ хана: Ногай и Телебуга, предприняли походъ въ Венгрію, причемъ повелѣли идти за собою русскимъ князьямъ Галиціи и Волыни. Страдая язвою на ногѣ и не будучи въ состояніи выступить въ походъ лично, Владиміръ Васильковичъ вынужденъ былъ послать все же свою рать на помощь татарамъ съ племянникомъ Юріемъ Львовичемъ. Этотъ походъ окончился для татаръ очень несчастно. Заблудившись въ Карпатскихъ горахъ они проскитались тамъ очень долго, терпя страшный голодъ. Середи всякихъ лишеній потеряли тамъ много воиновъ отъ повальныхъ болѣзней,—такъ что, достигнувъ Венгріи, были разбиты на голову; что тѣмъ не менѣе не помѣшало обоимъ ханамъ вернуться въ 1287 г. со свѣжими силами къ берегамъ Вислы, съ тѣмъ чтобы предпринять новый походъ въ Польшу. Не помышляя о сопротивленіи Лешко бѣ-

жалъ изъ Кракова, но его государство спасли раздоры между вождями татаръ и взаимная ненависть ихъ другъ къ другу. Полонивъ много народу, они безъ битвы повернули обратно, такъ какъ Ногай и Телебуга не пожелали дѣйствовать совокупно: одинъ подступилъ къ Судоміру, а другой къ Кракову— и ушли они оба по разнымъ дорогамъ. Этотъ татарскій походъ особенно тяжело отразился на земляхъ галицко-волынскихъ князей. Ханы потребовали отъ нихъ гостепріимства и остановились середи ихъ владѣній, волей-неволей встрѣчаемые съ почетомъ и Мстиславомъ Даниловичемъ — княземъ Луцкимъ, и Владиміромъ Васильковичемъ, и самимъ буйнымъ, властолюбивымъ Львомъ, не смѣвшимъ сопротивляться наглости и произволу татарскихъ полчищъ. Всѣ они выносили ханамъ дары и напитки, когда узнавали о приближеніи кого-либо изъ нихъ къ городамъ своихъ княжествъ и примыкали съ своими ратями къ военной силѣ татарской. Татары безъ стѣсненія забирали коней у мѣстныхъ жителей и грабили въ городахъ лавки. Телебуга, идя назадъ черезъ Галицію, двѣ недѣли стоялъ подъ Львовомъ, а затѣмъ подъ Владиміромъ волынскимъ. Левъ Даниловичъ, послѣ исчезновенія его, наконецъ созналъ, что должно не призывать, а напротивъ всячески отклонять монголовъ отъ покушенія ихъ распространить свою власть въ Европѣ, такъ какъ лежащія на перепутьи татаръ къ западнымъ странамъ, русскія земли, страдали отъ нихъ не менѣе тѣхъ народовъ, на которые обращали теперь татары свои завоевательныя стремленья.

Мы видѣли уже, что въ 1282 г. волынскій князь Владиміръ не могъ самолично повести свою рать на венгровъ вслѣдъ за татарами, по причинѣ открывшейся у него на ногѣ язвы. Потомъ, начавшаяся

съ нея мучительная болѣзнь этого доблестнаго, благороднаго князя, — самаго добродѣтельнаго середи всѣхъ внуковъ Романа Мстиславича, — стала усиливаться — и во время присутствія на Волыни Телебуги онъ тяжело страдалъ гніеніемъ нижней челюсти. Лѣтопись сравниваетъ его съ Іовомъ, такъ какъ въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ кротко и мужественно переносилъ, разъѣдавшую мало-по-малу все его тѣло, немощь, похожую на проказу; продолжалъ заниматься дѣлами, превозмогая боль и ѣздилъ верхомъ.

Волынскій лѣтописецъ тоже называетъ его «великимъ книжникомъ» и философомъ, потому что онъ выдавался среди современниковъ любовью къ чтенію и бесѣдамъ со свѣдущими людьми, — будь то духовными или свѣтскими. Владиміръ себя показалъ умнымъ и дѣятельнымъ правителемъ своей земли. Онъ строилъ укрѣпленные города, между которыми Каменецъ былъ дѣтищемъ на столько же близкимъ сердцу его, на сколько дорогъ былъ Даніилу, имъ основанный Холмъ. Лѣтопись связываетъ построеніе Каменца съ нѣкоторымъ наитіемъ, почерпнутымъ княземъ Владиміромъ изъ книги пророка Исаіи. Замысливъ поставить городъ въ защиту своихъ владѣній отъ Литвы и ятвяговъ за Брестомъ, Владиміръ случайно прочелъ въ одной главѣ ея, строки:—«обновятъ грады пустые, опустошенные въ роды» и вспомнилъ, что мѣста по рѣкѣ Лекснѣ, впадающей въ Западный Бугъ ниже Бреста, были населены во времена княженія дѣда его, а потомъ запустѣли. Тогда онъ послалъ вверхъ по этой рѣкѣ опытнаго строителя-плотника: нѣкоего Алексу, съ людьми знающими тамъ край, чтобы выбрать мѣсто для новой крѣпости. Оно нашлось середи глухихъ лѣсовъ, примыкающихъ къ нынѣшней Бѣловежской пущѣ,—

и Владиміръ, одобривъ выборъ Алексы, назвалъ будущій городъ, вслѣдствіи каменистой почвы подъ расчищеннымъ подъ него лѣснымъ пространствомъ: Каменцомъ. Созидая и укрѣпляя города, Владиміръ, подобно предкамъ своимъ, отличался благочестивой заботой о возведеніи храмовъ и объ украшеніи стѣнъ ихъ фресковой живописью. Кромѣ того онъ снабжалъ церкви мѣдными вратами; золотыми и серебряными сосудами; иконами въ ризахъ съ дорогими камнями; Евангеліями и другими богослужебными книгами въ цѣнныхъ окладахъ; причемъ нѣкоторыя изъ нихъ,—рѣдко по своему времени образованный,—переписывалъ самъ.

Въ Каменцѣ онъ воздвигъ церковь во имя Благовѣщенія Пр. Богородицы съ золотыми иконами и серебряными сосудами. Въ Перемышльскій и Черниговскій соборы послалъ Евангелія окованныя серебромъ и унизанныя сверху жемчугомъ; причемъ черниговское писано было въ золотѣ и украшалось образомъ Спаса финифтью. Въ Любимлѣ Владиміръ поставилъ каменный храмъ во имя Св. Георгія, гдѣ икона святаго изображена была на золотѣ, такъ же какъ и образъ Пр. Богородицы, не говоря уже объ украшавшихъ ихъ драгоцѣнныхъ камняхъ. А Евангеліе князь пожертвовалъ въ этотъ храмъ, окованное сплошь золотомъ, съ жемчугомъ и финифтью; причемъ Дѣисусъ на немъ тоже выкованъ былъ изъ золота. Много тамъ находилось еще другихъ неоцѣнимыхъ сокровищъ. Колокола этого храма были на слухъ столь удивительны, что подобныхъ имъ не было на всей землѣ. «Владиміръ Васильковичъ велѣлъ расписать внутри церковныя стѣны; но эта работа была прервана его смертью. Между тѣмъ рядомъ съ такой сказочной роскошью въ украшеньи церквей,

мы читаемъ, что медленно умирая въ тяжкой болѣзни князь Владиміръ Васильковичъ лежалъ на одрѣ изъ соломы. Въ другую противуположность богатству сокровищъ въ числѣ предметовъ княжескаго имущества, упоминаемыхъ позже въ духовныхъ завѣщаньяхъ князей,—домашній бытъ русскихъ людей вообще, судя по отсутствію о немъ извѣстій этого времени,—должно быть отличался крайнею простотой. Середи ремеслъ главнымъ образомъ развились мастерства: оружейное и металлическое; а что касается другихъ,—какъ напримѣръ сапожнаго или портновскаго, то, какъ видно они отправлялись по домамъ слугами. Бѣднѣйшее населеніе въ пищу употребляло овсяные хлѣба. Князь Владиміръ Васильковичъ: храбрый, щедрый и набожный,—обладалъ сановитой наружностью; былъ высокъ ростомъ, плечистъ, красивъ лицомъ; имѣлъ свѣтло-русые кудреватые волосы, а бороду стригъ; говорилъ низкимъ голосомъ. При своемъ благодушномъ правдивомъ нравѣ, онъ пользовался привязанностью подданныхъ и уваженьемъ сосѣдей. Никакихъ крѣпкихъ напитковъ не употреблялъ. Однако несмотря на его воздержанный образъ жизни, здоровье ему измѣнило еще въ молодыхъ годахъ и, не имѣя дѣтей, онъ началъ думать о выборѣ послѣ себя наслѣдника на волынское княженіе; но во первыхъ, предчувствуя смерть, приказалъ перелить въ гривны всѣ свои драгоцѣнности, чтобы раздать ихъ бѣднымъ вмѣстѣ съ княжескими стадами. Владиміръ не любилъ князя Льва съ его сыномъ Юріемъ за ихъ лукавые происки. Они еще при жизни его пытались выпросить для себя волынскіе города, яко бы «на свѣчу надъ гробомъ отца и дѣда».

— «А что самъ Левъ далъ, господствуя въ трехъ княженіяхъ, на память о своемъ родителѣ?» послалъ

*

спросить ихъ Владиміръ. Онъ предпочелъ объявить своимъ переемникомъ другаго двоюроднаго брата—Мстислава Даниловича Луцкаго.

Въ то время ханъ Телебуга находился какъ-разъ на пути въ Польшу черезъ Волынь и Галицію. Владиміръ сначала вынужденъ былъ сопровождать хана съ остальными князьями; но болѣзнь его заставила съ полъ-пути возвратиться домой. Оставивъ въ столицѣ своей на мѣсто себя епископа Марка, волынскій князь,—чтобы не видѣть больше, ему противныхъ татаръ, удалился съ семьей и ближними боярами въ городокъ Любомль на Западномъ Бугѣ; оттуда же черезъ Брестъ, въ Каменецъ литовскій. Здѣсь онъ слегъ въ постель и написалъ двумя грамотами свое предсмертное завѣщанье. Въ первой грамотѣ онъ отказывалъ князю Мстиславу Даниловичу всю свою землю и стольный городъ; а во второй обезпечилъ нѣсколькими волынскими городами и селами свою супругу Ольгу Романовну и пріемную дочь—Изъяславу.—«Княгиня по смерти моей вольна»,—писалъ онъ—«коли пожелаетъ пойти въ черницы; а если нѣтъ, то какъ ей любо. Вѣдь не смотрѣть мнѣ вставши, кто что послѣ моей смерти дѣлаетъ». «Противни» (копіи) съ этихъ грамотъ, вручены были Мстиславу, пріѣхавшему къ Владиміру въ Каменецъ изъ Польши. Поцѣловавъ крестъ на обѣщаніи точнаго исполненія всего завѣщаннаго Владиміромъ, Мстиславъ поѣхалъ въ его столицу и приказалъ прочесть всенародно грамоту о передачѣ ему волынскаго княжества завѣщателемъ,—послѣ чего удалился снова въ свой Луцкій удѣлъ.

Когда татары ушли изъ предѣловъ западныхъ русскихъ владѣній, больной Владиміръ вернулся поближе къ своей столицѣ; опять въ Любомль. Здѣсь

навѣстилъ его князь мазовецкій—Конрадъ Семовитовичъ и получилъ отъ Владиміра на память въ подарокъ коня. Ища дружбы съ сильнымъ волынскимъ княземъ онъ былъ потомъ въ Луцкѣ у Мстислава Даниловича и, обласканный имъ на обратномъ пути оттуда, получилъ вѣсть черезъ гонца изъ Польши о смерти великаго князя краковскаго: иначе польскаго короля—Лешко Чернаго, съ призывомъ его, приверженными ему людьми, занять скорѣе освободившійся престолъ въ Краковѣ. Но въ Польшѣ наступили смуты. Пользуясь ими, Левъ галицкій съ сыномъ пытались овладѣть люблинской волостью, преимущественно населенной русскими—но безуспѣшно. Все продолжавшіеся ихъ происки съ цѣлью выманить у Владиміра передъ его смертью какіе-нибудь города,—сильно разстраивали умирающаго. Когда наступила зима, онъ, чувствуя приближеніе своей кончины, причастился у духовнаго отца своего въ имъ построенной церкви Св. Георгія; сидя на стулѣ выслушалъ всю обѣдню и, воротясь въ свой теремъ, слегъ, чтобы болѣе уже не вставать.

Гніеніе дошло до гортани. Въ теченіе семи недѣль несчастный князь не могъ принимать никакой пищи и наконецъ въ ночь на 10 декабря испустилъ духъ. Тѣло его было обернуто какъ подобаетъ царямъ—въ дорогую ткань съ кружевами. Покойнаго возложили на сани и отвезли во Владиміръ Волынскій, въ соборъ Богородицы. Кромѣ убитой горемъ супруги покойнаго князя, превозносившей въ плачѣ своемъ его незлобіе и терпѣніе,—всѣ лѣпшіе мужи владимірскіе рыдали надъ его гробомъ, поминая что онъ не давалъ никому въ обиду слугъ своихъ и совѣтниковъ. Не только жители города: нищіе и богатые; міряне и черноризцы, — но тоже торго-

вые люди Новгорода; а вмѣстѣ съ ними купцы итальянскіе; даже евреи, по немъ проливали горячія, непритворныя слезы. Князь Мстиславъ не успѣлъ пріѣхать на погребеніе Владиміра Васильковича; а Юрій Львовичъ, едва Владиміръ скончался, поспѣшилъ занять своими полками Брестъ и Каменецъ. Только угрозы Мстислава призвать на помощь противъ него татаръ, заставила князей галицкихъ добровольно оставить въ покоѣ чужую землю и возвратить Мстиславу, ему завѣщанные города. Владиміръ повидимому не ошибся въ выборѣ себѣ преемника: Мстиславъ умѣлъ сохранить съ сосѣдями миръ и заслужить ихъ уваженіе. Литовскіе князья Черной Руси: братья Бурдикидидъ и Будивидъ, дабы укрѣпить миръ съ Волынью, ему уступили городъ Волковыйскъ. Ятваги, отчасти присоединенные къ Литвѣ Тройденомъ, не смѣли оскорблять русскихъ, желая получать отъ нихъ хлѣбъ; взамѣнъ же имъ поставляя воскъ, черныхъ куницъ, бобровъ и даже серебро. Польша въ то время была терзаема междоусобіями. И Левъ Даниловичъ и Мстиславъ принимали живое участіе въ судьбѣ Польши, поддерживая своими полками польскихъ князей противъ селезскихъ нѣмцевъ, стремившихся овладѣть Краковымъ. Въ числѣ ихъ союзниковъ былъ князь куявскій: Вольдемаръ Казиміровичъ Локетокъ, впослѣдствіи знаменитый объединитель польской земли. Краковскій каменный замокъ былъ очень крѣпокъ и хорошо снабженъ метательными орудіями: самострѣлы ихъ большіе и малые, поворачивались по всѣмъ направленіямъ. Изъ подъ Кракова князь Левъ Даниловичъ ѣздилъ на свиданіе съ чешскимъ королемъ Вацлавомъ II и, заключивъ съ нимъ союзъ, возвратился домой въ 1291 г.

Кромѣ потомковъ князя Романа Мстиславича Великаго, на западъ отъ Днѣпра, волынской лѣтописью упоминаются еще князья пинскіе, изъ рода Святополка II Михаила; а на восточной его сторонѣ мы встрѣчаемъ Романа брянскаго съ сыномъ Олегомъ. Князь Левъ Даниловичъ,—въ молодости отличавшійся, какъ мы видѣли, буйнымъ, неукротимымъ нравомъ, подъ старость совсѣмъ успокоился и мирно занялся устроеньемъ своей земли, особенно украшая и укрѣпляя свою столицу Львовъ, гдѣ онъ поселилъ много иноземныхъ торговцевъ и нѣмецкихъ ремесленниковъ,—а такъ же армянъ и евреевъ. Онъ скончался почти одновременно съ братомъ Мстиславомъ въ 1301 г.—оставивъ княженіе своему сыну Юрію. Князь Юрій Львовичъ соединилъ въ своихъ рукахъ обѣ главныя волости Юго-западной Руси: галицкую и волынскую, держа подъ своимъ вліяніемъ тоже князей другихъ мелкихъ ея удѣловъ,—помимо пинскихъ, еще на кіево-волынской окрайнѣ, а также въ Полѣсьѣ. Въ то же время по смерти чешскаго короля Вацлава II въ 1305 г. Владиславъ Локетокъ овладѣвъ Краково-Судомірскимъ княженіемъ, началъ собираніе польской земли. А затѣмъ началось объединенье Литвы,—когда во главѣ ея явились князь Витенъ и Гедиминъ.

Теперь, возвращаясь къ событіямъ сѣверной и сѣверо-восточной Руси мы не можемъ конечно обойти нашимъ вниманіемъ новгородской области. Во время кратковременнаго княженія Дмитрія Александровича во Владимирѣ, она не пользовалась ни внѣшнимъ миромъ, ни внутреннимъ порядкомъ. Со второй половины XI столѣтія посадники новгородскіе избирались обычно изъ одного круга именитыхъ фамилій. Если такой же обычай существовалъ и при избра-

ніи на другія должности, то само собою понятно какое значеніе должны были въ концѣ концовъ получить эти, возвысившіяся надъ другими гражданами, фамильи и какія волненія возникали въ городѣ по поводу вражды нѣкоторыхъ изъ нихъ другъ съ другомъ изъ различія цѣлей и несоотвѣтствія выгодъ двухъ названныхъ слоевъ новгородскаго населенія. Меньшіе люди Новгорода все чаще и чаще вооружаются противъ своихъ сановниковъ; тогда какъ «лучшіе» составляютъ совѣтъ: какъ побить меньшихъ? чтобы князя въ Новгородѣ поставить по своей волѣ. Подъ именемъ—большихъ, вячшихъ, людей, или что то же бояръ новгородскихъ,—разумѣлись всѣ правящія лица: какъ отправляющіе какую-либо высшую должность, такъ и вообще всѣ члены фамилій, успѣвшихъ сосредоточить такія должности въ кругу своего родства. «Слово люди»—по старинѣ, часто имѣло значеніе только черныхъ, простыхъ людей; но въ противуположность дружинамъ, встрѣчается тоже названіе «людей земскихъ». Горожане, занявшіе въ Новгородѣ положеніе исключительное по своему богатству, назывались «житными» людьми, или мужами.

Въ 1287 г. мужественный посадникъ Симеонъ Михайловичъ, побѣдившій при устьѣ Невы нѣмецкаго воеводу Турунду, истребивъ большую часть его шнекъ и лойвъ, т. е. судовъ,—обвиненный неблагодарными гражданами въ злоупотребленіи властью, былъ осажденъ въ своемъ домѣ вооруженной толпой. Хотя архіепископъ и скрылъ его въ Софійскомъ соборѣ, но онъ на другой день умеръ отъ огорченья вслѣдствіи несправедливой обиды.

На Финскомъ сѣверѣ мы встрѣчаемъ успѣшное распространеніе христіанства, гдѣ исчезаетъ мало-по-малу господство язычества и волхвовъ; но зато

земля карелъ стала спорною между шведами и новгородцами, что дало имъ поводъ мѣнять вѣру вмѣстѣ съ зависимостью отъ того или другого народа. Позже: въ 1292 году шведы, имѣя у себя королемъ малолѣтняго Биргера II подъ опекою умнаго маршала Кнутсона,—вновь овладѣли частью русской Кореліи, гдѣ имъ желательно было усмирить жителей, безпокоившихъ сѣверо-восточныя земли Швеціи и грабившихъ купеческія суда въ Финскомъ заливѣ. Они стремились тоже присвоить себѣ господство въ торговлѣ нѣмцевъ съ Новгородомъ, на которую смотрѣли неблагопріятно. Король Биргеръ въ 1295 г. писалъ городу Любечу, что лишь ради германскаго императора шведы не будутъ тревожить нѣмецкихъ купцовъ, ѣдущихъ въ Новгородъ съ товарами, такъ какъ для Швеціи эта торговля невыгодна, усиливая враговъ ея: новгородцевъ. Онъ поставилъ условіемъ нѣмецкимъ купцамъ: не ввозить въ Новгородъ оружія, стали и желѣза! Середи карелъ шведы старались укоренить латинскую вѣру и въ виду всѣхъ этихъ цѣлей построили въ глубинѣ одной изъ финляндскихъ бухтъ, противъ Березовыхъ острововъ, крѣпкій городъ—Выборгъ; вслѣдствіи чего они стали твердой ногой въ завоеванной ими области, а въ 1300 г. самъ маршалъ Кнутсонъ со многими кораблями вошелъ въ Неву и заложилъ еще одну сильную крѣпость при устьи рѣчки Охты, для чего папа прислалъ ему лучшихъ строителей изъ Италіи. Стѣны новаго города, названнаго Вѣнцомъ земли—по нѣмецки: Ландскронъ, снабжены были метательными орудіями и Кнутсонъ оставилъ тамъ шведское войско. Такимъ образомъ шведы отрѣзывали новгородцамъ великій водный путь въ Балтійское море и во всякое время могли имъ запереть торговое

сношенье съ Ганзейскими городами. Передъ лицомъ столь явной грозной опасности, посягающей на основную нить ихъ торговой жизни, — новгородцы напрягали всѣ свои силы для отраженья врага и призвали къ себѣ на помощь суздальскіе полки. Ихъ повелъ на Ландскронъ самъ вел. кн. Андрей Александровичъ въ маѣ мѣсяцѣ 1294 г. Крѣпость была взята и совершенно раскопана. Храбрый шведскій отрядъ, ее защищавшій, былъ истребленъ, а частью захваченъ въ плѣнъ. Опасность со стороны этихъ шведскихъ нашествій была тѣмъ сильнѣй, что датчане на южномъ берегу Финскаго залива пытались сдѣлать по отношенію къ новгородской области то же, къ чему шведы стремились на сѣверѣ. Они хотѣли отнять у Новгорода другую часть Ижоры и смежныя съ ихъ страной земли Водской Пятины. Новгородцы однако не допустили датчанъ перейти на правый берегъ Наровы и въ 1302 г. заключили миръ съ королемъ датскимъ Эрихомъ VI. Обороною области Водской Пятины новгородцамъ служила, построенная княземъ Дмитріемъ Александровичемъ крѣпость Копорье, гдѣ не удалось утвердиться датчанамъ. Но со стороны шведовъ новгородцы довольствовались уничтоженіемъ ихъ укрѣпленій вмѣсто того чтобы самимъ укрѣпиться при устьѣ Невы, чѣмъ обезпечить за собой водный путь къ Балтійскому морю. Торговля содѣйствовала распространенію разныхъ ремеслъ и искусствъ тамъ, гдѣ она процвѣтала—и потому сами торговые города, подобные Пскову, Смоленску, Новгороду и Полоцку, отличаясь богатствомъ и многочисленностью своихъ церквей, были тоже прекрасно укрѣплены.

Ливонскіе нѣмцы такъ же, какъ и датчане, и шведы, смотрѣли съ завистью на прямыя торговыя

сношенья Руси съ ганзейскими городами и не оставляли попытокъ присвоить себѣ посредничество въ этой торговлѣ. Въ концѣ XIII столѣтія они вздумали вновь напасть на Псковъ. Меченосцы внезапно къ нему подступили въ 1299 г. Но еще живъ былъ храбрый Девмонтъ. Съ небольшою дружиною, не мѣшкая въ ожиданіи войска изъ Новгорода и областныхъ волостей, онъ прижалъ нѣмцевъ къ крутому берегу рѣки Великой и на голову ихъ разбилъ у церкви Петра и Павла. Это было послѣднимъ подвигомъ престарѣлаго доблестнаго вождя. Въ маѣ того же года онъ заболѣлъ и умеръ къ неутѣшному горю всѣхъ псковитянъ. Онъ погребенъ былъ въ томъ же Троицкомъ древнемъ соборѣ, гдѣ покоился прахъ его основателя Кн. Всеволода—Гавріила Мстиславича. Внутренняя городская стѣна Пскова «охабень»—носитъ названіе Девмонтовой стѣны.

Литовцы продолжали свои набѣги на сосѣднюю Русь: въ особенности на области—тверскую и новгородскую. Въ 1285 г. даже жители не столь значительныхъ городовъ, какъ Москва и Дмитровъ, принуждены были вооружиться для отраженія ихъ.

Во второй половинѣ XIII столѣтія Москва, сдѣлавшись сосредоточеніемъ особаго удѣльнаго княжества, имѣла въ своихъ стѣнахъ нѣсколько церквей и монастырей. Она все увеличивалась и послѣ нашествія Батыя оправилась гораздо скорѣе Владиміра.

Когда южная Русь обезсилила отъ усобицъ и размельчанья ея удѣловъ послѣ татарскаго погрома,—такъ что тамъ нельзя было больше нигдѣ жить безопасно, то необходимо должно было усилиться переселенье народа съ юга на сѣверъ въ мѣста болѣе спокойныя; и первымъ мѣстомъ куда попадали бѣглецы съ Поднѣпровья, была Москва, гдѣ они и оса-

живались, такъ какъ находили въ ней достаточно хлѣба и дѣла для ежедневнаго заработка. Приливъ силъ и средствъ въ Москвѣ уже тогда давалъ себя чувствовать. Возроставшее отъ оживленныхъ торговыхъ сношеній съ Готландомъ и нѣмецкими городами, новгородское населеніе, требовало съ низовыхъ областей большое количество хлѣбныхъ запасовъ; Новгородъ же къ себѣ стягивалъ и пушные товары, а также медъ, ленъ, воскъ и коноплю. Всѣ богатства земли рязанской, покрытой густыми злачными нивами и славившейся изобиліемъ въ своихъ лѣсахъ цѣнныхъ звѣрей,—шли въ Псковъ или Новгородъ черезъ Москву. На нее же лежалъ удобнѣйшій путь для привоза туда самыхъ цѣнныхъ финскихъ мѣховъ изъ Казани и Великихъ Булгаръ. Подвинье и знаменитое новгородское Заволочье, получая изъ областей волжскаго Междурѣчья хлѣбъ,—должны были за него платить мѣхами и солью: такъ что великіе князья московскіе впослѣдствіи отъ себя посылали къ Бѣлому морю промышленныя ватаги и терскій берегъ сдѣлали своимъ достояніемъ. Волжско-окская область приняла на себя посредство въ торговлѣ между востокомъ и западомъ; а главнымъ узломъ его оказалась Москва. По Волгѣ, на судахъ и караванами, Москва сообщалась съ Каспійскимъ моремъ, а черезъ него съ далекимъ востокомъ. Новыя экономическія условія скоро должны были прекратить дробленіе русской земли и началось движенье обратное: собиранія ея вокругъ торговыхъ жизненныхъ сосредоточій русскаго государства: Новгорода, Москвы и Твери. Здѣсь объединеніе получило широкій хозяйственный смыслъ, и для него имѣлась,—торговымъ обмѣномъ въ изобиліи доставляемая,—денежная казна. Оцѣнивъ все значеніе для себя Между-

рѣчья и понимая свою зависимость отъ него, какъ отъ насущно потребнаго имъ, хлѣбнаго рынка,—новгородцы всегда стремились великаго князя владимірскаго имѣть княземъ и въ Новгородѣ. Такъ что установилось такое обыкновеніе, какое существовало уже во времена древней русской столицы въ Кіевѣ: что владимірскій князь обязательно правитъ и Новгородомъ. Однако прежде Великій Новгородъ, такимъ образомъ подчинялся сильнѣйшему князю; съ половины же XIII столѣтія, когда захирѣлъ безвозвратно Владиміръ на Клязьмѣ,—скорѣе Новгородъ своему князю давалъ въ придачу владимірское княженіе, нежели самъ входилъ въ его составъ. Тогда эта тѣсная зависимость отъ новгородцевъ не позволяла какой-либо княжеской линіи укрѣпиться во Владимірѣ какъ въ своей отчинѣ. Великокняжескій столъ перебрасывается изъ рукъ въ руки, все охотнѣе передаваясь Новгородомъ во власть князьямъ московскимъ или тверскимъ. Соединеніе Волхова съ Клязьмой черезъ верхнюю Волгу, или рѣку Москву, дѣлало владимірскій столъ особенно привлекательнымъ для князей волжскаго Междурѣчья и породило ожесточенную борьбу за него. Борьба эта обострялась и усложнялась тѣмъ, что почти ни одинъ великій князь не мирился съ узкими рамками княжеской власти въ Новгородѣ. Московское княжество развивалось въ трудныхъ условіяхъ такой борьбы. Мы уже видѣли, что Даніилъ Александровичъ въ ней принималъ участіе противъ брата своего Дмитрія, а потомъ онъ воевалъ съ Андреемъ, войдя въ союзъ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ и со своимъ племянникомъ Иваномъ Дмитріевичемъ переяславскимъ.

Глава IX.

Переходъ порядка наслѣдованья княжескихъ волостей по очереди старшинства, въ личную собственность того или инаго князя и завѣщаніемъ ее по усмотрѣнію самаго владѣтеля. Географическія и бытовыя особенности верхне-волжской Руси въ ея отличіе отъ приднѣпровской, кіевской. Дробленіе областей на особые мелкіе, многочисленные удѣлы. Союзъ Михаила тверскаго съ Иваномъ Дмитріевичемъ переяславскимъ и Даніиломъ московскимъ, противъ вел. кн. Андрея. Завѣщаніе Иваномъ Дмитріевичемъ своей волости Даніилу. Даніилъ Александровичъ: первый могущественный московскій князь и собиратель русскихъ земель вокругъ Москвы. Смерть Андрея и начало борьбы Москвы съ Тверью за первенство, при взаимныхъ притязаніяхъ этихъ князей на владимірскій столъ. Перенесеніе митрополитомъ Максимомъ митропольничей каѳедры изъ разореннаго, опустѣвшаго Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ. Смерть галицкаго короля Льва Даниловича и переходъ его княженія въ руки его сына Юрія Львовича. Упадокъ Владиміра, какъ столицы русской земли. Значеніе Твери при Кн. Всеволодѣ III. Пораженіе Иваномъ Даниловичемъ тверской рати подъ Переяславлемъ. Перевѣсъ Михаила въ ордѣ и полученіе имъ ярлыка на великокняженіе. Переемникъ митрополита Максима Петръ и его пребываніе во Владимірѣ вмѣсто Кіева, по примѣру Максима.

Руководить установлявшимся на Верхнемъ Поволжьи новымъ строемъ русской государственной жизни и русскаго общества, пришлось тремъ младшимъ отраслямъ княжескаго рода, исходящимъ отъ корней своихъ въ Рюрикѣ новгородскомъ и Олегѣ кіевскомъ,—но уже съ померкавшими родовыми преданіями, съ преобладавшею узкой родственной связью: то были рязанскіе Ярославичи (Константиновичи)—Всеволодовичи ростово-суздальскіе и Федоровичи ярославскіе, изъ смоленской вѣтви Мономахова племени. Всматриваясь во владѣльческія отношенія потомковъ Всеволода, мы можемъ замѣтить что въ суздальской землѣ утверждается постепенно тотъ новый порядокъ

княжескаго владѣнія, не похожій на прежній, о которомъ мы уже говорили съ достаточною подробностью. Послѣ разгрома Руси на сѣверѣ и на югѣ онъ продолжаетъ послѣдовательно развиваться безъ перерыва, все при тѣхъ же условіяхъ, создавшихся въ XIII вѣкѣ. Послѣ татарскаго нашествія Кіевъ окончательно падаетъ и для потомковъ Всеволода Большое Гнѣздо Владиміръ на Клязьмѣ заступаетъ мѣсто его по значенію великокняжескаго стола, а также сосредоточія верхневолжской Руси. За Кіевомъ остается еще нѣкоторое время значеніе центра церковнаго управленія. Послѣ того что Константинъ Всеволодовичъ возстановилъ свое старшинство, отнятое у него отцомъ, дѣти Всеволода сидѣли на столѣ владимірскомъ по порядку своего старшинства: сначала Константинъ: потомъ Юрій II; за нимъ Ярославъ, а потомъ, кратковременно Святославъ. Но такъ какъ въ борьбѣ съ татарами пали всѣ сыновья старшихъ Всеволодовичей,—то владимірскій столъ по очереди перешелъ къ сыновьямъ третьяго Всеволодовича: Ярослава. Изъ нихъ, какъ мы видѣли, во Владимірѣ княжили, послѣ изгнанья оттуда Андрея ханомъ Ногаемъ,—Александръ Ярославичъ Невскій; третій братъ его—Ярославъ тверской и за нимъ, младшій, Василій Ярославичъ. Но рядомъ съ владимірской областью, составлявшей общее достояніе Всеволодовичей и попадавшее въ руки князей по очереди старшинства,—въ ростово-суздальской области образовалось нѣсколько мелкихъ обособленныхъ волостей, гдѣ княжили младшіе Всеволодовичи. И вотъ они-то передавались изъ рукъ въ руки, уже не въ порядкѣ рожденій, по очереди старшинства, а въ порядкѣ поколѣній, по прямой нисходящей линіи: къ сыну, минуя братьевъ. На сѣверѣ младшія вотчины въ

XIII вѣкѣ становятся постоянною личной собственностью того или другаго князя; его наслѣдственнымъ достояньемъ, а потому этотъ князь распоряжался волостью по своему усмотрѣнію—и послѣ смерти могъ завѣщать ее за неимѣніемъ сыновей, кому угодно. Какъ мы увидимъ дальше переяславскій князь Иванъ Дмитріевичъ, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ свой удѣлъ кн. Даніилу московскому. Еще пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ говоритъ, что борьба съ погаными половцами ослабѣла потому, что братъ сказалъ брату:—«это мое, а то мое же»—и начали князья на радость врагамъ своимъ сами на себя ковать крамолу». Но родовая нераздѣльность княжескаго владѣнія на Руси имѣла опору въ особенностяхъ мѣстоположенія земли кіевской. Она собственно заключалась среди водной системы одной рѣки—Днѣпра: такъ сказать большой столбовой дороги русскаго народно-хозяйственнаго движенія въ минувшія времена; а многочисленные притоки Днѣпра можно было назвать подъѣздными путями этой основной кровеносной жилы всей кіевской области. Совсѣмъ иною была верхневолжская Русь. Здѣсь мы видимъ прежде всего частую сѣть рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ въ разныя стороны; и населеніе расплывалось по нимъ не въ одинаковомъ направленіи. Длинныя полосы заселенныхъ мѣстъ представляли изъ себя острова, тянувшіеся среди моря малодоступныхъ лѣсовъ и болотъ. Эти мелкія рѣчныя области послужили готовыми рамками для дробленія на удѣлы и поддерживали его. Кромѣ того новыя поселенія русской народности въ верхнемъ Поволожьи ставили его князей въ иныя отношенія къ своимъ княжествамъ чѣмъ, это было при старомъ кіевскомъ строѣ общества.

Садясь на сѣверѣ въ свой удѣлъ первый князь

его заставалъ обыкновенно въ своемъ владѣніи не готовыя уже общественныя условія, при которыхъ ему предстояло править,—но пустыню, только начинавшую заселяться. Тамъ все предстояло еще устроить, чтобы создать новое общество. Край оживалъ на глазахъ своего князя; глухія дебри расчищались; пришлые люди садились на новяхъ; только что заводились разные промыслы и доходы съ нихъ мало-по-малу приливали въ княжескую казну. Всѣмъ этимъ руководилъ князь; все это онъ считалъ дѣломъ рукъ своихъ: личнымъ своимъ созданьемъ. Юрій Владиміровичъ Долгорукій началъ обстраивать ростово-суздальскія области; сынъ его Андрей Боголюбскій продолжалъ работу отца. Чувствуя себя полнымъ хозяиномъ въ своей волости, онъ не имѣлъ никакой охоты дѣлиться ею съ другими; ее вводить въ кругъ общаго, родоваго владѣнья князей. Подобно старшему брату смотрѣлъ на землю ростово-суздальскую и поступалъ съ нею Всеволодъ III; а ихъ образъ дѣйствій сталъ завѣтомъ для всѣхъ потомковъ Всеволода. Здѣсь на сѣверѣ новому понятію объ удѣлѣ, какъ о личной собственности владѣльца, не угрожало противодѣйствіе, какое встрѣтилось бы ему на югѣ со стороны бояръ, старыхъ вліятельныхъ городовъ и самихъ князей. На сѣверѣ сила боярства, уже сама по себѣ не особенно крѣпкая—и то лишь двухъ старшихъ городовъ: Ростова и Суздаля,—была надорвана сословной усобицей; а князья этой страны: въ XIII вѣкѣ все птенцы одного Большаго Гнѣзда Всеволода III,—воспитывались въ одинаковыхъ понятіяхъ и привычкахъ. Въ новой обстановкѣ, на верхней Волгѣ, все обособлялось; широкія общественныя связи порывались и всѣ отношенія съуживались. Общество распадалось на мелкіе мѣстные міры; каждый

уходилъ въ свой тѣсный земледѣльческій уголокъ, ограничиваясь сосѣдскими, или случайными связями внѣ его.

Устоявшійся старый кіевскій бытъ разстроился; но тѣмъ не менѣе переселеніе русской народности съ юга, принесло и въ поволжскій край одинаковое съ Днѣпровской Русью сложеніе общества: то были князья, ихъ дружины, городской торгово-промышленный классъ и, перемѣшавшееся изъ разныхъ, утратившихъ свое значеніе областей,—деревенское населеніе. Только въ новомъ удѣльномъ порядкѣ правленія на Руси носителемъ власти стало «лицо», а не родъ. Прежде всего этотъ порядокъ сопровождался все усиливавшимся удѣльнымъ дробленіемъ, т. е. постепеннымъ измельчаньемъ удѣловъ. Члены княжеской семьи размножились и, не имѣя возможности занимать княжескіе столы въ другихъ областяхъ, принуждены были дробить все больше наслѣдственныя свои отчины. Наконецъ появились цѣлыя группировки удѣловъ, въ коихъ выдѣлялись княженія старшія,—какъ это было и на Днѣпровской Руси. Вокругъ великаго князя владимірскаго появились еще великіе князья: тверской, нижегородскій и ярославскій; причемъ на такихъ мѣстныхъ старшихъ столахъ утверждались обыкновенно старшія линіи разныхъ вѣтвей племени Всеволода Большое Гнѣздо, съ правомъ удѣльнаго наслѣдованья въ нисходящемъ порядкѣ. При старшемъ, владимірскомъ княжествѣ, считавшемся общимъ достояніемъ Всеволодовичей,—появились удѣлы: Ростовскій, Переяславль-Залѣсскій и Юрьевъ Польскій. А когда внуки Всеволода стали на мѣста отцовъ, то къ нимъ прибавилось еще дробленіе на удѣлы: суждальскій, костромской, московскій. Ростовское княжество распалось еще на двѣ

половины: ростовскую и бѣлозерскую. Оно выдѣлило изъ себя удѣлы младшіе: ярославскій и углицкій, гдѣ княжилъ вторый сынъ Константина Всеволодовича—Владиміръ. Такъ же тверской удѣлъ обособился отъ земель переяславскаго княжества. Этотъ удѣлъ возвысился и усилился во время несчастнаго, по временамъ прерывавшагося княженія—то во Владимірѣ, то въ Ярославлѣ; гонимаго братомъ Андреемъ и неистовыми, ужасными его союзниками: татарами,—Дмитрія Александровича. Князь Ярославъ Ярославичъ учередилъ въ Твери отдѣльное епископство.

Послѣ кончины въ 1280 г. въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, извѣстнаго своими заслугами и книжною мудростью, Кирилла II кіевскаго, россійское духовенство въ продолженіе двухъ лѣтъ оставалось безъ митрополита, такъ какъ въ то время патріархъ константинопольскій, Іоаннъ Векка, ученый, краснорѣчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ лукавый льстецъ,—въ угоду императору византійскому Михаилу Палеологу, вздумалъ передать православіе въ руки папства и подчинить восточную церковь западной; потому что Палеологъ тогда искалъ у папы посредничества между нимъ и братомъ французскаго короля Людовика—Карломъ, угрожавшимъ Греціи своимъ господствомъ въ Средиземномъ морѣ. Отъ подобнаго патріарха русское духовенство не хотѣло принять главы и лишь въ 1283 г. грекъ Максимъ посвященъ былъ въ митрополиты кіевскіе старцемъ Іосифомъ, призваннымъ вновь на патріаршій столъ Византіи по смерти императора Михаила, гнавшаго и казнившаго многихъ ревностныхъ служителей церкви за то, что они громогласно его осуждали.

Мы уже видѣли, что злочастный сынъ Александра Невскаго—Дмитрій, благодаря хану Ногаю,

водворившійся временно во Владимірѣ, по законному своему праву, великимъ княземъ,—поладилъ мирно съ вел. кн. тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ, когда подошелъ было къ Кашину, чтобъ отомстить его, умершему въ это время, дядѣ—Святославу, за помощь, оказанную этимъ княземъ Андрею. Слѣдствіемъ мирнаго договора явился союзъ Михаила Ярославича послѣ смерти Дмитрія, съ кн. Иваномъ Дмитріевичемъ и Даніиломъ московскимъ противъ Андрея получившаго уже возможность назваться законнымъ великимъ княземъ владимірскимъ. На сторонѣ же послѣдняго стояли: кн. Федоръ Черный и Константинъ Борисовичъ ростовскій, — бывшій князь углицкій, получившій Ростовъ въ наслѣдство отъ умершаго старшаго брата.

Между тѣмъ и вел. кн. Андрей, и Михаилъ тверской, оба были женаты на дочеряхъ покойнаго Дмитрія Борисовича ростовскаго, такъ что первые два года послѣ прекращенія спора за великокняжскій столъ между сыновьями Александра Невскаго, прошли мирно; но этотъ миръ не могъ быть проченъ, когда каждый удѣльный князь искалъ для себя независимости и господствующей власти; когда великій князь во Владимірѣ былъ главою другихъ князей только по имени,—притомъ въ лицѣ Андрея себѣ заслужилъ со стороны народа вмѣсто любви и уваженія одинъ постыдный горькій укоръ, какъ разоритель отечества мечомъ татаръ и, въ своемъ себялюбіи, имъ поливавшій безчеловѣчно кровь тысячи неповинныхъ жителей родной земли, содрогавшейся отъ нашествія воеводъ татарскаго хана.

Теперь Іоаннъ Дмитріевичъ переяславскій и Даніилъ московскій хотѣли пріобрѣсти во время великокняженія Андрея такую же независимость какой

добились при Дмитріи Александровичѣ Федоръ Черный и Михаилъ тверской. Это послужило причиной раздора въ 1296 г. Ханскій посолъ явился посредникомъ во Владимірѣ между поссорившимися князьями, въ слѣдствіе жалобъ Андрея, ѣздившаго въ орду искать милости хана Тохты. Но этотъ третейскій татарскій судъ ни къ чему не привелъ. Посолъ получилъ отъ князей дары и, тогда какъ Іоаннъ переяславскій въ свою очередь поѣхалъ къ орду, Андрей собралъ войско съ цѣлью захвата его удѣла. Но подъ Юрьевымъ-Польскимъ онъ встрѣтилъ соединенную рать: московскую и тверскую, ему преградившую путь въ Переяславль. Тогда Андрей заключилъ съ враждебными ему князьями болѣе искренній миръ, чѣмъ тотъ, который былъ имъ обѣщанъ послу хана Тохты. Послѣ того до самой смерти Андрея князья старались рѣшать спорныя свои дѣла по древнему, давно исчезнувшему середи нихъ обыкновенію: общимъ съѣздомъ и совѣщаньемъ. На одномъ изъ такихъ съѣздовъ въ Дмитровѣ произошла размолвка между Іоанномъ переяславскимъ и Михаиломъ тверскимъ; зато Іоаннъ еще тѣснѣе сблизился послѣ того съ Даніиломъ московскимъ и, умирая въ 1302 г. бездѣтнымъ, ему завѣщалъ переяславскій удѣлъ, къ большому неудовольствію своего старшаго дяди—Андрея.

Переяславль-Залѣскій славился въ Ростово-Суздальскомъ краѣ какъ хорошо укрѣпленный городъ, обнесенный наполненнымъ водою рвомъ и высокимъ валомъ, имѣвшій для своей защиты двойную стѣну съ 12-ью башнями. Въ переяславской области числилось много жителей и военныхъ людей, а также знатныхъ бояръ. Это важное наслѣдственное пріобрѣтеніе утверждало силу и независимость московскаго князя; тѣмъ болѣе что за два года до

того онъ взялъ въ плѣнъ рязанскаго князя Константина Романовича, проявивъ впервые, рѣдкую тогда смѣлость въ сраженіи съ находившимися въ рязанскомъ войскѣ татарами. Такимъ образомъ русскіе уже точили исподволь свои мечи для будущаго торжества и побѣды Руси надъ усыпленными, пріобрѣтеннымъ могуществомъ и вступающими между собой въ соперничество татарскими ханами. Трудныя времена вырабатываютъ стойкій нравъ и настойчивость въ достиженіи поставленныхъ себѣ цѣлей. При жизни дядей и старшихъ братьевъ Даніилъ Александровичъ не могъ проявлять притязаній на великое княженье владимірское; но за то онъ всѣ усилія свои направилъ на округленіе своего собственнаго, московскаго удѣла.

Москва раскинулась въ котловинѣ одной изъ самыхъ высокихъ мѣстностей Алаунской возвышенности. Главный торговый путь изъ южной Руси въ сѣверо-восточную,—или что то же,—изъ черниговокіевской земли въ суздальскую, шелъ вверхъ по Деснѣ; а затѣмъ небольшимъ волокомъ, отъ Брянска въ Оку, откуда суда спускались до устья Москвы рѣки и шли вверхъ по ней до середины ея теченія, гдѣ оно преграждалось въ одномъ изъ своихъ изгибовъ каменистымъ порогомъ, приходящимся нынѣ подлѣ храма Спасителя. Отсюда торговцы, либо простые путники, покидая суда, направлялись сухимъ путемъ въ Ростовъ, Суздаль и Владиміръ на Клязьмѣ. На томъ же мѣстѣ съ вышеозначеннымъ путемъ перекрещивался путь изъ юго-восточной Руси въ сѣверо-западную: иначе изъ муромо-рязанской земли въ новгородскую и смоленскую, къ верхней Волгѣ и верхнему Днѣпру. Такимъ образомъ Москва представляла изъ себя узелъ, гдѣ соединялось, какъ мы уже говорили, нѣсколько волоковъ съ однимъ изъ важ-

нѣйшихъ водяныхъ сообщеній; и залегала она среди торныхъ дорогъ, гдѣ проходили князья съ дружинами и купцы съ своими товарами. Уже помянутыя нами раскопки языческихъ кладбищъ на берегахъ рѣки, около устьевъ Неглинной и Яузы, указываютъ на существованіе здѣсь еще доисторическихъ поселеній въ глубокой древности. Понятно, что при распространеніи русскаго владычества въ Залѣсскомъ краѣ посреди финскаго народца—Мери, князья не могли не оцѣнить выгодъ сосредоточій вышеписанной мѣстности и построили городокъ на Боровицкомъ холмѣ, покрытомъ ранѣе, густымъ лѣсомъ: при впаденіи рѣчки Неглинной въ Москву-рѣку. Надо предполагать, что уже отецъ Юрія Долгорукаго, въ молодости не разъ посѣщавшій ростовскій край обратилъ вниманіе на мѣстоположеніе, гдѣ создалась Москва. Когда же Залѣсскій край сталъ выдѣляться въ самостоятельное суздальское княженіе, то Москва оказалась какъ-разъ на рубежѣ его съ рязанскими владѣніями; съ черниговскими и смоленскими, что увеличило ея значеніе при сынѣ Мономаха. Одного изъ сыновей Всеволода III—Владиміра, мы встрѣчаемъ уже удѣльнымъ московскимъ княземъ. А потомъ тамъ же княжилъ, предъ нашествіемъ Батыя, сынъ Юрія II, тоже Владиміръ.

Москва сдѣлалась, какъ мы видѣли, первой жертвой Батыя въ Ростово-Суздальскомъ краѣ. Слѣдующимъ удѣльнымъ княземъ въ Москвѣ мы видимъ брата Александра Невскаго Михаила Хоробрита,—на столько сильнаго, что онъ отнялъ владимірское великокняженіе у своего дяди Святослава. Онъ былъ предшественникомъ Даніила Александровича. Этотъ же умный и дѣятельный князь выросъ среди бурныхъ событій татарскихъ погромовъ и междоусобной брани князей изъ за владимір-

скаго стола. Давно уже суздальскіе князья стремились отнять у рязанской области ея порубежный городъ Коломну, по расположенію своему на лѣвомъ берегу Днѣпра, какъ бы тянувшему болѣе къ землѣ суздальской. Замыкая собою устье Москвы-рѣки Коломна являлась особенно важнымъ городомъ для князей московскихъ и обладаніе ею было для нихъ очень заманчиво. Даніилъ воспользовался раздоромъ среди рязанскихъ владѣтелей и смутами въ этой области, чтобы напасть на рязанскаго князя Константина. Онъ захватилъ его въ плѣнъ и, одержавъ побѣду надъ нимъ подъ Переяславлемъ-Рязанскимъ, затѣмъ овладѣлъ Коломной. Такимъ образомъ онъ явился еще ранѣе сына первымъ собирателемъ русскихъ земель вокругъ Москвы, такъ какъ во время его княженія московскій удѣлъ увеличился пріобрѣтеніемъ Переяславля Залѣсскаго и Коломны. Кромѣ того этотъ князь заботился объ устроеніи и укрѣпленіи своей столицы. Несмотря на татарское разореніе Москва успѣла при немъ обстроиться и стала его заботами, крѣпкимъ, цвѣтущимъ городомъ. Онъ какъ бы приготовилъ ее къ тому, чтобы она могла заступить мѣсто Владиміра на Клязьмѣ. Даніилъ внезапно скончался пока вел. кн. Андрей Александровичъ искалъ противъ него суда въ ордѣ. Онъ первый среди князей былъ погребенъ въ Москвѣ, въ церкви Св. Михаила. Послѣ него тамъ княжить остался старшій его сынъ Юрій Даниловичъ; тогда какъ второй его сынъ—Іоаннъ, получилъ Переяславль Залѣсскій—уже какъ городъ младшій передъ Москвой. Юрій не только безъ всякаго страха ждалъ возвращенья Андрея; но собирался еще новыми пріобрѣтеніями умножить земли московскія. Еще за годъ до смерти отца онъ съ братьями предпринималъ походъ въ смоленскую область, гдѣ

они отняли Можайскъ у смоленскаго князя Святослава Глѣбовича: племянника Федора Ярославскаго и привели его въ Москву плѣнникомъ. Такъ какъ Можайскъ располагается на верховьяхъ Москвырѣки, то съ того времени все ея теченіе вошло въ предѣлы московской области. Такимъ образомъ Юрій Даниловичъ сдѣлался вдругъ едва ли не сильнѣйшимъ княземъ сѣверовосточной Руси. Вернувшись изъ орды Андрей имѣлъ новое мирное совѣщаніе съ нимъ и Михаиломъ тверскимъ; послѣ чего Переяславль-Залѣсскій все же остался за Москвою. Андрей Александровичъ вскорѣ послѣ умеръ и, столько же неразборчивый въ средствахъ, сколько честолюбивый, Юрій Даниловичъ, немедленно сталъ стремиться занять великокняжескій столъ во Владимірѣ, хотя за собой не имѣлъ на то никакого права. Но тутъ онъ встрѣтилъ соперника въ лицѣ двоюроднаго своего дяди: Михаила Александровича—князя тверскаго,—ему предъявившаго свое законное старшинство.

Съ возникновенія этой ссоры между Михаиломъ Ярославичемъ и, не пожелавшимъ отступиться отъ своего незаконнаго притязанія Юріемъ, — началась, знаменитая въ XV столѣтіи борьба между Москвою и Тверью, выдѣлявшейся въ общемъ составѣ ростово-суздальскихъ областей наровнѣ съ московскимъ удѣломъ. Раньше чѣмъ перенести на нее исключительное вниманье, подчеркнемъ, что великое княженіе Андрея Александровича, который умеръ въ 1304 г. заслужило ненависть современниковъ и презрѣнье потомства; а также оглянемся мимолетно на то какъ развивались за это время событія на югозападѣ и на югѣ.

Митрополитъ Максимъ покинулъ Кіевъ, чтобы не видѣть тамъ безчинства татаръ и въ 1299 г. перенесъ митрополію русскую во Владиміръ на Клязьмѣ.

Левъ галицкій съ своей стороны болѣе не заботился о древней столицѣ предковъ своихъ,—такимъ образомъ окончательно предоставленной въ жертву татарамъ. Большая часть кіевлянъ разбѣжалась по другимъ городамъ. Кстати замѣтимъ, что подчиненіе нѣкоторыхъ западныхъ русскихъ областей Литвѣ, внесло въ княжескія отношенія мѣстныхъ князей, условія, давшія имъ совсѣмъ особое направленіе. Великій князь тамъ держался поверхъ всѣхъ мѣстныхъ князей, а не входилъ въ ряды ихъ: не былъ лишь старшимъ изъ удѣльныхъ,—что составляетъ существенное различіе удѣльнаго строя западной половины Руси. Левъ Даниловичъ мирно скончался въ 1301 доживъ до глубокой старости и завѣщавъ предать землѣ свое тѣло безъ всякой пышности. По грамотамъ его времени, сохранившимся въ Львовѣ видно насколько русскій языкъ утратилъ тогда свою чистоту въ Галиціи, смѣшавшись отчасти съ польскимъ. Льву Даниловичу наслѣдовалъ сынъ его Юрій Львовичъ, соединившій въ своихъ рукахъ по смерти дяди Мстислава, съ галицкою землей и область владиміроволынскую. Онъ именовался, подобно дѣду, россійскимъ королемъ, что значилось на его печати, сохранившейся въ Кенисбергѣ вмѣстѣ съ письмами владѣтелей галицкихъ къ магистрамъ нѣмецкаго ордена. Въ 1304 г. магистръ ливонскихъ рыцарей, послѣ неудачной для нѣмцевъ осады Пскова, со всѣми чиновниками и епископами своими, постановилъ избѣгать войны съ русскими князьями, дружелюбно рѣшая споры.

Возвратимся теперь къ московскимъ дѣламъ и тверскому княжеству. Хотя наша лѣтопись впервые упоминаетъ о Твери въ началѣ XIII ст. и первымъ удѣльнымъ княземъ тверскимъ является только внукъ

Всеволода III Большое Гнѣздо, братъ Александра Невскаго: Ярославъ Ярославичъ: но нѣтъ сомнѣнія что городокъ этотъ существовалъ и раньше; что русскіе князья не могли безъ вниманія оставить мѣсто при впаденіи въ Волгу рѣки Тверцы, гдѣ сосредоточивалось движеніе изъ Новгорода въ низовыя волжскія земли и Всеволодъ III особенно долженъ былъ оцѣнить Тверь при частыхъ своихъ столкновеніяхъ съ новгородцами. Ему необходимо было здѣсь укрѣпить устье Тверцы въ виду новгородскаго пригорода—Торжка, лежащаго на Тверцѣ. Ярославъ Ярославичъ, ставъ великимъ княземъ владимірскимъ все-таки жилъ большей частью не во Владимірѣ, а въ наслѣдственной своей Твери и старался воспользоваться своимъ великокняжескимъ достоинствомъ для увеличенія своего удѣла, между прочимъ на счетъ сосѣднихъ съ нимъ новгородцевъ. Онъ оставилъ своимъ преемникамъ довольно сильное и округленное въ земельномъ отношеніи княжество. Его сынъ: юный Михаилъ Ярославичъ, возмужавъ, явился тамъ дѣятельнымъ, предпріимчивымъ княземъ. Мы видѣли что онъ возсталъ противъ самовластья вел. кн. Андрея Александровича и дѣйствовалъ заодно съ его братомъ: княземъ московскимъ. Но смерть Андрея совсѣмъ измѣнила отношеніе этого князя къ преемнику Даніила Юрію, послѣ того что Юрій, не обращая вниманія на законное его право, какъ внука Ярослава Всеволодовича, старшаго передъ нимъ, какъ правнукомъ того же князя,—выступилъ его соперникомъ въ наслѣдованіи великокняжескаго владимірскаго стола,—только по праву силы. Увѣщанія митрополита Максима остались тщетными и оба князя поѣхали въ орду. Тамъ же милость властителя и доступъ къ нему покупались простымъ угожденіемъ

хану и задариваньемъ близкихъ къ нему вельможъ. Званье великаго князя могъ пріобрѣсти тотъ изъ князей у кого въ рукахъ скопилось больше богатствъ. Поддерживая въ ордѣ дарами расположеніе къ себѣ хана такой князь и сыну подготовлялъ наслѣдованье великокняжескаго стола послѣ своей смерти. Но городъ Владиміръ почти потерялъ уже всѣ признаки первенства и столицы русской земли, такъ что получившіе старшинство князья не обязаны были жить въ немъ, а оставались въ своихъ удѣлахъ. Потому на Руси открылся новый важный вопросъ: въ какомъ городѣ утвердится теперь великокняжеское достоинство? Однимъ изъ условій усиленія власти князей возвысившихся подъ благосклоннымъ имъ покровительствомъ могучихъ хановъ, былъ непремѣнный приливъ въ ихъ землю военныхъ силъ изъ другихъ земель. Бояре русскіе со своими дружинами переходили на службу туда гдѣ князь становился вліятельнѣе и богаче. И въ началѣ XIV столѣтія должно было рѣшиться дальнѣйшимъ ходомъ событій: какая изъ княжескихъ родовыхъ линій поднимется выше всѣхъ и какая русская земля со своимъ главнымъ городомъ сдѣлается сосредоточіемъ русскаго міра, мало по малу стянувъ къ себѣ разрозненныя его части?

Михаилъ Ярославичъ былъ сынъ новгородской боярыни Ксеніи и какъ владѣтель Твери, Новгорода и Владиміра располагалъ большими богатствами, такъ что на службу къ нему отъѣхали бояре суздальско-нижегородскаго княжества, не желая служить у сыновей Андрея Александровича. Когда тверичанамъ не удался ихъ замыслъ пресѣчь Юрію въ Костромѣ путь къ татарскому хану, они схватили другаго брата его—Бориса и попытались внезапно напасть подъ начальствомъ своихъ бояръ на Переяславль-Залѣсскій. Но

тайно извѣщенный о томъ изъ Твери Иванъ Даниловичъ, котораго Юрій оставилъ вмѣсто себя въ Москвѣ, поспѣшилъ защитить это наслѣдье отца отъ тверскаго войска, осадившаго городъ. Къ Ивану на выручку пришелъ туда изъ Москвы кіевскій именитый бояринъ: Родіонъ, явившійся изъ разореннаго Кіева съ сыномъ и всѣмъ дворомъ своимъ на службу къ князю московскому, тогда какъ начавшій съ нимъ враждовать московскій бояринъ Акинфъ съ сыновьями перешелъ на сторону тверскаго князя. Родіонъ напалъ съ тыла на осаждавшую Переяславль тверскую рать, тогда какъ Іоаннъ Даниловичъ сдѣлалъ вылазку на нее изъ города. Тверичане понесли полное пораженіе и Родіонъ принесъ на копьѣ Ивану голову своего личнаго врага Акинфа.

А между тѣмъ въ ордѣ дѣло рѣшилось въ пользу Михаила, такъ какъ онъ за ярлыкъ на великаго князя могъ назначить хану болѣе дорогую цѣну. Юрій былъ человѣкъ жестокаго нрава. Желая вознаградить себя за вынужденную уступку стольнаго города Михаилу, захватомъ рязанской земли, лишенной своего князя Константина Романовича, взятаго въ плѣнъ Даніиломъ, онъ приказалъ умертвить въ Москвѣ Константина, послѣ чего расчитывалъ безпрекословно господствовать надъ Рязанью. Но и тутъ потерпѣлъ неудачу, такъ какъ отцу наслѣдовалъ подъ защитою хана, его сынъ — Ярославъ. Младшіе братья Юрія: вышеупомянутый Борисъ и Александръ Даниловичи, не могли съ нимъ ужиться, почему отъ него уѣхали въ Тверь. Въ 1308 г. Михаилъ опять ходилъ съ войскомъ подъ Москву; но овладѣть ею не могъ, причинивъ только много зла окрестнымъ жителямъ во время сраженій съ Юрьевой ратью подъ ея стѣнами.

Между тѣмъ сыновья Андрея Александровича: Михаилъ съ Василіемъ, княжили въ Суздальско-Нижегородскомъ удѣлѣ; и послѣ ранней кончины ихъ тамъ оставались теперь князьями два малолѣтнихъ сына Василія: Александръ и Константинъ. Существуетъ извѣстіе будто князь тверской захотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы силой оружія присоединить Нижній Новгородъ къ своему наслѣдственному удѣлу. Съ этою цѣлью онъ будто послалъ къ стѣнамъ этого города во главѣ тверской рати своего юнаго сына—Дмитрія. Но во Владимірѣ новый россійскій митрополитъ—Петръ, не допустилъ такого поступка и наложилъ церковное запрещеніе на дальнѣйшій походъ юнаго княжича. Съ 12 лѣтъ Петръ пребывалъ инокомъ въ одномъ монастырѣ, гдѣ научился искусству иконописанія. Получивъ санъ священника онъ построилъ церковь и основалъ собственную обитель на берегу рѣчки Рита, гдѣ будучи игуменомъ, имѣлъ случай какъ-то во время проѣзда черезъ тотъ край митрополита Максима, ему поднести икону собственнаго письма. Вскорѣ послѣ того митрополитъ Максимъ въ 1305 г. скончался, погребенный уже не въ Кіевѣ, а во Владимірѣ, въ соборномъ Успенскомъ храмѣ.

Съ упадкомъ Кіева и переходомъ всероссійскихъ митрополитовъ въ Ростово-Суздальскій край, естественно увеличилось давнишнее желаніе юго-западныхъ русскихъ князей, получить для своей земли особеннаго іерарха, или же возбудить ходатайство передъ константинопольскимъ патріархомъ объ утвержденіи митрополіи русской въ Галичѣ. Владѣтель Галиціи и Волыни: король Юрій Львовичъ убѣдилъ игумена ритскаго, ради осуществленія этой мысли, отправиться съ княжеской грамо-

той и послами галицкими въ Царьградъ, къ патріарху Афанасію,—между тѣмъ какъ туда же ѣхалъ отъ князя тверскаго Михаила Ярославича, другой игуменъ: Геронтъ, для поставленія его митрополитомъ со смертью Максима. Однако противные вѣтры на морѣ задержали Геронта; Петръ же совершивъ удачное плаванье, прежде его прибылъ въ Константинополь, гдѣ, благосклонно принятый патріархомъ, уважившимъ просьбу короля галицкаго, былъ рукоположенъ въ митрополиты; но получилъ приэтомъ обычный титулъ: «митрополита кіевскаго и всея Руси», такъ какъ въ Византіи по прежнему не одобряли раздѣленія русской митрополіи. Конечно, позже пріѣхавшему Геронтію, патріархъ Афанасій отказалъ въ посвященіи и, захваченныя уже имъ принадлежности архіепископскаго достоинства передалъ Петру вмѣстѣ съ иконою Богородицы, самимъ Петромъ написанной и поднесенной когда-то Максиму. Новопоставленный митрополитъ пребываніе свое утвердилъ, какъ и его предшественникъ, въ сосѣдствѣ съ великимъ княземъ ростово-суздальскимъ: во Владимірѣ на Клязьмѣ, откуда предпринималъ объѣзды по всей русской землѣ, учреждая порядокъ въ дѣлахъ церковныхъ и, насколько хватало силы его, усмиряя распри всегда безспокойныхъ удѣльныхъ князей, искавшихъ помощи у татаръ на великое горе и зло своему отечеству.

Завистникомъ митрополита Петра явился тверской епископъ—Андрей, стремившійся самъ, въ силу своего знатнаго происхожденія, какъ сынъ полоцко-литовскаго князя—Горденя, занять митропольничью каѳедру. Вслѣдствіи его клеветы на Петра и доноса византійскому патріарху, былъ собранъ церковный соборъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Во время собора этого завязались тѣсныя, дружескія сношенья съ

митрополитомъ Петромъ, переяславскаго князя: Іоанна Даниловича,—позже не мало способствовавшаго окончательному возвышенью Москвы.

Глава X.

Непріязненное отношеніе новгородцевъ къ Вел. Кн. Михаилу Тверскому. Объединеніе татарской орды послѣ смерти Тохты подъ властью молодаго хана Узбека. Водвореніе въ Новгородѣ московскимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ своего брата Аѳанасія и битва новгородцевъ съ полками Михаила вблизи Торжка. Женитьба Юрія Даниловича въ ордѣ на сестрѣ хана Узбека. Бѣдствіе тверичанъ при отступленіи ихъ отъ Новгорода къ Твери. Побѣда Михаила надъ Юріемъ Даниловичемъ подъ Тверью съ плѣненьемъ его жены и татарскаго воеводы Кавгадыя. Месть ему Юрія съ Кавгадыемъ въ ордѣ и призывъ Михаила для суда надъ нимъ хана Узбека. Мученичество и смерть въ ордѣ князя Тверскаго по происканъ князя московскаго. Жестокосердіе Михаила и супруга убитаго Михаила: Анна Кашинская. Покорность Юрію рязанскаго князя и его война за Новгородъ со шведами. Усмиреніе имъ устюжанъ и литовцевъ. Восемнадцатилѣтній миръ Пскова съ ливонскимъ орденомъ. Убіеніе въ ордѣ князя Юрія Дмитріемъ Михаиловичемъ. Грозныя Очи въ отомщеніе за смерть отца. Дарованіе Узбекомъ ярлыка на великое княженіе князю Александру Михаиловичу тверскому. Князья и судьба различныхъ мелкихъ удѣловъ русской земли. Іоаннъ Даниловичъ—князь московскій. Избіенье въ Твери ордынскихъ пословъ и возстановленіе Іоанномъ Даниловичемъ хана Узбека противъ тверскаго князя, бѣжавшаго въ Псковъ послѣ разграбленія татарскимъ войскомъ тверской земли для наказанія тверичанъ. Дружба Іоанна Даниловича, по прозванію Калита, съ митрополитомъ Петромъ и переѣздъ послѣднаго на житье въ Москву. Смерть и погребеніе митрополита Петра въ Москвѣ. Казнь Узбекомъ рязанскаго князя и требованье изъ Пскова на судъ къ себѣ Александра Михаиловича, спасшагося въ Москву.

Михаилъ Ярославичъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ спокойно пользовался своей первенствующей княжеской властью, за нимъ закрѣпленною татарскимъ ханомъ,—большею частью живя въ Твери. Своихъ на-

мѣстниковъ онъ имѣлъ и въ Великомъ Новгородѣ, со времени завоеванія его татарами, вынужденнаго платить вел. князю дань въ качествѣ участія въ общемъ платежѣ хану. Великіе князья, пользуясь правомъ взиманія съ Новгорода такого налога, старались какъ можно больше сорвать съ него выгодъ и для себя,—почему съ тѣхъ поръ отношенія новгородцевъ къ великимъ князьямъ стали очень натянутыми; по временамъ же открыто враждебными. Михаила тверскаго они не любили за его корыстолюбіе и самовластіе; а также за слабую поддержку имъ Новгорода и Пскова въ борьбѣ ихъ съ западными сосѣдями. До сихъ поръ новгородцы успѣшно отстаивали свою самобытность, благодаря распрямъ потомковъ Всеволода Большое гнѣздо и на этотъ разъ прибѣгли къ тому же средству противъ князя тверского, призвавъ на помощь къ себѣ его соперника князя московскаго, въ то время когда Михаилъ былъ вынужденъ выѣхать на поклонъ къ новому хану Узбеку въ татарскую орду, гдѣ произошелъ въ этой смѣнѣ хана, для Руси важный, но мало благопріятный ей переворотъ: а именно возстановилось единство орды, нарушенное ханомъ Ногаемъ. Его же ставленникъ—Тохта въ 1299 г. пошелъ войною противъ соперника и престарѣлый Ногай, проигравъ битву на берегахъ южнаго Буга, былъ смертельно раненъ во время бѣгства. Послѣ того орда Ногая снова соединилась съ Золотой-Волжской, и такое объединенье конечно усилило тяжесть татарскаго ига надъ русской землей. Племянникъ и переемникъ Тохты, молодой ханъ Узбекъ,—умный и предпріимчивый, снова возвелъ Кипчакское царство на прежнюю степень его могущества. Воспитанный въ магометанской религіи онъ укрѣпилъ въ Золотой ордѣ мусульманство. И вотъ къ нему

40) Картина: Кн. Михаилъ тверской кормитъ обѣдомъ нищихъ.

на поклонъ должны были выѣхать русскіе князья во главѣ съ Михаиломъ тверскимъ, дабы имъ быть утвержденными въ своихъ владѣніяхъ. Тогда Юрій Даниловичъ послалъ отъ себя въ Новгородъ боярина своего Федора Ржевскаго, перехватить тверскихъ намѣстниковъ; а потомъ явился туда и самъ къ большой радости новгородцевъ, съ братомъ Афанасіемъ, котораго онъ оставилъ намѣстникомъ своимъ въ Новгородѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что на сѣверо-востокѣ князья, стремясь, по мѣрѣ силъ къ увеличенію своихъ областей и къ разнымъ выгоднымъ промысламъ, стараются наперерывъ подчинить себѣ Новгородъ Великій и утвердиться въ немъ прочнѣе прежнихъ князей. Однако средства Новгорода обширны и борьба съ нимъ безуспѣшна при постоянныхъ войнахъ между собою, желающихъ овладѣть такимъ богатымъ торговымъ городомъ. Что касается населенія городовъ и селъ сѣверо-восточной Руси, то ко времени возвышенья Москвы они теряютъ уже свое значеніе и свой голосъ среди княжескихъ междуусобій. Ни одинъ князь не собираетъ болѣе вѣча для объявленія горожанамъ о какомъ либо важномъ общественномъ или государственномъ дѣлѣ и не уряживается ни о чемъ съ ними. Нѣсколько князей борятся за Владиміръ, но расположенье самихъ владимірцевъ къ тому или другому князю не принимается во вниманіе и отъ него не зависитъ нисколько исходъ самаго спора, какъ это было въ Кіевѣ, когда князья старались привлечь на свою сторону кіевлянъ. Одинъ князь изгоняетъ другого изъ Москвы; но о желаніяхъ москвичей не доходитъ до насъ ни слова; ни слова нигдѣ не встрѣчаемъ мы о московскомъ вѣчѣ. Изрѣдко только упоминаются вѣчевыя собра-

нія, какъ отголосокъ минувшей древности, въ Костромѣ, Нижнемъ, Торжкѣ и Ростовѣ. Да еще Брянскъ, Смоленскъ и Муромъ вмѣшиваются въ борьбу князей за обладаніе ими.

Тѣмъ не менѣе въ описываемое время Новгородъ, несмотря на всѣ усилія Андрея Боголюбскаго, Всеволода III и сына его Ярослава, сохранилъ прежнее значеніе старшихъ городовъ въ областяхъ, значеніе власти; сохранилъ прежній обычай,—«какъ на вѣче сходиться». Новгородцы держались старины. Новыя отношенія и нравы, возникшіе на сѣверѣ, не могли дать имъ новыхъ преимуществъ и все стараніе ихъ было только къ тому направлено, чтобы удержать прежнее. Договоръ ихъ съ великимъ княземъ заключался отъ имени архіепископа, посадника, тысяцкаго, соцкихъ; отъ всѣхъ старѣйшихъ и меньшихъ людей; причемъ Владыка посылалъ князю благословеніе, а гражданскіе чины и жители—«поклонъ». По условіямъ опредѣлявшимъ права князя какъ правителя, князь держалъ всѣ волости Новгорода не своими мужами, а новгородскими. Подъ именемъ волостей тогда разумѣли не только участки земли, но также должности и доходы. Великій князь не могъ раздавать грамоты съ волостями и рядить новгородцевъ безъ ихъ посадника; а также въ отсутствіи своемъ изъ Новгорода. Въ позднѣйшее время воли своей новгородцы даже присвоили себѣ право раздавать грамоты только отъ новгородскаго вѣча, помимо князя. Изъ всѣхъ условій видно, что Новгородъ не платилъ вел. князю никакихъ даней, кромѣ, издревле установившихся даней заволоцкихъ. А со времени татарскаго ига появился еще, такъ называемый «черный сборъ» для хана. Южные князья обыкновенно мирились съ своеволіемъ Новгорода и легко принимали его условія;

*

но съ тѣхъ поръ что первенствующее положеніе заняли князья сѣверные—мы видимъ ихъ постоянныя враждебныя столкновенія съ бытомъ Новгорода. Всеволодъ III Большое Гнѣздо привелъ уже Новгородъ въ свою волю и только южный князь—Мстиславъ Удалой помѣшалъ довершить это уничтоженіе новгородской свободы, сыну его—Ярославу. Князь Александръ Невскій, въ томъ что касалось Новгорода шелъ по слѣдамъ своихъ предковъ и братъ его—Ярославъ, едва не сломилъ новгородской гордыни съ татарской помощью. Московскіе же князья, получивъ первенство, измѣняютъ поведеніе прежнихъ великихъ князей относительно Новгорода. Они довольствуются лишь тѣмъ, что не допускаютъ дальнѣйшаго распространенія новгородскихъ правъ, а все вниманіе обращаютъ на то, чтобы получить съ Новгорода возможно большее количество денегъ и овладѣть доходами, получаемыми съ Заволочья. Подъ 1256 г. мы встрѣчаемъ извѣстіе, что Александръ Невскій повелъ за собою въ походъ полки новгородскіе, даже не объявляя имъ цѣли похода.

Михаила Тверскаго сопровождалъ въ орду самъ митрополитъ Петръ, чтобъ хлопотать передъ Узбекомъ объ оставленіи за православной церковью тѣхъ преимуществъ, что были дарованы ей при прежнихъ ханахъ.

Заручившись милостями Узбека, сохранившаго вѣротерпимость предковъ своихъ, Михаилъ возвращался домой съ ханской грамотой и грознымъ отрядомъ татаръ противъ измѣнившаго ему Новгорода, откуда Юрій былъ вызванъ на судъ къ хану Узбеку за свои враждебныя дѣйствія противъ великаго князя. Новгородцы съ Афанасіемъ ждали, вооруженные Михаила вблизи Торжка. Тверь со своими городами

была слишкомъ опаснымъ соперникомъ для него; да и князь тверской, получая Владиміръ и Новгородъ, становился силой своею грозенъ для самостоятельности новгородской. 10 февраля завязался жестокій, хотя и неравный бой. Несмотря на то, что новгородскіе купцы, имѣя передъ собою бояръ, сражались съ удивительнымъ мужествомъ, Михаилъ всетаки одолѣлъ и снова посадилъ въ Новгородѣ,—правда что не на долго,—своихъ намѣстниковъ, отправивъ въ Тверь заложниками уплаты ему 12 тысячъ гривенъ серебра: Федора Ржевскаго и князя Афанасія съ знатными новгородцами.

Юрій Даниловичъ пробылъ въ ордѣ три года, но не напрасно. Мало того что онъ успѣлъ оправдаться во всѣхъ обвиненіяхъ на него возведенныхъ соперникомъ, — онъ еще сблизился съ семействомъ Узбека, такъ что женился на сестрѣ хана: Кончакѣ, въ крещеніи получившей имя Агафіи. Послѣ того ханскій зять возвратился на Русь съ послами татарскими, среди коихъ главный былъ нѣкій Кавгадый. Новгородцы тѣмъ временемъ снова прогнали отъ себя намѣстниковъ Михаила и пытались отправить въ орду пословъ съ жалобой на него. Михаилъ направился къ Новгороду со всей низовою ратью: т. е. съ боевыми силами всѣхъ земель внизъ по теченію Волги. Онъ сталъ въ 50-ти верстахъ отъ Новгорода, укрѣпленнаго жителями острогомъ по обѣимъ сторонамъ Волхова. Псковичи, ладожане, ижора и водь, поднялись на ноги противъ него. Однако вѣсть о приближеніи Юрія, шедшаго на враждебнаго ему великаго князя въ его тверскія владѣнія, а также падежъ лошадей и отчасти собственная болѣзнь,—заставили отступить Михаила. Отступленіе его было гибельно, потому что онъ съ войскомъ своимъ, желая пройти

болѣе короткой дорогой, заблудился въ новгородскихъ лѣсахъ и не могъ попасть на удобный путь середи болотъ и озеръ этой суровой мѣстности. Кони и люди падали мертвыми отъ усталости,—лишенные пропитанія, такъ какъ обозы пришлось бросать по дорогѣ и воины ѣли кожу съ щитовъ своихъ. Едва выбился Михаилъ изъ дремучихъ дебрей, ведя за собой одну пѣшую, до послѣдней степени изнуренную, рать. Но всетаки онъ не хотѣлъ уступить, несмотря на свою неудачу,—упорному въ своемъ своеволіи, враждующему съ нимъ, Новгороду. Онъ только отправилъ пословъ въ Кострому навстрѣчу московскому князю, ему предлагая, изъ опасенія потерять иначе милость Узбека,—сѣсть на великокняжескій столъ во Владимірѣ, съ тѣмъ чтобы Юрій не шелъ войной на тверскую область. Но несговорчивый московскій князь отвѣчалъ на это мирное предложеніе Михаила безпощаднымъ опустошеніемъ тверскихъ городовъ въ Костромѣ, собранными полками суздальскихъ,—предавшихся Москвѣ, князей-и сжигалъ села въ предѣлахъ тверской земли до самой Волги. Когда онъ готовился переправиться на ея правый берегъ—Михаилъ пересталъ колебаться въ смѣломъ сопротивленіи его войску и, получивъ благословеніе отъ епископа, въ сорока верстахъ отъ Твери, ему нанесъ полное пораженіе съ тверичанами, страшно ожесточенными противъ Юрія за причиненное имъ этимъ княземъ зло; за всѣ убытки и горе, которое они потерпѣли въ своихъ домахъ отъ нашествія его рати, усиленной татарскимъ войскомъ. Въ этой битвѣ особенно отличился самъ Михаилъ будучи очень храбрымъ и, при высокомъ ростѣ обладая крѣпкими мышцами. На немъ всѣ доспѣхи были изсѣчены. Отбивъ у Юрія множество тверичанъ, онъ

взялъ въ плѣнъ и его жену: сестру хана—Агафью; а также грознаго воеводу: посла татарскаго—Кавгадыя. Новгородъ заключилъ тогда съ Михаиломъ черезъ своего Владыку Давида, выгодный для себя, миръ. Осторожность заставила Михаила послѣ этой побѣды, гибельной для него въ глазахъ хана Узбека, оказать всяческое вниманіе плѣнному Кавгадыю. Повѣривъ льстивымъ, коварнымъ его рѣчамъ, послѣ одержанной имъ побѣды, онъ одарилъ въ Твери лицемѣрнаго татарскаго воеводу съ его дружиною, будто бы перешедшею въ его станъ и противъ него сражавшуюся не по своей охотѣ,—а затѣмъ отпустилъ ихъ съ честью. Но Кавгадый затаилъ въ душѣ жажду мести. На бѣду Михаила еще жена Юрія умерла у него въ плѣну, что дало возможность его врагамъ распространить молву будто онъ отравилъ ее.

Юрій, бѣжавшій въ Новгородъ, соединился тамъ съ Кавгадыемъ и они порѣшили, созвавъ всѣхъ князей низовыхъ земель, ѣхать сообща съ ними къ хану—жаловаться на Михаила. Михаилъ узнавъ о томъ какая гроза собирается противъ него въ ордѣ, послалъ Узбеку сына своего—Константина, а самъ медлилъ ѣхать,—чѣмъ и воспользовались его враги. Послы новгородскіе, прежде задержанные тверскимъ княземъ по дорогѣ въ орду, теперь подкрѣпили своими жалобами клеветы Юрія съ Кавгадыемъ на Михаила. Новгородцы, хотя и занятые собственною войною съ шведами и приморскими финнами,—причемъ имъ удалось захватить въ свои руки нынѣшній Або,—вступились однако за Юрія, когда Михаилъ одолѣлъ его въ битвѣ подъ Тверью—и только рѣшенье князей: споръ свой рѣшить въ ордѣ, предупредило вторичный бой ихъ съ тверскою ратью. Наконецъ въ 1318 г. Михаилъ самъ выѣхалъ изъ Твери, уже заранѣе опла-

киваемый семьею. Во Владимірѣ онъ встрѣтилъ ханскаго посла Ахмыла, его извѣстившаго, что разгнѣванный ханъ Узбекъ, его немедленно призываетъ къ себѣ для строгаго передъ нимъ отвѣта, угрожая иначе послать войска въ тверскія земли. Михаилъ поспѣшилъ въ орду, отпустивъ домой, провожавшихъ его сыновей: Дмитрія и Александра; а съ собою взялъ, кромѣ нѣсколькихъ слугъ и бояръ, духовнаго своего отца, еще съ двумя другими священниками, такъ какъ не ожидалъ добра для себя въ ордѣ и не надѣялся живымъ возвратиться оттуда. Горячо любимая имъ супруга: великая княгиня Анна: дочь князя ростовскаго Дмитрія Борисовича,—въ слезахъ провожала своего мужа до рѣки Нерли. Орда Узбека въ то время кочевала при устьяхъ Дона. Дары Михаила хану, его вельможамъ и ханскимъ женамъ, уже не могли измѣнить рѣшенія ханскихъ судей. Михаилъ обвинялся въ томъ, что утаилъ дани, собранныя въ его городахъ для Узбека; что онъ воевалъ противъ ханскаго воеводы и отравилъ сестру хана. Всѣ оправданія передъ нимъ несчастнаго князя остались тщетны; такъ же какъ всѣ доказательства его невинности. Узбеку донесли, что Михаилъ достоинъ казни и во второй разъ онъ былъ приведенъ въ ставку татарскихъ судей, связаннымъ. Узбекъ согласился на смертный приговоръ, но еще медлилъ его исполненьемъ. Михаилъ между тѣмъ былъ закованъ въ цѣпи и на шею ему наложили тяжелую колодку, означавшую поруганіе. Великій князь терпѣлъ свое униженіе и связанную съ нимъ муку, выказывая поразительную твердость духа, свойственную русскимъ князьямъ и многимъ людямъ того минувшаго времени раздѣленья Руси на обособленные удѣлы и несокрушимаго татарскаго надъ ней ига. По пути изъ

41) Картина: Кн. Михаилъ тверской оклеветанный въ ордѣ кн. Юріемъ московскимъ передъ ханомъ Узбекомъ.

Владиміра къ Азовскому морю Михаилъ уже готовъ былъ умереть съ полнымъ спокойствіемъ и пріобщался Св. Тайнъ неоднократно. Теперь онъ проводилъ ночи въ молитвѣ и пѣніи псалмовъ Давидовыхъ. Желая насытиться мученьями своей жертвы, Кавгадый приказалъ его вывести на торговую площадь и тамъ надъ нимъ ругался, поставивъ его на колѣни. Вѣрные слуги ему предлагали бѣжать изъ орды, говоря, что кони и проводники готовы. Узбекъ въ это время перекочевалъ со всѣмъ своимъ войскомъ и послами различныхъ народовъ къ берегамъ Терека для рыбной ловли, гдѣ онъ проводилъ обычно въ этой забавѣ два или три мѣсяца. Нѣсколько сотъ тысячъ людей приходило тогда въ движеніе. Каждый воинъ украсился лучшей своей одеждой. Купцы везли на телѣгахъ индійскіе и греческіе товары; веселье и роскошь господствовали въ необозримыхъ станахъ, такъ что дикія степи казались улицами многолюднаго города. Когда орда тронулась съ Дона и Михаила узникомъ повлекли вслѣдъ за нею. Однако въ отвѣтъ на предложеніе своихъ слугъ онъ отвѣчалъ, что никогда не зналъ постыднаго бѣгства; что онъ, спасая себя, не спасетъ отечества и что воля Божія пускай лучше надъ нимъ исполнится.

42) Картина: Приготовленья князя Михаила тверскаго къ смерти въ ордѣ.

Юный Узбекъ все еще колебался предать мучительной смерти тверскаго князя; но наконецъ неусыпными происками Кавгадыя съ Юріемъ, его судьба была рѣшена окончательно. Узнавъ о близости казни, князь Михаилъ Ярославичъ не ужаснулся, но, выслушавъ заутреню, благословилъ своего сына Константина и сталъ читать псалтирь.

Онъ утѣшался въ истинно христіанской вѣрѣ своей строками псалмовъ — «.. взверзи на Господа

печаль твою;.. кто дастъ мнѣ крыли голубины— и полечу, и почію».

Между тѣмъ Юрій Даниловичъ и Кавгадый со множествомъ народа приблизились къ его вежѣ,— «Вѣдаю для чего идутъ», произнесъ Михаилъ. Княжескихъ слугъ разогнали и неповинный мученикъ остался совсѣмъ одинъ передъ лицомъ своихъ убійцъ. Они его мучили и топтали ногами, войдя въ шатеръ; пока наконецъ одинъ изъ злодѣевъ не вонзилъ ему въ ребра ножъ и не вырѣзалъ сердца.

Московскій князь съ Кавгадыемъ, полюбовавшись на свое дѣло, не могли не устыдиться его и Юрій набросилъ свою епанчу на обнаженный трупъ дяди, къ тому побужденный позднею укоризною Кавгадыя.

Зная о добротѣ супруги Узбека: ханши Болыни,—Михаилъ прибѣгъ передъ смертью къ ея покровительству для своего юнаго сына и дѣйствительно ей удалось защитить Константина съ нѣсколькими боярами отъ звѣрскаго нападенья на нихъ недруговъ Михаила. Тѣло послѣдняго Юрій увезъ съ собою въ Москву, возвратившись туда въ 1320 г. съ ярлыкомъ на великокняженіе. Молодаго князя тверскаго и его бояръ—спасенныхъ ханшей, онъ плѣнниками привелъ туда же. Кавгадый черезъ нѣсколько мѣсяцевъ внезапно умеръ, какъ бы наказанный за свое злодѣйство. Жена Михаила и его старшій сынъ—Дмитрій, преемникъ отца на тверскомъ престолѣ, съ братомъ Александромъ, едва умолили жестокосерднаго Юрія отдать имъ тѣло Михаила для погребенія его въ Твери. Вдовствующая великая княгиня Анна и Дмитрій съ братьями, выѣхали по Волгѣ на ладьяхъ, чтобы встрѣтить гробъ Михаила. Епископъ, духовенство и граждане его ожидали на берегу, проливая слезы. Именитые люди понесли

43) Картина: Погребеніе замученнаго въ ордѣ местью Юрія и Кавгадыя кн. Михаила тверскаго.

медленнно раку и ее поставили передъ Архангельскимъ монастыремъ, чтобы народъ на прощаніе могъ къ ней приложиться. По снятіи крышки увидѣли радостно цѣлость мощей, несмотря на далекій путь отъ береговъ Каспійскаго моря и пятимѣсячное пребываніе тѣла въ могилѣ, такъ какъ оно погребено уже было Юріемъ ранѣе возвращенья его семьѣ. Неутѣшная вдова Анна Дмитріевна постриглась въ инокини и пережила своего мужа на десять лѣтъ—нынѣ причисленная, по дѣяніямъ благочестивой жизни своей и вслѣдствіи чудесъ явленныхъ ея мощами,—къ лику святыхъ, такъ же какъ и ея супругъ, получившій въ ордѣ вѣнецъ святаго мученичества.

Анна Дмитріевна скончалась въ Кашинѣ, удѣльномъ городкѣ ея младшаго сына—Василія. Князь Александръ Михайловичъ явился къ Юрію во Владиміръ и заключилъ съ нимъ миръ отъ тверскаго княжества на условіяхъ вѣроятно предписанныхъ московскимъ княземъ.

Юрій Даниловичъ послѣ того ходилъ на Рязань, гдѣ заставилъ рязанскаго князя: Іоанна Ярославича согласиться на всѣ его предложенія. Потомъ новгородцы его позвали предводительствовать ихъ войскомъ въ войнѣ со шведами. Въ Новгородѣ тогда умеръ любимый братъ его Аѳанасій.

Хотя, казалось, Москва взяла рѣшительный перевѣсъ надъ Тверью, такъ что та вынуждена была смириться; но тѣмъ не менѣе борьба между собою этихъ двухъ городовъ еще далеко не кончилась. Въ 1321 г. князь Дмитрій Михайловичъ, получившій прозваніе: Грозныя Очи,—закрѣпилъ этотъ миръ черезъ своихъ пословъ въ Переяславлѣ, обязавшись не искать подъ Юріемъ великаго княженія и заплативъ ему ханской дани 2000 штукъ серебра простыми отруб-

ками, впервые названными тогда рублями. Дмитрій поспѣшилъ однако воспользоваться тѣмъ, что Юрій не послалъ деньги его въ орду, а отправился съ ними сначала въ Новгородъ. Онъ поѣхалъ въ орду и разоблачилъ передъ Узбекомъ всю неправду Юрія, погубившаго неповинно его отца, тогда какъ самъ теперь позволялъ себѣ задерживать дань, собираемую имъ съ князей для хана. Тогда, прогнѣвавшись на московскаго князя, Узбекъ далъ ярлыкъ на великое княженіе Дмитрію. Стараясь другъ передъ другомъ заслужить милость и отвратить отъ себя гнѣвъ татарскаго хана, — соперники встрѣтились у него въ ордѣ въ 1325 г. несмотря на то, что тверскіе князья рѣшили туда не пускать Юрія для оправданій себя передъ ханомъ,—однажды даже ограбивъ его по дорогѣ къ Узбеку и чуть не забравъ къ себѣ въ плѣнъ. Но Юрій спасся тогда изъ рукъ, преградившаго ему путь Александра Михайловича и бѣжалъ въ свой любимый Новгородъ, гдѣ остался княжить, Москву предоставивъ брату Ивану.

Оттуда онъ въ 1322 г. пошелъ съ новгородцами войной противъ шведовъ къ истоку рѣки Невы изъ Ладожскаго озера, чтобы на этомъ мѣстѣ, на Орѣховомъ островѣ поставить крѣпость для прегражденія хода въ это озеро шведамъ (нынѣшній Шлюсельбургъ). Юный король шведскій: Магнусъ прислалъ въ станъ Юрія своихъ вельможъ съ мирными предложеніями и русскіе въ этой новой крѣпости торжествовали выгодный для нихъ миръ съ Швеціей, возстановлявшій древніе рубежи между обоими государствами въ Кореліи и Финляндіи. Потомъ новгородцы въ 1324 г. подъ предводительствомъ Юрія разбили литовцевъ на берегахъ Ловати и взяли ростовскій городъ Устюгъ, жители котораго грабили новгородскихъ купцовъ на пути

ихъ въ Югорскую землю. За годъ до того псковитяне, страдавшіе отъ вѣроломныхъ набѣговъ ливонскихъ рыцарей на ихъ торговцевъ и звѣролововъ, въ 1323 г. разорили Эстонію до самаго Ревеля, имѣя во главѣ своихъ войскъ дружественнаго имъ врага нѣмцевъ: литовскаго князя Давида. Онъ спасъ Псковъ и содѣйствовалъ заключенію 18-лѣтняго мира между нимъ и Ливонскимъ орденомъ.

Послѣ побѣды надъ устюжанами и заключенія съ ними выгоднаго для Новгорода мирнаго договора, Юрій Даниловичъ, призванный въ орду ханомъ Узбекомъ, достигъ благополучно въ 1325 г. его ставки подъ охраною новгородцевъ, его любившихъ такъ же какъ онъ любилъ Новгородъ,—черезъ Заволочье, по рѣкѣ Камѣ. Тверской князь Дмитрій, смѣлый и пылкій, узнавъ о томъ, поспѣшилъ немедленно вслѣдъ за нимъ къ владыкѣ русскихъ князей, рѣшавшему безпрепятственно ихъ судьбу и дѣла Россіи. Онъ не даромъ носилъ прозваніе: Грозныя Очи, данное ему за его крутой нравъ,—и убилъ собственноручно въ ордѣ ударомъ меча, ненавистнаго ему Юрія, отомщая за смерть отца и слишкомъ понадѣявшись на благоволеніе къ нему Узбека. Онъ самъ поплатился жизнью за свой поступокъ; но тѣмъ не менѣе ханъ Узбекъ великое княженье владимірское вмѣстѣ съ Новгородомъ отдалъ брату его Александру; такъ что сила и первенство опять перешли къ тверскому князю, между тѣмъ какъ на московскомъ столѣ остался Иванъ Даниловичъ, переживший всѣхъ своихъ братьевъ. Онъ теперь соединилъ въ рукахъ всѣ московскія волости.

44) Картина: Мщеніе тверскаго князя—Дмитрія Юрію за смерть отца.

Рядомъ съ Москвою и Тверью нельзя обойти молчаньемъ и другихъ значительныхъ городовъ Руси. Въ Суздалѣ, съ входящею въ суздальскій удѣлъ, нижегородскою волостью, княжили потомки кн. Андрея

Ярославича: по однородности имя отчества ихъ дѣтей, породившіе въ лѣтописяхъ—трудно теперь поддающееся провѣркѣ,—разнорѣчіе, о дѣйствительномъ происхожденіи своемъ отъ того или другого изъ этихъ князей: дяди съ племянникомъ. Послѣ смерти въ ордѣ ростовскаго князя Константина Борисовича, мѣсто его въ Ростовѣ замѣнилъ сынъ—Василій Константиновичъ; а въ 1320 г. мы видимъ рязанскимъ княземъ его двоюроднаго брата: Ивана Ярославича, имѣвшаго столкновеніе съ княземъ московскимъ. Въ Ярославлѣ скончался князь Давидъ Федоровичъ и въ 1321 г. его преемникомъ сдѣлался его сынъ—Василій. Въ 1313 г. умеръ двоюродный братъ Давида: смоленскій князь Александръ Глѣбовичъ, оставившій послѣ себя двухъ сыновей: Ивана и Василія. Въ 1318 г. Ростовъ, Кострома и Брянскъ подверглись разграбленію со стороны татарскихъ хищниковъ. Въ Брянскѣ такое бѣдствіе вызвало снова междоусобіе между двумя князьями: внукомъ извѣстнаго намъ Романа: Василіемъ и его дядей Святославомъ; причемъ первый ради личной мести и выгоды, прибѣгнулъ къ всегда гибельной для отчизны помощи татарскихъ шаекъ. Напрасно митрополитъ Петръ старался склонить этихъ князей къ миролюбію; убѣждалъ Святослава не оказывать сопротивленія племяннику, имѣвшему въ войскѣ своемъ татаръ.

Онъ прилагалъ тоже усердное свое стараніе къ примиренію Москвы съ Тверью; но былъ не въ силахъ преодолѣть призывомъ къ христіанской любви и къ дружному единенію, соперничества и вражды, царившихъ середи русскихъ князей въ ихъ общемъ честолюбивомъ стремленіи къ верховной власти. Послѣдующія событія и жестокое самовластіе татарскихъ воеводъ въ порабощенной ими странѣ, скоро

передали опять эту власть въ руки московскаго князя.

Хотя въ описываемое нами время изъ сѣверныхъ областей Руси исчезаютъ мало-по-малу татарскіе откупщики и баскаки при сборѣ дани: такъ какъ во избѣжаніе мятежей въ народѣ, она собирается большею частью самими князьями въ предѣлахъ ихъ земель и доставляется хану отъ ихъ лица,—все же не прекратились вполнѣ обиды и возмутительныя насилія со стороны татарскихъ чиновниковъ, вызывавшія часто кровавыя столкновенія жителей сѣверныхъ городовъ съ татарами. Такъ въ 1327 г. къ великому князю Александру въ Тверь прибылъ знатный ордынскій посолъ—Шевкалъ: двоюродный братъ Узбека; ярый поклонникъ Магомета. Его великая гордость, рядомъ съ безчинствами сопровождавшихъ его татаръ, дали поводъ къ тревожнымъ слухамъ будто Шавкалъ задумалъ самъ сѣсть на столѣ тверскомъ и все населеніе обратить въ магометанскую вѣру. Ничтожный поводъ въ базарный день подъ праздникъ Успенья, когда татары хотѣли отнять у одного дьякона приглянувшуюся имъ лошадь, послужилъ знакомъ къ возстанію тверичанъ противъ Шавкала. Кто-то ударилъ въ набатный колоколъ и народъ всѣмъ вѣчемъ бросился на татаръ. Когда Шавкалъ затворился на княжемъ дворѣ съ остатками своего отряда,—разъяренная чернь, не думая о послѣдствіяхъ, зажгла княжій дворъ и все татарское посольство погибло въ пламени. Тогда табунщики изъ татаръ, пасшіе коней за городомъ, поскакали въ орду сообщить Узбеку о происшедшемъ. Надо думать, что не безъ участья Ивана Даниловича, дѣло было представлено хану такъ, будто самъ князь Александръ Михайловичъ поднялъ въ Твери возстаніе противъ Шавкала;—

45) Картина: Возстаніе тверичанъ противъ Шавкала.

и ранѣе нежели тотъ успѣлъ подумать объ умилостивленьи Узбека, 50 тысячъ татаръ, предводимые пятью темниками, уже соединились съ московскимъ княземъ для наказанія тверскихъ мятежниковъ. Тверская область была жестоко разгромлена. Жители ея городовъ спасались въ лѣсныя дебри, а самъ Александръ бѣжалъ подъ защиту Пскова, гдѣ граждане очень рады были принять столь именитаго князя къ себѣ на княженіе. Его братья: Василій и Константинъ, нашли себѣ пріютъ въ Ладогѣ.

46) Картина: кн. Александръ Михайловичъ тверской и разореніе Твери татарами.

Въ 1328 г. Іоаннъ Даниловичъ, по прозванію Калита, получилъ изъ татарской орды отъ хана, ярлыкъ на великое княженье владимірское; тогда какъ Тверь была отдана Узбекомъ брату Александра Михайловича: Константину.

Но въ это время единство Руси поддерживалось только въ духовной области митрополитомъ всей русской земли, перенесшимъ, какъ намъ извѣстно въ лицѣ Максима, мѣсто своего пребыванія изъ разореннаго Кіева, въ болѣе безопасный отъ постоянныхъ татарскихъ набѣговъ—Владиміръ. Этимъ еще поддерживалось значеніе столицы за этимъ городомъ, уже утратившимъ, какъ мы сказали, свое первенство между русскими городами, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Городъ, гдѣ жилъ митрополитъ конечно являлся сосредоточіемъ церковнаго управленія; онъ возсталъ и обогащался тѣмъ, что туда стекались съ разныхъ сторонъ лица, имѣющія нужду въ митрополитѣ. И вотъ главной заслугой Іоанна Калиты, какъ московскаго князя сдѣлалось то, что съумѣвъ расположить къ себѣ митрополита Петра, онъ привлекъ его для житья въ Москву, которая съ этихъ поръ стала мѣстомъ его постояннаго пребыванія, преимущественно предъ Владиміромъ. А такъ какъ скончав-

шись тамъ въ 1326 г. митрополитъ Петръ, согласно желанію своему и погребенъ былъ въ ней же, то переемникъ его Ѳеогностъ не захотѣлъ удалиться отъ гроба Святителя и оставить домъ его, считая что выборъ Петра былъ внушеніемъ Божіимъ; тѣмъ болѣе, что Петръ предсказалъ Іоанну, увѣщевая этого князя построить въ Москвѣ каменный храмъ Богоматери, что успокоивъ его въ построенномъ храмѣ, онъ самъ прославится больше другихъ князей и потомки его подчинятъ Москвѣ всѣ остальныя русскія области.

47) Картина: Митрополитъ Петръ благословляетъ Іоанна Калиту.

Между тѣмъ ханъ Узбекъ, изъявивъ милостивое расположеніе свое къ Іоанну Даниловичу, считалъ, что дымящіяся развалины тверскихъ городовъ являются славнымъ памятникомъ его ханскаго гнѣва, достаточнымъ для обузданія строптивыхъ рабовъ; но въ довершеніе его, приказалъ казнить рязанскаго князя: Іоанна Ярославича, посадивъ его сына, Іоанна Коротопола на престолъ, обагренный кровью его отца. Александра Михайловича онъ настоятельно требовалъ къ себѣ въ орду для суда надъ нимъ; но этотъ князь не хотѣлъ покориться такому требованію и псковичи обороняли его отъ ратныхъ силъ Калиты. Тогда изворотливый Калита прибѣгнулъ къ мѣрѣ церковнаго воздѣйствія на псковитянъ, упросивъ митрополита Ѳеогноста послать проклятіе Пскову съ угрозою отлученія гражданъ его отъ церкви въ случаѣ если они не выдадутъ бывшаго тверскаго князя враждебнымъ ему князьямъ для насильственной отправки его въ орду. Не желая, чтобъ Псковъ постигла черезъ него такая тяжкая кара, Александръ бѣжалъ въ Литву.

Здѣсь необходимо замѣтить, что за свою помощь московскимъ князьямъ русскіе митрополиты не выго-

варивали себѣ никакихъ лишнихъ правъ; не прибѣгали къ кознямъ, чтобъ увеличить свое господство середи гибельныхъ раздоровъ между князьями. Высокое значеніе ихъ создавалось благоговѣйнымъ къ нимъ отношеньемъ самихъ князей. Важно то объстоятельство, что митрополитами начинаютъ ставиться русскіе родомъ, причемъ середи нихъ Петръ и Алексій отличаются своей выдающейся благотворной дѣятельностью. Вѣротерпимость татаръ допустила въ Сараѣ учрежденіе епископской каѳедры, зависимой отъ русскаго митрополита. Епископъ сарайскій три раза ѣздилъ въ Царьградъ къ патріарху и императору отъ татарскаго хана Менгу-Темира, что доказало значеніе на востокѣ епископа христіанскаго. Митрополитъ Максимъ совершеннымъ переселеніемъ изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ сдѣлалъ рѣшительный шагъ, засвидѣтельствовавшій о томъ, что жизненныя силы страны совершенно отлили съ юга на сѣверъ. Не только самъ Кіевъ утратилъ свое благосостояніе и величіе, но по смерти въ Галиціи и Волыни, братьевъ Романовичей, а также Владиміра Васильковича, осталось мало надежды на что-либо прочное въ процвѣтаніи тоже и этого края. Но тѣмъ не менѣе митрополитъ Ѳеогностъ, поставившій епископомъ во Владимірѣ монаха московскаго Богоявленскаго монастыря: крестника Іоанна Калиты—Алексія и еще при жизни его благословившій своимъ переемникомъ на столѣ митропольничьемъ, — долженъ былъ поспѣшить на югъ, когда великимъ княземъ въ Литвѣ сталъ могущественный Гедиминъ, хотя для вида язычникъ, но оказывавшій покровительство христіанству. Нельзя было больше пренебрегать его неудовольствіемъ на отсутствіе митрополита въ Кіевѣ, тѣмъ болѣе, что оно въ немъ порождало мысль объ утвержденіи

особаго православнаго митрополита,—уже въ Галиціи. Ѳеогностъ долго жилъ на Волыни, гдѣ поляки возбудили гоненіе на православіе.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глава XI.

Объединенье литовско-русскихъ земель подъ властью Гедимина. Расширенье предѣловъ Литвы во время его княженья и быстрый ростъ ея мощи. Брачные союзы Гедимина и его сыновей съ православными русскими княжнами. Вліяніе ихъ на вѣротерпимость въ языческой Литвѣ къ христіанскому богослуженію и безуспѣшное стараніе папы склонить къ католичеству Гедимина. Возмущеніе сосѣднихъ съ Литвою, уже ослабѣвшихъ русскихъ князей противъ властолюбія Гедимина и захватовъ имъ ихъ земель. Пораженіе русскихъ полковъ на берегахъ рѣки Иртени и признаніе Кіевомъ своего подданства великому князю литовскому въ 1321 г. Послѣдніе короли Галиціи. Гедининъ—собиратель земель на западѣ вокругъ Литвы и однородность его стремленій со стремленіями Ивана Калиты на востокѣ. Вильна—столица Литвы и мѣсто языческаго святилища съ пребываніемъ тамъ Криве-кривейто. Ненависть языческихъ жрецовъ къ христіанству. Благоразумное управленіе Гедимина. Насилія надъ литовцами ливонскихъ рыцарей и добровольная гибель литовскаго князька—Маргера при осадѣ нѣмцами его замка, съ нѣсколькими тысячами, себя умертвившихъ литовцевъ. Смерть Гедимина отъ ружейной пули во время осады имъ рыцарскихъ замковъ. Вольдемаръ Локетокъ—король польскій и переемникъ его Казиміръ III Великій. Захватъ Казиміромъ столицы Галиціи: Львова и еще много другихъ городовъ въ землѣ галицкой и волынской. Ольгердъ и Кейстутъ — сыновья Гедимина отъ русской княжны; Крещеніе сына Ольгерда: Витольда, въ Псковѣ. Столкновеніе ихъ изъ-за Галиціи и Волыни съ королемъ польскимъ, за собой удержавшимъ, по мирному договору съ ними одинъ только городъ—Львовъ.

Въ южной части Жмуди,—нынѣ Ковенскаго уѣзда, на правомъ берегу притока Западной Двины: Дубиссы, въ мѣстечкѣ Эйрагола, — возвышался небольшой деревянный замокъ, гдѣ жилъ одинъ изъ

мѣстныхъ, литовскихъ князей: Лютоваръ, соединившій подъ своей властью значительную часть сѣверной Литвы и Жмуди. Въ предъидущихъ главахъ мы закончили наше повѣствованіе о Литвѣ княженіемъ Тройдена въ Новгородкѣ: столицѣ Черной Руси. Послѣ его смерти сынъ Лютовора—Витенъ, князь полоцкій, завладѣлъ всѣмъ литовско-русскимъ княженіемъ. Онъ уже ранѣе отличался своей успѣшной борьбою съ поляками и нѣмецкими рыцарями; а теперь, продолжая ее еще съ бо́льшимъ упорствомъ, своими побѣдами положилъ начало прочному объединенію всѣхъ литовско-русскихъ земель. Къ этому времени, недавно дикая еще Литва: и во внутреннемъ своемъ устройствѣ, и въ дѣлѣ военномъ,—подпала подъ рѣшительное вліяніе, входившихъ въ ея составъ русскихъ областей. Безпорядочныя древнелитовскія шайки, смѣнились болѣе стройными многочисленными полками, научившимися осаждать города при помощи стѣнобитныхъ орудій и правильно располагаться военнымъ строемъ. Для защиты своей литовскіе князья перестаютъ довольствоваться естественными препятствіями у себя—лѣсныхъ болотъ и дебрей; но строютъ на рубежахъ укрѣпленные города и замки. Литовскимъ войскомъ нерѣдко руководятъ вожди изъ мѣстныхъ русскихъ князей, какимъ былъ и вышеупомянутый князь Давидъ гроденскій: защитникъ Пскова отъ нападенія ливонскихъ рыцарей. Черная Русь, включавшая въ себѣ города: Новгородокъ, Гродну, Слонимъ и Волковыйскъ, была первою русскою областью, вошедшей въ составъ литовскаго княжества еще въ началѣ XIII столѣтія. Слѣдующей затѣмъ русской областью, подчинившейся Литвѣ при Миндовгѣ, явилась полоцкая земля, еще составлявшая впрочемъ долгое время особый удѣлъ. Переемникъ Витена:

князь Гедиминъ,—по однимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ былъ его сыномъ; а по другимъ его конюхомъ, вѣроломно убившимъ своего государя. Онъ значительно увеличилъ число русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ литовскаго княжества. Въ то самое время когда на сѣверо-востокѣ Русь объединялась вокругъ Москвы, мы видимъ собираніе русскихъ волостей въ одно цѣлое и на юго-западѣ. Это дѣло какъ будто предназначалось ходомъ событій въ Галиціи и Волыни, потомкамъ Романа Мстиславича. Внуку сына его Даніила—Юрію Львовичу, удалось соединить въ своихъ рукахъ оба княжества и переемники его пишутъ грамоты свои то въ Львовѣ, то во Владимірѣ Волынскомъ. Но тѣмъ не менѣе Русь юго-западная не собралась въ одно государство подъ знаменемъ своихъ родныхъ князей. Литва скорѣе ея успѣла усилиться единовластіемъ во времена Миндовга и утверждала мало по малу свое господство въ русскихъ удѣлахъ: полоцкомъ, минскомъ, туровскомъ и въ пинской области. Въ турово-пинскомъ Полѣсьи долгое время княжили потомки Святополка-Михаила II: предшественника на столѣ кіевскомъ Владиміра Мономаха; но эти князья были слишкомъ слабы для самостоятельнаго существованія; они ранѣе тяготѣли къ Полоцку, а потомъ, то къ Кіеву, то къ Волыни—и наконецъ, вмѣстѣ съ кіевской областью предпочли зависимость отъ Литвы татарскому игу. Такимъ образомъ въ составъ литовскихъ владѣній вошла и принадлежавшая имъ, область древнихъ дряговичей. Вліяніе литовское распространилось по нижней Припети съ ея притоками; по Березинѣ, Днѣпру и Сожу, гдѣ обитало когда то племя древлянъ. Гнѣзда князей черниговскихъ тоже надъ собой чувствовали власть Гедимина.

Этотъ литовскій князь закрѣпилъ за Литвою

сосѣднія русскія области цѣлымъ рядомъ, для него выгодныхъ родственныхъ связей. Самъ еще оставаясь язычникомъ, онъ женатъ былъ на русской православной княжнѣ и сына Ольгерда, женилъ на дочери не имѣвшаго сыновей князя, отдѣлившагося отъ полоцкой области,—витебскаго удѣла. Другого сына—Любарта черезъ женитьбу въ потомствѣ одного изъ послѣднихъ волынскихъ князей, сдѣлалъ наслѣдникомъ всей Волыни. Одна изъ его дочерей—Авгу́ста была выдана замужъ за сына Іоанна Калиты: Симеона; а двѣ другія его породнили съ польскою королевской семьей, послѣ чего поляки явились ему союзниками въ его войнахъ съ тевтонскихъ орденомъ. По отношенью къ ливонскимъ рыцарямъ Гедиминъ, такъ же какъ и Витенъ пользовался междоусобной враждой между городомъ Ригой съ ея архіепископомъ, и меченосцами; причемъ папа принималъ сторону, то архіепископа, то магистра ордена. Гедиминъ склонилъ папу на свою сторону предположеньемъ въ Римѣ, будто онъ хочетъ принять католичество и подчинить всю Литву римской церкви. Эта увѣренность папы волей неволей на время обезоружила въ Литвѣ крестоносцевъ; но затѣмъ въ Римѣ выяснилась,—дѣйствительная, или же преднамѣренно вызванная: только для утвержденія папой мирнаго договора литовскаго великаго князя съ Ригой,—существенная ошибка въ переводѣ на латинскій языкъ его грамоты, виленскаго францисканскаго монастыря. По удостовѣренію Гедимина папскимъ посламъ въ 1324 г., онъ диктовалъ монахамъ только о вѣротерпимости въ своей странѣ; о своемъ почтеніи къ папѣ и къ архіепископу рижскому, въ виду ихъ старости; а что если монахъ Бертольдъ написалъ о намѣреніи его креститься,—то «пусть самъ дьяволъ креститъ Литву». Вслѣдствіи

такого отвѣта разочарованные послы римскаго папы поспѣшили вернуться въ Ригу и покинули этотъ городъ съ полною неудачей въ цѣляхъ своего посольства.

Но тѣмъ не менѣе граждане Риги сочли свой мирный договоръ съ Гедиминомъ, уже утвержденный папой, дѣйствительнымъ и рижскій архіепископъ отлучилъ отъ церкви рыцарей за возобновленіе ими военныхъ дѣйствій противъ Литвы. Съ другой стороны—тесть Любарта: вѣроятно Левъ Юрьевичъ Луцкій, княжившій въ это время во Владимірѣ Волынскѣ,—надо думать лишь какъ намѣстникъ короля галицкаго; и двоюродный братъ его, нѣкій Владиміръ Владиміровичъ, увидѣвъ властолюбивые замыслы Гедимина, попытались предупредить ихъ соединенными силами. Пока онъ воевалъ съ нѣмцами они сдѣлали нападеніе на Литву. (Это извѣстіе заставляетъ предполагать, что у Льва Даниловича былъ еще младшій сынъ кромѣ Юрія: Владиміръ Львовичъ). Однако Гедиминъ, одолѣвъ рыцарскій орденъ при поддержкѣ себя нѣмецкими городами и духовенствомъ, далъ немедленно битву строптивымъ князьямъ подъ стѣнами Владиміра-Волынска, имѣя въ войскѣ своемъ, полочанъ. Татарская конница, выставленная противъ него волынскимъ княземъ, не могла одолѣть литовской пѣхоты, вооруженной пращами и копьями. А русскіе заколебались, какъ только палъ въ сраженіи князь Владиміръ, мужественно обороняя столицу Волыни. Двоюродный братъ его—Левъ, потерпѣвъ полное пораженіе, бѣжалъ въ Брянскъ къ князю Роману.

Гедиминъ съ наступленьемъ весны взялъ еще Житоміръ, Овручъ и нѣкоторые города кіевской области на Днѣпрѣ. Кіевскій князь—нѣкій Станиславъ изъ рода Владиміра Св. призвалъ на помощь противъ Литвы

татаръ и соединился съ другими, сосѣдними князьями: Олегомъ изъ южнаго Переяславля; брянскимъ—Романомъ и луцкимъ—Львомъ Юрьевичемъ. Битва произошла на берегу рѣки Ирпени. Она была упорна и продолжительна; но Гедиминъ опять одолѣлъ. Онъ осадилъ самый Кіевъ, тогда какъ Станиславъ съ Романомъ спаслись въ Рязань; а Олегъ и Левъ Юрьевичъ были убиты. Кіявлене, не видя помощи ни откуда, принуждены были отворить ворота литовскому государю въ 1321 г. Такимъ образомъ они избавились отъ монгольскаго ига, но должны были признать надъ собою власть Гедимина, оставившаго своимъ намѣстникомъ въ Кіевѣ одного племянника, вѣрою христьянина. Послѣ того Гедиминъ продолжалъ съ тѣмъ же успѣхомъ завоеваніе южной Руси, ее подчинивъ Литвѣ до Путивля и Брянска. Русь потеряла тогда: уже въ половинѣ XIV столѣтія,—древнюю свою столицу, а съ нею мѣсто многихъ славныхъ воспоминаній; гдѣ она выросла и возвеличилась подъ щитомъ вѣщаго Олега; узнала Бога истиннаго при Владимірѣ Равноапостольномъ; приняла законы отъ Ярослава Мудраго и художества отъ сосѣднихъ грековъ.

Послѣднимъ княземъ галицко-волынскимъ, насколько возможно правильно заключить изъ нѣсколько разнорѣчивыхъ въ данномъ случаѣ лѣтописей волынскихъ и литовскихъ,—былъ праправнукъ Даніила: Георгій Андреевичъ. Мы не имѣемъ почти никакихъ подробностей о Юріи I Львовичѣ, послѣ того какъ онъ, со смертью Мстислава Даниловича соединилъ въ однихъ рукахъ королевство галицкое съ волынскимъ княжествомъ. Повидимому онъ отличался миролюбіемъ, слѣдуя примѣру дѣда дорожилъ въ особенности союзомъ съ тевтонскимъ орденомъ противъ князей ли-

товскихъ, обязываясь предохранять земли рыцарей отъ нападенья татаръ. Въ латинскихъ грамотахъ къ магистрамъ ордена онъ писался природнымъ княземъ и государемъ всей «Малой Руси», причемъ употреблялъ печать своего дѣда, который изображался возсѣдающимъ на тронѣ съ короной на головѣ и скипетромъ въ рукѣ. Онъ скончался въ 1316 г. оставивъ двухъ сыновей: Андрея и Льва; изъ нихъ Андрей получилъ Галицію и большую часть Волыни съ ея столицей; а младшій сынъ-Левъ былъ княземъ луцкимъ, бѣжавшимъ въ Брянскъ послѣ сраженія съ Гедиминомъ подъ стѣнами Владиміра-Волынска; убитый въ 1321 г. во время вторичнаго столкновенія съ нимъ подъ Кіевомъ. Однако позже мы видимъ галицкаго короля—Андрея въ дружескихъ отношеніяхъ съ Литвою и Польшей. Онъ умеръ въ 1324 г.

Георгій Андреевичъ: иначе Юрій II—его сынъ,—является на страницахъ исторіи тоже единымъ владѣтелемъ Галицко-Волынскаго края такъ какъ живетъ, то въ Львовѣ, то во Владимірѣ Волынскомъ и то изъ одной столицы своей, то изъ другой, пишетъ свои королевскія грамоты.

Собиратель западно-русскихъ земель—Гедининъ былъ современникомъ Іоанна Даниловича, князя московскаго, собирателя восточной Руси, прозваннаго Калитою, что означаетъ мѣшокъ или кошель для денегъ. Рано или поздно великій князь московскій и вел. кн. литовскій, должны были встрѣтиться на этомъ пути собиранія областей подъ своею единой властью. Однако при Гедининѣ ихъ еще раздѣляла цѣлая полоса самостоятельныхъ княжествъ: тверскихъ, смоленскихъ и чернигово-сѣверскихъ. Притомъ всякое движеніе въ эту сторону приводило Литву въ столкновеніе съ сильною при ханѣ Узбекѣ, Зо-

лотою Ордою, взимавшею дань съ этихъ удѣловъ и покровительницей Москвы; а Гедиминъ избѣгалъ рѣшительныхъ войнъ съ татарами. Но тѣмъ не менѣе, если не вооруженное столкновеніе, то явное соперничество съ Москвой, обнаружилось уже при Гедиминѣ, по отношенію къ вѣчевымъ общинамъ Новгорода и Пскова. Гедиминъ сдѣлалъ своей столицей, основанный имъ на берегу рѣки Виліи, праваго притока Нѣмана,—живописный по своему мѣстоположенію городъ Вильну. Рѣчка того же названія тутъ же впадаетъ въ Вилію и на самомъ ея поворотѣ при этомъ впаденіи,—огибающимъ гору, гдѣ Гедиминъ убилъ тура, а потому ее назвалъ Турьей горой,—въ долинѣ Свинторога, находилось въ то время главное языческое святилище Литвы, нѣкогда разоренное поляками и перенесенное въ началѣ XI столѣтія къ устью рѣки Дубисы. Оттуда оно было перенесено далѣе на востокъ, когда подверглось новымъ опасностямъ со стороны крестоносцевъ и верховный жрецъ: Криве-кривейто, переселясь вмѣстѣ съ этимъ святилищемъ, жилъ теперь тоже въ мѣстности избранной Гедиминомъ для постройки себѣ новой столицы, гдѣ передъ идоломъ Перкуна зажженъ былъ обычный неугасимый огонь на кострѣ изъ дубовыхъ вѣтвей: такъ называемый Зинчъ. Не прекращавшуюся борьбу литовской народной религіи съ христіанствомъ поддерживало враждебное отношеніе литовцевъ къ ливонскимъ рыцарямъ, вводившимъ крещеніе силой меча и земельныхъ захватовъ. Жреческое же сословіе въ Литвѣ понятно всячески раздувало въ народѣ ненависть къ христіанству. Гедиминъ съ своей стороны, какъ умный правитель, пользовался такимъ настроеньемъ въ своей странѣ подъ вліяньемъ жрецовъ, чтобы отстаивать литовскую независимость отъ сосѣ-

дей запада, чтобы упрочить власть свою. Онъ старался всегда ладить съ Криве-кривейто и столицу Литвы сдѣлалъ теперь нераздѣльной отъ мѣста главнаго ея святилища. Достойно замѣчанія, что будучи вел. кн. Литвы, Гедиминъ носилъ въ то же время званіе вел. кн. русскаго, такъ какъ русскія области въ его владѣніяхъ превышали своимъ объемомъ собственно литовскія земли и дружина вел. князя заключала въ себѣ очень много русскихъ людей. Потому Вильна сдѣлалась поневолѣ въ значительной степени русскимъ городомъ, гдѣ уже при Гедиминѣ существовалъ православный храмъ Св. Николая. По отношенію къ христіанской религіи, какъ православной такъ и католической, Гедиминъ выказывалъ полную вѣротерпимость. Въ Вильнѣ существовали католическіе монастыри; ихъ монаховъ мы уже видѣли посредниками въ переговорахъ литовскаго князя съ папой. Родственныя связи и большинство подданныхъ влекло его къ православію, между тѣмъ какъ онъ не могъ по своему умственному развитію искренно благоговѣть предъ Перкуномъ, или изображеньемъ ужей; но онъ не желалъ усиливать противъ себя принятіемъ православной вѣры, вражду поляковъ и нѣмцевъ съ папою во главѣ. Однако, оставаясь язычникомъ, Гедиминъ старался образовать народъ свой и дозволялъ ганзейскимъ купцамъ безпошлинно торговать въ Литвѣ. Онъ привлекалъ къ себѣ людей ремесленныхъ разными преимуществами и давалъ имъ гражданскія права Риги. Нѣтъ сомнѣнія, что древняя кривская область, нынѣшняя Бѣлоруссія,—находилась въ полной зависимости отъ Гедимина; однако, держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, онъ довольствовался покорностью мѣстныхъ князей, не изгоняя ихъ изъ наслѣдственныхъ ихъ удѣловъ. Такъ съ его братомъ—

Воиномъ въ 1326 г. пріѣзжали изъ Литвы въ Новгородъ: полоцкій князь—Василій и минскій—Федоръ; надо думать потомки князя Владиміра Святаго, изъ рода сына Рогнѣды—Изъяслава. Тѣмъ не менѣе въ то время еще продолжался наплывъ въ Пруссію крестоносцевъ ради поддержки ливонскаго ордена въ его религіозныхъ цѣляхъ. Въ 1326 г. прибыло изъ Германіи до 200 графовъ, князей и простыхъ рыцарей для истребленія литовскихъ язычниковъ. Сильный тевтонскій отрядъ осадилъ въ Жмуди замокъ мѣстнаго князька Маргера, гдѣ заперлось до 4000 литовцевъ. Они защищались отчаянно; но рыцари стали метать въ деревянныя стѣны стрѣлы, обмокнутыя въ горючій составъ, вслѣдствіи чего замокъ вспыхнулъ. Тогда литовскіе мужики предпочли смерть нѣмецкому плѣну и, раздѣлившись попарно, вонзали другъ другу въ грудь ножъ послѣ того что все имущество свое сожгли на огромномъ, разведенномъ ими кострѣ, бросая безъ сожалѣнья въ огонь дѣтей и женъ своихъ. Оставшіеся въ живыхъ поставили свои шеи подъ топоръ старой жрицы, ставшей послѣднею жертвой пламени. Маргеръ сначала закололъ собственною рукою свою жену, а потомъ поразилъ себя. Ворвавшимся наконецъ въ замокъ рыцарямъ представилась ужасающая картина, самоотверженной до изступленія любви литовцевъ къ родинѣ. Въ такой же борьбѣ съ злѣйшими врагами Литвы, нѣмецкими рыцарями, погибъ Гединиъ, явившійся съ войскомъ въ сопровожденіи своихъ сыновей, для защиты другого литовскаго замка: Велоны, на правомъ берегу Нѣмана. Онъ съ своей стороны осадилъ нѣмецкіе города; но противники его были снабжены, впервые тогда вошедшимъ въ употребленіе огнестрѣльнымъ оружіемъ неизвѣстнымъ еще литовцамъ. Снаряды его казались имъ громовыми

48) Картина: Страшное самоизбіенье литовцевъ въ виду нѣмецкаго плѣна.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Страшное самоизбіеніе литовцевъ въ виду нѣмецкаго плѣна (*Къ стр. 172*).

стрѣлами божества Перкуна. Гедиминъ пораженъ былъ на смерть ружейной пулей и сыновья отвезли его тѣло въ Вильну, гдѣ оно сожжено было на огромномъ кострѣ въ долинѣ Свинторога въ полномъ боевомъ снаряженіи, съ любимымъ конемъ и слугою; съ частью военной добычи и тремя плѣнными нѣмцами.

Въ то время когда единовластіе утверждалось на западѣ и востокѣ Руси, удѣльный періодъ польской исторіи тоже окончился съ утвержденіемъ въ Краковѣ Вольдемара, прозваннаго Локетокомъ за его малый ростъ. Ему удалось въ 1319 г. успокоить Польшу и возстановить въ ней единодержавіе за исключеніемъ Мазовіи, оставшейся обособленною со своей столицей Варшавой до конца XVI столѣтія. Онѣмеченная же Селезія впослѣдствіи отошла къ германскому императорскому дому Габсбурговъ. Сынъ Вольдемара Казиміръ III Великій, знаменитъ имъ изданными законами: устроеніемъ внутренняго порядка въ странѣ и покровительствомъ земледѣльческому сословію. Стремленіе Польши къ захвату сосѣднихъ русскихъ земель обнаружилось въ это время съ особой силой, такъ какъ балтійское побережье было отторгнуто у нея тевтонскимъ орденомъ и прусскіе крестоносцы тѣснили поляковъ съ запада, ихъ заставляя искать вознагражденья себѣ на востокѣ: въ галицко-волынской Руси. Королю Казиміру III удалось присоединить весь этотъ край къ своимъ владѣньямъ послѣ смерти Георгія Андреевича, а затѣмъ, ставшаго переемникомъ его на столѣ галицкомъ,—его племянника, сына сестры Маріи: Болеслава мазовецкаго, скоро отравленнаго галичанами за насильственный оскорбительный образъ дѣйствій среди нихъ, этого чуждаго имъ польскаго князя. Сынъ Гедимина Любартъ первый выступилъ

тогда съ предъявленіемъ своихъ родственныхъ правъ на волынскую область; но Казиміръ III предупредилъ его, поспѣшивъ захватить врасплохъ столицу Галиціи Львовъ,—съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ 1340 г. возвратиться туда съ большимъ войскомъ. Онъ занялъ силой оружія еще многіе города Галиціи и Волыни, не встрѣтивъ сначала со стороны литовско-русскихъ князей рѣшительнаго сопротивленія; такъ какъ быстрота его похода и натиска, соединенные съ безначаліемъ, вызваннымъ на Литвѣ смертью славнаго Гедимина, помѣшали его сыновьямъ сразу собраться силами для своевременнаго отпора польскому королю.

Гединиъ погибъ такъ внезапно, что не успѣлъ распорядиться при жизни передачею великокняжескаго значенія своего въ Литвѣ кому-либо изъ своихъ семи сыновей. Младшій Явнутъ случайно остался княземъ стольнаго города Литвы—Вильны. Однако Ольгердъ: сынъ Гедимина отъ русской княжны превосходилъ всѣхъ братьевъ умомъ, государственной дальновидностью и кипучей дѣятельностью. Кромѣ того онъ не употреблялъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ, что являлось большою рѣдкостью среди ему современныхъ русскихъ князей; и осторожность въ дѣйствіяхъ соединялъ со строгою скрытностью при совершеніи имъ задуманныхъ предпріятій. Большая часть кривской Руси оказалась въ его рукахъ, когда къ нему перешла, помимо витебскаго удѣла, имъ унаслѣдованная черезъ жену отъ тестя—и область полоцкая: послѣ смерти племянника Гедимина—Любко, убитаго нѣмецкими рыцарями подъ Псковомъ пока онъ вмѣстѣ съ Ольгердомъ помогалъ псковичамъ защищать противъ нихъ свой городъ. Псковичи предложили Ольгерду креститься съ тѣмъ, чтобы сѣсть

у нихъ на княженіи; но Ольгердъ объявилъ себя уже христіаниномъ, хотя онъ скрывалъ крещенье свое въ Литвѣ отъ могучихъ, своимъ вліяніемъ на простой народъ, войделотовъ. Псковичамъ онъ предложилъ принять княземъ сына его Витольда и тотъ окрещенъ былъ въ Псковѣ подъ именемъ Андрея.

Кейстутъ — братъ Ольгерда отъ одной матери, связанный съ нимъ неразрывною дружбою, обладалъ Жмудью и частью Черной Руси. Тѣсныя отношенія литовскаго княжескаго рода къ западно-русскимъ областямъ не могли не оказать своего вліянія уже на Гедимина. Онъ женатъ былъ два раза на русскихъ княжнахъ, причемъ Кейстутъ и Ольгердъ были сыновьями его второй жены Ольги; отъ третьей—Евы онъ имѣлъ сына Любарта. Но тогда какъ Ольгердъ склонялся больше къ русской народности и православію,—Кейстутъ наоборотъ оставался чистымъ литвиномъ, преданнымъ старой языческой религіи предковъ. Ольгерда больше всего занимали его отношенія къ Новгороду и Пскову; а Кейстутъ зорко стоялъ на стражѣ Литвы, оберегая ее отъ прусскихъ-тевтонскихъ рыцарей. Благодаря Кейстуту съ Ольгердомъ смутное время на Литвѣ послѣ Гедимина продолжалось не долго и первое столкновеніе его сыновей съ королемъ польскимъ за галицко-волынскую область кончилось въ 1345 г. перемиріемъ, показавшимъ что перевѣсъ въ борьбѣ всетаки взяли князья литовскіе. По этому перемирію за Казиміромъ III призналось обладаніе исключительно областью города Львова.

Глава XII.

Возвращеніе въ Псковъ князя Тверскаго Александра Михайловича и умилостивленіе имъ хана Узбека. Новыя козни противъ него въ ордѣ Ивана Даниловича, добившагося отъ хана заочнаго смертнаго приговора тверскому князю. Грозный призывъ Александра Михайловича въ орду и мужественная встрѣча имъ тамъ вмѣстѣ съ сыномъ, незаслуженной ими смерти. Полное торжество надъ Тверью московскаго князя и безпрекословная ему покорность переемника Александра: брата его Константина. Плодотворная дѣятельность Іоанна: великаго князя всея Руси, въ московской области. Постройка имъ въ Москвѣ новыхъ храмовъ и процвѣтанье ея торговли. Духовное завѣщаніе Іоанна Калиты. Окончательное присоединеніе Галиціи къ польскому королевству. Уступка Іоанномъ литовскимъ князьямъ по мирному договору съ Литвою,—Бреста, Холма, Луцка и Владиміра-Волынска, въ 1345 г. Смерть хана Узбека. Земельныя покупки и оборотливость Іоанна Калиты. Выгодные для него браки его дѣтей. Дани съ Новгорода. Неудачная попытка шведовъ отнять Выборгъ у новгородцевъ и заключеніе мира съ Іоанномъ шведскимъ королемъ Магнусомъ. Усмиреніе воеводой татарскимъ—Тавлубіемъ возмущенья Смоленска противъ татарской власти. Правосудіе и милосердіе къ нищимъ Іоанна Калиты. Путевыя записки арабскаго путешественника: Ибнъ-Батута.

Между тѣмъ, уголный татарскому хану Іоаннъ Калита—вел. князь московскій и, союзные съ нимъ князья другихъ, второстепенныхъ удѣловъ, враждебно настроенные противъ тверскаго князя Александра Михайловича, удовольствовались его бѣгствомъ въ Литву изъ Пскова и прекратили свои угрозы. Подъ покровительствомъ Гедимина Александръ черезъ короткое время вернулся въ Псковъ; но этотъ городъ не былъ наслѣдственнымъ въ его родѣ и несчастнаго князя мучила мысль, что лишенный владѣнья тверской землею, онъ не въ состояніи будетъ ее передать своимъ дѣтямъ. Для умилостивленья Узбека Александръ сначала послалъ къ нему въ орду сына Федора; а послѣ и самъ явился съ повинною головой, привезя съ

собою въ ханскую ставку дорогіе дары. Узбекъ простилъ его и ему вернулъ тверскую область. Однако робкое управленіе смирнаго и послушнаго Константина Михайловича было пріятнѣе и сподручнѣе для московскаго князя, чѣмъ возвращеніе самого Александра въ Тверь. Видя, что всѣ бѣдствія на Руси происходятъ отъ несогласія между собою князей и слабости каждаго изъ нихъ въ отдѣльности,—благоразумный Іоаннъ съ самаго своего восшествія на московскій престолъ, старался присвоить себѣ верховную власть надъ всѣми князьями древнихъ удѣловъ и въ этомъ успѣлъ, особенно послѣ смерти внука Андрея Александровича: князя суздальскаго Александра Васильевича, имѣвшаго законное право занять владимірскій столъ. Онъ въ дѣйствительности управлялъ изъ Суздаля и Владиміромъ; но въ 1333 г. скончался бездѣтнымъ. Про него существуетъ преданіе—будто онъ перевезъ изъ Владиміра въ Суздаль древній вѣчевой колоколъ съ Успенскаго собора; но возвратилъ потомъ, устрашенный его «глухимъ звукомъ». Іоаннъ, пользуясь милостью къ себѣ хана, не допустилъ занять Суздаль меньшаго брата Александра Михайловича Василія—и вообще началъ дѣйствовать какъ глава Россіи, предписывая удѣльнымъ князьямъ законы въ ихъ собственныхъ областяхъ. Въ Ростовѣ онъ посадилъ своего намѣстника, выдавъ дочь за ростовскаго князя и мѣстные жители жаловались, говоря что слава Ростова исчезла подъ давленіемъ Москвы. Водвореніе княземъ въ Твери, какъ и прежде бодраго, честолюбиваго и дѣятельнаго Александра Михайловича послѣ прощенія его ханомъ,—на мѣсто брата, мѣшало замысламъ и стремленіямъ Іоанна Калиты. Нѣкоторые тверскіе бояре не захотѣли служить Александру, отчасти изъ зависти къ новымъ прибли-

женнымъ; отчасти опасаясь возобновленія смутъ—и отъѣхали въ Москву къ Іоанну, что какъ мы знаемъ не считалось измѣной и было частымъ явленіемъ того времени: «свободнымъ переходомъ бояръ отъ одного русскаго князя къ другому».

На сѣверѣ и югѣ князья давали села и волости своимъ боярамъ въ вѣчное, безпошлинное владѣніе, но при этихъ пожалованіяхъ вмѣняется имъ въ обязанность являться на службу къ князю съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ людей. Такіе бояре, получившіе земли и города въ кормленіе, носили названіе бояръ «введенныхъ», или «большихъ»; а нѣкоторые бояре получали свое содержаніе съ извѣстныхъ доходныхъ статей или «путей» княжескихъ, почему назывались боярами «путными». Между ними распредѣлялись придворныя должности, какъ то: конюшій, стольникъ, чашникъ, дворскій, окольничій, сопровождавшій князя во время похода и т. п. Второе мѣсто при князѣ послѣ бояръ или что то же—старшей дружины, занимаютъ «дѣти боярскіе»: высшій отдѣлъ младшей дружины; тогда какъ второй отдѣлъ ея состоялъ изъ вольныхъ слугъ, такъ называемыхъ дворныхъ людей, получившихъ потомъ, какъ мы говорили, общее названіе—дворянъ. Они отличались отъ бояръ и дѣтей боярскихъ только происхожденіемъ, имѣя наравнѣ съ ними право свободнаго отъѣзда на службу къ тому или другому князю. При такомъ отъѣздѣ они не лишались своихъ земельныхъ владѣній; такъ что въ области каждаго князя были владѣнія чужихъ бояръ; не только отъѣхавшихъ, а которые попадали случайно въ волость другаго князя при какомъ-либо новомъ раздѣлѣ волостей между князьями. Эти чужіе бояре по отношенію къ суду и дани находились подъ вѣдѣніемъ того князя, гдѣ они владѣли земельной соб-

ственностью и гдѣ жили; а также въ случаѣ осады ближайшаго къ ихъ помѣстью города, должны были его защищать. Отъ слугъ вольныхъ «дворскихъ» отличались другіе слуги: «поддворскіе», т. е. подчиненные дворскому, промышленники и ремесленники: садовники, бортники и др., которые пользовались землею княжеской, но ея лишались переходя на службу къ другому князю. Затѣмъ мы встрѣчаемъ вокругъ князей слугъ невольныхъ, или холопей, которые могли назначаться на тѣ же должности, что слуги поддворскіе, а также еще на высшія по домовому и волостному управленію. Изъ ихъ среды наравнѣ со свободными людьми были тіуны, ключники, казначеи, дьяки и т. д. только тогда они назывались «большими людьми» въ отличіе отъ простыхъ холопей—меньшихъ людей.

Изъ должностей путныхъ бояръ въ современныхъ источникахъ объясняется одна обязанность дворскаго: вѣдать слугъ княжескихъ,—мастеровыхъ и промышленныхъ; хотя этимъ дѣятельность его не ограничивалась. На юго-западѣ до литовскаго владычества встрѣчаемъ званіе дворскаго, имѣющее большое значеніе въ войнѣ и мирѣ. Видно что вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ государствъ: Польши и Венгріи, дворскій ровнялся важному сановнику запада: палатину. Знатною личностью тамъ является еще печатникъ (впослѣдствіи канцлеръ). На службу къ русскимъ князьямъ поступали въ дружину ихъ выходцы изъ Литвы, Орды и даже изъ Германіи. Кромѣ дружины войско по-прежнему составлялось изъ городовыхъ полковъ.

Въ противуположность дружинѣ мы встрѣчали уже названіе—«людей земскихъ». Московскіе князья въ договорахъ своихъ уславливаются этихъ тяглыхъ, т. е. платящихъ имъ подати,—городскихъ людей, въ

свою дружину на службу не принимать; потому что такая служба ихъ освободила бы отъ платежей въ казну и отняла бы у князей возможность уплаты обязательныхъ выходовъ татарскому хану. По той же причинѣ создавались препятствія къ покупкѣ земель у тяглыхъ людей, людьми не тяглыми. Земельные участки, принадлежащіе городу назывались волостями; а совокупность этихъ участковъ «уѣздомъ» — такъ какъ всѣ земли приписанныя къ какому-либо мѣсту, были по старинному выраженію, къ нему «уѣханы».

Едва только сѣверовосточная Русь заняла первенствующее мѣсто въ древней русской исторіи, какъ въ ней подъ княжескимъ покровительствомъ начало происходить быстрое заселеніе чисто-финской страны славянами; причемъ финское населеніе не исчезло, но ославянилось. Къ каждому городу принадлежала опредѣленная,—часто хотя обширная, но безлюдная область—и въ ней не могли завязаться никакія новыя отношенія; никакія произойти перемѣны безъ вѣдома князя, который управлялъ городомъ. Князья отдавали земли своихъ волостей во владѣніе членамъ своей дружины съ тѣмъ, чтобы они ее населяли всякаго рода людьми; имѣли право ее продавать купцамъ, или дарить духовенству. Насельники земледѣльцы принимались владѣльцами земли съ радостью; между тѣмъ какъ тѣ пользовались чужою землей безъ покупки ея, почему свободно переселялись съ мѣста на мѣсто, мѣняя мало-по-малу менѣе плодородныя земли на болѣе удобныя для хлѣбопашества и уходя отъ худшихъ условій жизни къ болѣе для себя выгоднымъ и спокойнымъ. Зато, какъ бы долго эти насельники ни работали и ни жили на одномъ мѣстѣ, все же они не становились собственниками воздѣланныхъ ими земельныхъ участковъ, которые

были уступлены имъ лишь во временное ихъ пользованье. Какъ частныя лица, такъ и князья старались конечно погуще заселить свои земли пахарями, а города ремесленнымъ и промышленнымъ людомъ, причемъ чѣмъ дольше однѣ и тѣ же семьи сидѣли на разъ занятомъ ими мѣстѣ, тѣмъ было это для нихъ удобнѣй и выгоднѣй. Отсюда произошли государственныя, такъ называемыя «черныя земли»,—а въ городахъ «дворы», платившіе подати и оброки за поселенье свое владѣльцу-собственнику: т. е. княжескихъ волостей—князю. Кромѣ денежной платы сельское населеніе обязано было: и городъ дѣлать, и дворъ княжой ставить, и коня княжаго кормить; сѣно косить, на охоту ходить по приказанію ловчихъ княжескихъ; давать кормъ, проводниковъ и подводы, какъ самому князю, такъ и всякимъ его воеводамъ или намѣстникамъ. Іоаннъ Калита, боясь утратить лестное для него первенство, необходимое вмѣстѣ съ тѣмъ для спокойствія государства,—рѣшилъ опять низвергнуть соперника своего: Александра тверскаго и для этой цѣли прибѣгъ по прежнему къ возстановленію въ ордѣ противъ него хана Узбека. Онъ взялъ съ собою въ орду своихъ сыновей: Симеона и Іоанна; легко овладѣлъ посредствомъ даровъ и лести довѣріемъ хана, а затѣмъ очернилъ въ его глазахъ Александра до такой степени, что ханъ снова съ великимъ гнѣвомъ вызвалъ того въ орду, уже заочно приговоривъ его къ смертной казни.

Добившись желаемаго великій князь поспѣшилъ домой, дабы не возбудить въ Твери подозрѣнія о своихъ происках. Александръ же понялъ гибель свою, но не бѣжалъ вторично, чтобы не лишить тѣмъ дѣтей своихъ ихъ наслѣдственной области. Когда Узбекъ не удовольствовался предварительнымъ пріѣз-

домъ въ орду его сына—Федора, Александръ Михайловичъ, ожидая для себя участи отца и брата, самъ сѣлъ въ приготовленную уже ладью, чтобы уплыть внизъ по Волгѣ къ хану. Пока духовенство, бояре, граждане и семья со слезами прощались съ нимъ,—не добрымъ знаменьемъ поднялся сильный противный вѣтеръ, такъ что гребцы едва могли справляться съ волнами. Братъ Александра Михайловича—Константинъ, управлявшій въ его отсутствіи Тверью, лежалъ тяжко больной, тогда какъ другой братъ—Василій, его проводилъ за нѣсколько верстъ отъ города. Въ ордѣ уже былъ назначенъ день казни тверскаго князя,—опаснаго, по увѣренію Калиты для сохраненья владычества татаръ надъ Русью. Извѣщенный о томъ Александръ на утро этого дня 29 октября 1339 г., вставъ рано, прослушалъ заутреню и вмѣстѣ съ сыномъ, тоже не чаявшимъ остаться въ живыхъ,—послѣ исповѣди у духовнаго ихъ отца,—пріобщился.—«Да будетъ воля Божія», произнесъ онъ. Когда убійцы приблизились, несчастные князья—жертвы коварныхъ наговоровъ Іоанна, смѣло къ нимъ вышли навстрѣчу. Раздѣвъ Александра Михайловича, татары его подвели сперва къ распорядителю казни, сидѣвшему на конѣ сановнику Тавлубію. Тотъ крикнулъ:—«Убейте его», и тогда палачи немедленно пронзили мечами, приговоренныхъ къ смерти отца и сына, послѣ чего имъ, поверженнымъ на землю, отрубили головы. Вѣрнѣйшіе изъ слугъ убитыхъ князей взяли тѣла ихъ для погребенія въ Твери этихъ новыхъ жертвъ жестокаго самовластья Узбека. Братья Александра: ни, оставшійся снова, послѣ выздоровленія, править тверскою областью, Константинъ, ни Василій не смѣли болѣе съ этихъ поръ противорѣчить Іоанну Калитѣ—и въ знакъ зависимости отъ него, принуждены

49 а) Картина: Отъѣздъ тверскаго] князя въ орду по грозному призову хана Узбека.

49 б) Картина: Безвинная смерть въ ордѣ князя тверскаго съ сыномъ.

были отослать въ Москву соборный колоколъ своей столицы.

Теперь новгородцы, прежде содѣйствовавшіе изгнанію Александра Михайловича изъ Пскова, очень скорбѣли о его смерти въ ордѣ, такъ какъ предвидѣли что Іоаннъ Калита, не имѣя болѣе между князьями опаснаго для себя соперника, станетъ гораздо менѣе уважать ихъ вольность и дорожить дружбой съ ними.

Мы уже говорили, что прозваніе: «Калита»,—значитъ кошель и Іоаннъ въ исторію перешелъ, какъ скопидомъ, въ ордѣ пронырливый и раболѣпный не гнушавшійся никакими кознями, чтобы погубить соперника.

Но съ другой стороны ясно сказывается во всей его дѣятельности непосредственно по отношенью къ московской области,—князь умный, заботливый и неусыпно трудившійся на благо и усиленіе своего удѣла; хозяинъ, водворившій спокойствіе въ своихъ владѣньяхъ и обезпечившій ихъ отъ набѣговъ татаръ. Не стѣсняясь въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ главныхъ цѣлей, Іоаннъ дѣйствовалъ въ духѣ и условіяхъ своего времени. Воспользовавшееся плодами его государственнаго управленія потомство, осталось ему благодарно. Узбекъ же не понималъ, что слабость Россіи зависитъ отъ раздѣленія ея силъ; что онъ, способствуя единовластію русскаго князя готовитъ тѣмъ самымъ гибель Кипчакскому царству татаръ.

Іоаннъ Даниловичъ уже значительно увеличилъ область московскаго княженія—и не кровопролитіемъ, а больше денежной куплей; онъ промыслилъ у обѣднѣвшихъ сосѣднихъ бояръ, князей и монастырей нѣсколько городовъ съ изряднымъ количествомъ

селъ и слободъ, причемъ московская земля въ то время въ себѣ заключала уже все теченіе Москвы-рѣки, простираясь дальше на юго-западъ: отъ Коломны вверхъ по Окѣ съ городами—Каширою и Серпуховымъ. На сѣверо-востокѣ московскія владѣнія охватывали часть Поволожья, включая въ своихъ предѣлахъ волжскіе города: Угличъ и Кострому. Они перекинулись далеко на сѣверную сторону Волги потому что Іоаннъ купилъ у князя ростовскаго: Константина Васильевича, еще кромѣ Углича, Бѣлозерскъ, оставляя его княжить въ городахъ этихъ при условіи полной ему покорности. Къ тому же онъ выдалъ за Константина одну изъ двухъ дочерей своихъ; съ другою устроивъ бракъ Василія Давидовича ярославскаго. Сына—Симеона женилъ на Авгѹстѣ: дочери Гедимина.

Калита могъ скупать такимъ образомъ цѣлыя княжества, потому что они сами по себѣ не справлялись съ данью, которую требовали отъ нихъ ханы. Московскіе же князья еще выкупали русскихъ плѣнниковъ изъ орды, увеличивая населеніе своихъ земель этими, такъ называемыми «ордынцами». Добровольнымъ переселенцамъ они въ состояніи были давать большія выгоды и преимущества. Калитѣ конечно недешево обходились его земельныя пріобрѣтенія, а также поѣздки въ орду съ дарами для подкупа татарскихъ вельможъ и царевичей. Необходимыя средства онъ собиралъ съ большой бережливостью отъ доходовъ своихъ земель, а кромѣ того какъ вел. князь владимірскій, взимая дань для татарскаго хана по сѣвернымъ областямъ Руси, подъ угрозою поддержки себя татарскою силою въ случаѣ сопротивленія ея уплатѣ со стороны удѣльныхъ князей. Но особенно важнымъ источникомъ барышей служилъ великимъ князьямъ богатый тор-

говый Новгородъ. Калита всегда старался при всякомъ удобномъ случаѣ прижать новгородцевъ въ ихъ денежныхъ платахъ и въ 1332 г. потребовалъ себѣ серебра закамскаго, ими собираемаго въ пріуральской Чуди: частью въ Югрѣ, частью въ Перми по берегамъ Печоры. Отказъ вызвалъ съ его стороны вооруженное нападеніе на окрестности Торжка и только, желаемый Гедиминомъ призывъ къ себѣ новгородцами старшаго его сына, князя литовскаго Нариманта заставилъ Іоанна вступить въ дружелюбные переговоры съ архіепископомъ новгородскимъ Василіемъ. Наримантъ, дотолѣ язычникъ, извѣстилъ новгородцевъ, что онъ сталъ христіаниномъ и, давъ клятву быть вѣрнымъ Новгороду, получилъ отъ на роднаго вѣча Ладогу, Орѣшекъ и всю землю корельскую съ половиной Копорья,— въ наслѣдственное для его потомства владѣніе.

Но когда въ 1337 г. шведы, нарушивъ миръ съ новгородцами дали убѣжище въ Выборгѣ мятежнымъ русскимъ кареламъ и помогли умертвить купцовъ ладожскихъ бывшихъ въ Карелiи; грабили на берегахъ онежскихъ; сожгли предмѣстье Ладоги и покушались взять Копорье, — новгородцы увидѣли безполезность оказанной Нариманту чести. Онъ не захотѣлъ оставить Литвы, чтобы предводительствовать ихъ войскомъ и даже сына своего Александра изъ Орѣхова вызвалъ, оставивъ тамъ отъ себя намѣстника. Кромѣ того несмотря на то, что онъ считался княземъ ихъ области, несмотря на родственный союзъ Гедимина съ Іоанномъ, шайки литовскихъ разбойниковъ злодѣйствовали вокругъ Торжка.

Шведы, показавъ болѣе дерзости нежели силы не могли отстоять отъ русскихъ полковъ окрестности Выборга и ушли отъ Копорья. Король шведскій Магнусъ самъ просилъ мира. А за разбои ли-

товскіе Іоаннъ приказалъ своимъ воеводамъ сжечь нѣсколько городовъ полоцкаго княженія, принадлежавшихъ тогда Литвѣ. Въ Смоленскѣ господствовалъ въ это время внукъ князя Глѣба: нѣкій князь Иванъ Александровичъ. Онъ попытался послѣ удачной для него войны съ княземъ Дмитріемъ Брянскимъ, хотя и поддержаннымъ татарскимъ войскомъ, заключить союзъ съ Гедиминомъ противъ татаръ,—мечтая о полной для себя независимости отъ хана Узбека. Тогда Узбекъ его объявилъ мятежникомъ и послалъ противъ него Тавлубія, давъ повелѣніе всѣмъ русскимъ князьямъ идти за татарами на Смоленскъ подъ знаменами вел. князя московскаго. Первымъ долженъ былъ выступить въ этотъ походъ Іоаннъ Коротополъ—князь рязанскій. Іоаннъ Калита, не имѣя наклонности къ воинскимъ дѣйствіямъ, остался въ Москвѣ, поручивъ рать свою воеводамъ. Однако смоляне съумѣли отклонить отъ столицы своей земли ударъ такой грозной силы,—смягчивъ должно быть Тавлубія поднесеніемъ ему богатыхъ даровъ,—тогда какъ русскіе князья шли на смоленскаго князя безъ всякой на него злобы, только по принужденію,—не имѣя ни малѣйшей охоты истреблять соотечественниковъ въ угоду татарамъ; проливать напрасно родную русскую кровь. Такимъ образомъ Смоленскъ уцѣлѣлъ и все войско вернулось мирно домой, лишь взглянувъ на его стѣны.

Іоаннъ Калита избавилъ княжество свое отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ; возстановилъ безопасность собственности; строго казнилъ воровъ и вообще былъ правосуденъ. Жители областей независимыхъ отъ Москвы, завидывали тишинѣ во владѣніяхъ Іоанна Даниловича, сами волнуемые злодѣйствами своевольныхъ гражданъ и своекорыстныхъ,

измельчавшихъ душою князей. Такъ князь рязанскій: Іоаннъ Коротополъ передъ смоленскимъ походомъ схватилъ на дорогѣ родственника своего Александра Пронскаго, ѣхавшаго къ хану съ данью. Ограбилъ его и лишилъ жизни. Брянцы послѣ мятежнаго вѣча въ 1340 г. умертвили князя своего Глѣба Святославича въ праздникъ самаго чтимаго на Руси святаго Николая. Снискать любовь народную помогли Іоанну: его усердіе къ постройкѣ храмовъ, набожность и милосердіе къ нищимъ. Онъ собственно получилъ прозваніе Калиты потому, что всегда имѣлъ при себѣ мѣшокъ, наполненный мелкою монетою для раздачи бѣднымъ. Мы уже знаемъ, что Іоаннъ Калита по желанію митрополита Петра, заложилъ въ Москвѣ каменный Успенскій соборъ, который былъ освященъ ростовскимъ епископомъ Прохоромъ. Онъ однако не могъ ровняться, ни по своимъ размѣрамъ, ни по украшеніямъ съ изящнымъ созданьемъ Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ. Московскій князь, бывшій все же смиреннымъ данникомъ Золотой орды, сталъ гораздо бѣднѣе предковъ своихъ, владѣвшихъ всею ростово-суздальской землей. Кромѣ того художество русское въ первой половинѣ XIII столѣтія было задавлено татарскимъ игомъ и не могло еще возродиться для новой жизни.

50) Картина: Іоаннъ Калита раздаетъ милостыню.

Кромѣ Успенскаго собора Іоаннъ Калита построилъ тоже изъ камня, еще Архангельскій соборъ, гдѣ съ того времени погребали всѣхъ московскихъ князей. На Боровицкомъ холму, на самомъ дворѣ княжескомъ Іоаннъ при церкви Спаса-Преображенія основалъ монастырь, его сдѣлавъ мѣстомъ упокоенія всѣхъ княгинь. Онъ очень любилъ этотъ монастырь; кормилъ, одѣвалъ тамъ нищихъ и самъ постригся въ немъ передъ своей кончиной. Украшая

столицу храмами, Іоаннъ обнесъ ее дубовыми стѣнами и возобновилъ, въ его время сгорѣвшій кремль т. е. внутреннюю городскую крѣпость: по древнему наименованью—Дѣтинецъ. Относительная безопасность путей во владѣньяхъ Іоанна обагатила московскія земли наплывомъ туда купцовъ русскихъ и чужеземныхъ. Новгородъ отправлялъ въ Москву работы нѣмецкихъ фабрикъ. Италія, чрезъ Кафу,—нынѣшнюю Ѳеодосію; а также Греція и востокъ,—присылали туда же свои товары. Торговцы знали, что подъ Владиміромъ и Ярославлемъ не встрѣтятся съ шайками татарскихъ разбойниковъ, такъ какъ милостивыя грамоты, данныя великому князю Узбекомъ, служили надежнымъ щитомъ отъ нихъ жителямъ и путешественникамъ. Тогда открылись новыя торжища на Руси: такъ при устьѣ рѣки Мологи московская казна въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ собирала множество серебра отъ торговыхъ пошлинъ. Безчисленныя купеческія суда покрывали Волгу; а шатры—необозримый, прекрасный моложскій лугъ. Эта ярмонка потомъ славились первою на Руси до XVI столѣтія. Такое цвѣтущее состояніе московской области въ нее естественно привлекало переселенцевъ со всѣхъ сторонъ и бояре другихъ удѣльныхъ князей переходили на службу къ московскому князю. Іоаннъ Даниловичъ впервые началъ именовать себя великимъ княземъ «всея Руси»—такъ какъ просто великими князьями именовали себя уже всѣ сколько-нибудь значительные владѣтели разныхъ удѣловъ. Даже знатные люди орды, принимая крещеніе, пріѣзжали служить въ Москву; получали помѣстья и жалованье отъ Іоанна. Среди нихъ нужно отмѣтить нѣкоего мурзу Чета—въ крещеніи Захарія какъ родоначальника Годуновыхъ. Знатнѣйшіе изъ этихъ пріѣзжихъ бояръ

становились иногда выше собственныхъ приближенныхъ думцевъ Іоанна. Отсюда получило начало мѣстничество середи бояръ, т. е. возникъ споръ о мѣстахъ. Пребываніе митрополита въ Москвѣ ей придавало значеніе церковной столицы, чѣмъ она тоже привлекала къ себѣ сердце народа. Мы уже знаемъ, что грекъ Ѳеогностъ, поставленный константинопольскимъ патріархомъ, житіе свое основалъ не во Владимірѣ, а въ Москвѣ, тогда уже взявшей рѣшительный перевѣсъ надъ Тверью—и сдѣлался столь же преданнымъ пособникомъ Калиты какъ Петръ.

Послѣ смерти своей Іоаннъ оставилъ древнѣйшее изъ намъ извѣстныхъ духовныхъ завѣщаній, съ распредѣленьемъ всего достоянія своего,—городовъ и селъ московской земли между членами своей семьи. Оно начинается такими строками послѣ обычныхъ словъ:—Во Имя Отца и Сына и Св. Духа:—«Не зная что Всевышній готовитъ мнѣ въ ордѣ куда ѣду, оставляю свою душевную грамоту, написанную мной добровольно въ цѣломъ умѣ и совершенномъ здравіи»..... Онъ указываетъ затѣмъ какіе города съ волостями завѣщаетъ сыновьямъ: Симеону, Андрею, Ивану; какія земли предоставляетъ въ пользованье княгини и дочерямъ. Такой же раздѣлъ совершенъ былъ имъ въ этой грамотѣ и по отношенію къ драгоцѣнностямъ у него имѣвшимся: въ видѣ напримѣръ золотыхъ или серебряныхъ чашъ; такихъ же цѣпей, блюдъ, ковшей, поясовъ низанныхъ жемчугомъ и каменьями; различныхъ украшеній,—какъ кольца, монисты, ожерелья и всякихъ другихъ домашнихъ сокровищъ княжескихъ. Изъ числа богатыхъ одеждъ своихъ Іоаннъ Калита завѣщалъ старшему сыну Симеону шубу червленную съ жемчугомъ и шапку золотую. Ивану желтую шубу съ жемчугомъ и мантію съ бар-

мами. Андрею шубу соболью съ оплечьями унизанными жемчугомъ и алое портище съ нашитыми бармами. Двѣ такія же цѣнныя, раскошныя шубы оставилъ онъ дочерямъ: Марьѣ и Феодосьѣ. Не забылъ конечно великій князь о церквахъ. Во Владимірскій Успенскій соборъ наказалъ пожертвовать великое блюдо изъ серебра на четырехъ кольцахъ и три села отдалъ на поминъ души въ церковное владѣніе. Духовную грамоту эту писалъ великокняжескій дьякъ, имѣя свидѣтелями ея двухъ священниковъ: духовныхъ своихъ отцовъ.

При заключительныхъ строкахъ о первомъ московскомъ великомъ князѣ всея Руси, мы уже въ послѣдній разъ можемъ упомянуть о Галиціи, какъ о россійской области. Намъ извѣстно, что въ 1340 г. она захвачена былъ королемъ польскимъ, послѣ того что предшественникъ его Болеславъ, сынъ мазовецкаго князя Тройдена и Маріи: сестры Георгія Андреевича, былъ отравленъ возненавидѣвшими его галичанами, такимъ жестокимъ ядомъ, что его тѣло, по сказанію лѣтописи, распалось на части. Хотя воспитанный въ греческомъ вѣроисповѣданіи, Болеславъ въ угоду своему родственнику—Казиміру III сталъ католикомъ. Окруживъ себя нѣмцами и поляками, онъ вознамѣрился своихъ поданныхъ обратить тоже въ латинство, сверхъ того ихъ еще угнетая налогами. Тогда народъ возмутился и Болеславъ былъ умерщвленъ. Мы видали, что за Казиміромъ III послѣ его столкновенія съ князьями литовскими, осталась часть Галиціи со столицею ея Львовымъ, причемъ жители всѣхъ ея городовъ присягнули польскому королю, какъ своему законному государю, получивъ отъ него обѣщаніе, что онъ не будетъ тѣснить ихъ вѣры и тогда всѣ сокровища древнихъ русскихъ князей: богатыя одежды, сѣдла, сосуды, два золотыхъ креста

съ частью животворящаго Древа и двѣ короны, осыпанныя алмазами, были отвезены изъ Львова въ Краковъ. Заключивъ мирный договоръ съ Литвою, Іоаннъ уступилъ изъ своихъ захватовъ сыну Гедимина Кейстуту Брестъ, а Любарту — Холмъ, Луцкъ и Владиміръ-Волынскій. Такимъ образомъ рушилось совершенно княжество или королевство Даніилово; древнее достояніе Руси, пріобрѣтенное Владиміромъ Красное Солнышко отъ ятвяговъ и называвшееся сначала, «червенскими городами». Такъ оно было раздѣлено между Польшею и Литвою въ 1345 г.!

Въ 1341 г. умеръ ханъ Кипчакской орды Узбекъ, памятный русскимъ князьямъ умерщвленіемъ многихъ изъ нихъ въ его станѣ. Однако онъ не измѣнялъ обычая вѣротерпимости среди татаръ, несмотря на то что былъ самъ мусульманиномъ и отклонялъ равнодушно всѣ увѣщанія папы къ принятію христіанства; онъ разрѣшалъ тѣмъ не менѣе католическимъ проповѣдникамъ распространять свое вѣроученіе въ земляхъ кавказскихъ и черноморскихъ; т. е. въ странѣ древнихъ аланъ и яссовъ. Византійскіе же императоры изъ дома Палеологовъ только заискивали расположенія татарскихъ хановъ, такъ что Узбекъ имѣлъ въ числѣ своихъ женъ, дочь одного изъ нихъ—Андроника III.

Знаменитый арабскій путешественникъ того времени т. е. XIV столѣтія: Ибнъ—Батута, оставилъ письменное извѣстіе о посѣщеніи имъ столицы Узбека и о поѣздкѣ этой ханской супруги къ отцу въ Константинополь около 1333 г. Онъ посѣтилъ городъ Крымъ, а отсюда направился по Черноморскимъ и Донскимъ степямъ въ столицу Кипчакскаго царства: Сарай. Нынѣшняя Ѳеодосія, тогда Кафа,—тоже принадлежала къ владѣньямъ Узбека. Послѣ долгихъ дней пути Батута достигъ небольшого приморскаго

городка Азака: нынѣшняго Азова. Дорогой онъ видѣлъ, что многочисленныя татарскія стада, въ которыхъ преобладаютъ овцы, пасутся всюду безъ присмотра и безъ иной охраны кромѣ строгихъ законовъ татаръ, наказующихъ воровство возвращеньемъ украденнаго скота съ прибавленіемъ девяти лишнихъ головъ, тогда какъ неимущіе предавались смерти. Батута разсказываетъ, что татарскія женщины въ то время ходили еще съ открытымъ лицомъ и пользовались большимъ уваженьемъ въ ордѣ; въ особенности же вдовы вельможъ и хановъ; а ханскимъ женамъ оказывался великій почетъ: каждая изъ нихъ имѣла отдѣльное помѣщеніе и свой наборъ слугъ со служанками. Предъ кибиткой каждой ѣхалъ отрядъ татарскихъ и египетскихъ отборныхъ всадниковъ. По обычаю татарской вѣжливости арабскій гость обязанъ былъ раньше нежели быть представленнымъ хану посѣтить главныхъ женъ его. Онѣ принимали участіе въ управленіи и самой первой середи женъ Узбека была нѣкая ханша, Тайдула. Узбекъ принялъ Батуту очень благосклонно; послалъ ему въ подарокъ барановъ, коня и кожаный сосудъ съ кумысомъ. Ибнъ-Батута получилъ позволеніе хана отправиться дальше на сѣверъ въ столицу камскихъ булгаръ, возбуждавшую въ немъ любопытство вслѣдствіе занимательныхъ странныхъ разсказовъ объ этомъ городѣ еще Ибнъ-Фадлана и другихъ первыхъ арабскихъ путешественниковъ на далекій сѣверъ. Тамъ онъ услышалъ о странѣ мрака въ 40 дняхъ пути (Югорскомъ краѣ) куда проѣхать возможно было лишь на собакахъ, но гдѣ торговцы мѣняютъ свои товары на дорогіе мѣха. Пробывъ въ Великихъ Булгарахъ три дня, Батута вернулся къ устью Волги въ нынѣшнюю Астрахань, гдѣ татарскій ханъ проводилъ обыкновенно всю зиму.

51) Картина: ѣзда на собакахъ.

Здѣсь ему было разрѣшено сопровождать въ Константинополь дочь византійскаго императора, охраняемую пятитысячнымъ военнымъ отрядомъ. На этомъ пути Батута упоминаетъ о какихъ-то русскихъ горахъ, гдѣ находилась серебряная руда, почему въ ходу была русская серебряная монета въ 5 унцій вѣсомъ. Рѣчь шла навѣрно о горномъ хребтѣ Тавриды и о тьмутараканскихъ руссахъ.

По возвращеніи Батута изъ Константинополя ханъ уже переѣхалъ въ Сарай: красивый, обширный городъ, гдѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе ученый имамъ, очень уважаемый ханомъ. Отдавъ здѣсь отчетъ Узбеку о путешествіи ханши и получивъ отъ него богатые подарки, Батута, на телѣгѣ, запряженной верблюдами, отправился въ Ховарезмъ, отстоявшій въ сорока дняхъ пути отъ Сарая и принадлежащій тоже кипчакскому царству.

Глава XIII.

Сарайскій ханъ Джанибекъ. Господинъ великій князь: Симеонъ Іоанновичъ Гордый. Покорность Новгорода. Миръ съ Ольгердомъ. Смоленское княжество и рязанскія дѣла. Ольгердъ—великій князь литовскій и его войны съ нѣмецкими рыцарями. Князь Кейстутъ Гедиминовичъ. Совмѣстныя дѣйствія Новгорода и Пскова. Возстаніе Эстоніи противъ своихъ поработителей и безпощадное уничтоженіе нѣмцами ея жителей огнемъ и мечомъ. Умерщвленіе новгородцами въ угоду Ольгерду, посадника своего—Евстаѳія, и побѣда ихъ надъ шведскимъ королемъ Магнусомъ на берегахъ Ижоры. Гибель шведскаго войска въ морѣ во время бури и миръ со шведами Новгорода въ Дерптѣ. Козни князя московскаго въ Татарской ордѣ противъ Ольгерда, овладѣвшаго кіевско-подольской украйной. Гоненія литовскихъ жрецовъ противъ христіанъ въ Литвѣ. Св. мученики—Іоаннъ и Антоній. Изгнаніе литовцами поляковъ изъ Волыни при поддержкѣ князя московскаго. Прощеніе Симеономъ смоленскаго князя, благодаря посредничеству Ольгерда, и его смерть отъ повальной чумы въ Москвѣ. Архіепископъ новгородскій—Василій въ Псковѣ во время чумной заразы. Муромскій князь—Юрій Ярославичъ. Процвѣтаніе въ Москвѣ искусства при Симеонѣ Гордомъ и основаніе подъ Москвой Троицко-Сергіевской Лавры.

По смерти Узбека въ 1340 г. единодержавнымъ властителемъ Кипчакскаго царства сталъ его второй сынъ Джанибекъ, и къ нему на поклонъ поѣхали, по установившемуся обычаю всѣ русскіе князья съ дарами, чтобы получить отъ него ярлыки на свои удѣлы. Джанибекъ утвердилъ старшаго сына Іоанна Калиты на великомъ княженіи и милостиво отпустилъ его. Въ прежней силѣ остались и преимущества, предоставленныя татарами православному духовенству. Соперничество съ богатымъ и сильнымъ московскимъ княземъ для всѣхъ другихъ князей стало теперь невозможнымъ. Нравы монголовъ, ужасныхъ своею дикостью въ азіатскихъ степяхъ, измѣнились мало по малу на берегахъ Чернаго моря, Дона и Волги. Познавъ нѣгу и прелесть европейской ро-

скоши, доставляемой имъ торговлей образованныхъ странъ со всѣми народами, татары уже не такъ стали склонны къ битвамъ и завоеваніямъ, связаннымъ съ суровою опасной боевой обстановкой. Они оболь-щались золотомъ, какъ главнымъ средствомъ для без-мятежнаго наслажденья. Приближенные ханы были жадны до взятокъ и продавали милости своего вла-стелина; поэтому князья московскіе, умноживъ свои доходы пріобрѣтеніемъ областей и новыми торго-выми сборами, конечно первые всегда находили рев-ностныхъ друзей въ ордѣ, такъ какъ гораздо щед-рѣй и шире другихъ могли удовлетворить алчное корыстолюбіе ея и вельможъ и черезъ свое богатство достигли могущества, хотя называли себя смиренными слугами хана. «Всѣ князья русскіе были отданы подъ властную руку Симеона Іоанновича», говоритъ лѣто-пись—и сынъ Калиты имъ дѣйствительно далъ по-чувствовать это, вслѣдствіе чего получилъ названіе Гордаго. Съ младшими братьями Симеонъ заключилъ договоръ чтобы они, утвердясь въ отцовскомъ раз-дѣлѣ, обязались быть между собою и съ нимъ всегда заодно; чтобы, почитая старшаго брата въ отцово мѣ-сто, его называли бы: «Господинъ великій князь»,— съ тѣмъ, чтобы онъ съ своей стороны не обижалъ младшихъ братьевъ въ удѣлахъ ихъ. Самъ по себѣ городъ Москва поступилъ въ общее владѣніе сыно-вей Калиты, и этой общности обладанія Москвою противуполагается частное, отдѣльное владѣніе каж-даго князя извѣстнымъ своимъ удѣломъ. Свое взаим-ное обѣщаніе братья скрѣпили клятвенно крестнымъ цѣлованіемъ у отцовскаго гроба въ Архангельскомъ храмѣ, благодаря чему согласіе и дружба ихъ ничѣмъ уже не нарушались; такъ что московское княжество пользовалось прочнымъ внутреннимъ миромъ при

*

внѣшнемъ затишьи отъ татарскихъ набѣговъ, вслѣдствіе расположенія хана къ Симеону Іоанновичу. Симеонъ съ братьями неоднократно ѣздилъ въ орду, гдѣ съумѣлъ поддержать это благоволеніе къ нему въ татарскомъ станѣ. При такихъ твердыхъ устояхъ, все возрастающей силы Москвы, Тверь уже не думала о борьбѣ съ нею. Сынъ Александра Михайловича: Всеволодъ, не пытался мстить за отца сыну Калиты, а впослѣдствіи выдалъ за него замужъ, уже по третьему браку, свою сестру; тогда какъ сынъ Василія Михайловича женился на дочери Симеона.

Свободолюбивый Новгородъ въ свою очередь не избѣгнулъ тяжелой руки московскаго князя. Когда бояре тамъ заковали въ цѣпи московскихъ сборщиковъ дани въ своей землѣ,—Симеонъ тотчасъ же двинулся къ Торжку съ большимъ войскомъ. Тогда жители Торжка возмутились противъ властей, подвергавшихъ ихъ бѣдствіямъ войны съ сильнымъ московскимъ княземъ, окруженнымъ полками всей земли суздальской,—и отворили ворота Симеону. Въ Новгородѣ чернь тоже желала мира. Тогда архіепископъ новгородскій, тысяцкій и бояре пришли бить челомъ Симеону о мирѣ. Онъ согласился его заключить съ Новгородомъ по старымъ грамотамъ; зато взялъ съ него крупную сумму денегъ, и есть извѣстіе, что по его требованью бояре должны были къ нему явиться босые, чтобъ на колѣняхъ просить у него прощенія въ присутствіи другихъ князей. Послѣ того Симеонъ, едва распустилъ полки, какъ услышалъ, что Ольгердъ, князь литовскій и витебскій, осадилъ Можайскъ съ намѣреніемъ завоевать его въ пользу князя смоленскаго — своего союзника. Смерть отца помѣшала ему исполнить это намѣреніе, и онъ отступилъ отъ крѣпкихъ можайскихъ стѣнъ послѣ того

что выжегъ городское предмѣстье. На рѣкѣ Угрѣ Симеонъ заключилъ миръ съ послами Смоленска, а одновременно и съ Ольгердомъ. Въ первомъ бракѣ Симеонъ былъ, какъ мы уже это знаемъ, женатъ на дочери Гедимина. Самъ же Ольгердъ женился передъ походомъ своимъ подъ Можайскъ на свояченицѣ великаго князя—тверской княжнѣ Юльянѣ.

Когда-то лежавшее посреди русскихъ земель и наименѣе подверженное внѣшнимъ опасностямъ, смоленское княжество, теперь очутилось въ самомъ невыгодномъ положеніи,—между двумя соперницами по собиранію Руси: Литвою и Москвою. Не имѣя достаточно силъ, чтобы отстоять свою самобытность, оно поневолѣ должно было выбирать между той или другой зависимостью. Московскій князь Юрій Даниловичъ, еще при жизни отца отнялъ можайскій уѣздъ у племянника Федора Чернаго: князя смоленскаго Александра Глѣбовича и съ этихъ поръ смоляне стали искать дружбы литовской. Ольгердъ уже давно выступилъ ихъ защитникомъ противъ московскихъ захватовъ, но старался поставить Смоленскъ въ прямую зависимость отъ Литвы, для чего овладѣлъ на Волгѣ пригородомъ Ржевомъ, пограничнымъ съ владѣніями московскими и тверскими. Склонности Смоленска на сторону Литвы во время ея соперничества съ Москвою, способствовали его промышленныя условія и древнія связи смоленскихъ кривичей съ витебскими и полоцкими; ихъ общій торговый путь съ верхняго Днѣпра волокомъ и Западною Двиною къ варяжскимъ городамъ,—такъ какъ этотъ путь со всѣми двинскими кривичами находился уже во власти князей литовско-полоцкихъ. Тѣмъ не менѣе смоленское княжество еще успѣло на время отсрочить окончательную потерю своей самобытности, тогда

какъ земля чернигово-сѣверская, еще въ XIII вѣкѣ подвергавшаяся набѣгамъ Литвы, вошла при князѣ Ольгердѣ въ составъ этой западной собирательницы Руси. Смоленскіе князья тоже старались не разъ захватить въ свои руки ея, сосѣднія съ ними волости. Въ то время среди чернигово-сѣверскихъ удѣловъ наиболѣе выдѣлялся по своему значенію Брянскъ, лежавшій на рубежѣ сѣверской земли съ вятичами. Его князь—Романъ Михайловичъ былъ послѣднимъ достойнымъ представителемъ вымиравшаго рода черниговскихъ Ольговичей. Лишь послѣ смерти его черниговскимъ князьямъ удалось овладѣть брянскимъ удѣломъ,—конечно съ соизволенія золотой орды. Во время позднѣйшихъ смутъ и мелкой борьбы между князьями за тотъ же Брянскъ,—Ольгердъ воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ легко его сдѣлалъ достояніемъ Литвы, овладѣвъ кромѣ того самимъ Черниговымъ, Трубчевскомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ и Стародубомъ. Въ рязанской землѣ князь Пронскій—Ярославъ Александровичъ, при поддержкѣ татаръ выгналъ изъ Переяславля-Рязанскаго убійцу отца своего Іоанна Каратопола; лишилъ его княжескаго стола и жизни. Но зато татары по своему обычаю не замедлили разорить, ставшій столицей рязанской земли Переяславль и Ярославъ утвердилъ тогда свое пребываніе въ Ростиславлѣ на берегу Оки. Но тѣмъ не менѣе послѣ смерти Ярослава, послѣдовавшей всего два года спустя, ему наслѣдовалъ сынъ Каратопола—Олегъ.

Зимою въ 1345 г. въ Литвѣ были получены тревожныя вѣсти съ запада, гдѣ рыцарскій орденъ стягивалъ отовсюду нѣмецкіе воинскіе отряды, приготовляясь къ большому походу противъ Литвы, во главѣ съ королями—венгерскимъ и чешскимъ. Тогда

Ольгердъ соединился съ братомъ Кейстутомъ,—заклятымъ врагомъ нѣмцевъ, чтобы предпринять рѣшительный образъ дѣйствій съ цѣлью вѣрнѣйшей защиты родины—и въ условленный день они захватили въ свои руки Вильну, взявъ въ плѣнъ, тамъ княжившаго Явнута: младшаго изъ сыновей Гедимина. Когда Ольгердъ былъ затѣмъ провозглашенъ великимъ княземъ литовскимъ и торжественно возведенъ на виленскій столъ по договору между нимъ и Кейстутомъ,—другіе братья волей неволей признали этотъ переворотъ; но недовольный Явнутъ бѣжалъ въ Москву къ Симеону и тамъ крестился, тогда какъ Наримантъ ушелъ къ татарамъ.

Собравъ достаточно силъ для отраженья враговъ, Ольгердъ и Кейстутъ неожиданнымъ нападеньемъ на Ливонію разстроили замыслы нѣмцевъ: они увлекли ихъ въ свои болота, откуда тѣ поспѣшили вернуться домой, не приведя въ исполненіе грозныхъ своихъ намѣреній. Зато потомъ участились внезапныя разбойничьи вторженія мелкихъ нѣмецкихъ отрядовъ въ ближайшія литовскія области, называемыя въ ливонскихъ лѣтописяхъ, рейзами: т. е. набѣгами; сопровождавшіеся истребленіемъ или плѣненьемъ жителей; уводомъ скота и коней; поджогами въ селахъ запасовъ хлѣба,—если литовцы во-время не успѣвали скрыться въ глухія лѣсныя трущобы, спасая тамъ же свое имущество. Возводя, одновременно съ этими рейзами крѣпкіе за́мки вдоль порубежныхъ литовскихъ владѣній, магистры ордена всѣми силами старались не допускать встрѣчной постройки подобныхъ же укрѣпленій со стороны Литвы и разрушать уже существующія.

Особенно упорнымъ нападеніямъ нѣмцевъ подвергся городъ Ковна, выгодно расположенный при

52) Картина: Нѣмецкіе рейзы на литовскую землю изъ рыцарскихъ замковъ.

впаденіи рѣки Виліи въ Нѣманъ, защищенный каменными стѣнами. Многочисленныя нѣмецкія земли, соединенныя между собою и внутреннею ливонской страной хорошими дорогами, не позволяли литовцамъ съ такою смѣлостью предпринимать набѣги на западъ малыми силами; но тѣмъ не менѣе крестоносцамъ не удалось раздвинуть свои предѣлы за счетъ Литвы и взять надъ нею рѣшительный перевѣсъ. Душою долгой упорной ея борьбы за свою самобытность былъ князь Кейстутъ Гедиминовичъ. Исторія его жизни украшена многими личными его подвигами и чудесными приключеніями. Онъ женился на жрицѣ одного языческаго святилища: красавицѣ Берутѣ, поддерживавшей огонь въ сосновомъ бору передъ изображеніемъ нѣкой богини: Прауримы, на морскомъ берегу, близъ гавани Полонги. Вопреки данному ей обѣту дѣвственности, Кейстутъ увезъ ее изъ святилища и ея сыномъ былъ—впослѣдствіи знаменитый, Витовтъ. Неутомимая война Кейстута на западѣ и на сѣверѣ съ прусскими и ливонскими рыцарями, предоставляли свободу Ольгерду дѣйствовать на востокѣ и югѣ, подчиняя Литвѣ сосѣднія русскія земли. Особенное вліяніе имѣлъ Ольгердъ на псковскую область, отчасти вслѣдствіе стремленія Пскова отдѣлиться отъ Новгорода; отчасти потому что этотъ городъ нуждался въ его защитѣ противъ ливонскихъ нѣмцевъ. Псковичи даже просили Ольгерда, принявъ христіанскую вѣру, сѣсть у нихъ княземъ; но Ольгердъ, какъ мы уже видѣли, вмѣсто себя посадилъ тамъ своего сына Андрея: православнаго князя полоцкаго. Однако тотъ, подобно Нариманту, оставивъ въ Псковѣ намѣстника, ушелъ за отцомъ обратно въ Литву. Тогда псковитяне, видя свой городъ—Изборскъ, осажденнымъ рыцарями, ради огражденья

себя съ стороны Ливоніи, начали искать дружбы Новгорода. Новгородцы заступились за псковитянъ и, въ союзѣ съ ними, послѣ кровопролитной битвы, одержали побѣду надъ ратью магистра Бурхарда. Въ 1343 г. вся Эстонія возмутилась противъ своихъ поработителей: датчанъ и нѣмцевъ. Народъ осадилъ Ревель и взялъ Эзельскую крѣпость. Тогда датскій король отказался за 19 тысячъ марокъ серебра, въ пользу нѣмцевъ отъ своихъ правъ на Эстонію, гдѣ затѣмъ жители, послѣ двухлѣтней кровавой войны были истреблены въ большинствѣ мечомъ и голодомъ.

Ольгердъ въ 1345 г. напалъ на Новгородъ подъ ничтожнымъ предлогомъ: будто за то что новгородскій посадникъ Евстаѳій его назвалъ псомъ. Враги посадника убѣдили народъ пожертвовать имъ ради умиротворенья Ольгерда и Евстаѳій былъ умерщвленъ на вѣчѣ, чѣмъ прекратилась на этотъ разъ война съ Литвою въ укоръ малодушію новгородцевъ. За то Ольгердъ въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ русскими своими полками: витебскими, полоцкими и смоленскими, двоекратно потерпѣлъ полное пораженіе отъ новаго магистра ордена—Генриха фонъ Арфберга. Въ это время порочный и легкомысленный шведскій король—Магнусъ Эрихсонъ, соединившій въ своихъ рукахъ короны Швеціи и Норвегіи, желая загладить свои грѣхи передъ папой и неудовольствіе своихъ подданныхъ на его расточительность при распутномъ образѣ жизни, задумалъ вдругъ крестовый походъ противъ новгородцевъ для обращенія ихъ въ католичество. Присоединивъ къ своимъ войскамъ еще много нѣмцевъ, онъ подступилъ къ Орѣхову и началъ предлагать удивленнымъ окрестнымъ жителямъ на выборъ: смерть или папу? Предварительно въ Нов-

городѣ появилось посланіе отъ шведскаго короля съ предложеніемъ созвать съѣздъ для богословскихъ споровъ между философами шведскими и русскими, дабы рѣшить, чья вѣра лучше? Новгородское вѣче однако уклонилось отъ такого словеснаго состязанія по религіознымъ вопросамъ, сославшись въ отвѣтѣ своемъ на Царьградскаго патріарха, отъ котораго Русь приняла крещеніе. Одинъ изъ новгородскихъ бояръ: Кузьма Твердиславичъ отправился для переговоровъ съ королемъ шведскимъ къ Березовымъ островамъ напротивъ Выборга, гдѣ Магнусъ стоялъ со своимъ флотомъ. Но Магнусъ тогда прямо заявилъ свое требованье, чтобы Новгородъ принялъ латинское вѣроисповѣданіе, и вступилъ въ устье Невы, между тѣмъ какъ отряды войска его принялись силой крестить Ижорскую землю. Такое безумное, дерзкое насиліе новгородцевъ воспламенило гнѣвъ и мужество новгородцевъ. Къ этой борьбѣ ихъ со шведами относится литературный памятникъ, носящій заглавіе: «Рукописаніе Магнуса-короля свейскаго». Новгородцы нанесли шведскому королю крупное пораженіе на берегахъ Ижоры. Имъ удалось побить 500 нѣмцевъ, изъ тѣхъ что занялись крещеньемъ туземцевъ. Видя, что россіяне спѣшатъ со всѣхъ сторонъ окружить его флотъ на рѣкѣ Невѣ; что въ его войскѣ много больныхъ и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, Магнусъ вернулся ни съ чѣмъ обратно въ свое государство. Однако онъ успѣлъ взять городъ Орѣховецъ и новгородцы съ трудомъ прогнали оттуда шведовъ въ февралѣ 1349 г., когда имъ удалось наконецъ зажечь этотъ городъ и ворваться въ него. Псковичи помогали Новгороду въ этой его борьбѣ со шведами, за что терпѣли отъ нападеній нѣмцевъ, находившихся въ войскѣ Маг-

нуса. Въ 1349 г. ими былъ убитъ подъ Изборскомъ намѣстникъ Андрея Ольгердовича въ Псковѣ: любимый тамъ литовскій князь—Юрій Витовтовичъ. Послѣ смерти его псковичи не захотѣли больше принять другого намѣстника отъ Андрея полоцкаго. Годъ спустя Магнусъ снова сдѣлалъ попытку пристать къ русскимъ берегамъ; но когда онъ отступилъ изъ подъ Копорья въ море, передъ приближавшееюся новгородской ратью, буря, его заставшая въ устьѣ рѣки Наровы, истребила большое число шведскихъ воиновъ, тогда какъ новгородцы подошли къ Новгороду и разбили, сдѣлавшихъ оттуда вылазку шведовъ. Послѣ того шведы, при посредствѣ Ливонскаго ордена, заключили съ новгородцами въ Дерптѣ, миръ, по которому Карелія была раздѣлена между Новгородомъ и Швеціей; граница проведена по рѣкѣ Сестрѣ, впадающей въ Финскій заливъ.

Послѣ столь неудачнаго крестоваго похода Магнуса Эрихсона въ новгородскую землю, дома его ожидали бѣдствія междоусобной войны съ родными сыновьями. Свергнутый съ престола вельможами, провозгласившими королемъ племянника его — Альбрехта Мекленбургскаго, онъ попалъ въ плѣнъ и скончался позже въ Норвегіи, пять лѣтъ спустя послѣ того что вновь получилъ свободу. Въ «Магнушевомъ рукописаніи» будто бы завѣщается всей землѣ шведской—не ходить больше на Русь для сокрушенія православія. Въ немъ перечисляются всѣ неудачныя войны шведовъ съ русскими и Магнусъ кается, что его походъ навлекъ много бѣдствій на Швецію, между тѣмъ какъ онъ самъ наказанъ былъ Богомъ тяжкими испытаньями. Когда одинъ изъ его сыновей, прибывъ изъ земли мурманской т. е. изъ Норвегіи, повезъ его изъ тюрьмы за собой въ Норвегію, то

сильная буря настигла ихъ на морѣ, такъ что его, утопавшаго на обломкѣ судна случайно только спасли монахи монастыря Святаго Спаса, подъ стѣны коего принесло его по рѣкѣ во время половодья... «Такъ казнилъ меня Господь за мое высокодуміе: что наступалъ на Русь вопреки крестному цѣлованію».— будто бы пишетъ шведскій король, согласно этому, обращавшемуся среди новгородцевъ рукописанію.

Великій князь московскій—Симеонъ мало заботился о новгородцахъ, желая повидимому довести этотъ строптивый народъ до крайности, чтобы затѣмъ ею воспользоваться для утвержденія въ Новгородѣ единодержавной власти. Но кромѣ того онъ въ то время былъ занятъ другими дѣлами, стараясь помѣшать въ татарской ордѣ брату Ольгерда—Коріаду, получить отъ Джанибека помощь противъ одолѣвавшихъ Литву ливонскихъ рыцарей и представляя литовскаго великаго князя врагомъ татаръ.

Почти одновременно съ чернигово-сѣверскими городами, Ольгердъ овладѣлъ Кіево-Подольской Украйной на правой сторонѣ Днѣпра, отнявъ ее окончательно изъ-подъ власти татарскаго хана. Хотя онъ дѣйствовалъ осторожно и старался избѣгнуть рѣшительнаго столкновенія съ Золотою ордой,—но Симеонъ Гордый, основываясь на его захватѣ кіевской области, находившейся еще при Гедиминѣ въ полузависимости отъ Литвы, съумѣлъ разстроить, имъ предлагаемый Джанибеку союзъ, невыгодный для московскаго князя. Подъ вліяніемъ этихъ его навѣтовъ Джанибекъ выдалъ Симеону Каріада вмѣстѣ съ другими послами Литвы. Однако Ольгердъ, несмотря на то заявилъ Симеону свое желаніе имѣть его другомъ,—такъ какъ стѣсненныя обстоятельства Литвы не позволяли ему создавать себѣ новыхъ вра-

говъ. Внутри страны языческіе жрецы смотрѣли съ неудовольствіемъ на возникновеніе въ Вильнѣ, дѣятельностью православныхъ русскихъ княгинь, христіанскихъ храмовъ, рядомъ со святилищами Перкуна; и на обращеніе ими язычниковъ въ христіанство. Самъ Ольгердъ скрывалъ отъ народа тайное свое крещеніе и православное вѣроисповѣданіе. Вскорѣ послѣ того что онъ занялъ виленскій столъ и особенно опасался противодѣйствовать волѣ жрецовъ, дабы не вызвать народнаго возмущенія. Въ 1347 г. въ Литвѣ появились христіанскіе мученики литвины: Кумецъ и Нежило, въ крещеніи: Іоаннъ и Антоній. Несмотря на всѣ угрозы и пытки они остались вѣрными православію, примѣромъ, подобной твердости склоняя къ нему и другихъ язычниковъ, за что ихъ наконецъ предали смерти. Торжеству язычества способствовала кончина первой жены Ольгерда: Маріи. Но въ 1349 г. онъ женился вторично на русской тверской княжнѣ Юліаніи Александровнѣ, уже упомянутой нами,—и ея Дворъ въ Вильнѣ сдѣлался снова сосредоточіемъ христіанства. На томъ мѣстѣ, гдѣ были казнены литовскіе мученики: Іоаннъ и Антоній, съ обратившимся тоже въ христіанскую вѣру родственникомъ своимъ: Евстаѳіемъ,—княгиня Юліанія заложила храмъ во имя Пресвятой Троицы. Однако за исключеніемъ этихъ трехъ жертвъ виленскихъ войделотовъ, православіе не подвергалось въ Литвѣ гоненію и мирно распространялось въ дружинѣ княжеской. Зато рядомъ съ нимъ изъ Польши и Ливоніи вторглось въ Литву римское католичество, водворявшееся порабощеньемъ туземцевъ огнемъ и мечомъ; а потому возбудившее противъ себя народную ненависть. Еще при Гедиминѣ мы видѣли въ Вильнѣ существованіе двухъ католическихъ монастырей.

53) Картина: Литовскіе мученики за православіе: Іоаннъ и Антоній.

Польскій король Казиміръ III по мирному договору съ Литвою, оставившій за Любартомъ и Кейстутомъ всю западную Волынь съ городомъ Брестомъ,— въ 1349 г., перемѣнивъ свой образъ мыслей, отнялъ у нихъ эти владѣнія, а отдалъ Любарту изъ милости одинъ лишь городъ—Луцкъ. Ольгердъ надѣялся себѣ найти защитника въ Симеонѣ московскомъ противъ польскаго короля, обратившаго въ своихъ подданныхъ потомковъ древнихъ русскихъ князей на Волыни; тѣмъ болѣе что Казиміръ тамъ началъ тѣснить православное духовенство, водворяя въ странѣ католическую религію, и возмущенный народъ, гнушаясь папистами, славилъ вѣротерпимость литовскаго управленія. Митрополитъ московскій тоже ходайтаствовалъ за вѣрнаго сына россійской церкви: Любарта, женившагося на ростовской княжнѣ—племянницѣ Симеона. Тогда московскій вел. князь рѣшился вступить въ тѣсный союзъ съ сыновьями Гедимина. Между тѣмъ какъ Казиміръ въ Краковѣ весело праздновалъ свои побѣды, литовскіе князья въ тишинѣ собирали войско и, увѣренные въ поддержкѣ московскаго князя, смѣло ударили на поляковъ, такъ что прогнали ихъ изъ Волыни. Татары еще нѣсколько лѣтъ держались въ окрестностяхъ Днѣстра; а венгерцы хотѣли присвоить себѣ Галицію, пока не увидѣли себя принужденными уступить Польшѣ обладаніе ею. Литовскіе князья удержали въ подданствѣ своемъ большую часть всѣхъ другихъ русскихъ западныхъ областей до самаго того времени, когда Литва, уже гораздо позже вошла цѣликомъ въ составъ польскаго государства.

Въ 1352 г. Ольгердъ отправилъ пословъ съ дарами къ великому князю московскому, ходатайствуя за дружественнаго ему владѣтеля смоленской области, чѣмъ-то навлекавшаго на себя гнѣвъ Симеона. Си-

меонъ уже велъ войско свое подъ Смоленскъ, однако уважилъ посредничество Ольгерда и, встрѣтивъ смоленскихъ пословъ на рѣкѣ Угрѣ, согласился заключить миръ. Въ Москвѣ его ждало, по возвращеніи его туда, страшное народное бѣдствіе отъ появившейся тамъ неизлѣчимой болѣзни, названной черной смертью: какъ надо думать—чумы. Митрополитъ Ѳеогностъ, два сына Симеона, его братъ Андрей и самъ великій князь, умершій всего 36 лѣтъ отъ роду,—сдѣлались жертвами безпощадной заразы, получившей начало въ Китаѣ, гдѣ она истребила до 13 милліоновъ людей; потомъ достигла Греціи, Сиріи и Египта, откуда генуэзскіе корабли ее завезли, черезъ Италію, во всю Европу. На западѣ были опустошаемы ею цѣлые города,—а въ 1349 г. болѣзнь проникла въ сосѣднюю намъ Скандинавію. Послѣ того въ Псковѣ и Новгородѣ уцѣлѣла едва одна треть жителей. Распухали на тѣлѣ железа, человѣкъ харкалъ кровью и на второй или на третій день умиралъ. Зараза передавалась прикосновеньемъ: сынъ убѣгалъ отъ отца, братъ отъ брата. Но находились великодушные люди, хоронившіе даже чужихъ мертвецовъ и молившіеся среди гробовъ за упокоеніе душъ умершихъ. Архіепископъ новгородскій—Василій въ особенности заслужилъ добрую о себѣ память въ Псковѣ, гдѣ зараза дала себя знать на Руси въ первую очередь. Будучи ревностнымъ патріотомъ, онъ не разъ ѣздилъ самъ во главѣ посольства къ Іоанну Калитѣ и Симеону Гордому, чтобѣ утишить ссоры ихъ съ новгородцами и, отстаивая церковную самостоятельность Новгорода, въ то же время противился ей для Пскова. Онъ проявилъ усердную строительную дѣятельность послѣ пожаровъ опустошившихъ Новгородъ и воздвигъ новыя каменныя стѣны вокругъ

Софійскаго Кремля; теперь же, презирая опасность, онъ утѣшалъ псковичанъ своими молитвами и, обойдя Псковъ крестнымъ ходомъ, умеръ вслѣдствіе зараженіи чернымъ недугомъ на обратномъ пути своемъ въ Новгородъ. Архіепископъ Василій первый получилъ въ знакъ отличія бѣлый клобукъ отъ царьградскаго патріарха, донынѣ хранимый въ ризницѣ Софійскаго храма, украшеннаго имъ мѣдными, вызолоченными вратами съ греческой живописью. Послѣ Пскова и вся «Россія испытала небесный гнѣвъ», по выраженію лѣтописи.

Новгородскіе владыки старались ограничить свои отношенія къ митрополиту однимъ поставленьемъ въ свой санъ и пытались устранить его право высшаго духовнаго суда съ такъ называемыми «подъѣздами» для этой цѣли въ Новгородъ, обходившимися очень дорого новгородцамъ и продолжавшимися не менѣе мѣсяца. Столько же разорительны были и собственныя поѣздки архіепископовъ къ митрополиту въ Москву или во Владиміръ. Однако обособленіе новгородской церковной власти встрѣтило со стороны Москвы упорное сопротивленіе. Владыка Василій успѣлъ добиться отъ Ѳеогноста лишь внѣшнихъ знаковъ почета. Митрополитъ этотъ ему представилъ право носить крестчатыя ризы: т. е. епископскую фелонь съ нашитыми на ней четырьмя крестами. Съ своей стороны Псковъ тоже дѣлалъ попытки добиться особаго для себя епископа и въ своемъ внутреннемъ управленіи не хотѣлъ оставаться подвластнымъ Новгороду. Псковитяне искали себѣ поддержки въ литовскомъ князѣ Гедиминѣ и, выбравъ себѣ епископомъ нѣкоего инока Арсенія, его послали во Владиміръ-Волынскій къ митрополиту Ѳеогносту просить о посвященіи его въ этотъ санъ. Несмотря на содѣйствіе Арсенію Ге-

димина и подручныхъ ему западно-русскихъ князей, стремленіе псковитянъ не увѣнчалось успѣхомъ, такъ какъ у Феогноста Арсеній встрѣтился съ новгородскимъ избранникомъ въ архіепископы: Василіемъ, прибывшимъ почти одновременно съ этимъ инокомъ къ Феогносту для своего поставленія и воспротивившимся желанію псковитянъ. Митрополитъ самъ стоялъ за единство русской церкви и ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы основать новую епархію безъ согласія великаго князя московскаго. Арсеній получилъ отказъ. Зато Василій на обратномъ пути подъ Черниговомъ, чуть не попалъ въ руки, оскорбленнаго этимъ отказомъ литовскаго князя, едва спасшись отъ нападенія одного изъ подчиненныхъ имъ удѣльныхъ князей кіевской области. Потомъ псковичи примирились съ Василіемъ при посредствѣ княжившаго тогда въ Псковѣ Александра Михайловича тверскаго, такъ какъ онъ былъ воспріемникомъ сына его Михаила, который въ отроческихъ годахъ обучался грамотѣ подъ руководствомъ крестнаго своего отца.

Симеонъ Гордый, скончавшійся въ 1353 г. показалъ себя государемъ хитрымъ и благоразумнымъ. Онъ пользовался благосклонностью татарскаго хана; на печати своей вырѣзалъ надпись: «Великій князь всея Руси», покровительствовалъ развитію русской иконописи, процвѣтанье которой въ Москвѣ началось при Митрополитѣ Петрѣ, обладавшимъ даромъ иконописнаго художества съ раней юности. Грекъ Феогностъ поручилъ расписывать соборный Успенскій храмъ греческимъ мастерамъ, тогда какъ Симеонъ отдалъ роспись Архангельскаго собора дружинѣ русскихъ иконниковъ. Точно также и живопись придворнаго—Спасо-Преображенскаго храма великая княгиня Анастасія Гедиминова поручила мастерамъ рус-

54) Картина: Симеонъ Гордый разсматриваетъ иконописныя работы русскихъ мастеровъ.

скимъ: Ивану и Семену, учившимся у грековъ. Изъ числа ихъ впослѣдствіи: въ началѣ XV столѣтія особенно выдѣлился Андрей Рублевъ. Архангельскій же соборъ расписывали: Захарій, Іосафъ и Николай съ товарищами. Въ литейномъ искуствѣ тогда отличался нѣкій Борисъ, лившій колокола для соборныхъ церквей въ Москвѣ и Новгородѣ. Во время правленія Симеона князь Муромскій—Юрій Ярославичъ обновилъ, давно опустѣвшій, татарами разоренный Муромъ; построилъ тамъ нѣсколько церквей и дворецъ, привлекавшій для поселенія вокругъ него мѣстныхъ бояръ, купцовъ и простой народъ. Этотъ князь Юрій былъ выдающимся княземъ въ своемъ скудномъ удѣлѣ, зависившемъ со временъ Андрея Боголюбскаго больше отъ великихъ князей владимірскихъ, чѣмъ отъ рязанскихъ владѣтелей. Великокняженіе Симеона достопамятно еще основаніемъ при немъ подъ Москвою Троицко-Сергіевскаго монастыря. На этомъ событіи нельзя не остановиться, не разсказать о немъ съ нѣкоторою подробностью, какъ о случаѣ первостепенной важности для дальнѣйшей судьбы Россіи со стороны исторической и религіозной, — взаимно связанныхъ на столько тѣсно, что онѣ являются нераздѣльными въ общемъ повѣствованіи.

Въ окрестностяхъ Новгорода вновь былъ построенъ по порученію Симеона Гордаго, Благовѣщенскій храмъ на Городищѣ.

Глава XIV.

Заключительная.

Развитіе и значеніе монашества на Руси. Духовныя и житейскія его причины. Подвижникъ Варфоломей, въ монашествѣ Сергій и постройка имъ деревянной церкви во имя Пресв. Троицы на мѣстѣ нынѣшняго Троицко-Сергіевскаго монастыря. Его суровый отшельническій образъ жизни въ неутомимыхъ трудахъ. Митрополитъ Алексій—преемникъ умершаго Феогноста. Великій князь Іоаннъ Іанновичъ. Безчинство рязанскихъ князей и захватъ Олегомъ Серпуховскаго удѣла при слабой власти его княженія. Соперничество въ Твери между дядею и племянникомъ. Неудовольствіе князя Андрея полоцкаго на псковитянъ. Постановленіе на Руси Константинопольскимъ патріархомъ втораго митрополита: литовскаго и волынскаго, грека Романа. Исцѣленіе митрополитомъ Алексѣемъ въ ордѣ ханши Тайдулы. Маленькій сынъ великаго князя Іоанна II—Дмитрій. Образованье молдавскаго государства на юго-западѣ. Смерть вел. кн. и вскорѣ послѣ втораго сына его: Іоанна. Соединеніе московской области въ однихъ рукахъ малолѣтняго князя—Дмитрія.

Изъ всѣхъ сторонъ и устоевъ древней государственной жизни Руси, наибольшее сопротивленіе игу татарскому оказала Православная Церковь, твердо хранившая главные уставы и преданія прежнихъ временъ. Сами поработители русской страны—золотоордынскіе ханы уважали, издревле установившееся самоуправленіе и особый судъ ея, руководившійся законодательствомъ греческаго Номоканона, или иначе—Кормчей книги, какъ называлась оно у насъ. Отличавшіеся своею вѣротерпимостью, даже послѣ принятія мусульманства, татарскіе властелины, признавали за духовенствомъ русскимъ его молитвы за себя и за свое племя. Число русскихъ епархій все умножалось, а съ переселеньемъ митрополитовъ изъ Кіева во Владиміръ и Москву вмѣсто грековъ или южныхъ славянъ, все чаще восходятъ на митропольничьи каѳедры

*

іерархи изъ природныхъ русскихъ. Такимъ образомъ православная церковь становилась все болѣе національной, входя въ плоть и кровь русскаго народа. Мы знаемъ, что епископы на Руси и подвижники Кіево-Печерской Лавры, не посягая на раздѣленіе мірской власти великихъ князей, всегда умѣли отстаивать предъ ними достоинство своего сана и, распространяя на нихъ духовное свое вліяніе, не боялись имъ говорить правду въ лицо. Такъ нѣкій епископъ полоцкій—Симеонъ, на преднамѣренный вопросъ полоцкаго князя Константина, прозваннаго Безрукимъ, желавшаго имъ укорить при всѣхъ у себя на пиру одного изъ своихъ тіуновъ:—«Владыко, гдѣ быть тіуну на томъ свѣтѣ»? отвѣчалъ:—«Тамъ же гдѣ и князю». На гнѣвное замѣчаніе князя, что «его нельзя сравнивать съ тіуномъ, который мзду беретъ и судитъ неправо, дѣлая людямъ всякое лихо»,—епископъ сказалъ, что если князь добръ, любитъ правду и жалѣетъ людей, то избираетъ тіуномъ мужа богобоязненнаго, разумнаго и творящаго судъ по закону Божію; тогда и тіунъ, и князь будутъ въ раю. Если же князь христіанъ не жалѣетъ, сиротъ не милуетъ и поставляетъ волостелемъ человѣка злого, невѣдующаго закона Божія,—только бы князю доходы промышлялъ не щадя людей,—тогда и князь будетъ въ аду и тіунъ съ нимъ тамъ же».

Что касается нравственно-просвѣтительнаго вліянія монастырей въ кіевской южной Руси, то они сохранили важное свое значеніе и на сѣверовостокѣ. Послѣ кіево-печерскихъ подвижниковъ: Антона и Феодосія, монашество продолжало на Руси развиваться. Монастыри создавались, или усердіемъ благочестивыхъ князей и княгинь, или самими отшельниками, собиравшими постепенно вокругъ своего уединенія обще-

житіе изъ своихъ послѣдователей, а также привлекавшими къ себѣ богомольцевъ и щедрыхъ жертвователей изъ мірянъ. Монастыри такого происхожденія, способствуя заселенію пустынныхъ мѣстъ, оказывали особеннно благодѣтельное вліяніе на просвѣщенье страны и расширеніе внутренней ея жизни. По разнымъ направленіямъ въ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ сѣвера, пробирались пустынники, ища уединенія и безмолвія, а между тѣмъ приносили туда съ собою начала новой жизни. Сперва поселится пустынникъ въ дуплѣ большаго дерева, но потомъ скоро вокругъ него собирается братія и великій князь жалуетъ ей угодья для основанія мѣста своего богомолья. Благочестіе древнихъ русскихъ князей обезпечило монастыри большой недвижимой собственностью съ дарованіемъ имъ исключительныхъ преимуществъ въ смыслѣ общихъ государственныхъ платежей и повинностей: монастырскіе крестьяне освобождались отъ суда княжескаго тіуна и подлежали суду только игуменовъ. Мы встрѣчаемъ извѣстіе, что монастыри обладали соляными варницами; получали особыя грамоты на бобровые гоны, рыбныя ловли и т. п. Монахи въ то время первые подавали примѣръ трудолюбія и хозяйственности. Гдѣ выросталъ монастырь, тамъ и село сейчасъ появлялось вблизи него, если не цѣлый многолюдный посадъ. Расчищались лѣсныя дебри, давая мѣсто новымъ путямъ сообщенія; обрабатывались поля. Такимъ образомъ заселился весь неприступный, суровый сѣверъ Руси до самаго Ледовитаго океана. Св. Дмитрій Прилуцкій поставилъ обитель свою на многихъ путяхъ, которые шли отъ Вологды къ Ледовитому океану. Всѣхъ странниковъ принималъ въ монастырь и кормилъ. Отшельники, ищущіе безлюдья, покидали обыкновенно обители,

ими созданныя и уходили снова куда нибудь въ глушь лѣсовъ, гдѣ ихъ опять находили, идя по ихъ слѣдамъ, другіе подвижники, такъ они продолжали помимо воли своей привлекать населеніе все въ новыя, до тѣхъ поръ пустыя, болотистыя мѣста своего благочестиваго уединенія.

Въ XIII и XIV столѣтіяхъ создались подъ татарскимъ игомъ чисто внѣшнія, совсѣмъ особенныя причины для процвѣтанья монашества: прямо противуположныя вышеуказаннымъ побужденьямъ духа настоящихъ подвижниковъ. А именно: люди себя стремились причислить какъ нибудь къ церкви, чтобъ избѣжать поборовъ ханскихъ чиновниковъ, такъ какъ ханы своими грамотами оградили все церковное вѣдомство отъ своихъ взысканій. Кромѣ того частыя заразительныя болѣзни,—то въ одной, то въ другой мѣстности на Руси; и такія ужасающіе повѣтрія моровой язвы, какія себя проявляли съ особой силой въ 1352 г.—заставляли русскихъ людей, неумѣвшихъ тогда съ ними бороться иначе какъ молитвою и постомъ; приверженныхъ къ благочестивому своему обычаю,—принимать схиму въ виду неизбѣжной смерти, чтобы загладить свои грѣхи;—постригаться въ монахи, или же отдавать заранѣе въ монастыри все имущество, ожидая дома смертнаго часа. Во всякомъ случаѣ монастыри оказывали огромное нравственное вліяніе на всю народную жизнь и способствовали сплоченію нравственныхъ его силъ вокругъ мощей, почитаемыхъ ими подвижниковъ, вокругъ общихъ русскихъ святынь. Такое соединяющее значеніе имѣла во первыхъ кіевопечерская Лавра въ Кіевѣ; а затѣмъ второе мѣсто послѣ нея заняла Троицко-Сергіевская обитель земли московской.

Нѣкій ростовскій бояринъ—Кириллъ, прежде бо-

гатый, но разоренный поборами ханскихъ пословъ и уплатою всякихъ повинностей,—бѣжалъ изъ роднаго города, отъ притѣсненій московскихъ властей при Іоаннѣ Калитѣ, въ городокъ Радонежъ: удѣлъ его сына Андрея Іоанновича, гдѣ поселенцамъ давались для привлеченія ихъ разныя выгоды и права. Двое изъ сыновей Кирилла: Стефанъ и Петръ женились. Средній же—Варфоломей порывался съ отрочества въ монастырь. Родители однако удерживали его дома. Но когда они умерли онъ предоставилъ брату Петру свою долю наслѣдства и сейчасъ же ушелъ искать пустыннаго для себя житья. Лишившись жены, его братъ Стефанъ постригся въ монахи и ушелъ вмѣстѣ съ нимъ въ глухой лѣсъ для основанія пустыножительства. На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ располагается Троицко-Сергіевская обитель, они вдовоемъ построили деревянную церковь съ кельей. По просьбѣ Стефана московскій митрополитъ послалъ священниковъ освятить эту церковь во имя Пр. Троицы. Позже Стефанъ покинулъ своего брата, ставъ скоро игуменомъ Богоявленскаго монастыря и духовникомъ вел. кн. Симеона Іоанновича. Варфоломей же принялъ монашескій санъ подъ именемъ Сергія и одинъ остался въ лѣсу, подвергаясь различнымъ лишеніямъ и опасностямъ отъ сосѣдства дикихъ лѣсныхъ звѣрей. Но одного медвѣдя онъ пріучилъ къ себѣ, раздѣляя съ нимъ свою скудную пищу. Когда черезъ два, три года стало извѣстно, гдѣ спасается 24 лѣтній труженикъ, монахи начали къ нему стекаться одинъ за другимъ, строя рядомъ съ нимъ свои кельи. Они упросили его принять надъ ними игуменство и Сергій былъ рукоположенъ въ священники переяславскимъ епископомъ Афанасіемъ; а потомъ назначенъ имъ же игуменомъ Троицко-Сергіевскаго

55) Картина: Братья Стефанъ и Варѳоломей себѣ строятъ келью и закладываютъ при ней церковь.

56) Картина: Подвижникъ Сергій и его ручной медвѣдь.

монастыря. Онъ былъ очень бѣденъ сначала; такъ что богослуженіе совершалось нерѣдко при свѣтѣ березовой лучинки. Тѣмъ не менѣе Сергій строго запрещалъ братіи своей просить подаянія, поставивъ правиломъ: «жизнь отъ своего труда». Игуменъ Сергій самъ пекъ хлѣба, носилъ воду и рубилъ дрова, показывая собой примѣръ строгой, суровой жизни. Первымъ жертвователемъ на монастырь явился смоленскій архимандритъ Симеонъ; а за нимъ все болѣе и болѣе начало приходить богомольцевъ, провѣдавшихъ о великихъ подвигахъ Сергія. Между ними были князья и воеводы, приносившіе въ монастырь богатые вклады. Братъ Сергія—Стефанъ привелъ къ нему подъ начало своего сына Іоанна и Сергій тотчасъ постригъ его, назвавъ Феодоромъ. О Сергіи распространилась молва будто онъ получилъ свыше даръ пророчества; но Сергій, не возносясь такою молвой, продолжалъ простой, грубый трудъ свой и одинаково принималъ съ любовью всѣхъ приходившихъ къ нему, не отличая нищихъ, питавшихся въ монастырѣ отъ знатныхъ гостей, его обогащавшихъ. Послѣ смерти митрополита Феогноста въ Москвѣ, мѣсто его заступилъ Владыко Алексѣй: крестникъ Іоанна Даниловича Калиты и сынъ черниговскаго боярина: Федора Бяконта. Съ самой цвѣтущей юности онъ возненавидѣлъ свѣтскую жизнь и постригся, къ большому огорченію своихъ родителей, въ Богоявленскомъ московскомъ монастырѣ. За свою добродѣтель онъ удостоился жить въ одномъ домѣ съ Феогностомъ и уже въ 12 лѣтъ управлялъ всѣми церковными дѣлами, пока митрополитъ ѣздилъ въ Царьградъ, въ орду или по отдаленнымъ россійскимъ епархіямъ. Поставленный владимірскимъ епископомъ, онъ единогласно былъ призванъ наро-

57) Картина: Игуменъ Сергій за работой въ основанной имъ обители.

домъ и Дворомъ княжескимъ заступить мѣсто умершаго Ѳеогноста.

Готовясь къ смерти, митрополитъ писалъ о томъ къ Патріарху; а Симеонъ Гордый—къ византійскому императору: Іоанну Кантакузену. Послы обоихъ возвратились изъ Византіи съ благопріятнымъ отвѣтомъ, чтобы Алексій ѣхалъ въ Царьградъ для поставленія. Но Симеона они не застали въ живыхъ. Джанибекъ утвердилъ московскій великокняжескій столъ за его братомъ Іоанномъ Іоанновичемъ: человѣкомъ миролюбивымъ и слабымъ, между тѣмъ какъ ему соперникомъ въ ордѣ выступилъ Константинъ Васильевичъ суздальскій: безъ старинныхъ наслѣдственныхъ правъ, лишь по новому «личному» притязанію; будучи княземъ твердымъ въ своемъ правленіи и сильнымъ духомъ. Однако, его исканія не увѣнчались успѣхомъ. Пользуясь тихимъ нравомъ брата Симеона, противъ его старшинства возсталъ, пока онъ еще не успѣлъ вернуться изъ орды, рязанскій князь: сынъ Коротопола—Олегъ; онъ напалъ на Серпуховскій удѣлъ сына, умершаго отъ чумы, Андрея Іоанновича: Владиміра; захватилъ тамъ берега Лопасни и еще нѣсколько мѣстъ изъ московскихъ владѣній присоединилъ къ своей рязанской области. Но Іоаннъ по возвращеніи отъ Джанибека не началъ войны съ Олегомъ за эту дерзость. Въ Муромѣ тоже нарушено было спокойствіе мудраго управленія Юрія Ярославича: его оттуда изгналъ его родственникъ—Федоръ Глѣбовичъ и, добившись для себя милостиваго рѣшенія татарскаго хана, засадилъ соперника своего въ темницу, гдѣ тотъ скончался.

Въ Твери обострилась вражда между сыномъ Александра Михайловича—Всеволодомъ и его дядей: Василіемъ Михайловичемъ. Такъ какъ московскій

князь въ этомъ спорѣ держалъ сторону ляди, то въ ордѣ Василій Михайловичъ взялъ перевѣсъ надъ плямянникомъ, вынужденнымъ бѣжать въ Москву къ Ольгерду, женатому на его сестрѣ. Хотя тотъ выдалъ дочь свою замужъ за князя Бориса Константиновича суздальскаго и женилъ одного изъ племянниковъ: Дмитрія, на дочери вел. князя московскаго, но тѣмъ не менѣе все старался вредить предѣламъ Руси на западѣ; а его сынъ—князь Андрей полоцкій злобствовалъ на псковитянъ, его отъ себя изгнавшихъ, почему возникали частыя, сопровождавшіяся взаимнымъ разбоемъ, схватки между нимъ и псковскимъ воеводой—Евстафіемъ Изборскимъ. Однако враждебныя нападенья Ольгерда на сосѣднюю Русь постоянно сдерживались опасностью для Литвы со стороны тевтонскаго ордена.

Въ Новгородѣ продолжались бурныя распри изъ-за смѣны посадниковъ, и Софійская сторона съ Торговой ходили по прежнему братской войной другъ противъ друга. Духовенство едва успѣвало своимъ вмѣшательствомъ и увѣщаніями прекращать кровопролитіе. Мы видѣли, что оно обратило вниманіе на порчу нравовъ въ русскомъ народѣ, проявлявшуюся особенно рѣзко въ Новгородѣ и Псковѣ; вооружилось противъ буйства, суевѣрій и сквернословія; противъ безсовѣстныхъ грабежей на пожарахъ; обличало отсутствіе правды и милости на судѣ. Въ 1357 г. новгородцы даже утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ, чтобы «игранія бѣсовскаго не любить и бочекъ не бить». У нихъ было въ обычаѣ бить бочки во время празднествъ, сопровождавшихся пьянствомъ, плясками и разными играми. Однако, на дѣлѣ смертоубійственные бои и безчинства продолжались по Руси всюду. Въ нѣдрахъ россійской Церкви тоже происходило крупное неустрой-

ство. Константинопольскій патріархъ—Филоѳей, еще не дожидаясь вѣстей изъ Москвы, поставилъ въ митрополиты русскіе грека Романа, снискавшаго санъ этотъ подкупомъ и потомъ стремившагося только умножить свои доходы съ русскихъ епархій. Не рѣшаясь однако отклонить просьбу московскаго вел. князя, патріархъ затѣмъ поставилъ тоже и Алексія. Чтобъ примирить совмѣстниковъ, онъ объявилъ его митрополитомъ кіевскимъ и владимірскимъ; Романа же литовскимъ и волынскимъ. Такимъ образомъ произошло какъ бы раздѣленіе русской митрополіи. Однако Алексій, не искавшій чести высокаго своего сана,—но «отъ чести взысканный» по выраженію лѣтописи, посвященъ былъ въ митрополиты кіевскіе и всея Руси, а потому не могъ отказаться отъ Кіева, куда поѣхалъ въ 1358 г. Тогда Романъ появился въ тверской землѣ, гдѣ его поддержалъ союзникъ Ольгерда литовскаго: князь Всеволодъ Александровичъ холмскій, враждовавшій съ дядей своимъ Василіемъ Михайловичемъ, находившимся въ дружбѣ съ московскимъ княземъ.

Однако, славившійся своей добродѣтелью, Алексій имѣлъ случай оказать важную услугу родинѣ. Жена Джанибека—ханша Тайдула, страдая отъ тяжкаго недуга, потребовала его помощи. Джанибекъ написалъ великому князю московскому:—«Мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго попа вашего; да испроситъ же онъ здоровья моей супругѣ». Митрополитъ Алексій поѣхалъ въ орду съ надеждой на Бога и не обманулся: Тайдула выздоровѣла; послѣ чего старалась всячески выразить благодарность своему исцѣлителю и между прочимъ приказала ханскому послу Кашаку прекратить, въ то время крайне обременявшіе русскихъ князей, беззаконные сборы дани.

58) Картина: Митрополитъ Алексій исцѣляетъ ханшу Тайдулу.

Но Джанибекъ былъ въ 1357 г. злодѣйски убитъ собственнымъ сыномъ своимъ: Бердибекомъ, умертвившимъ и родныхъ братьевъ. Митрополитъ Алексій—очевидецъ этого страшнаго злодѣянія, едва успѣлъ вернуться въ Москву, какъ снова принялъ на себя подвигъ поѣздки въ столицу Кипчакскаго царства для укрощенія самовластія жестокаго Бердибека, пославшаго въ русскую землю сановника своего Иткара съ угрозами русскимъ князьямъ и непомѣрными отъ нихъ требованьями. Черезъ Тайдулу Алексій исходатайствовалъ въ ордѣ милость для государства и Церкви. Послѣ того, по возвращеніи въ Москву, онъ былъ встрѣченъ великимъ княземъ Іоанномъ Іоанновичемъ, съ семьей, боярами и народомъ, какъ избавитель и утѣшитель. При встрѣчѣ его отличился не дѣтскимъ по силѣ и глубинѣ умиленнымъ чувствомъ признательности къ митрополиту, сынъ великаго князя: отрокъ Дмитрій. Заливаясь слезами, онъ произнесъ съ удивившимъ всѣхъ выраженьемъ:—«О, Владыко, ты даровалъ намъ житіе мирное; чѣмъ изъявимъ мы тебѣ свою признательность!» Успокоивъ Россію, Алексій прожилъ два года въ Кіевѣ, оставленномъ его предшественниками,—стараясь среди развалинъ и печальныхъ слѣдовъ долгаго запустѣнія, хотя нѣсколько возстановить древнее великолѣпіе храмовъ.

59) Картина: Встрѣча митрополита Алексія вел. кн. Іоанномъ Іоанновичемъ съ женою и сыномъ.

Во время княженія въ Москвѣ Іоанна II на югозападѣ Руси образовалось особое государство: Молдавія,—нашедшее себѣ мѣсто на берегахъ рѣки Прута и ея притока Молдавы. Въ XII вѣкѣ галицкіе князья владѣли частью нынѣшней Бессарабіи и Молдавіи, гдѣ обитали въ то время, подъ названьемъ волоховъ, остатки древнихъ готовъ, смѣшавшихся съ римскими поселенцами I-го столѣтія; а также печенѣговъ и

половцевъ. Въ XIV столѣтіи мы встрѣчаемъ Серетъ, Хотинъ, Бѣлгородъ или Аккерманъ, въ числѣ русскихъ городовъ. Намъ вѣдь извѣстно, что древнія славянскія племена жили по Днѣстру до Чернаго моря и до Дуная. Паденіе галицкаго княжества предоставило Молдавію въ жертву татарамъ—и тогда эта земля, граждански образованная русскимъ вліяніемъ, опять превратилась въ печальную степь. Но Людовикъ венгерскій прогналъ татаръ отъ устьевъ Дуная и волохи, предводимые нѣкими Богданомъ и Драгошемъ, явились между остатками россіянъ на рѣкѣ Молдавѣ. Гости такъ размножились, что скоро вытѣснили хозяевъ и, возобновивъ наши древніе города, создали на ихъ мѣстѣ независимую державу.

Послѣ того что Кіевъ утратилъ, со времени погрома Батыя, всю свою самобытность и первенствующее значеніе въ русской жизни, повидимому въ немъ прекратилось и лѣтописное дѣло. Мы уже говорили, что южная лѣтопись слогалась изъ разныхъ мѣстныхъ лѣтописей: кромѣ кіевской,—еще чернигово-сѣверской и волынской, причемъ послѣдняя, служа непосредственнымъ продолженіемъ лѣтописнаго свода кіевскаго, по всѣмъ признакамъ составлялась при Дворѣ Князя Мстислава Львовича: преемника Владиміра Васильковича и посвящена преимущественно дѣяніямъ Даніила галицкаго, написанная живымъ поэтическимъ языкомъ. Эта галицко-волынская лѣтопись съ предпосланнымъ ей кіевскимъ сводомъ, сохранилась въ такъ называемомъ Ипатьевскомъ спискѣ XV вѣка, принадлежавшемъ Ипатьевскому монастырю. Почти одновременно съ нею заканчивается и сѣверный лѣтописный сводъ, извѣстный подъ названіемъ суздальской или Лаврентьевской лѣтописи. Сопоставляя ее

съ южной лѣтописью мы въ ней также усматриваемъ повѣствованія различныхъ лѣтописцевъ смотря по мѣсту рожденія своего пристрастныхъ къ тому или другому князю; такъ или иначе освѣщающихъ какое либо событіе. Очень сходны между собою лѣтописи: Владиміро-Ростовская и переяславская; но тверской лѣтописецъ, съ 1285 года Лаврентьевской лѣтописи, замѣтно выдѣляетъ тверскія событія и много говоритъ о тверскомъ князѣ Михаилѣ. Когда окончательно смолкъ образный пересказъ событій исторической жизни древней Руси въ ея южныхъ лѣтописяхъ,—то одни лѣтописцы суздальскіе уже не даютъ больше современнымъ историкамъ никакихъ данныхъ собственно о причинности тѣхъ или другихъ явленій, какъ бы теряющихъ между собою всякую связь. Дѣйствія людей выставляются при глубокомъ молчаніи ихъ; словно всѣ сидятъ наглухо запершись и думаютъ про себя свои думы. Правда, что мѣстныя лѣтописи сѣверо-восточной Руси, не сохранились въ первоначальномъ видѣ своемъ, а дошли до насъ уже включенными въ лѣтописные своды московскаго единодержавія, составленные подъ вліяніемъ и надзоромъ московскихъ князей. Туда вошли и житія святыхъ, и записки путешественниковъ, различныя посланья и завѣщанія; такъ что ихъ можно вѣрнѣе назвать лѣтописными сборниками.

Повѣствованіе псковскихъ лѣтописей отличается особеннымъ простодушіемъ. Вниманіе лѣтописца въ нихъ сосредотачивается на отношеніяхъ Пскова къ Новгороду и ливонскимъ рыцарямъ. Жалоба на отсутствіе помощи со стороны новгородцевъ является постояннымъ припѣвомъ псковскихъ лѣтописцевъ.

Рукописи по-прежнему въ изобиліи украшаются

затѣйливыми рисунками заглавныхъ буквъ и заставокъ. Древніе русскіе живописцы свое самобытное творчество проявляли на основѣ византійскихъ и южнославянскихъ образцовъ. Во времена же татарскаго ига мы замѣчаемъ особое прихотливое сочетаніе разныхъ звѣриныхъ чудовищъ, драконовъ и грифоновъ съ человѣческими фигурами. Онѣ переплетены между собою ремнями и змѣиными хвостами; изображаются яркими и вмѣстѣ нѣжными красками. Это, ласкающее глазъ узорочье достигаетъ наибольшаго совершенства именно въ рукописяхъ XIV вѣка. Въ томъ же столѣтіи происходитъ важная перемѣна относительно вещества, на которомъ писали въ древней Руси. Вмѣсто былого пергамента уже появляется бумага хлопчатая и тряпичная. Въ самомъ письмѣ преобладаетъ полуустав.

Такъ какъ у Симеона Гордаго умерли всѣ сыновья, то онъ завѣщалъ свое достояніе и удѣлъ женѣ—Маріи, которая однако еще при жизни передала свои волости младшему брату мужа: великому князю Іоанну. Іоаннъ Іоанновичъ послѣ шестилѣтняго княженія въ Москвѣ умеръ въ 1359 г. тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ сыновей и племянника Владиміра Андреевича. Умирая онъ передалъ Коломенско-Можайскій удѣлъ Симеона старшему сыну Дмитрію съ половиной своихъ владѣній и самаго города Москвы. Младшій—Іоаннъ получилъ прежній удѣлъ отца—Звенигородскій. Но онъ скоро умеръ и тогда Дмитрій соединилъ въ своихъ рукахъ области брата и его часть Москвы изъ второй ея половины, причемъ другая часть послѣдней, осталась за его двоюроднымъ братомъ: княземъ Серпуховскимъ — Владиміромъ Андреевичемъ. Московскому великому князю

уже неоспоримо принадлежалъ теперь, потерявшій свое самостоятельное значенье и недавнюю силу, стольный городъ Владиміръ—на Клязьмѣ.

Конецъ II-го выпуска III-ей части.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глава I.

Общее состояніе Руси въ началѣ XIII столѣтія. Раздробленіе ея на области и наслѣдственные удѣлы при усиленіи вѣчевыхъ городовъ. Новгородъ, Псковъ и Михаилъ Черниговскій. Борьба Даніила Романовича съ венграми и черниговцами за Галичъ. Ярославъ Всеволодовичъ Новгородскій, великій князь Кіевскій. Порабощеніе Пруссіи тевтонскимъ орденомъ. 1

Картины: 1) Поруганіе галичанами измѣнника Судислава. 2) Юный Василько шутя обнажаетъ мечъ.

Глава II.

Татарскія завоеванія при нашествіи хана Батыя черезъ рязанскую землю въ Ростово-Суздальскій край. Разгромъ Владиміра на Клязьмѣ и гибель въ битвѣ съ татарами на рѣчкѣ Сити великаго князя Юрія I Всеволодовича. Уходъ Батыя изъ-подъ Козельска въ половецкія степи. Заслуги великаго князя Ярослава Всеволодовича въ его столицѣ Владимірѣ и въ окрестныхъ земляхъ. Успѣхи на западѣ его оружія. 13

Картины: 3) Степная орда въ пути. 4) Добровольная гибель вдовы Рязанскаго князя Юрія. 5) Татарскія полчища съ плѣннымъ княземъ Владиміромъ у Золотыхъ воротъ. 6) Гибель вел. кн. семьи съ еписк. Митрофаномъ въ Успенскомъ соборѣ. 7) а) Смерть благороднаго князя Ростовскаго въ плѣну у татаръ. 7) б) Ростовскій епископъ Кириллъ надъ обезглавленнымъ тѣломъ вел. кн. Юрія II.

Глава III.

Возстановленіе въ Галичѣ Даніиломъ Романовичемъ своихъ наслѣдственныхъ правъ. Батый на югѣ Россіи и новое, грозное его появленіе на русскомъ сѣверѣ. Мужественное сопротивленіе татарамъ въ Кіевѣ и взятіе его полками Батыя, затѣмъ предавшими разрушенію Десятинную церковь и Кіево-Печерскую Лавру. Опустошеніе татарами Галицко-волынскихъ княжествъ и дальнѣйшій побѣдонос-

Стран.

ный походъ Батыя за Карпатскія горы, въ Венгрію. Дѣла въ Золотой Азіатской ордѣ татаръ. Благотворная дѣятельность князя Даніила въ Галиціи и побѣда его надъ венграми. Городъ Холмъ. 24

Картины: 8) Даніилъ Романовичъ подъ стѣнами Галича. 9) Татарская орда въ виду Кіева на Днѣпрѣ. 10) Разрушенье татарами Десятинной церкви (двѣ картины). 11) Татарскій обычай проводить чужестранцевъ между двумя огнями къ юртѣ верховнаго хана.

Глава IV.

Сарайская орда на Волгѣ. Князь Александръ Ярославичъ Невскій. Его блестящія побѣды надъ шведами и ливонскими рыцарями. Отраженіе имъ Литвы отъ русскихъ предѣловъ. Униженія чужестранныхъ пословъ и русскихъ князей въ татарской ордѣ. Смерть Великаго Князя Ярослава Всеволодовича на берегахъ Амура и мученичество въ станѣ Батыя за христіанскую вѣру князя Михаила Черниговскаго съ бояриномъ его Ѳеодоромъ. Гордый князь Даніилъ галицкій передъ Батыемъ. Благоволеніе къ нему татарскаго хана 38

Картины: 12) Битва Александра со шведами на берегу Невы. 13) Видѣніе Пелусгія передъ Невской битвой. 14) Ледовое побоище. 15) Возвращеніе побѣдителя Александра въ Новгородъ. 16) а) Образъ жизни Батыя. 16) б) Кончина вел. кн. Ярослава Всеволодовича на берегахъ Амура. 17) а) Мученическая кончина князя Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора въ ордѣ Батыя. 17) б) Св. мученики за вѣру Христову: Михаилъ и Ѳеодоръ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глава V.

Бытъ, обычаи и образъ жизни татаръ въ Золотой ордѣ. Попытка римскаго папы склонить князя Даніила къ принятію католичества. Даніилъ—король галицкій. Посольство къ Батыю отъ французскаго короля Людовика IX. Возвышеніе Москвы въ XIII вѣкѣ. Призывъ Александра Невскаго въ станъ Батыя и благоразумное его смиреніе передъ татарской властью. Полученіе отъ хана ярлыка на велико-княженіе владимірское его братомъ Андреемъ. Молодой ханъ Сартакъ и водвореніе во Владимірѣ Александра. Возмущеніе новгородцевъ противъ татарскихъ баскаковъ. Смерть Батыя и умерщвленіе Сартака дядей его Беркаемъ. Изгнаніе жадныхъ откупщиковъ татарской дани изъ суздальскихъ городовъ и поѣздка въ орду великаго князя Александра съ братьями для умилостивленія хана. Беркай принимаетъ магометанство. 50

Картины: 18) Папскій легатъ совершаетъ надъ Даніиломъ обрядъ вѣнчанія королевскаго. 19) Вел. кн. Святославъ Всеволодовичъ изгнанный изъ Владиміра Михаиломъ. 20) Бесермены обирающіе русскій народъ.

Стран.

Глава VI.

Успѣшныя войны отважныхъ братьевъ Романовичей съ ятвягами и Литвою. Усиленіе Литвы и присоединеніе къ ней полоцкаго удѣла. Миндовгъ и его сношенія съ Римомъ. Воишелкъ—сынъ Миндовга. Напрасныя попытки со стороны Даніила свергнуть татарское иго—и нашествіе Бурундая на юго-западныя владѣнья Руси. Разрывъ Даніила съ папой. Смерть Александра Невскаго на обратномъ пути отъ хана Беркая. Чудо при погребеніи его тѣла. Значеніе этого князя для будущности Россіи. Отношеніе татарскихъ хановъ къ завоеваннымъ ими европейскимъ землямъ. Отдѣленіе отъ Сарайской орды, между Днѣпромъ и Дономъ, хана Ногая. Смерть Беркая среди войнъ въ Грузіи. Послѣдняя императорская династія въ Византіи: Михаила Палеолога. . . . 68

Картины: 21) Встрѣча въ дремучемъ лѣсу съ ятвягами русско-польской рати. 22) Стычка кн. Льва Даниловича съ литовскимъ вождемъ—Станикитомъ. 23) Дикое торжество Литвы послѣ побѣды надъ мечеиосцами. 24) Встрѣча кн. Василько благодарными ему князьями. 25) Кн. Александръ Невскій на обратномъ пути изъ орды Беркая принимаетъ схиму, чувствуя приближеніе смерти. 26) Чудо при погребеніи Александра Невскаго. 27) Изображеніе кн. Александра Невскаго.

Глава VII.

Ярославъ Ярославичъ Тверской—на столѣ владимірскомъ и вторичный призывъ его новгородцами. Убіеніе Миндовга. Монахъ Воишелкъ и великій князь литовскій. Оскорбленный Миндовгомъ доблестный князь Девмонтъ становится княземъ въ Псковѣ и поражаетъ Литву во главѣ новгородскаго и псковскаго войска. Юрій Андреевичъ—намѣстникъ Ярослава тверского въ Новгородѣ. Война соединенныхъ русскихъ князей съ Эстоніей и датчанами. Вѣроломство ливонскихъ рыцарей и побѣда русскихъ полковъ надъ ними подъ Роковоромъ. Безуспѣшная осада нѣмцами Пскова. Смерть Даніила галицкаго и оцѣнка личности этого князя. Любовь Воишелка къ Шварну Даниловичу и передача имъ этому князю—своему зятю, литовскаго престола. Зависть князя Льва къ брату и убійство имъ Воишелка. Смерть Шварна и Василько Романовича. Основаніе Львова. Преданность хана Менгу-Темира магометанству и смерть великаго князя Ярослава Ярославича тверского на обратномъ пути его изъ орды. Князь Федоръ Ярославичъ Черный и выдѣленіе въ землѣ суздальской новаго—Ярославскаго удѣла. Женитьба Федора на дочери хана и благоволеніе къ нему Менгу-Темира. Принятіе Федоромъ передъ смертью схимы. Великій князь Василій I костромской. Церковный соборъ во Владимірѣ по призыву митрополита Кирилла. Новая война съ литовцами русскихъ князей: Льва Даниловича и Влади-

Стран.

міра Васильковича при поддержкѣ ихъ войскъ татарами. Зло, причиняемое русскимъ князьямъ призывомъ ими татарской помощи противъ своихъ враговъ. Смерть великаго князя Василія Ярославича въ 1276 г. 81

Картины: 28) Вел. кн. Ярославъ Ярославичъ и сборъ дани на Руси для татарскаго хана. 29) Псковская стража на литовской границѣ. 30) Побѣда русскихъ палъ нѣмецкими рыцарями подъ Роковомъ. 31) Передъ битвой. 32) Убійство кн. Львомъ Даниловичемъ инока Вошелка. 33) Звѣрское убійство татарами рязанскаго князя Романа. 34) Набѣгъ татарскій на прикавказскихъ яссовъ. 35) Вел. князь Василій Ярославичъ и церковный соборъ имъ созванный во Владимірѣ. 36) Польскіе воины.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава VIII.

Сынъ Александра Невскаго—Андрей. Изгнаніе имъ при помощи татарскихъ войскъ старшаго брата: Дмитрія переяславскаго изъ Владиміра и Новгорода. Возстановленіе правъ послѣдняго ханомъ южной татарской орды—Ногаемъ. Область чернигово-сѣверская. Жалоба Андрея на Дмитрія и клевета на него въ союзѣ съ другими князьями сарайскому хану, брату Ногая: Тохтѣ. Новое нашествіе татарскихъ войскъ на ростово-суздальскій край для провозглашенія Андрея великимъ княземъ. Неудачные походы Ногая съ Телебугой въ Венгрію и насильственное вовлеченіе въ нихъ татарами русскихъ галицко-волынскихъ князей въ 1282 и 1287 г. Благотворное управленіе Волынью и неизлѣчимая болѣзнь благочестиваго князя Владиміра Васильковича. Смерть Владиміра Васильковича и назначеніе имъ въ преемники себѣ князя Мстислава Даниловича. Поддержка нѣмцевъ. Мирное управленіе и смерть Льва Даниловича въ 1301 г. Новая успѣшная война со шведами Новгорода при помощи вел. кн. Андрея Александровича. Нападеніе меченосцевъ на Псковъ въ 1299 г. и отраженіе ихъ престарѣлымъ княземъ Девмонтомъ. Торговыя выгоды мѣстоположенія Москвы и ея быстрое процвѣтаніе. Соединеніе великокняжескаго престола съ княженіемъ въ Новгородѣ. 104

Картины: 37) Изображеніе кн. Девмонта. 38) Кн. переяславскій Дмитрій Александровичъ гонимый братомъ Андреемъ, призвавшимъ къ себѣ на помощь татаръ. 39) Недостойный сынъ Александра Невскаго Андрей среди своихъ татарскихъ союзниковъ.

Глава IX.

Переходъ порядка наслѣдованья княжескихъ волостей по очереди старшинства, въ личную собственность того или инаго князя и завѣщаніемъ ее по усмотрѣнію самаго владѣтеля. Географическія и бытовыя особенности верхне-волж-

Стран.

ской Руси въ ея отличіе отъ приднѣпровской, кіевской. Дробленіе областей на особые мелкіе, многочисленные удѣлы. Союзъ Михаила Тверскаго съ Иваномъ Дмитріевичемъ переяславскимъ и Даніиломъ Московскимъ, противъ вел. кн. Андрея. Завѣщаніе Иваномъ Дмитріевичемъ своей волости Даніилу. Даніилъ Александровичъ: первый могущественный московскій князь и собиратель русскихъ земель вокругъ Москвы. Смерть Андрея и начало борьбы Москвы съ Тверью за первенство, при взаимныхъ притязаніяхъ этихъ князей на владимірскій столъ. Перенесеніе митрополитомъ Максимомъ митропольничей каѳедры изъ разореннаго, опустѣвшаго Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ. Смерть галицкаго короля Льва Даниловича и переходъ его княженія въ руки его сына Юрія Львовича. Упадокъ Владиміра, какъ столицы русской земли. Значеніе Твери при кн. Всеволодѣ III. Пораженіе Иваномъ Даниловичемъ тверской рати подъ Переяславлемъ. Перевѣсъ Михаила въ ордѣ и полученіе имъ ярлыка на великокняженіе. Преемникъ митрополита Максима Петръ и его пребываніе во Владимірѣ вмѣсто Кіева, по примѣру Максима. 126

Глава X.

Непріязненное отношеніе новгородцевъ къ Вел. Кн. Михаилу Тверскому. Объединеніе татарской орды послѣ смерти Тохты подъ властью молодаго хана Узбека. Водвореніе въ Новгородѣ московскимъ княземъ—Юріемъ Даниловичемъ своего брата Аѳанасія и битва новгородцевъ съ полками Михаила вблизи Торжка. Женитьба Юрія Даниловича въ ордѣ на сестрѣ хана Узбека. Бѣдствіе тверичанъ при отступленіи ихъ отъ Новгорода къ Твери. Побѣда Михаила надъ Юріемъ Даниловичемъ подъ Тверью съ плѣненьемъ его жены и татарскаго воеводы Кавгадыя. Месть ему Юрія съ Кавгадыемъ въ ордѣ и призывъ Михаила для суда надъ нимъ хана Узбека. Мученичество и смерть въ ордѣ князя Тверскаго по проискамъ князя московскаго. Жестокосердіе Михаила и супруга убитаго Михаила: Анна Кашинская. Покорность Юрію рязанскаго князя и его война за Новгородъ со шведами. Усмиреніе имъ устюжанъ и литовцевъ. Восемнадцатилѣтній миръ Пскова съ ливонскимъ орденомъ. Убіеніе въ ордѣ князя Юрія Дмитріемъ Михайловичемъ Грозныя Очи въ отомщеніе за смерть отца. Дарованіе Узбекомъ ярлыка на великое княженіе князю Александру Михайловичу тверскому. Князья и судьба различныхъ мелкихъ удѣловъ русской земли. Іоаннъ Даниловичъ—князь Московскій. Избіенье въ Твери ордынскихъ пословъ и возстановленіе Іоанномъ Даниловичемъ хана Узбека противъ тверскаго князя, бѣжавшаго въ Псковъ послѣ разграбленія татарскимъ

Стран.

войскомъ тверской земли для наказанія тверичанъ. Дружба Іоанна Даниловича, по прозванію Калита, съ митрополитомъ Петромъ и переѣздъ послѣдняго на житье въ Москву. Смерть и погребеніе митрополита Петра въ Москвѣ. Казнь Узбекомъ рязанскаго князя и требованье изъ Пскова на судъ къ себѣ Александра Михаиловича, спасшагося въ Москву. 141

Картины: 40) Князь Михаилъ тверской кормитъ обѣдомъ нищихъ. 41) Князь Михаилъ тверской оклеветанный въ ордѣ княземъ Юріемъ московскимъ передъ ханомъ Узбекомъ. 42) Приготовленья князя Михаила тверскаго къ смерти въ ордѣ. 43) Погребеніе замученнаго въ ордѣ местью Юрія и Кавгадыя князя Михаила тверскаго. 44) Мщеніе тверскаго князя Дмитрія Юрію за смерть отца. 45) Возстаніе тверичанъ противъ Шавкала. 46) Князь Александръ Михаиловичъ тверской и разореніе Твери татарами. 47) Митрополитъ Петръ благословляетъ Іоанна Калиту.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глава XI.

Объединенье литовско-русскихъ земель подъ властью Гедимина. Расширенье предѣловъ Литвы во время его княженья и быстрый ростъ ея мощи. Брачные союзы Гедимина и его сыновей съ православными русскими княжнами. Вліяніе ихъ на вѣротерпимость въ языческой Литвѣ къ христіанскому богослуженію и безуспѣшное стараніе папы склонить къ католичеству Гедимина. Возмущеніе сосѣднихъ съ Литвою, уже ослабѣвшихъ русскихъ князей противъ властолюбія Гедимина и захватомъ имъ ихъ земель. Пораженіе русскихъ полковъ на берегахъ рѣки Иртени и признаніе Кіевомъ своего подданства великому князю литовскому въ 1321 г. Послѣдніе короли Галиціи. Гедиминъ—собиратель земель на западѣ вокругъ Литвы и однородность его стремленій со стремленіями Ивана Калиты на востокѣ. Вильна—столица Литвы и мѣсто языческаго святилища съ пребываніемъ тамъ Криве-кривейто. Ненависть языческихъ жрецовъ къ христіанству. Благоразумное управленіе Гедимина. Насилія надъ литовцами ливонскихъ рыцарей и добровольная гибель литовскаго князька—Маргера при осадѣ нѣмцами его замка, съ нѣсколькими тысячами, себя умертвившихъ литовцевъ. Смерть Гедимина отъ ружейной пули во время осады имъ рыцарскихъ замковъ. Вольдемаръ Локетокъ—король польскій и переемникъ его Казиміръ III Великій. Захватъ Казиміромъ столицы Галиціи: Львова и еще много другихъ городовъ въ землѣ галицкой и волынской. Ольгердъ и Кейстутъ—сыновья Гедимина отъ русской княжны; и крещеніе сына Ольгерда: Витольда, въ Псковѣ. Столкновеніе ихъ изъ-за Галиціи и Волыни съ королемъ польскимъ, за собой удер-

Стран.

жавшимъ, по мирному договору съ ними одинъ только городъ—Львовъ. 163

Картина: 48) Страшное самоизбіенье литовцевъ въ виду нѣмецкаго плѣна.

Глава XII.

Возвращеніе въ Псковъ князя Тверскаго Александра Михайловича и умилостивленіе имъ хана Узбека. Новыя козни противъ него въ ордѣ Ивана Даниловича, добившагося отъ хана заочнаго смертнаго приговора тверскому князю. Грозный призывъ Александра Михайловича въ орду и мужественная встрѣча имъ тамъ вмѣстѣ съ сыномъ незаслуженной ими смерти. Полное торжество надъ Тверью московскаго князя и безпрекословная ему покорность преемника Александра: брата его Константина. Плодотворная дѣятельность Іоанна: Великаго князя всея Руси, въ московской области. Постройка имъ въ Москвѣ новыхъ храмовъ и процвѣтанье ея торговли. Духовное завѣщаніе Іоанна Калиты. Окончательное присоединеніе Галиціи къ польскому королевству. Уступка Іоанномъ литовскимъ князьямъ по мирному договору съ Литвою,—Бреста, Холма, Луцка и Владиміра-Волынска, въ 1345 г. Смерть хана Узбека. Земельныя покупки и оборотливость Іоанна Калиты. Выгодные для него браки его дѣтей. Дани съ Новгорода. Неудачная попытка шведовъ отнять Выборгъ у новгородцевъ и заключеніе міра съ Іоанномъ шведскимъ королемъ Магнусомъ. Усмиреніе воеводой татарскимъ — Тавлубіемъ возмущенья Смоленска противъ татарской власти. Правосудіе и милосердіе къ нищимъ Іоанна Калиты. Путевыя записки арабскаго путешественника: Ибнъ-Батута. 176

Картины: 49) Безвинная смерть въ ордѣ князя тверскаго съ сыномъ. 50) Іоаннъ Калита раздаетъ милостыню. 51) Ѣзда на собакахъ.

Глава XIII.

Сарайскій ханъ Джанибекъ. Господинъ великій князь: Симеонъ Іоанновичъ Гордый. Покорность Новгорода. Миръ съ Ольгердомъ. Смоленское княжество и рязанскія дѣла. Ольгердъ—великій князь литовскій и его войны съ нѣмецкими рыцарями. Князь Кейстутъ Гедиминовичъ. Совмѣстныя дѣйствія Новгорода и Пскова. Возстаніе Эстоніи противъ своихъ поработителей и безпощадное уничтоженіе нѣмцами ея жителей огнемъ и мечомъ. Умерщвленіе новгородцами въ угоду Ольгерду, посадника своего—Евстаѳія и побѣда ихъ надъ шведскимъ королемъ Магнусомъ на берегахъ Ижоры. Гибель шведскаго войска въ морѣ во время бури и миръ со

Стран.

шествами Новгорода въ Дерптѣ. Козни князя московскаго въ Татарской ордѣ противъ Ольгерда, овладѣвшаго кіево-полоцкой украйной. Гоненіе литовскихъ жрецовъ противъ христіанъ въ Литвѣ. Св. мученики Іоаннъ и Антоній. Изгнаніе литовцами поляковъ изъ Волыни при поддержкѣ князя московскаго. Прощеніе Симеономъ смоленскаго князя, благодаря посредничеству Ольгерда и его смерть отъ повальной чумы въ Москвѣ. Архіепископъ новгородскій Василій въ Псковѣ во время чумной заразы. Муромскій князь Юрій Ярославичъ. Процвѣтаніе въ Москвѣ искусства при Симеонѣ Гордомъ и основаніе подъ Москвой Троицко-Сергіевской Лавры. 191

Картины: 52) Нѣмецкіе рейзы на литовскую землю изъ рыцарскихъ замковъ. 53) Литовскіе мученики за православіе: Іоаннъ и Антоній. 54) Симеонъ Гордый разсматриваетъ иконописныя работы русскихъ мастеровъ.

Глава XIV.

Заключительная.

Развитіе и значеніе монашества на Руси. Духовныя и житейскія его причины. Подвижникъ Варѳоломей, въ монашествѣ Сергій и постройка имъ деревянной церкви во имя Пресв. Троицы на мѣстѣ нынѣшняго Троицко-Сергіевскаго монастыря. Его суровый отшельническій образъ жизни въ неутомимыхъ трудахъ. Митрополитъ Алексій — преемникъ, умершаго Феогноста. Великій князь Іоаннъ Іоанновичъ. Безчинство рязанскихъ князей и захватъ Олегомъ Серпуховскаго удѣла при слабой власти его княженія. Соперничество въ Твери между дядею и племянникомъ. Неудовольствіе князя Андрея полоцкаго на псковитянъ. Постановленіе на Руси Константинопольскимъ патріархомъ втораго митрополита: литовскаго и волынскаго грека Романова. Исцѣленіе митрополитомъ Алексѣемъ въ ордѣ ханши Тайдулы. Маленькій сынъ великаго князя Іоанна II—Дмитрій. Образованье молдавскаго государства на юго-западѣ. Смерть вел. кн. и вскорѣ послѣ втораго сына его: Іоанна. Соединеніе московской области въ однихъ рукахъ малолѣтняго князя — Дмитрія. 211

Картины: 55) Братья Стефанъ и Варѳоломей себѣ строятъ келью и закладываютъ при ней церковь. 56) Подвижникъ Сергій и его ручной медвѣдь. 57) Игуменъ Сергій за работой въ основанной имъ обители. 58) Митрополитъ Алексѣй исцѣляетъ ханшу Тайдулу. 59) Встрѣча митрополита Алексія вел. кн. Іоанномъ Іоанновичемъ съ женою и сыномъ.

Duke University Libraries
D03876844/